

SÂMAVEDA-

ÂRANYAKA-SAMHITÂ

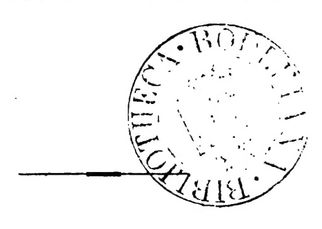
ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ФИЛИППА ФОРТУНАТОВА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Москва, 1875 г.

Типографія И. И. Родзевича. Тверской бул., д. Лазарика.

ВВЕДЕНІЕ.

Гимны и священныя изреченія Ведъ переданы въ четырехъ сборникахъ, которые носятъ слѣдующія названія: ṛgveda, [1]) Sâmaveda, Yaǵurveda (въ двухъ текстахъ) и Atharvaveda (иначе Brahmaveda). Къ каждому изъ этихъ названій прибавляется слово saṁhitâ „собраніе", для того чтобы отличить основную часть Ведъ, мантры (ед. ч. mantra), т. е. стихи и священныя изреченія, отъ позднѣйшей богословско-спекулятивной и ритуальной литературы (ед. ч. brâhmaṇa), основанной на мантрахъ и соединяющейся вмѣстѣ съ санhитами подъ общимъ названіемъ Veda (собств. „знаніе, вѣдѣніе"). Каждая изъ четырехъ названныхъ выше Ведъ имѣетъ свои brâhmaṇa, которыя должны быть, однако, строго отдѣляемы отъ санhиты, какъ созданія двухъ совершенно различныхъ эпохъ. Когда мы говоримъ о Ведахъ вообще или о Ригведѣ, Самаведѣ и т. д. въ частности, то разумѣемъ обыкновенно именно санhиты Ведъ, а не ту ученую или ритуальную литературу, которая примыкаетъ къ нимъ какъ обширный комментарій,—канонизированный впослѣдствіи,—къ самому тексту [2]). Третью ступень въ развитіи ведійской литературы составляютъ сутры (ед. ч. sûtra), основывающіяся главнымъ образомъ на brâhmana и передающія въ сжатомъ стилѣ (въ противоположность съ растянутымъ способомъ изложенія въ brâhmaṇa) все, что имѣетъ отношеніе къ ритуалу, построенному на Ведахъ, или къ правиламъ благочестивой жизни и т. д.

Atharvaveda, или Brahmaveda, есть самая молодая изъ четырехъ Ведъ и никогда не пользовалась въ Индіи тѣмъ значеніемъ, какое имѣютъ три другія Веды. Главное содержаніе Атhарваведы состав-

---

[1]) По отсутствію необходимаго шрифта, я долженъ употреблять иногда малыя буквы вмѣсто большихъ.

[2]) Мантры и браhманы носятъ названіе «çruti», собств. «слушаніе», т. е. то, что слушаемо бываетъ. Такимъ образомъ çruti совпадало съ божественнымъ откровеніемъ (но самое слово не обозначало этого) и противополагалось smṛti «памятованію» (т. е. тому, что сохраняется по преданію), куда принадлежатъ, напр., законы Ману.

ляютъ заклинанія и заговоры (brahman и bheshaǵa), откуда объясняется и самое названіе ея: Brahmaveda, хотя позднѣе это слово толковалось иначе и приводилось въ связь съ brahman, названіемъ того жреца, который долженъ наблюдать за правильнымъ совершеніемъ жертвоприношенія. Другое, болѣе распространенное названіе этой Веды: Atharvaveda приводитъ ее, для приданія бо̀льшаго авторитета, въ близкое отношеніе къ священному роду Атharвановъ, рядомъ съ которымъ назывались также и Ангирасы, вслѣдствіе чего мантры Атharваведы носили, между прочимъ, имя: Atharvâṅgirasas.

Атharваведа состоитъ не только изъ метрическихъ частей, но также и изъ прозаическихъ; [3]) послѣднія, очевидно, болѣе новаго происхожденія, сравнительно съ первыми, и по характеру языка своего приближаются къ brâhmaṇa. Что касается стиховъ Атharваведы, то нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются также и въ другихъ Ведахъ, преимущественно въ десятой книгѣ Ригведы (прибавленной позднѣе къ первымъ девяти), но въ такомъ случаѣ они не рѣдко являются въ Атharваведѣ въ формѣ подновленной или даже искаженной. какъ и вообще текстъ этой Веды переданъ намъ со множествомъ ошибокъ, [4]) что было слѣдствіемъ сравнительно поздняго составленія сборника или, по крайней мѣрѣ, поздняго его канонизированія. Мы не должны думать, однако, чтобы всѣ мантры Атharваведы уступали по времени своего происхожденія старымъ гимнамъ Ригведы. Нѣкоторые изъ заговоровъ, помѣщенныхъ въ Атharваведѣ, могутъ быть очень древними, но, составляя принадлежность домашняго обихода и не имѣя прямаго отношенія къ богопочитанію, эти заклинанія долѣе оставались не собранными и давали, слѣдовательно, все бо̀льшій и бо̀льшій просторъ искаженіямъ и подновленіямъ языка, которыя, понятно, должны были явиться потомъ и въ текстѣ записанномъ.

Что касается трехъ первыхъ Ведъ, соединяемыхъ часто подъ общимъ названіемъ trayî vidyâ („тройное знаніе“), то наименьшую древность должны мы признать за Яджурведой, хотя индійская традиція, перечисляя Веды, называетъ обыкновенно Яджурведу непосредственно за Ригведою. Мнѣніе о болѣе позднемъ происхожденіи Яджурведы, сравнительно съ Самаведою, можетъ опираться, [5]) напр.,

---

[3]) Атharваведа дѣлится на 20 книгъ. См. Atharvaveda—sanhita, herausgegeben von R. Roth und W. D. Whitney. Berlin. 1856.

[4]) Срав. разсужденіе Рота Ueber den Atharva-Veda. Tübingen. 1856.

[5]) Срав. Whitney'a Oriental and linguistic Studies, стр. 16.

на слѣдующій стихъ изъ этой послѣдней (I, 4, 2, 3, 10): ṛcañ sâma yacâmahe yâbhyâṃ karmâṇi kṛṇvate, vi te sadasi râǵato yaǵñaṃ deveshu vakshataḥ, т. е. „мы почитаемъ стихъ ṛc и стихъ sâman, пособіемъ которыхъ совершаются жертвоприношенія; оба они властвуютъ у алтаря, оба да ведутъ къ богамъ жертву,“ [6]) Мы видимъ, что yaǵus (жертвенная формула, жертвенное изреченіе) здѣсь вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ стихи—ṛc и пѣсни—sâman являются уже принадлежностью жертвоприношенія. Ригведа часто говоритъ о пѣснопѣніяхъ sâman (рядомъ съ ṛc напр. въ ст. 5, 44, 14), а слово yaǵus въ значеніи жертвенной формулы встрѣчается здѣсь лишь въ позднемъ гимнѣ 10, 90. Но болѣе новое происхожденіе Яджурведы указывается, помимо того, самымъ содержаніемъ этого сборника. Яджурведа получила названіе отъ жертвенныхъ формулъ (yaǵus), которыя обязаны своимъ существованіемъ сильному развитію религіозной обрядности. Происхожденіе этихъ формулъ относится не къ эпохѣ созданія древнихъ гимновъ, но къ болѣе позднему времени, когда ритуалъ сталъ получать все большее и большее значеніе въ богопочитаніи и когда сословіе жрецовъ (уже выдѣлившееся) поставило себѣ задачею регулировать религіозную обрядность и развить ее до мелочей. Такимъ образомъ назначеніе Яджурведы исключительно литургическое; отдѣльныя жертвенныя изреченія часто не имѣютъ внутренней связи между собою, и эта связь можетъ быть понята лишь по отношенію къ ритуалу, съ которымъ мы знакомимся изъ комментарія къ тексту, а равно изъ браhманъ и сутръ. Яджурведа, отличающаяся обиліемъ школъ, [7]) передана въ двухъ текстахъ, которые разнятся одинъ отъ другаго главнымъ образомъ не содержаніемъ, но расположеніемъ матеріала. Одинъ изъ этихъ текстовъ называется Бѣлою Яджурведою, а другой Черною; санhита перваго носитъ имя: Vâǵasaneyi-saṃhitâ, [8]) а санhита втораго: Taittirîya-saṃhitâ. [9]) Что касается

---

[6]) Срав. въ Атhарваведѣ 7, 54, 1, гдѣ, между прочимъ, вмѣсто vakshataḥ читается yacchataḥ, т. е. «оба они доставляютъ (изъявит. накл.) къ богамъ жертву». Въ стихѣ, который слѣдуетъ за этимъ, упоминается и yaǵus.

[7]) Это обстоятельство вполнѣ понятно, такъ какъ жертвенный ритуалъ въ его подробностяхъ было не вездѣ одинъ и тотъ же.

[8]) См. The Vâǵasaneyi—sanhitâ, edited by A. Weber. Berlin. 1852.

[9]) См. Indische Studien, томы XI и XII, (1871 и 1872 гг.): Die Taittirîya—saṃhitâ, herausgegeben von A. Weber. Текстъ изданъ здѣсь въ транскрипціи. Часть этой санhиты, вмѣстѣ съ комментаріемъ, была издана уже прежде въ Калькуттѣ въ Bibliotheca Indica (деванагарскій шрифтъ).

словъ vâǵasaneyin (или vâǵasaneya) и taittirîya, то въ нихъ должно видѣть patronymica, обозначающія извѣстныя школы; названія же „Бѣлая“ и „Черная“ объясняются Веберомъ [10]) изъ расположенія матеріала: Бѣлая Яджурведа строго отдѣляетъ самыя изреченія и стихи отъ объясненія, приложеннаго къ нимъ, между тѣмъ какъ въ Черной жертвенныя формулы по бо́льшей части непосредственно сопровождаются догматическими объясненіями, указаніями на ритуалъ и т. д.

Жертвенныя формулы, или yaǵus въ собственномъ смыслѣ, составляютъ половину содержанія Яджурведы (т. е. ея санhитъ) и имѣютъ форму прозаическую, которую, впрочемъ, можно назвать иногда ритмическою прозою. Кромѣ этихъ прозаическихъ yaǵus Яджурведа заключаетъ въ себѣ также много стиховъ, ṛc, наибольшую часть которыхъ мы находимъ въ Ригведѣ; но въ Яджурведѣ каждый стихъ получаетъ значеніе жертвенной формулы и связывается съ тою или другою частью жертвеннаго обряда. Стихи, общіе Яджурведѣ съ Ригведою, представляютъ не рѣдко варіанты, число которыхъ, впрочемъ, не столь значительно, какъ при сравненіи Самаведы съ Ригведою, да и при томъ по своему второстепенному характеру они не имѣютъ для насъ того интереса, какъ эти послѣдніе. Относительно прозаическихъ yaǵus я думаю, что однѣ изъ этихъ жертвенныхъ формулъ создавались вновь по мѣрѣ развитія обрядоваго культа, другія же представляли въ основѣ своей обломки старыхъ стиховъ (ṛc), пріуроченные къ той или другой части жертвеннаго обряда. Подобнымъ же образомъ объясняю я ниже составъ Стобhы (Stobha), примыкающей къ Самаведѣ.

Совершенно своеобразную теорію касательно yaǵus и ихъ отношенія къ гимнамъ высказалъ Гаугъ (Haug) въ Введеніи къ своему изданію одной изъ браhманъ Ригведы, именно Aitareya—Brâhmaṇa. [11]) По мнѣнію Гауга, жертвенныя формулы—yaǵus и тѣ краткія обращенія къ богамъ, которыя мы встрѣчаемъ въ браhманахъ и сутрахъ подъ именемъ nivid, предшествовали по времени своего созданія гимнамъ и отличаются, слѣдовательно, особенно глубокою древностью. Изъ гимновъ Гаугъ считаетъ наиболѣе древнними тѣ, которые связаны съ жертвоприношеніемъ, между тѣмъ какъ другіе,

---

[10]) Akademische Vorlesungen über indische Literaturgesch—ichte (Berlin. 1852), стр. 83 и 99.

[11]) Aitareya—Brâhmaṇam of the Rig-Veda. Edited, translated and explained by Martin Haug. Bombay. 1863. См. основательные разборы этого изданія въ Indische Studien, т. IX, стр. 177—380. Срав. также Макса Мюллера Essays, т. I, стр. 94—105.

выражающіе просто поэтическое міровоззрѣніе или прославленіе боговъ, онъ относитъ ко временамъ болѣе позднимъ. Я не могу входить здѣсь въ подробный разборъ этой теоріи, противорѣчащей общепринятому въ наукѣ мнѣнію, но долженъ замѣтить, что какихъ-нибудь убѣдительныхъ доказательствъ Гаугъ не представилъ въ пользу своего взгляда. Противъ него говоритъ уже прозаическая форма yaǵus и nivid (хотя бы мѣстами эта проза и была ритмическою), между тѣмъ какъ у народовъ индо-европейскихъ поэтическія произведенія всегда предшествовали прозаическимъ, что и бюло замѣчено противъ Гауга Максомъ Мюллеромъ. Относительно краткихъ обращеній къ богамъ, извѣстныхъ подъ именемъ nivid, должно быть принято во вниманіе и то, что сама традиція не придавала имъ особенно священнаго значенія, вслѣдствіе чего мы не имѣемъ даже отдѣльнаго текста, въ которомъ онѣ были бы собраны. Естественно предположить поэтому, что и nivid произошли, по крайней мѣрѣ, отчасти, изъ обломковъ старыхъ гимновъ, подобно yaǵus. Само собою разумѣется, что нѣкоторыя краткія обращенія къ богамъ съ мольбою принять участіе въ жертвѣ могли быть созданы въ очень древнее время, и слово uktha въ Ригведѣ я понимаю именно въ значеніи жертвеннаго изреченія, [12]) но отсюда далеко еще до той теоріи, выставляемой Гаугомъ, по которой исходнымъ пунктомъ всей устной литературы служитъ жертва и связанныя съ нею краткія изреченія, или формулы. Съ такою теоріею я не согласенъ въ принципѣ: не обрядъ и не жертва были первою ступенью въ развитіи богослуженія, но словесное богопочитаніе, гимнъ. Гимны, какъ прославленія боговъ и мольбы къ нимъ, произошли въ свою очередь изъ тѣхъ лирическихъ произведеній, которыя выражали воззрѣніе человѣка на окружавшій міръ, его удивленіе и страхъ передъ силами и явленіями природы, облекавшимися въ тотъ или другой осязательный образъ, и мольбы обращенныя къ этой видимой природѣ, а не къ богамъ, которые еще не существовали. Такимъ образомъ жертвенные гимны и жертвенныя формулы должны были имѣть передъ собою длинный рядъ гимновъ совершенно инаго характера, и самая жертва, у народовъ индо-европейскихъ, по крайней мѣрѣ, [13]) явилась послѣ славословія

[12]) Мы не знаемъ, однако, на сколько совпадали эти uktha съ позднѣйшими yaǵus. Срав. объ uktha сказанное мною ниже.

[13]) Я намѣренно ограничиваю свое положеніе индоевропейскими народами, такъ какъ не могу входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса по отношенію къ другимъ народностямъ.

и молитвы. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ факты, представляемые языкомъ. Въ эпоху совмѣстной жизни индо-европейское племя, вѣроятно, не знало еще жертвы, [14]) хотя устная поэзія, несомнѣнно, существовала (какъ это доказывается сравнительной миѳологіей), и вотъ позднѣе, когда отдѣльные индо-европейскіе народы получили надобность въ новомъ словѣ для выраженія новаго понятія, они обратились или къ словамъ, выражавшимъ „дѣйствіе“ (жертвоприношеніе какъ священное дѣйствіе, или дѣйствіе κατ' ἐξοχήν), или къ тѣмъ, первоначальное значеніе которыхъ было „закалыванье“, „возліяніе“ и т. д. (смотря по роду жертвы), или же къ другимъ, уже употреблявшимся въ значеніи богопочитанія, и при томъ именно словеснаго, такъ какъ лишь этотъ видъ богослуженія былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ. Однимъ изъ убѣдительныхъ примѣровъ можетъ служить сскр уаǵńа, обыкновенное впослѣдствіи слово для выраженія жертвоприношенія. Въ этомъ же значеніи употребляется уаǵńа и въ Ведахъ, но, кромѣ того, оно значитъ тамъ также „славословіе, гимнъ“. Нельзя думать, конечно, что значеніе „славословіе„ произошло изъ значенія „жертвоприношеніе“, ибо въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему позднѣйшій языкъ удержалъ лишь послѣднее изъ этихъ значеній и совершенно утратилъ первое. Корень, лежащій въ уаǵńа, есть yag „чтить“, откуда сскр. глаголъ уаǵ и греческ. ἅζομαι, ἅγιος. Можно предположить поэтому, что уаǵńа сохраняетъ въ Ведахъ общее значеніе: „богопочитаніе“, точно такъ же какъ и глаголъ уаǵ, позднѣе „приносить жертву“, здѣсь значитъ еще вообще „чтить боговъ“ какъ гимнами, такъ и жертвою. Совершенно то же находимъ мы и въ языкѣ Авесты, гдѣ yaz (=сскр. уаǵ) выражаетъ „чтить боговъ“ славословіемъ или жертвою, а уаçna (откуда и названіе одной изъ частей Авесты), подобно уаǵńа въ Ведахъ, удерживаетъ оба значенія: „славословіе“ и „жертвоприношеніе„. Итакъ, несомнѣнно, что жертвоприношеніе было извѣстно уже въ ту эпоху, когда племена индійскія составляли одно цѣлое съ племенами эранскими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно видно, что какъ въ этомъ періодѣ, такъ и позднѣе, по раздѣленіи индо-эранскаго народа, въ значеніи „приносить жертву“, „жертва“ употреблялись слова, примѣнявшіяся также къ гимнамъ, или славословіямъ. Очевидно, что этотъ фактъ, добытый изъ языка, никакъ не можетъ служить осно-

[14]) По крайней мѣрѣ, не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ объ этомъ. Срав. Фика Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas, стр. 276.

ваніемъ для теоріи Гауга. Гораздо скорѣе можемъ мы согласовать его съ нашимъ взглядомъ, по которому жертва явилась позже молитвословія. Коль скоро извѣстное слово употребляется въ двухъ значеніяхъ, изъ которыхъ одно все больше и больше уступаетъ другому и, накопецъ, исчезаетъ совсѣмъ, мы, руководясь общимъ правиломъ, судимъ такъ, что это исчезнувшее значеніе было болѣе древнимъ, сравнительно съ тѣмъ, которое его вытѣснило. Такимъ образомъ надо полагать, что и слова yaǵ, yaǵńa (др. бактрійск. yaz, yaçna) выражали сначала богопочитаніе, проявлявшееся въ произнесеніи гимновъ, а затѣмъ, удерживая этотъ смыслъ, онѣ стали примѣняться и къ тому религіозному дѣйствію, которое соединялось съ славословіемъ и молитвой; наконецъ, съ теченіемъ времени, это религіозное дѣйствіе, т. е. жертвоприношеніе, пріобрѣло такую важность, что гимны и молитвы представлялись лишь сопровождавшими его и, слѣдовательно, второстепенными въ томъ, для обозначенія чего существовали слова yaǵ и yaǵńa.

Другой примѣръ, показывающій развитіе жертвы изъ гимна, или славословія, я беру изъ языковъ литовско-славянскихъ. Въ настоящее время вопросъ о степеняхъ родства между отдѣльными индоевропейскими языками представляется особенно запутаннымъ, но вполнѣ вѣрнымъ можно считать такое же близкое отношеніе другъ къ другу языковъ литовско-славянскихъ, какъ и арійскихъ (т. е. индо-эранскихъ). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что старославянск. *жрьти* (или *жърьти, жрѣти*), т. т. общеславянск. жірти (*и* выражаетъ звукъ долгій), получило свое значеніе уже по отдѣленіи славянскихъ языковъ отъ литовскихъ, ибо литовск. girti (прусск. girtwei) значитъ „славить“, „хвалить“; корень этихъ словъ есть gar „звучать“ [15]) (срав. греч. γῆρυς, ст. слав. *глаголъ* и т. д.), и сюда же принадлежатъ сскр. и др. бактр. gar „славить“ (по санскритски gar, gṛṇâti, значитъ также „звать“). Такимъ образомъ, этимологія слова *жрьти*, давно уже выставленная, [16]) служитъ новымъ подтвержденіемъ нашей теоріи объ отношеніи жертвы къ славословію и молитвѣ.

Подобно Яджурведѣ, Самаведа имѣетъ также исключительно литургическое назначеніе, и въ этомъ отношеніи Яджурведа и Самаведа должны быть противопоставлены Ригведѣ.

---

15) Переходъ *a* въ *i*, черезъ посредство *e*, произошелъ въ gir— въ литовско-славянскую эпоху.

16) Срав. Миклошича Lexicon, подъ словомъ *жрѣти*.

Ригведа, [17]) самая обширная изъ всѣхъ Ведъ (1028 гимновъ, болѣе десяти съ половиною тысячъ стиховъ) и наиболѣе интересная для насъ, можетъ быть названа Ведой по преимуществу. Сборникъ Ригведы самъ въ себѣ заключалъ свою цѣль: составители его руководились желаніемъ предохранить гимны отъ порчи или забвенія и вовсе не имѣли въ виду цѣлей литургическихъ; на это указываетъ какъ объемъ сборника, такъ и разнообразный характеръ его гимновъ, изъ которыхъ иные не имѣютъ отношенія къ богопочитанію. Въ позднѣйшей практикѣ произнесеніе священныхъ гимновъ Ригведы было также соединено съ отправленіемъ обрядовъ жертвоприношенія (какъ и произнесеніе ya*g*us и sâman) и лежало на обязанности жреца hотара [18]) но не въ этомъ состояло первоначальное назначеніе сборника.

Ригведа (*r*gveda), получившая свое названіе отъ *r*c „стихъ", преимущественно „хвалебный", (собственно „восхваленіе, прославленіе"), дѣлится на десять книгъ, называемыхъ ma*nd*ala (собств. „кругъ", „циклъ"). [19]) Гимны, входящіе сюда, принадлежатъ по времени составленія разнымъ эпохамъ и представляютъ поэтому различія какъ въ характерѣ, такъ и въ языкѣ. Понятно, что составители сборника Ригведы не могли руководиться при расположеніи гимновъ бо̀льшею или мѐньшею ихъ древностью, ибо такого рода критерій былъ невозможенъ въ эпоху, отдаленную вѣками отъ времени появленія этихъ гимновъ. Мы видимъ, что, за исключеніемъ первой, девятой, десятой и частію восьмой книгъ, гимны Ригведы расположены такимъ образомъ, что каждая мандала содержитъ въ себѣ исключительно или преимущественно стихи, приприсываемые либо одному автору, т. е. извѣстному вдохновенному мудрецу—*r*shi, либо членамъ одного и того же рода. Такъ, вторая мандала имѣетъ почти исключительно гимны Гритсамады (G*r*tsamada), третья—гимны Вишвамитры (Viçvâmitra) и его потомковъ,

[17]) Впервые былъ изданъ отрывокъ изъ Ригведы Розеномъ въ 1830 году (Rig-Vedae Specimen), а восемь лѣтъ спустя явилась въ его же изданіи вся первая аштака Ригведы съ латинск. переводомъ и примѣчаніями (Rigveda-Sanhita, liber primus, sanskrite et latine. London. 1838). Съ 1849 года начато Максомъ Мюллеромъ роскошное изданіе Ригведы и комментарія къ ней Саяны (Лондонъ), но, кромѣ того, мы имѣемъ текстъ всей Ригведы въ транскрипціи въ изданіи Ауфрехта (Indische Studien, томы VI и VII).

[18]) Жертвенныя формулы ya*g*us произноситъ жрецъ adhvaryu; это слово часто встрѣчается еще въ Ригведѣ.

[19]) По другому, чисто внѣшнему дѣленію Ригведа имѣетъ восемь аштакъ (ash*t*aka), т. е. восемь восьмыхъ частей.

четвертая—гимны Вамадевы (Vâmadeva), пятая—гимны Атри (Atri) и его потомковъ, шестая—гимны Бһарадваджи (Bharadvâǵa) и потомковъ, седьмая—гимны Васиштһы (Vasishṭha) и потомковъ. Восьмая мандала заключаетъ въ себѣ много гимновъ, принадлежащихъ потомкамъ Канвы (Kaṅva), но рядомъ съ ними стоятъ также гимны и другихъ лицъ. Само собою разумѣется, что подъ этими именами мы не обязаны разумѣть дѣйствительныхъ авторовъ гимновъ; позднѣйшая традиція могла связать извѣстные стихи, для приданія имъ бо̀льшаго авторитета, съ именемъ того или другаго изъ древнихъ ṛshi, а иногда авторами стиховъ называются даже прямо боги (особенно часто въ десятой мандалѣ) [20]). Нельзя упускать изъ виду и того, что списокъ авторовъ не переданъ въ самомъ сборникѣ гимновъ, но извѣстенъ намъ изъ оглавленія (Anukramaṅikâ), составленнаго позднѣе и примыкающаго къ литературѣ Ригведы. Въ большинствѣ случаевъ указаніе на того или другаго ṛshi или его родичей должно быть понимаемо, конечно, такъ, что извѣстные гимны сохранялись въ памяти такого-то рода; [21]) можетъ быть даже, первоначально каждый изъ этихъ родовъ имѣлъ свое собраніе гимновъ, которое и вошло потомъ, какъ составная часть, въ сборникъ Ригведы. Что касается книгъ первой, девятой, десятой и частію восьмой, то онѣ содержатъ въ себѣ гимны, приписываемые разнымъ авторамъ (членамъ разныхъ родовъ). Относительно десятой книги мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что она прибавлена позднѣе, ибо на это указываетъ характеръ значительной части гимновъ, входящихъ сюда [22]); многіе изъ нихъ, какъ замѣчено выше, являются также и въ Атһарваведѣ. Первая книга Ригведы, хотя и разнится отъ слѣдующихъ шести въ томъ, что соединяетъ въ себѣ стихи, приписываемые лицамъ различныхъ родовъ, имѣетъ, однако, тотъ же планъ расположенія гимновъ (за исключеніемъ послѣднихъ, припи-

---

[20]) По позднѣйшему богословскому воззрѣнію, ведійскіе гимны воспринимались вдохновенными риши какъ откровеніе. Это воспріятіе божественнаго откровенія выражалось технически глаголомъ «видѣть» (darç). А между тѣмъ въ самыхъ гимнахъ авторъ говоритъ иногда, что онъ сдѣлалъ или смастерилъ (taksh) такой-то стихъ, какъ плотникъ дѣлаетъ колесницу (RV. 1, 130, 6; 5, 2, 11), или какъ дѣлаютъ прекрасную одежду (5, 29, 15) и т. д.

[21]) Любопытно, что въ числѣ авторовъ гимновъ называется нѣсколько женщинъ, откуда можно заключать о болѣе высокомъ положеніи женщины въ эту эпоху сравнительно съ тѣмъ, какое выпало на ея долю съ установленіемъ браһманскаго строя жизни.

[22]) Сюда принадлежатъ, напр., гимны спекулятивнаго содержанія: о происхожденіи міра, о божествѣ, представляемомъ абстрактно, и т. д.

сываемыхъ Агастьѣ, Agastya), по которому въ каждой группѣ, принадлежащей извѣстному ṛshi или роду, начальные гимны обращены къ Агни, слѣдующіе къ Индрѣ, а затѣмъ уже идутъ стихи, посвященные другимъ божествамъ. Это обстоятельство позволяетъ намъ видѣть въ семи первыхъ книгахъ Ригведы одну и ту же редакцію, но трудно сказать, принадлежали ли къ первоначальному собранію также и двѣ слѣдующія книги. Вопросъ не въ томъ, конечно, когда были созданы гимны, помѣщенные въ этихъ двухъ книгахъ, но лишь въ томъ, были ли они включены въ первоначальную редакцію Ригведы. Что касается девятой мандалы, то она содержитъ въ себѣ исключительно гимны, посвященные Сомѣ свѣтло текущему (Pavamâna Soma), почему и носитъ названіе Pâvamânyas (т. е. ṛcas). Понятно, что здѣсь не могъ быть принятъ тотъ порядокъ расположенія гимновъ, который мы видимъ въ семи первыхъ книгахъ, но это-то обстоятельство и позволяетъ намъ сомнѣваться въ первоначальной принадлежности девятой книги къ сборнику Ригведы. Стихи, посвященные Сомѣ свѣтло текущему (или процѣживающемуся), по самому существу своему принадлежатъ къ стихамъ жертвеннымъ, и это соединеніе въ одной книгѣ гимновъ, однородныхъ по сюжету, и при томъ жертвенныхъ, противорѣчитъ общему плану Ригведы, принятому во всѣхъ остальныхъ книгахъ, включая сюда и десятую Почти половина стиховъ, составляющихъ девятую мандалу, является также и въ томъ литургическомъ сборникѣ, который носитъ названіе Самаведы, но здѣсь эти стихи стоятъ въ другомъ порядкѣ и связаны не единствомъ содержанія, но отношеніемъ къ ритуалу. Изъ числа остальныхъ стиховъ Самаведы, встрѣчающихся въ сборникѣ Ригведы, почти двѣ трети мы находимъ въ восьмой книгѣ этого послѣдняго. Такимъ образомъ девятая и восьмая мандалы Ригведы имѣютъ для насъ особенное значеніе по связи съ Самаведою и представляются вмѣстѣ съ тѣмъ почти одинаково неясными по отношенію къ первымъ семи мандаламъ. Гимны восьмой мандалы не имѣютъ, правда, того единства сюжета, какъ гимны девятой, и посвящены различнымъ божествамъ, но мы не видимъ здѣсь того плана расположенія стиховъ, какой извѣстенъ намъ изъ семи первыхъ мандалъ. При этомъ должно замѣтить, что какъ девятая книга имѣетъ свое спеціальное названіе, Pâvamânyas, такъ и восьмая носитъ имя: Pragâthâs (множ. ч.) [23]),

[23]) Pragâtha (ед. ч.) есть названіе извѣстнаго рода строфъ; по корню это слово указываетъ, конечно, на gâ «пѣть».

между тѣмъ какъ для остальныхъ книгъ не существуетъ особыхъ названій. Итакъ, очень возможно, что восьмая и девятая мандалы не одновременны по редакціи съ первыми семью, хотя при настоящемъ положеніи вопроса нельзя еще утверждать этого положительно. Что касается отношенія этихъ мандалъ къ Самаведѣ, то когда бы ни послѣдовало ихъ присоединеніе къ семи первымъ книгамъ Ригведы, самые гимны, заключающіеся здѣсь, были извѣстны задолго до составленія сборника Самаведы.

Я сказалъ выше, что назначеніе Самаведы исключительно литургическое: она содержитъ въ себѣ стихи, которые пѣлись при жертвоприношеніи Сомы. Что касается культа Сомы, то начала его восходятъ къ эпохѣ индо-эранской, какъ это видно изъ сравненія сскр. soma съ др. бактр. haoma, но болѣе полное развитіе этотъ культъ получилъ по раздѣленіи арійскаго (т. е. индо-эранскаго) племени, и при томъ преимущественно въ Индіи. Слово soma, собственно „экстрактъ“ (отъ su „выжимать сокъ“), обозначаетъ сокъ изъ растенія Asclepias acida (или изъ другаго, близкаго къ нему), который при броженіи получаетъ нѣсколько наркотическія свойства; др. бактр. haoma было перенесено на самое растеніе, изъ котораго добывался такой сокъ. Происхожденіе культа Сомы объясняется такимъ образомъ, что человѣкъ, замѣтивъ опьяняющее дѣйствіе этого сока, приписалъ ему божественную силу, вслѣдствіе чего Сома обратился въ бога, а добываніе его стало священнымъ дѣйствіемъ. Сома служитъ пріятною жертвою для боговъ, преимущественно для Индры, который, вдохновившись этимъ напиткомъ, совершаетъ свои подвиги: убиваетъ змѣя и освобождаетъ небесныя воды. Кромѣ девятой мандалы, исключительно посвященной Сомѣ, другія книги Ригведы также содержатъ въ себѣ гимны въ честь Сомы, а указанія на этотъ культъ встрѣчаются очень часто во всѣхъ мандалахъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что жертвоприношеніе Сомы было извѣстно уже въ эпоху составленія старыхъ гимновъ, и древностью этого обряда должно объяснять то обстоятельство, что цѣлая книга Ригведы посвящена исключительно Сомѣ. Но эти гимны вовсе не предполагаютъ сильнаго развитія обрядности, между тѣмъ какъ сборникъ Самаведы обязанъ своимъ происхожденіемъ той эпохѣ, когда ритуалъ жертвоприношенія Сомы былъ регулированъ, и когда стихи, употреблявшіеся при этомъ священнодѣйствіи, получили новый, символическій характеръ, по связи съ тою или другою частью обряда.

Понятно, что Самаведа, состоящая почти исключительно изъ

стиховъ Ригведы, расположенныхъ только въ иномъ порядкѣ, очень часто безъ внутренней связи, не можетъ представлять для насъ самостоятельнаго интереса и важна именно по отношенію къ Ригведѣ. Число всѣхъ стиховъ Самаведы, извѣстныхъ намъ въ настоящее время, простирается въ нашей редакціи до 1874 [24]). Если мы исключимъ изъ этого числа тѣ стихи, которые повторяются въ Самаведѣ, то получимъ 1602 стиха, и изъ нихъ только 92 не встрѣчаются въ Ригведѣ. Я говорилъ уже о томъ, что преимущественно девятая и восьмая мандалы Ригведы содержатъ въ себѣ стихи, находимые нами въ Самаведѣ, но, кромѣ того, мы имѣемъ здѣсь также извлеченія и изъ другихъ книгъ Ригведы. Что касается стиховъ, принадлежащихъ исключительно Самаведѣ, то они по бо̀льшей части ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ; отсутствіе ихъ въ Ригведѣ можетъ быть объясняемо или неполнотою этой послѣдней, какъ сборника всѣхъ гимновъ, или же неполнотою той редакціи ея, которая намъ извѣстна [25]).

Изъ сравненія текстовъ обѣихъ Ведъ оказывается, что стихи Ригведы являются въ Самаведѣ по бо̀льшей части съ варіантами, которые нерѣдко представляютъ здѣсь чтеніе болѣе древнее, чѣмъ въ Ригведѣ; въ этомъ заключается чрезвычайно важное значеніе Самаведы для критики ведійскихъ текстовъ, и потому весьма желательно было бы имѣть тщательный разборъ всѣхъ этихъ варіантовъ. Но что должны мы думать, на основаніи этого обстоятельства, о взаимномъ отношеніи редакцій Ригведы и Самаведы? Бенфей въ Введеніи къ своему изданію Самаведы высказалъ по этому поводу слѣдующее предположеніе: [26]) Es scheint mir ganz im Geiste solcher heiligen Schriften und der Art ihrer Entstehung zu liegen, dass, wenn einmal der SV. aus einer älteren Recension des RV. in der uns vorliegenden Gestalt fixirt war, nichts weiter daran geändert wurde, während es sehr gut geschehen konnte, dass an die Stelle der ältern RV.—Rec. durch Hinzutritt neuer Hülfsmittel eine neue Rec. trat, deren Charakter im Einzelnen alsdann völlig ohne Einfluss auf den SV. blieb. Нужно замѣтить при этомъ, что текстъ Ригведы былъ фиксированъ [27]) очень давно, и что въ самыхъ древнихъ произве-

---

[24]) Я считаю здѣсь какъ отдѣлъ Âraṅyaka, такъ и стихи Mahânâmnyas.

[25]) Мы имѣемъ Ригведу въ редакціи школы Çakalakâs, но встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія и на школу Bâshkalâs, съ текстомъ которой мы не знакомы.

[26]) Die Hymnen des Sâma-Veda, Einleitung, XXVIII.

[27]) Я не касаюсь здѣсь труднаго вопроса, какимъ образомъ была установлена редакція Ведъ, при помощи ли письма, или посредствомъ устной передачи. Максъ Мюл-

деніяхъ, гдѣ только приводятся изъ нея цитаты, онѣ являются всегда въ той формѣ, какую имѣютъ и теперь въ Ригведѣ; такимъ образомъ установленіе текста Самаведы должно было произойти во времена еще болѣе отдаленныя. Очевидно, однако, что взаимное отношеніе редакцій Ригведы и Самаведы можетъ быть понимаемо иначе: сборникъ Самаведы могъ быть составленъ тогда, когда еще не было предпринято собраніе гимновъ „ṛgveda—saṁhitâ", и въ доказательство этого можно было бы сослаться на бо́льшую древность чтеній, представляемыхъ Самаведою. Нѣтъ сомнѣнія, что на основаніи имѣющихся данныхъ вопросъ о взаимномъ отношеніи по времени происхожденія редакцій Ригведы и Самаведы не можетъ быть окончательно выясненъ; но во всякомъ случаѣ было бы произвольно предполагать вмѣстѣ съ Бенфеемъ, что въ основу Самаведы легла извѣстная редакція Ригведы, хотя бы и болѣе древняя, чѣмъ та, какую мы знаемъ. Я думаю, что когда бы ни произошло составленіе сборника Самаведы, раньше или позже Ригведы, оно не имѣло отношенія къ редакціи этой послѣдней. Стихъ sâman по звуково́й своей сторонѣ (не музыкальной) былъ тождественъ первоначально съ стихомъ ṛc, но задолго до составленія сборниковъ Ведъ были извѣстны уже эти два вида словеснаго богопочитанія: стихъ и пѣснопѣніе; срав. RV. 8, 27, 5 (ṛc....gir) [28]), 8, 81, 19 (gir.... arka), 1, 7, 1 (gâthinas.... arkinas), 1, 10, 1 (gâyanti.... arcanti), 6, 45, 4 (arcata pra ca gâyata) и т. д. Что касается пѣснопѣній sâman, которыя отличались отъ gâyatra (RV. 8, 16, 9) и издревле сопровождали жервоприношеніе Сомы, то онѣ не рѣдко упоминаются въ Ригведѣ (напр.: 1, 62, 2; 1, 173, 1; 1, 107, 2; 2, 43, 1 и 2; 5, 44, 14; 8, 16, 9 и т. д.), гдѣ приводятся даже спеціальныя названія нѣкоторыхъ изъ sâman: rathaṁtara (1, 164, 25, [29]) а также въ позднѣе прибавленной десятой книгѣ 181, 1) и, можетъ быть, bṛhat (8, 55, 1; 8, 78, 1)=sâma bṛhat (8, 87, 1). Потребность въ сборникѣ Самаведы явилась тогда, когда ритуалъ уже значительно

леръ (History of ancient Sanskrit Literature) думаетъ, что даже браhманы составлены безъ пособія письма, но срав. возраженія Whitney'a (Oriental and Linguistic Studies: Müller's History of Vedic Literature) и его гипотезу, которая кажется мнѣ очень правдоподобною.

[28]) Gir значитъ собственно «прославленіе» (отъ gar «славить»), но обыкновенно это слово можетъ быть переводимо «хвалебная пѣснь». Тамъ, гдѣ gir отличается отъ ṛc или arka, такой переводъ мнѣ кажется несомнѣннымъ. Первоначально ṛc и gir выражали, конечно, одно и то же.

[29]) Этотъ гимнъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу позднихъ.

усложнился, и когда число sâman на столько возрасло, что явилась надобность регулировать ихъ употребленіе. Но понятно, не было никакой необходимости обращаться при этомъ къ санhитѣ Ригведы, еслибъ даже она и существовала; стихи sâman вошли въ Самаведу въ той звуковой формѣ, какую имѣли они, а не сотвѣтствующіе имъ стихи ṛс. Первоначально, какъ я уже сказалъ, тѣ и другіе были тождественны въ этомъ отношеніи, но издревле существовавшее употребленіе извѣстныхъ стиховъ въ качествѣ sâman (при жертвоприношеніи Сомы) должно было вызвать то явленіе, что одинъ и тотъ стихъ могъ являться съ теченіемъ времени въ разныхъ видахъ (я говорю только о звуковой сторонѣ), смотря по тому, былъ ли онъ sâman, или же нѣтъ. Легко предположить также, что стихи sâman вслѣдствіе своего литургическаго назначенія, подчинявшагося всегда извѣстному контролю, были болѣе предохранены отъ звуковыхъ измѣненій, чѣмъ тѣ же самые стихи въ формѣ ṛс, какъ составныя части извѣстнаго гимна, бывшаго въ живомъ употребленіи. Такимъ образомъ я думаю, что на основаніи текстовъ Ригведы и Самаведы нельзя ничего сказать о томъ, который изъ этихъ сборниковъ былъ составленъ прежде, такъ какъ оба они произошли независимо другъ отъ друга [30]); еслибъ было даже доказано, что редакція Ригведы, въ той самой формѣ, какъ мы ее знаемъ, предшествовала редакціи Самаведы, то и тогда архаизмы послѣдней не показались бы намъ удивительными, въ виду только что сказаннаго мною о различной судьбѣ одного и того же стиха. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ повторить, что здѣсь рѣчь идетъ о редакціи этихъ сборниковъ, а не о времени происхожденія мантръ Ригведы и Самаведы. Въ послѣднемъ отношеніи Самаведа, безъ всякаго сомнѣнія, восходитъ къ Ригведѣ, ибо стихи sâman произошли, какъ мы видѣли, вслѣдствіе литургическаго примѣненія извѣстныхъ ṛс къ жертвоприношенію Сомы. Я долженъ замѣтить также, что, говоря объ отношеніи Самаведы къ Ригведѣ, я разумѣю тотъ текстъ первой изъ нихъ, въ которомъ sâman освобождены отъ измѣненій, какимъ они подвергаются при пѣніи (см. ниже), или, другими словами, я разумѣю libretto пѣснопѣній sâman.

Мантры Самаведы переданы въ формѣ стиховъ и изреченій и въ музыкальной формѣ пѣснопѣній. Собственно говоря, подъ Самаведою должно разумѣть лишь этотъ послѣдній видъ мантръ, такъ какъ словомъ sâman обозначается стихъ или изреченіе въ той

---

[30]) На возможность такого объясненія указываетъ и Бенфей, ibid.

формѣ, какъ ихъ должно пѣть: „gîtirûpâḥ mantrâḥ sâmâni". [31]) Жрецъ, на обязанности котораго лежитъ пѣніе мантръ Самаведы при жертвоприношеніяхъ, называется udgâtar „пѣвецъ", и уже въ Ригведѣ (2, 43, 2) мы читаемъ: udgâteva.... sâma gâyasi, „будто udgâtar, ты поешь стихъ sâman"; другое названіе для пѣвца стиховъ sâman, sâmagâ, употреблено въ томъ же гимнѣ, въ первомъ стихѣ. Но если значеніе слова sâman совершенно ясно, то этимологія его была загадочна уже для индійскихъ ведистовъ, и на ихъ попытки объяснить происхожденіе этого слова [32]) мы не можемъ смотрѣть серьезно. Я думаю, что корень sâman лежитъ въ san, и sâman образовано отсюда точно такъ же, какъ, напр., vâma „милый, прекрасный", изъ * vanma, отъ корня van (см. Словарь Бётлингка и Рота подъ словомъ vâma) или vâma „лѣвый", изъ * vanma, съ котор. срав. др. саксонск. и др. верхненѣмецк. win-istar „лѣвый". При глаголѣ san существовала болѣе краткая форма sâ (какъ tâ изъ tan и т. п.), отъ которой мы и могли бы выводить слово sâman; но необходимости въ этомъ нѣтъ, и я предпочитаю объясненіе sâman изъ полной формы san. Первоначальное значеніе san было „чтить" (срав. др. бактр. han „быть достойнымъ", ст. слав. *санъ*), [33]) затѣмъ „дарить" (это же значеніе имѣетъ и др. бактр. han) и, наконецъ, „получать въ даръ" (собственно въ медіумѣ, но также и въ дѣйствительн. залогѣ). Такимъ образомъ sâman можетъ значить или „почитаніе", или „приношеніе"; первое могло бы казаться болѣе вѣроятнымъ, по аналогіи съ ya*ǵńa*, но Петербургскій Словарь не даетъ значенія „чтить" ведійск. глаголу san, и я думаю поэтому, что sâman значило собственно „приношеніе", откуда развилось дальнѣйшее употребленіе этого слова въ смыслѣ литургической пѣсни, какъ приношенія богамъ. Срав. RV. 1, 27, 4, гдѣ gâyatra, пѣснь, называется приношеніемъ, sani.

Текстъ Самаведы, въ которомъ мантры сохраняютъ первоначальную форму стиха (безъ музыкальныхъ измѣненій) называется *Â*rcika, отъ *ṛ*c „стихъ". Этотъ текстъ былъ уже дважды изданъ, Стевенсономъ (Stevenson) и Бенфеемъ [34]), а въ настоящее время онъ

---

[31]) См. цитату, приведенную Саяной (Sâyana) въ Введеніи къ комментарію Самаведы, стр. 9 по Калькуттск. изданію.

[32]) См. Бенфея Die Hymnen des Sâma-Veda, Glossar, подъ словомъ sâman.

[33]) Отсюда же, вѣроятно, происходитъ сскр. sana «старый« (собств. «почтенный»), литовск. senas, латинск. senex и т. д.

[34]) Особеннаго вниманія заслуживаетъ изданіе Бенфея (Die Hymnen des Sâma-Veda, herausgegeben, übersetzt und mit Glossar versehen von Theodor Benfey. Leipzig. 1848),

вновь издается въ Индіи, вмѣстѣ съ комментаріемъ Саяны (Sâyana) и съ текстомъ Gâna (отъ gâ „пѣть"), въ которомъ sâman имѣютъ музыкальную форму [35]). Та часть Самаведы, которую я сообщаю ниже, принадлежитъ также къ Ârcika, но она не вошла въ изданія Стевенсона и Бенфея, а Калькуттское изданіе пока еще не доведено до Âranyaka.

Ârcika Самаведы дѣлится или на двѣ, или на три части: Chandas и Uttarâ [36]), или же Chandas, Âranyaka (=Ârani) и Uttarâ. Саяна держится перваго дѣленія: sâmagânâm ṛkpâṭhâya dvâu granthâu vidyete, „chandah" „uttarâ" ceti („у самаведистовъ для чтенія sâman какъ стиховъ существуютъ два текста: „Chandas" и „Uttarâ", стр. 22) и присоединяетъ отдѣлъ Âranyaka (какъ дополненіе) къ Chandas: kândatrayâmako 'yam chandonâmakah samhitâgranthah [37]) so 'yam âranyakenâdhyâyena shaṭsankhyâpûrakena saha shadbhir adhyâyâir upetah („этотъ текстъ санhиты, называемый „Chandas", состоитъ изъ трехъ отдѣловъ—kânda; онъ, вмѣстѣ съ чтеніемъ Âranyaka, имѣющимъ шесть частей, заключаетъ въ себѣ шесть чтеній" стр. 91). Подобнымъ же образомъ оглавленіе къ Ârcika по редакціи школы Nâigeyâs [38]) помѣщаетъ отдѣлъ Âranyaka какъ седьмую (послѣднюю) „прапатhаку" первой части и, повидимому, даже не даетъ этой прапатhакѣ особаго названія. Но обыкновенно Âranyaka отдѣляется отъ Chandas и приводится какъ совершенно особая часть текста Ârcika; поэтому въ рукописяхъ мы встрѣчаемъ Âranyaka или от-

---

оказавшее большую пользу изученію Ведъ въ Европѣ. Изданіе Стевенсона съ переводомъ, сдѣланнымъ на основаніи комментарія Саяны, вышло въ свѣтъ въ 1842 г.

35) Bibliotheca Indica, New Series, №№ 218, 224, 235 и др. (Calcutta. 1871 и слѣд.): Sâma-Veda-Sanhitâ with the Commentary of Sâyana Âcârya, edited by Satyavrata Sâmaçramî.

36) У Бенфея: Pûrvârcika и Uttarârcika.

37) Саяна, какъ кажется, нигдѣ не употребляетъ слова Ârcika и имѣетъ вмѣсто того samhitâ. Но ârcika слово древнее, и уже Панини (Pânini) учитъ объ образованіи его (IV, 3, 72); по формѣ это прилагат., при которомъ должно подразумѣвать, конечно, сущ. grantha (текстъ), ибо ârcika употребляется обыкновенно въ мужеск. родѣ, а не въ среднемъ, какъ у Бенфея. Я не знаю, на чемъ основывался Веберъ (Indische Studien, I, стр. 29), называя первую часть Самаведы (т. е. Chandas) Ârcika, а вторую (т. е. Uttarâ) Stâubhika. Это ошибочное дѣленіе вошло также и въ сочиненія Макса Мюллера (History of ancient Sanskrit Literature), Whitney'a (Oriental and Linguistic Studies) и др., равно какъ и въ Петербургскій Словарь, гдѣ оно позднѣе, впрочемъ, было исправлено. Подъ Stâubhika должно разумѣть, конечно, Stobha, о котор. см. ниже.

38) См. объ этой рукописи у Бенфея Die Hymn. d. SV., Einleitung, VII, а также Nachträge und Verbesserungen.

дѣльно отъ Chandas, или, если рукопись заключаетъ въ себѣ полный текстъ Ârcika, то отдѣлъ Âr.,[39]) слѣдуя за Ch., получаетъ все таки особое названіе. Satyavrata Sâmaçramî, издающій въ настоящее время Самаведу, вмѣстѣ съ комментаріемъ Саяны, на стр. 22, въ примѣчаніи къ мѣсту, приведенному мною выше, говоритъ, что тотъ Мадhава (Mâdhava), который еще прежде написалъ комментарій („vivaraṇa") къ Самаведѣ, дѣлитъ Ârcika на три части (Ch., Âr. и Utt.), и что такимъ же образомъ поступаютъ ведисты [40]). Личность Мадhавы очень загадочна по отношенію къ Саянѣ, и Burnell въ Введеніи къ своему изданію Ваншабраhманы (Vañçabrâhmaṇa) [41]) старался доказать, что оба эти имени принадлежатъ одному и тому же лицу, и что Sâyaṇa есть „the bhoganâtha or mortal body of Mâdhava, the soul identified with Vishṇu". Къ сожалѣнію, я не имѣю этого изслѣдованія и знакомъ съ нимъ лишь по краткимъ рецензіямъ Вебера (Literarisches Centralblatt 1873 г., 8-го ноября) и Макса Мюллера (The Academy 1874 г., 31-го января). Оба рецензента находятъ, что вопросъ все таки не выясненъ, и указываютъ на обстоятельства, которыя не позволяютъ пока отождествлять Саяну съ Мадhавой. Сюда же должно отнести, конечно, существованіе двухъ комментаріевъ къ Самаведѣ, одного съ именемъ Мадhавы (Sâmavedasya Vivaraṇa), другаго съ именемъ Саяны (Sâmavedârthaprakâça); оба они разнятся не только въ объясненіяхъ,— какъ это можно видѣть изъ Калькуттскаго изданія Самаведы, гдѣ приводятся въ выноскахъ цитаты изъ Vivaraṇa,—но и въ дѣленіи текста Ârcika. Я не знаю, простирается ли комментарій Мадhавы также и на Uttarâ, но изъ словъ Бенфея [42]) я вижу, что онъ пользовался для Chandas комментаріемъ Мадhавы, а для Utt. комментаріемъ Саяны, хотя оба они соединены въ одной рукописи, сообщающей, впрочемъ, имена авторовъ. Разница между обоими комментаріями въ способѣ объясненія показалась Бенфею настолько существенною, что вызвала его замѣчаніе: „Die beiden Theile des Commentars haben einen so ganz verchiedenartigen Charakter, dass man sie kaum für Werke eines und desselben Verfassers halten

[39]) Сокращенія: Âr., Ch. и Utt. обозначаютъ Âraṇyaka, Chandas и Uttarâ.

[40]) Yo hi mâdhavaḥ sâmavedasya vivaraṇakâraḥ pûrvatanaḥ, tasya naye vâidikavyavahâre ca âraṇikas (sic) tṛtîyaḥ; eshâṁ trayâṇâm eva sâdhâraṇam abhidhânam ârcika iti.

[41]) The Vançabrâhmaṇa (being the eihgt Brâhmaṇa) of the Sâmaveda, edited together with the Commentary of Sâyana, a preface and index of words. Mangalore. 1873.

[42]) Die Hymn. d. SV. стр. X и XI.

kann.“ Я считаю это замѣчаніе совершенно вѣрнымъ, такъ какъ обѣ части того комментарія, которымъ пользовался Бенфей, принадлежатъ, дѣйствительно, разнымъ составителямъ; съ комментаріемъ Саяны къ Chandas (извѣстнымъ намъ изъ Калькуттскаго изданія) Бенфей, слѣдовательно, не былъ знакомъ. Что касается комментарія Мадһавы, Sâmavedasya Vivara*n*a (или Sâmavedavivara*n*a?), то онъ долженъ стоять въ самомъ близкомъ отношеніи къ комментарію Бһаратасвамина (Bhâratasvâmin), подъ названіемъ: Sâmavedavivara*n*a. Этотъ комментарій находится въ коллекціи рукописей Burnell'а въ лондонской библіотекѣ при India Office [43]), но, не будучи знакомъ съ самымъ текстомъ его, я не могу, конечно, точнѣе опредѣлить связь его съ тѣмъ комментаріемъ, который приписывается Мадһавѣ. Не скрою, однако, что мнѣ представляется почти несомнѣннымъ полное тождество обоихъ комментаріевъ; а въ такомъ случаѣ надо будетъ признать, что подъ именемъ Мадһавы можетъ скрываться не только Саяна, но и Бһаратасваминъ, о которомъ мы знаемъ, что онъ жилъ раньше Саяны, такъ какъ послѣдній дѣлаетъ на него ссылки [44]) Въ лондонской рукописи комментарій Бһаратасвамина простирается только на Chandas и на Âr., вмѣстѣ съ стихами Mahânâmnyas [45]); Âr. отдѣляется здѣсь какъ отъ предшествующихъ стиховъ, такъ и отъ послѣдующихъ (т. е Mahânâmnyas), и комментарій къ этой части обозначенъ въ концѣ такъ: iti âra*n*yakasâmavivara*n*am (л. 76).

Мы видимъ такимъ образомъ, что Âr. считается особымъ отдѣломъ текста Ârcika, хотя по своему объему этотъ отдѣлъ весьма незначителенъ сравнительно съ Ch. и Utt. Но есть, дѣйствительно, основаніе присоединять Âr. къ Ch. и отдѣлять обѣ эти части отъ Utt.; это основаніе дается расположеніемъ стиховъ въ Ch. и Âr., съ одной стороны, и въ Utt., съ другой. Въ двухъ первыхъ отдѣлахъ стихи, не имѣя часто внутренней связи между собою, расположены по декадамъ, daçati [46]) (имѣющимъ иногда болѣе, иногда менѣе десяти

[43]) См. Catalogue of a Collection of Sanskrit Manuscripts. By Burnell. Part I: Vedic Manuscripts (London. 1869. Trübner), № 127.

[44]) См. Вебера Akadem. Vorlesungen über indische Literaturgeschichte, стр. 42.

[45]) Должно ли объяснять это неполнотою рукописи, или тѣмъ, что комментарій Bһаратасвамина, дѣйствительно, оканчивается здѣсь? Въ рукописи, которою пользовался Бенфей, комментарій Мадһавы также не простирается на Uttarâ.

[46]) См. о формѣ этого слова у Бенфея, Глоссарій къ Самаведѣ; иначе объясняетъ daçati Веберъ (Indische Studien I, 29), который видитъ здѣсь мѣстный падежъ отъ daçat. Комментарій Мадһавы имѣетъ, вмѣсто daçati, daçatyâ, а Саяна въ томъ же значеніи употребляетъ kha*n*da, «отдѣлъ»; см. Калькуттск. изданіе Самаведы, стр. 110.

стиховъ), между тѣмъ какъ Utt. состоитъ изъ краткихъ гимновъ (sûkta), преимущественно въ три стиха, т. е. въ соединеніи tṛca, или же въ два, а иногда въ одинъ стихъ (очень рѣдко), или въ четыре, пять и т. д., но не болѣе какъ въ двѣнадцать. Стихи, помѣщенные въ Ch., нерѣдко повторяются въ Utt., и при томъ по бо̀льшей части въ качествѣ начальныхъ стиховъ гимна. Саяна обобщаетъ это явленіе и потому даетъ слѣдующее опредѣленіе текстамъ Ch. и Utt.: chandonámake granthe nánávidhánám sámnám yonibhûtá eva ṛcaḥ paṭhitáḥ; uttarágranthe tṛcátmakáni sûktáni paṭhitáni, ekasmiṃstṛce chandogatá yonyṛk prathamá, itare dve uttare [47]) т. е. „въ текстѣ, называемомъ Chandas, читаются стихи ṛc, составляющіе основу (yoni) разнообразныхъ sáman; въ текстѣ Uttará читаются гимны въ строфахъ tṛca: въ tṛca первый стихъ есть основа, находящаяся въ Chandas, а два другихъ стоятъ сверхъ того" (стр. 22). Такимъ образомъ здѣсь предполагается, во первыхъ, что всѣ стихи въ Utt. состоятъ изъ строфъ tṛca, между тѣмъ какъ въ самомъ текстѣ мы находимъ гимны изъ одного, двухъ, четырехъ стиховъ и т. д., которые не могутъ быть приведены къ формѣ tṛca. (Что касается гимновъ изъ шести, девяти и двѣнадцати стиховъ, то понятно, ихъ можно разсматривать какъ соединеніе двухъ, трехъ или четырехъ строфъ tṛca). Во вторыхъ, первымъ стихомъ въ строфѣ tṛca Саяна называетъ одинъ изъ стиховъ, находящихся въ Ch., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это явленіе наблюдается хотя и часто, но далеко не всегда. Даже самое названіе Uttará Саяна объясняетъ изъ того, что въ строфахъ tṛca за стихомъ—основою (т. е. основою для sáman) слѣдуютъ *сверхъ того два* стиха: tṛcátmakeshu sûkteshu yá prathamá yonibhûtá tannámná chandogranthasya „yonigranthaḥ" [48]) iti adhyápakánám samákhyâ, itarasya tu tṛcasaṅgharûpasya granthasyoparitanayor ṛcor námadheyena „uttará" iti samákhyá (стр. 23—24). Съ этимъ толкованіемъ можно, кажется, не соглашаться, и названіе Uttará проще объяснять въ значеніи Uttará saṃhitá, санhита слѣдующая, или дальнѣйшая (вторая), т. е. по отношенію къ Chandas; вмѣстѣ съ тѣмъ это же названіе (Uttará, а не Uttamá) показываетъ, что отдѣлъ Ár. или вовсе не считался при этомъ, или же присоединялся къ Ch. Что ка-

[47]) Саяна цитируетъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, произведеніе: Nyâyavistara, но, по словамъ Satyavrata-Sâmaçramî (стр. 4, примѣч. 3), авторомъ его былъ тотъ же Саяна.

[48]) Такимъ образомъ мы узнаемъ отсюда, что отдѣлъ Ch. носитъ также названіе: yonigrantha, т. е. «текстъ основъ.»

сается отношенія *Âr* къ Utt., то и эти два отдѣла имѣютъ нѣкоторые общіе стихи; число ихъ, правда, незначительно, но во всякомъ случаѣ это взаимное отношеніе *Âr* и Utt. аналогично съ тѣмъ, какое существуетъ между Ch. и Utt. Наконецъ, однородность *Âr*. съ Ch. (въ отличіе отъ Utt.) доказывается тѣми Ганами (т. е. сборниками пѣснопѣній s*â*man), которые основываются на этихъ двухъ отдѣлахъ, и о которыхъ я скажу ниже.

Теперь я долженъ обратить вниманіе на существенную разницу, касающуюся расположенія матеріала въ Ch., съ одной стороны, и въ *Âr*., съ другой. Chandas, точно такъ же какъ и Uttar*â*, дѣлится на „чтенія", prapâ*ṭ*haka, которыхъ насчитывается въ Ch. 6, а въ Utt. 9; эти чтенія въ свою очередь подраздѣляется на половины (въ Ch. и въ пяти первыхъ прапатһакахъ въ Utt.) или на трети (въ остальныхъ прапатһакахъ въ Utt.), которыя въ Utt. дѣлятся далѣе на отдѣлы kha*ṇḍ*a, состоящіе изъ нѣсколькихъ гимновъ. Все это дѣленіе есть чисто внѣшнее (какъ дѣленіе Ригведы на аштһаки), не имѣющее какого либо внутренняго основанія и составленное, вѣроятно, съ цѣлью помогать при изученіи Самаведы. Такого же рода и другое дѣленіе Ch. и Utt. на adhy*â*ya, „чтенія", или „штудіи", извѣстное намъ изъ комментарія Саяны; этихъ adhy*â*ya насчитывается въ Ch. пять [49]), а въ Utt. 21 [50]). Саяна, присоединяющій, какъ мы видѣли, отдѣлъ *Âr*. къ первой части *Â*rcika, называетъ его поэтому шестымъ adhy*â*ya въ Ch. (см. приведенную выше цитату), а оглавленіе къ *Â*rcika, принадлежащее школѣ N*âi*gey*â*s, помѣщаетъ *Âr*. какъ седьмую прапатһаку въ Ch.; противъ этого послѣдняго обозначенія можно, однако, замѣтить, что оно вовсе не согласуется съ объемомъ прапатһакъ въ первой части *Â*rcika и уже поэтому не могло быть общепринятымъ. Но, кромѣ указаннаго мною дѣленія, Chandas представляетъ еще другое, на отдѣлы k*âṇ*da или parvan, которыхъ считается три: *Â*gneya (1, 1, 1—2, 1, 2) [51]), *Â*indra (2, 1, 3—5, 2, 3) и P*â*vam*â*na, или S*â*umya (5, 2, 4 до конца); срав. у Саяны: *â*gneyam *â*indra*ṃ* p*â*vam*â*nam iti k*âṇḍ*atray*â*tmako yo 'ya*ṃ* chandon*â*maka*ḥ* grantha*ḥ* (стр. 91) и см. также Бенфея Die Hymnen des SV., Einleitung, стр. XVIII. Это дѣленіе основано на содержаніи, ибо, хотя отдѣльные стихи въ Ch. по бо̀льшей части не имѣютъ внутренней связи между собою, тѣмъ

---

[49]) См. Калькуттск. изд. Самаведы, стр. 91.

[50]) См. Бенфея Die Hymn. d SV., стр. XVIII.

[51]) Цифры указываютъ на прапатһаки, половины (ardha) и декады.

не менѣе они сгруппированы здѣсь по тремъ божествамъ: Агни, Индрѣ и Сомѣ, откуда произошли и самыя названія трехъ отдѣловъ, упоминаемыя уже, напр., въ Атһарваведѣ (11, 7, 6) и въ Sâmavidhá-na-Bráhaṇa (I, 4) [52]). Относительно третьяго отдѣла, Pávamána (или Sáumya), должно замѣтить, что всѣ стихи, входящіе сюда, извѣстны намъ изъ девятой мандалы Ригведы (Pávamányas), между тѣмъ какъ въ двухъ первыхъ отдѣлахъ мы находимъ стихи изъ разныхъ книгъ этого сборника, преимущественно изъ восьмой, а наименѣе всего изъ девятой. Отдѣлъ Âindra, второй по порядку, не имѣетъ того единства, какъ два другихъ отдѣла, и, кромѣ стиховъ къ Индрѣ, составляющихъ его главное содержаніе, онъ заключаетъ въ себѣ также обращенія къ Агни и другимъ божествамъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Chandas дѣлится поэтому не на три части, но на восемь, при чемъ Âgneya и Pávamána остаются въ томъ же объемѣ, какъ и выше, а отдѣлъ Âindra сокращается, образуя передъ собою еще пять подраздѣленій; см. Бенфея ibid, стр. XVII. Это послѣднее дѣленіе не имѣетъ, однако, того единства принципа, какъ изложенное выше на три части, и рядомъ съ названіями Âgneya, Âindra, Pávamána оно употребляетъ такія, какъ Bṛhatî, Trishṭubh, Anushṭhubh, т. е. названія метровъ. Uttará не представляетъ ничего подобнаго дѣленію Ch. на три части, хотя отдѣльные стихи и соединяются здѣсь въ небольшія группы, или гимны. Точно такъ же и Âraṇyaka, по крайней мѣрѣ въ первыхъ четырехъ декадахъ, содержитъ въ себѣ обращенія къ различнымъ богамъ, безъ всякой видимой системы въ порядкѣ ихъ расположенія и, слѣдовательно, существеннымъ образомъ отличается въ этомъ отношеніи отъ Ch.; пятая же декада, за исключеніемъ перваго стиха, посвящена Солнцу (Sûrya).

Названіе Âraṇyaka указываетъ на пустыню, лѣсъ (araṇya) и объясняется тѣмъ, что этотъ отдѣлъ Самаведы былъ предназначенъ для пустынниковъ. По своему объему Âr. соотвѣтствуетъ половинѣ прапатһаки въ Ch. и состоитъ изъ пяти декадъ, къ которымъ, въ

---

[52]) «Âgneyam âindraṃ pâvamânam ity etena kalpena catvâri varshâṇi prayuńǵânaḥ çatasaṃvatsaram avâpnoti.» Я пользовался для Sâmavidhâna-Brâhmaṇa рукописью Парижской національной библіотеки, № 177 Dev. Въ недавнее время Burnell издалъ эту браһману вмѣстѣ съ комментаріемъ Саяны (London. 1873.), но я знакомъ съ этимъ изданіемъ лишь по рецензіи Вебера въ Literarisches Centralblatt (1874 года, 23-го марта). Изъ числа поправокъ въ текстѣ, предлагаемыхъ Веберомъ, слѣдующія совершенно согласны съ чтеніемъ парижской рукописи: prâktûleshûdaktûleshu vâ; parusham uktvâ nyagrodhaçuńgâń (çaramûlaṃ ca).

видѣ дополненія, присоединяются стихи Mahânâmnyas, или, иначе, отдѣлъ Mahânâmnî. Саяна присоединяетъ Mahânâmnî, какъ шестую декаду, къ Âraṇyaka (см. въ приведенной выше цитатѣ: âraṇyakenâdhyâyena shaṭsaṅkhyâpûrakeṇa), а Nâigeyânâm ârsha (часть оглавленія къ Ârcika, по редакціи школы Nâigeyâs) ставитъ цифру 5 послѣ стиховъ Mahânâmnyas, т. е. соединяетъ ихъ въ одно цѣлое съ пятою декадой. И то, и другое, однако, не точно: стихи Mahânâmnyas представляютъ собою appendix къ Âraṇyaka, и потому въ рукописяхъ названіе Âr. простирается обыкновенно только на пять декадъ, за которыми слѣдуетъ далѣе отдѣлъ Mahânâmnî (не называемый декадою) подъ особымъ обозначеніемъ; правда, въ рук. A (см. ниже), принятой мною въ основу при изданіи текста, слова: „iti âraṇîpadaḥ samâptaḥ“ поставлены послѣ стиховъ Mahânâmnyas, но эти стихи помѣщены здѣсь все таки какъ прибавка, а не въ качествѣ шестой декады, и потому послѣ нихъ нѣтъ цифры. Совершенно въ такомъ же отношеніи находятся стихи Mahânâmnyas, переложенные въ музыкальную форму, и къ тексту Âraṇya-Gâna; здѣсь они также представляютъ собою appendix и не включаются въ шесть прапатhакъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ сборникъ пѣснопѣній. Доказательство въ пользу самостоятельности стиховъ Mahânâmnyas дается какъ ихъ характеромъ, такъ и тѣмъ, что этотъ отдѣлъ носитъ особое названіе, извѣстное даже изъ санhитъ Бѣлой Яджурведы (23, 35) и Атhарваведы (11, 7, 6), равно какъ изъ многихъ браhманъ и сутръ [53]). Mahânâmnî состоитъ изъ девяти стиховъ и уже самымъ метромъ отличается отъ предшествующихъ декадъ. Всѣ девять стиховъ этого отдѣла посвящены Индрѣ и представляютъ такимъ образомъ извѣстное единство въ содержаніи. Въ ритуалѣ эти стихи (въ ихъ музыкальной формѣ) предназначались для какого-то обряда (см. вартику, vârtika, къ Панини V, 1, 94) [54]), который вслѣдствіе этого назывался mahânâmnî [55]) (именит. mahânâmnîs) или mahânâmnîvrata. Стихи Mahâmnyas носятъ также названіе çakvaryas (т. е. ṛcas), „могучіе“

---

[53]) По мнѣнію Петербургскаго словаря, нужно подразумѣвать при mahânâmnî существит. ṛc, но мнѣ кажется страннымъ употребленіе единствен. числа. Срав. Uttarâ и Araṇî.

[54]) См. Словарь Бётлингка и Рота подъ словомъ mahânâman. Къ числу ссылокъ на браhманы должно прибавить также указаніе на Sâmavidhâna-Brâhmaṇa.

[55]) По изданію Бётлингка II, стр. 205.

[56]) У Вебера, въ цитатѣ изъ Mahâbhâshya (Ind. Stud. XIII, 449), стоитъ mâhânâmnî, и это, повидимому, правильнѣе.

(такъ какъ они даютъ мощь Индрѣ; срав. Nir. 1, 8), и съ этимъ именемъ мы встрѣчаемся уже въ Ригведѣ (7, 33, 4; 10, 71, 11). То обстоятельство, что Mahânâmnî соединяется съ Âr. указываетъ, конечно, на литургическую связь этихъ стиховъ, но тѣмъ не менѣе мы должны считать Mahânâmnî не составною частью Âr., а лишь дополненіемъ, подобно тому какъ и Bhаратасваминъ, предшественникъ Саяны, комментируетъ стихи Mahânâmnyas отдѣльно отъ стиховъ Ar.

Въ пяти декадахъ, составляющихъ Âraṇyaka, заключается по нашей редакціи 55 стиховъ (по другой 56): въ первой декадѣ 9 (по другой 10), во второй 7, въ третьей 13, въ четвертой 12 и въ пятой 14. Очень многіе изъ этихъ стиховъ извѣстны изъ Ригведы (нѣкоторые изъ Athарваведы), но въ Âr. они представляютъ обыкновенно варіанты, которые, какъ и вообще въ Самаведѣ, имѣютъ нерѣдко чтеніе болѣе древнее, сравнительно съ чтеніемъ Ригведы. Вопросъ о томъ, когда составленъ былъ отдѣлъ Âr., въ одно ли время съ Ch. и Utt., или нѣтъ, не можетъ быть рѣшенъ пока, какъ мнѣ кажется. Правда, нѣкоторое указаніе на болѣе позднее происхожденіе Âr. можно было бы видѣть въ томъ, что сюда входятъ стихи изъ гимна Ригведы 10, 90, завѣдомо поздняго, между тѣмъ какъ Ch. и Utt. не имѣютъ подобнаго рода стиховъ [57]). Къ такому же выводу можно придти, если судить объ Âraṇyakârcika по аналогіи съ тѣми араньяками, которыя составляютъ дополненіе къ brâhmaṇa и своимъ содержаніемъ указываютъ на болѣе новое происхожденіе, сравнительно съ браhманами въ собственномъ смыслѣ. Очевидно, однако, что это заключеніе было бы произвольно, и самое большее, что мы можемъ допустить, это то, что *окончательная* редакція, въ которой дошелъ до насъ Âraṇyaka, дѣйствительно уступаетъ по времени двумъ другимъ отдѣламъ. Я замѣтилъ уже выше, что Âr. по отсутствію гимновъ и по дѣленію на декады сходится съ Ch., въ отличіе отъ Utt. Признаки, общіе отдѣламъ Ch. и Âr., очень важны (сравн. также далѣе Grâmageya-Gâna и Âraṇya-Gâna), и не трудно предположить поэтому, что первоначально обѣ эти части составляли одно цѣлое, и что лишь впослѣдствіи, съ развитіемъ браhманскаго канона, произошло выдѣленіе Âr. изъ Ch.. Но вопросъ о времени выдѣленія Âr. не тождественъ, конечно, съ вопросомъ о томъ, къ какому времени относится редакція тѣхъ стиховъ, которые составляютъ этотъ от-

[57]) Срав. Вебера Akademische Vorlesung. über indische Literaturgeschichte, стр. 63.

дѣлъ. Какъ бы то ни было, на основанiи самыхъ памятниковъ едва ли можно будетъ придти къ удовлетворительному рѣшенiю этихъ вопросовъ. Всѣ стихи, составляющiе Âraṇyakârcika, входятъ также, въ музыкальной формѣ, въ сборникъ пѣснопѣнiй Âranya-Gâna, а цитаты изъ этого послѣдняго мы встрѣчаемъ уже въ браһманахъ (по крайней мѣрѣ, въ Sâmavidhâna-Brâhmaṇa, не отличающейся большой древностью), точно такъ же какъ и оглавленiе къ нему (вмѣстѣ съ оглавленiемъ къ Grâmageya-Gâna) составлено было очень давно, вслѣдствiе чего оно само носитъ названiе браһманы (именно Ârsheya-Brâhmaṇa или ṛshi-Brâhmaṇa).

Я говорилъ выше о томъ, что отдѣлъ Âr. не былъ напечатанъ въ изданiяхъ Стевенсона и Бенфея. Причины, по которымъ онъ не вошелъ сюда, совершенно случайныя и объясняются, конечно, тѣмъ, что Âr., уступая по своему значенiю въ литургикѣ двумъ другимъ отдѣламъ (т. е. Ch. и Utt.), рѣже встрѣчается въ рукописяхъ, чѣмъ эти послѣднiе. Бенфей зналъ, однако, о существованiи стиховъ, составляющихъ Âraṇyaka (хотя это названiе ему и не было извѣстно), но, на основанiи имѣвшихся у него данныхъ, онъ считалъ эти стихи принадлежностью школы Nâigeyâs, а не той, которую мы знаемъ по изданному имъ тексту Самаведы. Заключенiя Бенфея основывались на томъ, что единственное указанiе на наши стихи онъ встрѣтилъ въ рукописи, заключающей въ себѣ оглавленiе къ Ârcika по редакцiи школы Nâigeyâs (Nâigeyânâm ârsha [58]) и dâivata); здѣсь приводятся начальныя слова стиховъ и сообщаются имена тѣхъ боговъ, которымъ стихи посвящены (по традицiи), равно какъ и имена „риши", ихъ авторовъ. Въ этой-то рукописи помѣщено оглавленiе и къ стихамъ Âr., которые, какъ замѣчено выше, не составляютъ здѣсь особаго отдѣла, но отнесены въ качествѣ седьмой прапатһаки къ отдѣлу Ch. Извлеченiе изъ этой рукописи, касающееся нашихъ стиховъ, Бенфей напечаталъ въ своемъ изданiи Самаведы, въ Nachträge und Verbesserungen, стр. 268 и слѣд., и по начальному слову каждаго стиха онъ старался возстановить его вполнѣ, если находилъ соотвѣтствующее мѣсто въ Ригведѣ, при чемъ, конечно, должно было оставаться не переданнымъ то, что имѣетъ для насъ особенную цѣну, т. е. варiанты, представляемые этими стихами, сравнительно съ Ригведою. Само собою разумѣется, что нѣкоторые стихи не могли быть вовсе возстановлены; сюда принадлежатъ какъ тѣ, которые не встрѣ-

---

[58]) Бенфей читаетъ ârshaka, но см. у него же стр. IX.

чаются въ Ригведѣ, [59]) такъ и другіе, по началу которыхъ нельзя еще судить, какой именно стихъ Ригведы долженъ быть сравниваемъ въ данномъ случаѣ, ибо однимъ и тѣмъ же словомъ начинается иногда нѣсколько стиховъ. Итакъ, Бенфей, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми располагалъ, долженъ былъ считать пять декадъ отдѣла *Âr.* вмѣстѣ съ стихами Mahânâmnyas принадлежностью школы Nâigeyâs, и этотъ взглядъ перешелъ потомъ въ сочиненія другихъ европейскихъ ведистовъ [60]). Въ настоящее время нѣтъ, конечно, никакой необходимости останавливаться на опроверженіи этого взгляда, ибо безспорно, что отдѣлъ *Âr.* не составляетъ принадлежности одной какой нибудь школы. Если бы Бенфею извѣстно было, что эти стихи называются Âraṇyaka (по крайней мѣрѣ, въ нашей редакціи), въ такомъ случаѣ онъ не замедлилъ бы, конечно, сопоставить ихъ съ Âraṇya-Gâna, а присутствіе всѣхъ ихъ въ этомъ сборникѣ пѣснопѣній не позволило бы ему видѣть въ нашихъ стихахъ особенность школы Nâigeyâs, ибо какъ Âranya-Gâna не принадлежитъ исключительно одной школѣ, такъ и та часть текста Ârcika, которая, между прочимъ, даетъ основу этому сборнику, не можетъ быть достояніемъ одной школы Nâigeyâs. И дѣйствительно, рукописи, заключающія въ себѣ Âraṇyakârcika, нигдѣ не называютъ этой школы, и если содержатъ въ себѣ также отдѣлы Ch. или Utt., то приводятъ ихъ въ той самой редакціи, какая извѣстна намъ изъ изданія Бенфея. Наконецъ, комментаріи Bhаратасвамина и Саяны окончательно убѣждаютъ насъ въ томъ, какъ должно смотрѣть на стихи, составляющіе отдѣлъ Âraṇyaka.

Коснувшись вопроса о школахъ Самаведы, я считаю не лишнимъ остановиться на немъ. Наши свѣдѣнія о школахъ Ведъ вообще очень ничтожны, такъ какъ, за исключеніемъ Яджурведы, каждая изъ остальныхъ трехъ Ведъ извѣстна намъ въ текстѣ лишь по одной редакціи. Изъ индійскихъ сочиненій мы знаемъ, что число школъ было очень значительно; каждая школа (çâkhâ, собствен. „вѣтвь"), состоя изъ подраздѣленій, имѣла свой textus receptus, который назывался по ея имени, но съ теченіемъ времени бо̀льшая часть школъ погибла, а отъ иныхъ до насъ дошли только одни имена. Что касается извѣстныхъ намъ çâkhâ Яджурведы, то онѣ представляютъ отличія какъ въ чтеніи, такъ и въ расположеніи

---

[59]) Текстъ Атharваведы былъ въ то время мало извѣстенъ.

[60]) Поэтому въ Петербургск. Словарѣ (въ послѣднихъ выпускахъ) цитаты изъ *Âr.* приводятся подъ обозначеніемъ: SV. Naig.

матеріала, но отсюда мы не должны заключать еще, чтобы разница между отдѣльными школами была всегда существенна, ибо противъ этого говоритъ огромное количество ихъ, приписываемое нѣкоторымъ Ведамъ. Такъ, грамматическое произведеніе Mahâbhâshya [61]) насчитываетъ 101 школу для Яджурведы, 1000 „путей“ (vartman) для Самаведы, 21 подраздѣленіе для Ригведы и 9 для Атһарваведы [62]). Въ другомъ, довольно новомъ сочиненіи, посвященномъ спеціально школамъ Ведъ и называющемся Caraṅavyûha [63]), Яджурведа получаетъ 86 школъ, Ригведа 5, а для Самаведы и Атһарваведы приводятся тѣ же числа, что и въ Mahâbhâshya, при чемъ, однако, замѣчается, что изъ 1000 подраздѣленій Самаведы почти всѣ погибли, и сохранились лишь остатки, которые далѣе перечисляются. Максъ Мюллеръ [64]) предполагаетъ, что нѣкоторыя изъ ведійскихъ школъ, наиболѣе древнія, дѣйствительно разнились въ текстѣ санһитъ, но что другія представляли отличія лишь въ текстѣ браһманъ или даже въ текстѣ сутръ и имѣли санһиту совершенно такую же. Наконецъ, можно думать, что разница между нѣкоторыми школами опредѣлялась лишь традиціоннымъ толкованіемъ мантръ, различіемъ въ именахъ авторовъ, которымъ эти мантры приписывались, или въ именахъ тѣхъ боговъ, которымъ онѣ считались посвященными, и т. д. Что касается школъ Самаведы, то цифра 1000 слишкомъ громадна даже по сравненію съ другими цифрами, приведенными выше. Мы не обязаны, конечно, понимать здѣсь тысячу въ буквальномъ значеніи, точно такъ же какъ и въ словахъ Шаварасвамина (Çavarasvâmin), цитуемыхъ Саяною (стр. 11): „sâmavede sahasram gîtyupâyâḥ“ (т. е. „въ Самаведѣ существуетъ тысяча средствъ для пѣнія“), слово „тысяча“ употреблено, безъ сомнѣнія, для выраженія неопредѣленно большаго количества; позднѣе тысяча vartman Самаведы могли быть приняты въ буквальномъ смыслѣ, какъ это и сдѣлано было въ Caraṅavyûha и, можетъ быть, даже въ Mahâbhâshya. Во всякомъ случаѣ, однако, число школъ Самаведы должно было значительно превышать количество ихъ въ каждой изъ остальныхъ Ведъ, и это объясняется тѣмъ,

[61]) Это произведеніе (авторъ котораго Pataṅǵali), составленное во второмъ или въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. (или же въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.?), было издано въ Бенаресѣ въ 1872 г. Я знакомъ съ нимъ по подробному анализу, сдѣланному Веберомъ въ Indische Studien, XIII, стр. 293—496.

[62]) Ind. Stud. XIII, 430.

[63]) См. Ind. Stud. III, 247—283.

[64]) History of ancient Sanskrit Literature.

что ко всѣмъ другимъ различіямъ, какія могли существовать между школами, въ Самаведѣ присоединяются еще новыя, вносимыя разнообразіемъ способовъ пѣнія. Мы увидимъ ниже, что въ сборникахъ пѣснопѣній, Ганахъ, одинъ и тотъ же стихъ можетъ являться въ формѣ многихъ sáman, отличающихся другъ отъ друга не словами, но музыкальнымъ видомъ; понятно, что между отдѣльными школами эта разница могла еще болѣе увеличиваться, и опредѣлить для нея границы, дѣйствительно, трудно. Авторъ произведенія Caranavyûha, хотя и говоритъ о тысячѣ школахъ въ Самаведѣ, можетъ назвать изъ нихъ только нѣкоторые остатки, сохранявшіеся въ его время, и перечисляетъ далѣе семь подраздѣленій школы Ránáyaniyás и семь подраздѣленій школы Káuthumás, а въ числѣ этихъ послѣднихъ онъ называетъ и тѣхъ Náigeyás, отъ которыхъ дошло до насъ упомянутое выше оглавленіе къ Árcika. Бóльшая часть именъ, переданныхъ здѣсь, встрѣчается также и въ Maháb́háshya [65]), но всѣ эти имена, взятыя сами по себѣ, мало интересны, такъ какъ объ отношеніи другъ къ другу отдѣльныхъ школъ мы все таки не узнаемъ ничего. Что касается современнаго положенія школъ Самаведы, то вотъ что сообщаетъ Burnell [66]), который могъ изучить этотъ вопросъ на самомъ мѣстѣ: „Only three çákhás (т. е. Самаведы) are now known in India, viz. the Ránáyaniya, Káuthuma and ǵáiminiya (cfr. Bábu Rágendralála, Chándogya—Upan., p. 4). The two first are common; they only differ a little in the way of chanting; in every other respect they are letter for letter the same. The ǵáiminiya—text appears to agree with the others, except in a few details; the notation is totally different, and, I am informed, is very little like the others as far as the tune goes. I have heard the chants of the first two schools, but not the last“.

Это свидѣтельство любопытно, во первыхъ, тѣмъ, что подтверждаетъ сказанное выше касательно того огромнаго значенія, какое долженъ былъ имѣть способъ пѣнія для школъ Самаведы. Во вторыхъ, Burnell удостовѣряетъ насъ, что школы Ránáyaniyás и Káuthumás, за небольшимъ различіемъ въ способѣ пѣнія, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тождественны. О Náigeyás Burnell не упоминаетъ, и надо думать, что эта школа или дѣйствительно исчезла, или осталась ему не извѣстною [67]). Я говорилъ выше, что Cara-

---

[65]) См. Ind. Stud. XIII, 447—448.

[66]) Catalogue of a Collection of Sanskrit Manuskripts, Part. I, стр. 45.

[67]) Burnell не упоминаетъ также о Talavakârâs, хотя срав. Кольбрука Miscellaneous

*n*avyûha называетъ N*â*igey*â*s подраздѣленіемъ школы K*â*uthum*â*s, но Burnell не могъ включить ихъ сюда, ибо иначе онъ не назвалъ бы текстъ K*â*uthum*â*s тождественнымъ „letter for letter“ съ текстомъ школы R*â**n**â*yan*î*y*â*s [68]). Съ редакціей школы N*â*igey*â*s мы знакомы лишь по тому оглавленію, о которомъ я говорилъ выше, и на основаніи котораго мы не можемъ, слѣдовательно, судить, на сколько отличался ея текстъ отъ извѣстнаго намъ, т. е. отъ текста R*â**n**â*yan*î*y*â*s (?). Есть, однако, одно мѣсто, разница въ которомъ между R*â*n. и N*â*ig. на столько существенна, что явствуетъ даже изъ оглавленія; я разумѣю то обстоятельсто, что отдѣлъ *Â*ra*n*yaka въ извѣстной намъ редакціи имѣетъ въ первой декадѣ 9 стиховъ, между тѣмъ какъ N*â*ig. *Â*rsha указываетъ на 10 и даже, можетъ быть, на 11 стиховъ. Школа N*â*ig. сохраняетъ въ данномъ случаѣ то, что утрачено другою школою, ибо этотъ недостающій стихъ является въ *Â*ra*n*ya-G*â*na нашей редакціи. Отсутствіе его въ *Â*ra*n*yak*â*rcika тѣмъ болѣе странно, что, за исключеніемъ этого стиха, равно какъ и слѣдующаго за нимъ непосредственно, всѣ остальные s*â*man, помѣщенные въ *Â*r.-G*â*na, извѣстны намъ въ ихъ первоначальной формѣ или изъ Chandas, или изъ *Â*ranyaka, или, наконецъ, изъ Stobha (о котор. см. ниже), между тѣмъ какъ данные стихи не стоятъ ни въ одномъ изъ этихъ трехъ текстовъ нашей редакціи. Излагая содержаніе того сборника пѣснопѣній, который называется *Â*ra*n*ya-G*â*na, я сообщаю далѣе оба эти стиха, недостающіе въ *Â*ra*n*yk*â*rcika; первый изъ нихъ начинается словами: „*â*krandaya kuru ghosham mah*â*ntam“, а второй: „pra yac cakram“ (*Â*r.-G*â*na II, I, 23—27). Начало десятаго стиха, сообщенное Бенфеемъ изъ N*â*ig. *Â*rsha: „*â*krandayat sarvo“ Rudro v*â*gnir v*â* [69]) не согласуется, повидимому, съ нашимъ, но нѣтъ сомнѣнія, что это одинъ и тотъ же стихъ, и кажущаяся разница происходитъ вслѣдствіе того, что Бенфей ошибочно включилъ въ начало стиха слово „sarvo“, которое принадлежитъ объясненію, а не самому стиху. Все это мѣсто въ N*â*ig. *Â*rsha должно быть читаемо такъ: „*â*krandaya [70]) çarvo rudro v*â*gnir v*â*“, т. е.

Essays I, 18 и 88. Вмѣсто Talavakâra, въ рукописяхъ комментарія Саяны къ Самаведѣ читается также Tavalkâra (стр. 12—13 по калькуттск. изданію).

[68]) Должно замѣтить, впрочемъ, что Cara*n*avyûha называетъ двѣ школы Kâuthumâs: одну какъ подраздѣленіе школы Rânâyanîyâs, другую—самостоятельную. Здѣсь должна быть, однако, ошибка.

[69]) Die Hymn. d. SV., Nachträge und Verbesserungen, стр. 268.

[70]) Поправка âkrandayatsa— въ âkrandayaça— не нуждается въ поясненіяхъ, такъ

„авторъ стиха „*â*krandaya“ или Шарва, или Рудра, или Агни“. Срав. изъ *Â*rsheya-Br*â*hma*n*a оглавленіе къ тѣмъ пяти s*â*man, которые основываются на нашихъ двухъ стихахъ: pa*ńć*a pavimanti mah*â*s*â*m*â*ni: çarvasya prathamottame, rudrasya tri*n*i. Такимъ образомъ здѣсь называются тѣ же имена Шарвы и Рудры которыя мы находимъ и въ N*â*ig. *Â*rsha. Въ N*â*ig. D*â*ivata соотвѣтствующее мѣсто должно читаться такъ: âkrandayâindryâu, т. е.„ âkrandaya“ âindryâu, между тѣмъ какъ Бенфей прочелъ: „akranday“ âindryâu (прибавивъ впрочемъ: „schwerlich richtig“) [71]), и смыслъ этого мѣста слѣдующій: „âkrandaya“ и т. д. два стиха посвященные Индрѣ“. Теперь вопросъ въ томъ, какъ должно понимать здѣсь двойствен. число. Первый стихъ второй декады также посвященъ Индрѣ, и такъ какъ N*â*ig. Dâivata не объясняетъ его отдѣльно, то подъ âindryâu можно было бы разумѣть стихи I, 10 и II, 1. Но слово âindryâu останавливаетъ насъ уже потому, что въ началѣ седьмой прапатхаки Nâig Dâivata замѣчаетъ слѣдующее: rahasyasv*r*kshu devatâ anuktâs tâ âindrya*h*, т. е. „тѣ стихи rahasya, въ которыхъ божества не указаны, посвящены Индрѣ“. Дѣйствительно, стихи, посвященные Индрѣ, остаются здѣсь не обозначенными, и наше мѣсто составляетъ исключеніе. Это исключеніе объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что два данныхъ стиха не причислялись къ rahasyâs, и очевидно, что вторымъ изъ этихъ стиховъ мы не обязаны считать II, 1. Можетъ быть, этотъ второй стихъ есть „pra vac cakram“, который въ *Â*r. Gâna слѣдуетъ непосредственно за „âkrandaya“ и отсутствуетъ въ текстѣ *Â*rcika нашей редакціи; въ такомъ случаѣ школа Nâigeyâs имѣла бы въ первой декадѣ 11 стиховъ, и, сообразно съ этимъ, мы должны были бы предположить, что въ Nâig. *Â*rsha пропущено слово „dve“ (т. е. „два стиха“) послѣ „âkrandaya“. Итакъ, редакція школы Nâig. представляетъ въ первой декадѣ *Â*r. существенное отличіе отъ редакціи Râ*n*., которая имѣетъ здѣсь девять стиховъ; это число я нахожу не только въ тѣхъ трехъ рукописяхъ, которыми пользовался при изданіи текста, но и въ рук. № 126 (по печатному каталогу) коллекціи Burnell'а [72]).

какъ начертанія tsa и ça иногда очень похожи въ рукописяхъ.

[71]) Въ связи съ предшествующимъ это мѣсто читается въ рукописи, конечно, такъ «aham» âtmadevatyâkrandayâindryâu, откуда видно, что мое дѣленіе вѣрно.

[72]) Это же число является, конечно, и въ рук. №№ 123 и 124 той же коллекціи, ибо иначе Burnell указалъ бы на особенность этихъ рукописей.

Другая особенность редакціи Nâig., касающаяся текста *Âraṇyaka*, состоитъ въ томъ, что начало 8-го стиха третьей декады читается здѣсь (по крайней мѣрѣ, въ оглавленіи): pṛkshasya, между тѣмъ какъ Râṇ. и въ Ârcika и въ Gâna представляетъ чтеніе: prakshasya. Въ этомъ случаѣ наша редакція имѣетъ преимущество передъ Nâig. и сохраняетъ чтеніе болѣе древнее; что же касается измѣненія prakshasya въ pṛkshasya, то оно произошло, вѣроятно, подъ вліяніемъ Ригведы, которая въ соотвѣтствующемъ стихѣ имѣетъ, дѣйствительно, въ этомъ словѣ ṛ вмѣсто ra [73]). Наконецъ, третью особенность редакціи Nâig. мы должны видѣть въ томъ, что она не употребляетъ названія *Âraṇyaka* (или *Âraṇî*) и считаетъ эти стихи седьмою прапатһакою въ Chandas.

Вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы теперь полный текстъ *Ârcika*, или нѣтъ, можетъ быть разрѣшенъ только при болѣе удовлетворительномъ знакомствѣ съ школами Самаведы; относительно напр. ǵâiminîyâs Burnell говоритъ, какъ мы видѣли, что текстъ ея разнится отъ текста двухъ другихъ школъ „in a few details", но мы не знаемъ, что должно разумѣть подъ этими частностями. Съ другой стороны, примѣръ первой декады въ *Âr.*, утратившей два стиха, остающіеся до сихъ поръ въ *Âranya-Gâna*, позволяетъ предполагать, что и въ другихъ Ганахъ сохранились, быть можетъ, стихи, не извѣстные изъ текста *Ârcika*. Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ ожидать цѣлаго отдѣла, такъ какъ иначе комментаторы Самаведы упомянули бы объ немъ. Бенфей [74]) сообщаетъ, что одна рукопись въ коллекціи Mackenzie (Wilson, Catal. I, p. 9, № XL) дѣлитъ Chandas на 11 частей и за восемью первыми [75]) приводитъ три слѣдующихъ: Arana, Sukriya и Mahânâmnî. Само собою разумѣется, что Arana есть *Âraṇyaka* (а не *Âraṇya-Gâna*, какъ думалъ Бенфей), присоединенный здѣсь къ Ch., но любопытно то, что между этимъ отдѣломъ и стихами Mahânâmnyas включенъ отдѣлъ Sukriya (т. е. Sukriyâ?). Есть ли это неизвѣстный намъ комплексъ стиховъ? Или, можетъ быть, отдѣлъ *Âraṇyaka* раздѣляется въ этой рукописи на двѣ части, изъ которыхъ вторая носитъ названіе

---

[73]) Девятый стихъ первой декады начинается словами: aham asmi, но у Бенфея въ Nâig *Ârsha* стоитъ ошибочно: aham âtmâ, между тѣмъ какъ âtmâ должно принадлежать не стиху, а объясненію (âtmâ viçokaḥ); срав. въ Nâig. Dâivata: «aham» âtmadevatyâ. Начало третьяго стиха первой декады читается въ рукоп. ошибочно: yasodam, вмѣсто: yasyedam.

[74]) Die Hymn. d. SV., стр. XVIII.

[75]) Я говорилъ выше о дѣленіи Chandas на восемь частей.

Sukriya? Въ послѣднемъ случаѣ было бы понятно, почему стихи Mahânâmnyas, соединяющіеся всегда съ *Âr.*, слѣдуютъ здѣсь послѣ Sukriya. Подъ названіями vâlakhilyaka, suparnya (suparna) и rahasya, упоминаемыми въ Caranavyûha [76]), разумѣются, вѣроятно, стихи извѣстные намъ, хотя и трудно сказать, какіе именно. Въ Nâig. Dâivata названіе rahasya употребляется о стихахъ въ *Âranyaka* и въ Uttarâ.

Мы знаемъ уже, что подъ Самаведою въ собственномъ смыслѣ должно разумѣть тотъ текстъ ея, въ которомъ мантры имѣютъ музыкальную форму, предназначенную для пѣнія, и являются дѣйствительными sâman. Этотъ текстъ состоитъ изъ четырехъ сборниковъ, которые носятъ слѣдующія названія: Geya-Gâna (ошибочно называемъ Veya-Gâna), *Âranya*-Gâna (или Aranya-Gâna, а также *Âranyaka*-Gâna), ûha-gâna и ûhya-gâna. Сборники Geya-Gâna и ûha-gâna считаются главными: основу перваго изъ нихъ составляютъ стихи, являющіеся въ формѣ *ṛc* въ Chandas, а основу втораго строфы изъ Uttar*â*. Для Geya-Gâna существуетъ также названіе Vedasâma-G*â*na [77]) или же Yoni-G*â*na [78]), подобно тому какъ и Ch. называется иначе Yoni-Grantha (см. выше). Названіе Geya-G*â*na, очевидно, есть сокращенное, и, дѣйствительно, въ полномъ видѣ мы находимъ его или въ Gr*â*ma-Geyag*â*na, или же въ S*â*ma-Geyag*â*na (ошибочно называем. S*â*ma-Veyag*â*na). Первое изъ этихъ названій противопоставляетъ нашъ сборникъ тому, который называется *Âranya*-G*â*na; стихи s*â*man, заключающіеся въ Gr*â*ma-Geyag*â*na, поются въ селеніяхъ (gr*â*ma), между тѣмъ какъ *Âranya*-G*â*na предназначается для пустыни (aranya). Что касается сборника Gr*â*ma-Geyag*â*na, то мы знакомимся съ нимъ изъ Калькуттскаго изданія Самаведы, гдѣ будутъ, вѣроятно, помѣщены и остальные Ганы. Бенфей [79]) сообщаетъ, что Geya-G*â*na состоитъ изъ 17 книгъ (prap*â*ṭhaka), которыя дѣлятся въ свою очередь на половины (ardha); отдѣлъ Chandas входитъ сюда цѣликомъ, и при томъ стихи слѣдуютъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ текстѣ *Ârcika*, хотя одинъ и тотъ же стихъ (какъ и въ другихъ Ганахъ) повторяется иногда нѣсколько разъ, но въ различной музыкальной транскрипціи. Составъ сборника *Âranya*-G*â*na изложенъ мною ниже, а здѣсь

---

76) См. также извлеченіе изъ Devîpurâṇa, помѣщенное Веберомъ рядомъ съ текстомъ Caranavyûha (Ind. Stud. III).

77) См. Комментарій Саяны, стр. 18.

78) Ibid. стр. 14.

79) Die Hymn. d. SV. стр. VI.

я замѣчу только, что Âr.-Gâna дѣлится на шесть prapâṭhaka (каждая prapâṭhaka—на половины), къ которымъ, въ видѣ дополненія, присоединяются стихи Mahânâmnyas, въ музыкальной формѣ. Тѣ sâman этого сборника, основа которыхъ заключается въ Ârcika, взяты не только изъ Âraṇyaka (этотъ отдѣлъ входитъ сюда весь), но также и изъ Chandas; отсюда видно близкое отношеніе Âr.-Gâna къ Geya-Gâna, въ отличіе отъ остальныхъ двухъ сборниковъ. Что касается ûha-gâna, то этотъ сборникъ, состоящій изъ 23 книгъ, примыкаетъ къ Uttarâ, но располагаетъ матеріалъ очень часто не въ томъ порядкѣ, какой извѣстенъ намъ изъ текста Ârcika [80]). Въ связи съ Uttarâ стоитъ и четвертый изъ сборниковъ, ûhya-gâna, заключающій въ себѣ 6 книгъ [81]); онъ долженъ быть разсматриваемъ, вѣроятно, какъ дополненіе предшествующаго, но, впрочемъ, взаимное отношеніе ûha-gâna и ûhya-gâna для меня не ясно, такъ какъ тексты этихъ сборниковъ пока еще не изданы.

Въ Çatapatha-Brâhmaṇa (принадлежащей къ Бѣлой Яджурведѣ) число sâman опредѣляется въ 4000 [82]), а Caraṇavyûha [83]) и Vâyu-Purâṇa [84]) насчитываютъ ихъ до 8014. Должно замѣтить, что эти числа, взятыя сами по себѣ, не кажутся большими, въ виду того, что многіе sâman тождественны по звуковой сторонѣ и отличаются лишь музыкальною формою, при чемъ каждый sâman получаетъ спеціальное названіе, напр. ângirasa, bârhaspatya, sarpasâman и т. д. Эти названія даются часто по имени автора, которому sâman приписывается, или бога, которому онъ посвященъ, или по тому слову, которое вставляется при пѣніи (см. ниже), и т. д., но въ нѣкоторыхъ случаяхъ также происхожденіе этихъ названій остается для насъ загадочнымъ. Я не могу входить здѣсь въ разсмотрѣніе того, на сколько согласуются приведенныя выше цифры съ числомъ стиховъ sâman, оказывающимся въ настоящее время въ Ганахъ, такъ какъ это послѣднее число не извѣстно мнѣ, но на основаніи имѣющихся данныхъ [85]) я думаю, что оно гораздо ближе къ 4000, чѣмъ къ 8014. Трудно рѣшить, какъ должно объяснять разницу

---

80) См. Бенфея ibid. стр. VII.
81) Ibid. стр. VIII.
82) См. Вебера въ Indische Studien I: Ueber die Literatur des Sâmaveda.
83) Indische Studien III: Caraṇavyûha, § 34.
84) Die Hymn. d. SV. стр. XX.
85) Срав. Indische Studien III: Index zu den Harmonieen und Discrepanzen in Th. Benfey's Ausgabe des Sâmaveda.

между этими двумя цифрами. Если въ теченіе того времени, которое лежитъ между Шатапатһабраһманой и Ваюпураной, число sâman возросло вдвое, то это можно было бы, конечно, понимать такъ, что новыя варіаціи въ способѣ пѣнія того или другаго sâman увеличили, наконецъ, общее число стиховъ до 8014. Но противъ этого говоритъ уже то, что въ текстахъ Ганъ, существующихъ въ настоящее время, число sâman, какъ я замѣтилъ, должно быть близко къ 4000, т. е. къ цифрѣ, приводимой въ Шатапатһабраһманѣ, а не къ 8014. Наконецъ, для двухъ Ганъ, именно для Geya-Gâna и для *Â*ra*n*ya-Gâna, у насъ есть средство опредѣлить составъ этихъ сборниковъ въ эпоху болѣе древнюю, чѣмъ та, къ которой относится составленіе Vâyu-Purâ*n*a или Cara*n*avyûha. Я разумѣю оглавленіе къ Geya-Gâna и *Â*r.-Gâna, помѣщенное въ *Â*rsheya-Brâhma*n*a (иначе: *r*shi-Brâhma*n*a) Все произведеніе состоитъ лишь изъ этого оглавленія, откуда видно, что въ собственномъ смыслѣ это не есть браһмана; однако то, что это оглавленіе причисляется къ браһманамъ [86]), указываетъ на древность его составленія. Такимъ образомъ, допуская, что *Â*rsheya-Brâhma*n*a уступаетъ по времени происхожденія Шатапатһабраһманѣ, мы все таки должны отнести ее къ древнѣйшему періоду индійской литературы, между тѣмъ какъ Vâyu-Purâ*n*a и Cara*n*avyûha отдѣляются отъ насъ лишь нѣсколькими вѣками. Изъ оглавленія, помѣщеннаго въ *Â*rsh.-Brâhm., мы видимъ, что число sâman, извѣстное намъ изъ текстовъ Geya-Gâna и *Â*ra*n*ya-Gâna, *почти* то же, какое было и въ періодъ составленія этой браһманы. Я говорю „почти", такъ какъ изъ сравненія *Â*r.-Gâna съ этимъ оглавленіемъ (см. ниже) оказывается, что *Â*rsheya-Brâhma*n*a знала въ нашемъ сборникѣ нѣсколько такихъ sâman, которыхъ мы теперь не находимъ въ немъ [87]); напр. въ оглавленіи мы читаемъ: v*r*shake dve, т. е. два стиха „v*r*shaka", между тѣмъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ текста (III, 1, 20) стоитъ лишь одинъ стихъ, называющійся v*r*shaka [88]). Такимъ образомъ сравненіе *Â*rsheya-Brâhma*n*a съ текстами Ганъ доказываетъ не увеличеніе числа sâman, но нѣкоторое уменьшеніе. Чтобы объяснить себѣ

---

86) Между тѣмъ какъ, напр., оглавленіе къ Ригведѣ не называется браһманою.

87) Я говорю лишь объ отношеніи текста *Â*r.-Gâna къ *Â*rsheya-Brâhma*n*a, такъ какъ не прослѣдилъ въ подробностяхъ отношенія, существующаго между этимъ оглавленіемъ и текстомъ Geya-Gâna; но и здѣсь разница, если только она есть, можетъ касаться лишь нѣсколькихъ стиховъ.

88) Оба стиха «v*r*shaka» были тождественны, конечно, по звуковой формѣ и отличались лишь со стороны музыкальной.

происхожденіе цифры 8014, не слѣдуетъ ли предположить, что въ это число входили варіанты *одного и того же* sâman, существовавшіе въ *различныхъ* школахъ Самаведы?

Посмотримъ теперь, при помощи какихъ средствъ стихъ—ṛc получаетъ форму стиха—sâman. Саяна, коснувшись этого вопроса, указываетъ прежде всего на семь музыкальныхъ тоновъ, svara, которые называются въ слѣдующемъ порядкѣ: „krushṭa" (собств. „вскрикнутый"), „первый", „второй" и т. д. до шестаго включительно [89]). Эти тоны допускаютъ въ свою очередь множество промежуточныхъ подраздѣленій [90]) и, само собою разумѣется, вносятъ въ sâman то, что составляетъ его существенный характеръ, т. е. музыкальность. Поэтому въ Châ̂ndogya-Upanishad (1, 8) на вопросъ: „откуда происходитъ sâman?" слѣдуетъ отвѣтъ: „изъ музыкальнаго тона" (kâ sâmno gatir iti, svara iti hovâca) [91]). Обращаясь затѣмъ къ измѣненію звуковой стороны, сопровождающему переходъ ṛc въ sâman, Саяна начинаетъ цитатою изъ Шаварасвамина (Çavarasvâmin): sâmavede sahasraṃ gîtyupâyâḥ, т. е. „въ Самаведѣ существуетъ тысяча средствъ для пѣнія". Изъ числа этихъ средствъ Шаварасваминъ называетъ слѣдующія: перемѣну звуковъ, aksharavikâra, разъятіе, viçlesha, растяженіе, vikarshaṇa, повтореніе, abhyâsa, паузу, virâma, и „стобху", stobha (о котор. см. далѣе) [92]). Сюда же Саяна присоединяетъ отпаденіе звука (или буквы), varṇalopa, какъ напр. слово girâ обращается иногда въ irâ, откуда (съ усиленіемъ i въ âi и съ разъятіемъ âi въ â-i=âyi) âyirâ (стр. 14).

Чтобы сдѣлать болѣе нагляднымъ переходъ ṛc въ sâman, я привожу здѣсь изъ Geya-Gâna три стиха—sâman, соотвѣтствующіе одному первому стиху—ṛc въ Chandas; замѣчу при этомъ, что ударенія, которыя разнятся въ Ганахъ отъ удареній въ Árcika, не переданы мною здѣсь ради типографскихъ удобствъ.

Ch. 1, 1, 1 (въ текстѣ „saṃhitâ"): agna â yâhi vîtaye gṛṇâno havyadâtaye, ni hotâ satsi barhishi.

---

89) Sâmaçabdavâcyasya gânasya svarûpam ṛgakshareshu krushṭâdibhiḥ saptabhiḥ svarâiḥ aksharavikârâdibhiçca nishpâdyate, krushṭaḥ prathamo dvitîyas tṛtîyaç caturthaḥ pañcamaḥ shashṭhaçcety ete saptasvarâḥ (стр. 10—11).

90) Ibid. стр. 11: té câvântarabhedâir bahudhâ bhinnâḥ.

91) Далѣе: «Откуда происходитъ музыкальный тонъ?»—Изъ дыханія.—«Откуда происходитъ дыханіе?«—Отъ пищи и т. д.

92) Tat—(т. е. gîti-) sampâdanârtho 'yam ṛgaksharavikâro viçlesho vikarshaṇam abhyâso virâmaḥ stobha ity evamâdayaḥ sarve sâmavede samâmnâyante (стр. 12).

Geya-Gâna:

I: ognâ-i, âyâhî 3 voitoyâ 2 i [93]), toyâ 2 i, gṛṇânoha, vyadâtoyâ 2 i, toyâ 2 i, nâ-ihotâsâ 23, tsâ 2 i, vâ [94]) 234 âuhovâ, hî 234 shî.

II: agna âyâhîvî, tayâ-i, gṛṇânohavyadâtâ, 23 yâ-i, nihotâsatsivarhâ 23 ishi, varhâ 2 ishâ 234 âuhovâ, varhî 3 shî 2345.

III: agna âyâhi, vâ 5 itayâ-i, gṛṇâno havyadâ 1 tâ 3 ye, nihotâ 234 sâ, tsâ 234 ivâ 3, hâ 234 [95]) isho 6 hâ-i [96]).

Въ числѣ средствъ, употребляемыхъ для пѣнія стиховъ, Шаварасваминъ называетъ, какъ мы видѣли, „стобhу“, stobha. Саяна даетъ слѣдующее опредѣленіе стобhѣ: adhikatve sati ṛgvilakshaṇavarṇaḥ stobhaḥ (стр. 13), т. е. „стобhа состоитъ изъ буквъ (звуковъ), не входящихъ въ ṛc и составляющихъ излишекъ.“ Слова „adhikatve sati“ (собств. „при существованіи излишка“) необходимы для точнаго опредѣленія стобhы, такъ какъ напр. въ ognâ-i (см. I sâman изъ Geya-Gâna), вмѣсто agne, звукъ *o* также не входитъ въ ṛc, но онъ не составляетъ излишка, а замѣняетъ *a*, и эта замѣна служитъ, слѣдовательно, однимъ изъ примѣровъ для aksharavikâra, о котор. упомянуто выше. Въ стихахъ sâman, приведенныхъ мною изъ Geya-Gana, стобhою мы должны назвать поэтому аггрегатъ звуковъ: âuhovâ, а также hâ-i (=hâyi), подобно тому какъ Саяна приводитъ ниже (стр. 40) подъ именемъ стобhы другой аггрегатъ: âuhohâyi. Назначеніе стобhы онъ видитъ въ наполненіи мѣры времени, потребнаго для пѣнія (gîtikâlaparichedakatva, стр. 41), въ связи съ чѣмъ стоитъ также позднѣйшее употребленіе этого слова „въ свѣтѣ“, или въ свѣтской рѣчи (въ противоположность Ведамъ), въ значеніи аггрегата словъ, не имѣющаго опредѣленнаго значенія и произносимаго въ собраніи (т. е. театрѣ) обманщикомъ (т. е. фокусникомъ), единственно съ цѣлью занять чѣмъ нибудь время („loke 'pi sabhâyâṃ vipralambhakenocyamânaṃ prakṛtârthânanvitaṃ kâlakshepamâtrahetuṃ çabdarâçiṃ stobha ity âcakshate“, стр. 14). Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы стобhа въ Самаведѣ состояла всегда изъ звуковъ—восклицаній; подъ этимъ именемъ

---

[93]) Въ Калькуттск. изданіи опечатка: vîitoyâ 2 i.

[94]) Т. е. bâ, такъ какъ b и v часто смѣшиваются въ рукописяхъ. Согласная r передъ другою согласною не рѣдко пропадаетъ въ Ганахъ, какъ напр. здѣсь barhish обратилось въ bâ—(или vâ-) hishî.

[95]) Въ Калькуттск. изданіи стоитъ здѣсь 2334, но это, конечно, опечатка.

[96]) Âsheya-Brâhmaṇa называетъ эти три стиха sâman такъ: gotamasya parkâv abhitaḥ, kaçyapasya barhishyam, т. е. «съ обѣихъ сторонъ по стиху «parka» Готамы, въ срединѣ стихъ «barhishya» Кашьяпы.»

мы встрѣчаемъ также слова и цѣлыя изреченія, вставляемыя въ тотъ или другой стихъ, а иногда даже образующія сами по себѣ отдѣльный sâman. Можетъ казаться страннымъ то, что Саяна не останавливается на стобhахъ этого рода, но во всякомъ случаѣ опредѣленіе, даваемое имъ: adhikatve saty ṛgvilakshaṇavarṇaḥ stobhaḥ простирается, по моему мнѣнію, на всѣ виды стобhы. Ученый издатель Самаведы, Satyavrata Sâmaçramî, замѣчаетъ по поводу приведеннаго мѣста, что это опредѣленіе подходитъ лишь къ стобhѣ звуковой или буквенной (varṇastobha) и не простирается на 9 стобhъ—изреченій (vâkyastobha) и на 15 стобhъ—словъ (padastobha) [97]); но подъ звуками отличающимися отъ ṛc, т. е. не входящими въ ṛc, можно разумѣть, мнѣ кажется, всѣ виды стобhы, тѣмъ болѣе что сложное слово ṛgvilakshaṇavarṇa не должно быть понимаемо здѣсь въ смыслѣ существительнаго, такъ какъ иначе Саяна не назвалъ бы стобhою, въ *единств. числѣ*, аггрегатъ звуковъ: âuhohâyi (стр. 40). Мы увидимъ, однако, далѣе, что дѣйствительно есть основаніе думать, что Саяна имѣлъ въ виду лишь нѣкоторыя стобhы, но для меня непонятно, что выражаетъ у Satyavrata Sâmaçramî терминъ varṇastobha (такъ какъ, напр., hâ есть не varṇastobha, но padastobha), и во всякомъ случаѣ я не могу съ нимъ согласиться, когда онъ на основаніи приведеннаго выше опредѣленія видитъ стобhу въ tsâyi=tsâ-i (см. выше I стихъ въ Geya-Gâna), изъ tsi [98]) (въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ Chandas); изъ словъ Саяны на стр. 39 слѣдуетъ, что подобные случаи должны объясняться не стобhою, но усиленіемъ (vṛddhi) гласной *i* въ дифтонгъ *âi*, изъ котораго черезъ „разъятіе“ (viçlesha) получается *â-î* (ибо въ дифт. *âi* „звукъ *â* первая часть, звукъ *î* вторая часть, *âkâraḥ pûrvo bhâgaḥ, îkâraḥ uttarabhâgaḥ*) [99]) или, прибавимъ, *â-i* (что вѣрнѣе и со стороны теоретической), такъ какъ въ Ганахъ гласная i часто бываетъ здѣсь краткою.

Изъ примѣчанія, дѣлаемаго издателемъ Самаведы, Satyavrata Sâmaçramî, (стр. 13) мы узнаемъ, что стобhъ—словъ считается 15,

---

[97]) Tad etallakshaṇaṃ, говоритъ Satyavr. Sâmaçr., varṇastobhamâtrasyâbhipretam, ena âçâstyâdinavavidhavâkyastobhe hâ-ukârâdipañcadaçapadastobheshu ca nâvyâptiḥ (стр. 13, примѣч.).

[98]) «tsi»—iti mûlakaḥ «tsâ 2 yi» ityaṃçaḥ stobhaḥ (стр. 12, примѣч.).

[99]) Саяна: ikâıaḥ sâmaprasiddhayâ prakriyayâ (въ изданіи опечатка: praktiyayâ) vṛddhaḥ sann âikâro bhavati, tasya sandhyaksharatvât «âkâraḥ pûrvo bhâgaḥ, îkâraḥ uttarabhâgaḥ», tâv ubhâu viçleshena gîyamânâu â-îbhâvaṃ pratipadyete (стр. 39).

а стобhъ-изреченій 9. Эти послѣднія носятъ слѣдующія названія: âçâsti, stuti, saṃkhyâna, pralaya, paridevana, prâisha, anveshaṇa, sṛshṭi, âkhyâna. Въ этомъ же порядкѣ Satyavr. Sâmaçr. приводитъ ихъ далѣе по ихъ начальнымъ словамъ или же цѣликомъ и замѣчаетъ, что эти 9 стобhъ-изреченій и 15 стобhъ-словъ встрѣчаются въ Ганахъ въ стихахъ sâman. Но что касается, по крайней мѣрѣ, Âraṇya-Gâna, то къ этому сборнику не можетъ быть примѣняемо дѣленіе стобhъ-изреченій, изложенное у Satyavr. Sâmaçr. Мы встрѣчаемъ здѣсь очень много слоговъ (безъ опредѣленнаго значенія), словъ и изреченій, не принадлежащихъ къ стихамъ ṛc, а составляющимъ часть того произведенія, которое называется Stobha (въ ед. ч.) Съ этимъ произведеніемъ я знакомъ по двумъ рукописямъ лондонской библіотеки при India Office (№№ 280 и 665) [100]), гдѣ Stobha приводится въ текстѣ „pada“, и при томъ въ № 280 съ обозначеніемъ удареній. Stobha состоитъ изъ двухъ книгъ—prapâṭhaka, которыя подраздѣляются на половины и главы, или параграфы; первая prapâṭhaka имѣетъ 14 главъ (половина послѣ восьмой главы), а вторая—11 (половина послѣ пятой главы). Изъ сравненія этого произведенія съ Âr.-Gâna оказывается, что начиная съ 4-й главы первой книги и оканчивая 10-ою главою второй, Stobha входитъ въ нашъ сборникъ пѣснопѣній, при чемъ отдѣльныя изреченія, а также слова, приводятся въ Âr.-Gâna въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ Стобhѣ. Этотъ порядокъ вовсе не согласуется съ тѣмъ, въ которомъ называетъ Satyavr. Sâmaçr. девять vâkystobha, точно такъ же какъ нѣтъ здѣсь ни этого дѣленія на 9 частей, ни названій для каждой части. Что касается стобhъ слоговыхъ и стобhъ словъ, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, повторяющихся въ Âr-Gâna очень часто, почти въ каждомъ sâman (напр. âuhovâ, iḍâ и т. п.), общій порядокъ остается и здѣсь тотъ же, что въ самомъ текстѣ Stobha. Такого же рода отношеніе должно существовать между этимъ текстомъ и сборникомъ Geya-Gâna; главная разница лишь въ томъ, что Stobha входитъ [101]) въ этотъ сборникъ въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ Âr.-Gâna, такъ какъ на долю Geya-Gâna приходятся, повидимому, только три главы первой прапатhаки въ Стобhѣ. На сколько я могу су-

---

[100]) Срав. также въ Каталогѣ Burnell'а № 153.

[101]) Употребляя это выраженіе, я вовсе не хочу сказать, что Ганы предполагаютъ существованіе Стобhы; напротивъ, я думаю, что текстъ Stobha былъ извлеченъ изъ Ганъ и освобожденъ при этомъ отъ музыкальной формы.

дить о сборникѣ Geya-Gâna по той части его, которая напечатана въ первыхъ выпускахъ Калькуттскаго изданія Самаведы, порядокъ Стобhы и здѣсь сохраняется въ общемъ, опять таки за исключеніемъ нѣкоторыхъ слоговъ и словъ, повторяющихся особенно часто; впрочемъ, такихъ исключеній здѣсь, можетъ быть, больше [102]), чѣмъ въ Âr.-Gâna.

Всѣ эти слоги, слова и изреченія, составляющіе Стобhу, являются въ Ганахъ въ музыкальной формѣ и переплетаются обыкновенно съ словами стиха ṛc, но иногда они образуютъ и самостоятельные sâman. Отсюда мы видимъ, что опредѣленіе Саяны: „gîtikâlaparichedakatva“ (см. выше) не можетъ быть распространено на Стобhу во всемъ ея объемѣ и касается собственно лишь тѣхъ словъ и слоговъ (подъ послѣдними я разумѣю аггрегаты звуковъ безъ опредѣленнаго значенія), которые повторяются особенно часто въ sâman, не образуя самостоятельныхъ стиховъ. Подъ 15 padastobha мы должны, вѣроятно, разумѣть именно эти слова и слоги съ музыкальнымъ назначеніемъ; но въ текстѣ Stobha они составляютъ лишь самое незначительное меньшинство и при томъ ничѣмъ не отличаются отъ остальнаго его содержанія. По моему мнѣнію, Stobha соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ слоги—восклицанія, а также слова и цѣлыя изреченія, которыя употреблялись въ качествѣ формулъ при жертвоприношеніи Сомы. Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ этихъ слоговъ и словъ стали употребляться особенно часто при пѣніи и такимъ образомъ получили новое назначеніе: поддерживать мелодію; но это второстепенное назначеніе вовсе не исключаетъ перваго или, по крайней мѣрѣ, не исключало первоначально и принадлежитъ къ тому же лишь самой незначительной части въ Стобhѣ. По этимологіи слово stobha указываетъ, я думаю, на корень stubh „славить“, „хвалить“ и означаетъ „славословіе“, а по характеру мы можемъ сравнивать Стобhу съ yaǵus въ Яджурведѣ и съ nivid въ браhманахъ [103]) и сутрахъ. Такимъ образомъ оказывается, что Самаведа точно такъ же состоитъ изъ сти-

---

[102]) Такъ, напр., въ стихѣ sâman II, 36 (стр. 200) я нахожу слово ṛtûn, котораго нѣтъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ текста Стобhы.

[103]) Срав., напр., тѣ формулы, изъ которыхъ *исключительно* состоитъ первая книга въ Tâṇḍya-Brâhmaṇa. Эта браhмана, принадлежащая къ Самаведѣ, издается въ Калькуттѣ въ Bibliotheca Indica (New Series, № 170 и друг.). На одной изъ первыхъ страницъ (первая книга, пятая глава) здѣсь встрѣчается опечатка, искажающая смыслъ; вмѣсто «pitâ no 'si bhagavan» напечатано: «pitâ no 'si mamatan». Чтеніе bhagavan явствуетъ изъ комментарія Саяны и изъ берлинск. рук.

ховъ и формулъ, какъ и Яджурведа; правда, оба эти элемента соединяются въ Самаведѣ иначе, чѣмъ въ Яджурведѣ, и въ первой изъ нихъ жертвенныя формулы не имѣютъ того значенія, какъ въ послѣдней, но общій составъ двухъ этихъ Ведъ остается все таки однороднымъ. Дальнѣйшее различіе между формулами Самаведы и Яджурведы состоитъ въ томъ, что первыя лишены нерѣдко всякаго опредѣленнаго смысла и состоятъ на половину изъ слоговъ (т. е. восклицаній) или же отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою словъ, и даже самыя изреченія здѣсь часто неудобопонимаемы, или вслѣдствіе своей отрывочности, или вслѣдствіе порчи звуковой формы. Но въ формулѣ имѣетъ важность не буквальное значеніе ея, а то символическое, которое дается традиціоннымъ употребленіемъ извѣстныхъ словъ (или восклицаній) въ связи съ тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ; въ этомъ отошеніи stobha представляетъ намъ, слѣдовательно, формулу болѣе развитою, сравнительно съ ya*ǵ*us. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ образомъ слово stobha получило впослѣдствіи въ „свѣтской" рѣчи то значеніе, о которомъ упоминаетъ Саяна (см. выше).

Сказанное мною о Стобhѣ распространяется также и на вставки въ стихахъ Mahânâmnyas, т. е. на purîsha или purîshapada (см. ниже, въ Комментаріи). Эти вставки также принадлежатъ къ жертвеннымъ формуламъ и однородны по характеру съ Стобhою; замѣчательно то, что онѣ внесены въ текстъ *Á*rcika, рядомъ съ самыми стихами, между тѣмъ какъ мы ожидали бы встрѣтить ихъ въ текстѣ Stobha.

Тождественнымъ по значенію съ stobha, какъ жертвеннымъ изреченіемъ въ Самаведѣ, является uktha. Уже въ Ригведѣ можемъ мы понимать это слово въ смыслѣ изреченія, въ отличіе отъ стиха и пѣсни; срав. RV. 3, 5, 2 (stoma, gir, uktha); 6, 5, 5 (uktha, arka); 6, 34, 1 (ukthârka); 6, 24, 7 (stoma, uktha); 3, 15, 4 (gir, uktha); 6, 38, 4 (id); 7, 26, 2 (uktha, nîtha) и т. д. Прилагательное ukthin, „сопровождаемый изреченіями", въ соединеніи съ soma (RV. 8, 65, 8; срав. 3, 52, 1, гдѣ существит. подразумѣвается), указываетъ на употребленіе изреченій при жертвоприношеніи Сомы, а въ ukthaçushmâ giras (6, 36, 3) [104]) можно видѣть такого же

[104]) Петерб. Словарь переводитъ ukthaçushma: «mit rauschenden oder brausenden Sprüchen versehen»; Словарь Грассмана: «durch Sprüchen Kraft verleihend». По моему мнѣнію: «сильный изреченіями», при чемъ въ примѣненіи къ пѣсни остается не выраженнымъ: имѣющая ли силу отъ изреченій, или дарующая силу изреченіями (которыя соединены съ пѣснью).

рода сочетаніе стиховъ и жертвенныхъ формулъ, какое является въ Ганахъ. Въ литературѣ браhманъ и сутръ слово uktha употребляется о жертвенныхъ формулахъ въ Самаведѣ (срав. напр. Çatap. Brâhm. 12, 8, 3, 27 [105]): kvâitasya sâmna uktham, kâ pratishthâ) и составляетъ особый видъ изреченій, отличающійся отъ yagus въ Яджурведѣ и отъ brahman въ Атhарваведѣ (Chândogya-Upan. 1, 7, 5: sâivark tatsâma taduktham tadyagus tadbrahma) [106]. Въ Mahâbhâshya uktha толкуется черезъ sâman („kâni punar ukthâni? sâmâni"; см. Ind. Stud XIII, 447), и это надо понимать такъ, что ukthâni принадлежатъ къ числу sâmâni, именно sâman, состоящій изъ жертвенной формулы, есть uktha. Изъ Бенфеевскаго Указателя къ стихамъ sâman (Ind. Stud. III: Index zu den Harmonieen und Discrepanzen) можно видѣть, что названіе uktha не дается, какъ спеціальное, sâman; другими словами, это—названіе родовое, и потому его нельзя сопоставлять съ rathamtara, vâirûpa и т. д., какъ это дѣлаетъ Бенфей въ Введеніи къ своему изданію Самаведы, стр. XIV. Отъ uktha происходитъ âukthika, „тотъ, кто изучаетъ или знаетъ уктhы", и объ образованіи этого слова учитъ уже Панини (IV, 2, 60), которому извѣстно также и слово âukthikya (IV, 3, 129). Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ, упоминаемымъ и въ Mahâbhâshya, разумѣется трактатъ объ уктhахъ, принадлежащій къ Sâmalakshana („Характеристика sâman"), какъ это сообщаетъ Кайята (Kâiyata, комментаторъ къ Mahâbhâshya), по словамъ котораго Sâmalakshana есть prâtiçâkhya çâstra, или pârshada [107]) (о Пратишакhьяхъ, или Паршадахъ, другихъ Ведъ см. ниже). Веберъ замѣчаетъ по поводу этого названія: „ein dgl. war bisher nicht bekannt", и дѣйствительно, о Пратишакhьѣ Самаведы мы до сихъ поръ ничего не слыхали, но Веберъ, какъ кажется, не знаетъ, что съ частью этого произведенія (хотя названіе prâtiçâkhya не было извѣстно) онъ самъ давно уже знакомъ, именно съ Sâmatantra [108]).

---

105) Эта цитата, равно какъ и слѣдующая, взята мною изъ Петерб. Словаря; см. подъ словомъ uktha, гдѣ, однако, uktha опредѣляется иначе, чѣмъ у меня.

106) Въ Ind. Stud. I, 29 Веберъ говоритъ по поводу uktha, что въ Çatap.-Brâhm. 10, 5, 4, 20 это слово употреблено въ значеніи ṛc (рядомъ съ yagus и sâman). Я не имѣю подъ руками текста Шатапатhабраhманы, но сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это толкованіе было вѣрно; uktha имѣетъ, вѣроятно, и здѣсь значеніе жертвенной формулы въ Самаведѣ.

107) См. Ind. Stud. XIII, 447.

108) См. Akadem. Vorlesungen über indische Literaturgeschichte, стр. 80. Срав. также Макса Мюллера History of ancient Sanskrit Literature.

На основаніи свидѣтельства, заключающагося въ Caraṇavyûha, § 33, можно видѣть, что Sâmalakshaṇa состоитъ изъ трехъ произведеній: ṛktantra, Sâmatantra и Âukthikya; это дѣленіе находится въ связи съ тройнымъ составомъ Самаведы (пѣснопѣніе sâman, стихъ ṛc, жертвенное изреченіе uktha=stobha) и важно для насъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ сказанное мною выше о жертвенныхъ формулахъ какъ необходимомъ элементѣ этой Веды. Параграфъ изъ Caraṇavyûha, относящійся сюда, долженъ читаться такъ: tatra kiṃcit punar âukthikyam [109]) ṛktantram sâmatantram ca tatsaṃǵńâdhâtulakshaṇam [110]) iti vidhîyante. На основаніи этого мѣста нельзя бы было еще заключать о грамматическомъ содержаніи Sâmalakshaṇa, но срав. сказанное Веберомъ о Sâmatantra, равно какъ и то обстоятельство, что комментаторъ называетъ Sâmatantra: vyâkaraṇa („грамматика"); это же названіе соединяется и съ ṛktantra, какъ можно видѣть изъ Каталога санскритск. рукоп. оксфордской библіотеки, гдѣ ṛktantra vyâkaraṇa приводится въ числѣ pariçishṭa Самаведы [111]). Въ той же библіотекѣ существуетъ, повидимому, и третья часть Sâmalakshaṇa, т. е. Âukthikya, но только подъ названіемъ Ukthaçâstra [112]) (въ числѣ pariçishṭa), „Ученіе объ уктhахъ". Въ значеніи âukthikya употребляется также ukthârtha [113]) и даже просто uktha; срав. въ Mahâbhâshya: ukthârtham uktham и у Кайяты: ukthaçabdena [114]) gâuṇyâ vṛttyâ sâmalakshaṇam âukthikyam ucyate, т. е. словомъ uktha въ переносномъ употребленіи обозначается

---

[109]) Веберъ пишетъ auchidyam, но замѣчаетъ при этомъ: «aus den Lesarten von C. D. conjicire ich aukthikyam.

[110]) Веберъ совершенно не понялъ этого мѣста и читаетъ: tatsaṃǵńâ dhâtulakshaṇam. Здѣсь lakshaṇa употреблено въ смыслѣ Sâmalakshaṇa («lakshaṇa, состоящая изъ (трехъ) частей подъ этими названіями»).

[111]) См. Catalogi Codicum Mscp. Bibliothecae Bodleianae Pars Octava codices sanscriticos complectens (Confecit Th. Aufrecht), стр. 378.

[112]) Ibid. стр. 383 b, № 466. Въ томъ же Каталогѣ называется и Sâmatantra (стр. 386).

[113]) Кайята (Ind. Stud. XIII, 447): ukthârtham iti sâmalakshaṇam prâtiçâkhyaṃ çâstram, отъуда не слѣдуетъ, однако, заключать, что названія ukthârtha и sâmalakshaṇa покрываютъ одно другое; ukthârtha только принадлежитъ къ sâmalakshaṇa.

[114]) Веберъ напрасно прибавляетъ: «d. i. durch den Plural ukthâni»; Кайята вовсе не имѣетъ въ виду формы ukthâni, употребленной въ Mahâbhâshya, или иначе пришлось бы предположить, что онъ не понимаетъ того мѣста, которое комментируетъ, такъ какъ Patańǵali говоритъ въ данномъ случаѣ объ ukthâni въ смыслѣ sâmâni и противопоставляетъ имъ далѣе âukthikya, трактатъ объ уктhахъ.

sâmalakshana âukthikya (т. е. часть sâmalakshana, именно âukthikya). То же говорится и въ Siddhântakâumudî (къ Панини IV, 2, 60) [115]): uktham sâmaviçeshah, tallakshanaparo granthaviçesho lakshanayoktham, т. е. „uktha есть видъ пѣснопѣній sâman; извѣстный текстъ, занимающійся характеристикою уктѣъ, есть uktha въ переносномъ смыслѣ“.

Ни одинъ изъ сборниковъ Ганъ, повидимому, не содержитъ въ себѣ Стобhу въ такомъ объемѣ, какъ Âranya-Gâna, и на основаніи этого обстоятельства, можно было бы относить редакцію Âranya-Gâna къ эпохѣ болѣе поздней, сравнительно съ Geya-Gâna и др.; но пока намъ не будетъ извѣстенъ въ точности составъ остальныхъ сборниковъ, мы должны остерегаться отъ подобныхъ выводовъ, по ихъ преждевременности. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что стобhа музыкальная входитъ во всѣ Ганы и составляетъ вообще одну изъ существенныхъ частей стиха sâman. Въ Sâmavidhâna-Brâhmana (I, 1) отношеніе стобhы къ другимъ элементамъ въ sâman опредѣляется при помощи сравненія такимъ образомъ: tasya ha vâ etasya sâmna rg evâsthîni, svaro mâńsâni, stobhâ lomâni, т. е. „въ этомъ-то sâman стихъ rc есть кости, музыкальный тонъ—тѣло, стобhы—волосы“. Какъ бы то ни было, присутствіе въ Ганахъ стобhъ, т. е. жертвенныхъ формулъ, даетъ нѣкоторыя указанія относительно времени редакціи этихъ сборниковъ пѣснопѣній. Я говорю здѣсь о Ганахъ въ той формѣ, какъ они извѣстны намъ, а не о стихахъ sâman вообще. Мантры Самаведы издревле предназначались для пѣнія, и текстъ Ârcika съ самаго начала имѣлъ назначеніе libretto, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Ганы, которые мы знаемъ, были одновременны съ нимъ по редакціи. Для Uttarâ эта неодновременность доказывается уже тѣмъ, что въ томъ сборникѣ пѣснопѣній, который основывается на этомъ отдѣлѣ, т. е. въ ûha-gâna, очень многіе гимны (въ музыкальн. формѣ) являются, по свидѣтельству Бенфея, совершенно въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ текстѣ Ârcika. Подобнымъ же образомъ должно объяснять несоотвѣтствіе отдѣла Âranyaka съ Âranya-Gâna; порядокъ стиховъ остается здѣсь, правда, тотъ же (за однимъ исключеніемъ въ нашей редакціи), но за то стихи изъ Âranyaka составляютъ лишь незначительную часть сборника Âranya-Gâna, который, кромѣ того, содержитъ въ себѣ много стиховъ изъ Chandas, равно какъ и Стобhу, въ очень значительномъ объемѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что

[115]) См. Pânini въ изданіи Бетлингка, т. II, стр. 179.

текстъ *Â*rcika могъ быть установленъ ранѣе текста Ганъ, ибо пѣніе вносило въ sâman элементъ подвижной, видоизмѣнявшійся съ теченіемъ времени и представлявшій трудности для фиксированія. Такимъ образомъ извѣстная намъ редакція Ганъ можетъ отдѣляться отъ редакціи текста *Â*rcika болѣе или менѣе длиннымъ промежуткомъ времени, въ продолженіе котораго ритуалъ развивался, конечно, все больше и больше, а въ связи съ развитіемъ ритуала усиливалось и употребленіе жертвенныхъ формулъ. Что касается тѣхъ частей Стобhы, которыя состоятъ изъ слоговъ—восклицаній или изъ отдѣльныхъ словъ, то понятно, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, когда произошло присоединеніе ихъ къ ṛc въ стихахъ s*â*man. Существованіе формулъ предполагаетъ собою ритуалъ, но ритуалъ, какъ мы знаемъ, вызвалъ и появленіе Самаведы; слѣдовательно, нѣкоторыя части Стобhы могли принадлежать уже древнѣйшимъ s*â*man [116]). Но Стобhа имѣетъ также цѣлыя изреченія, содержаніе которыхъ позволяетъ иногда дѣлать заключенія о времени ихъ происхожденія. Само собою разумѣется, что со стороны теоретической ничто не препятствуетъ намъ допустить существованіе подобныхъ изреченій уже въ древнѣйшихъ s*â*man, и, какъ мы видѣли, слово uktha даже въ Ригведѣ можетъ быть понимаемо въ смыслѣ жертвенной формулы. Не отвергая этого въ принципѣ, я долженъ, однако, признать, что тѣ изреченія, которыя извѣстны намъ изъ Ганъ и изъ текста Стобhы, въ большинствѣ случаевъ обличаютъ своимъ характеромъ сравнительно позднее происхожденіе: это или обломки старыхъ стиховъ, или же новыя компиляціи. Что касается первыхъ, то ихъ можно узнать по безсвязности содержанія и остаткамъ ритма, а также и по звуковой порчѣ. Для примѣра указываю на слѣдующее мѣсто (Stobha II, 3): agni*ḥ* çiçukva*ḥ* (sic), çukra*ḥ* çiçukva*ḥ*,—tega*ḥ*—çakrasya çakva*ṃ*,—te*ǵ*a*ḥ*—sapr*â**ḥ* sam*î*c*i**ḥ* (sic),—te*ǵ*o—usho na *ǵ*âra*ḥ*. Очевидно, что первоначальною основою для этой формулы послужилъ стихъ, соотвѣтствую-

[116]) Однимъ изъ древнихъ жертвенныхъ восклицаній было has, которое часто является въ Ганахъ. Отъ этого has происходятъ слова haskṛti и haskartar, извѣстныя уже изъ Ригведы, при чемъ первое изъ нихъ мы можемъ переводить: жертвенное восклицаніе (собств. «произнесеніе восклицанія has»), а второе: жрецъ (собств. «произносящій has»). См. RV. 8, 78, 6 (=SV. Utt. 6, 2, 19, 1): tat te ya*ǵñ*o a*ǵ*âyata tad arka uta haskṛti*ḥ*, «тогда явилась (собств. произошла) для тебя (= Индры) жертва, тогда явились гимнъ и жертвенное восклицаніе»; viçveshâm adhvarâ*ṇ*âm haskartâram (=agnim), «жреца всѣхъ жертвъ». Съ этими словами должно быть родственно и haskâra (*не* отъ has смѣяться) въ RV. 1, 23, 12, но объяснить его трудно.

щій въ Ригведѣ стиху 1, 69, 1: çukra*ḥ* çuçukv*âṅ* usho na *ǵâ*ra*ḥ* papr*â* sam*î*c*î* divo na*ǵ*yoti*ḥ*. Звуковая порча, очень значительная, какъ мы видимъ, показываетъ, что на буквальный смыслъ этихъ формулъ издавна не обращалось вниманія [117]). Что касается новыхъ компиляцій въ Стобһѣ, то онѣ могутъ быть съ увѣренностью признаны такими только по содержанію; слѣдовательно, во многихъ случаяхъ, гдѣсодержаніе безразлично въ этомъ отношеніи, мы не можемъ дѣлать никакихъ заключеній касательно бо̀льшей или меньшей древности частей Стобһы. Примѣромъ несомнѣнно новой компиляціи можно привести слѣдующее изреченіе о четырехъ мостахъ, по имени котораго называется и тотъ стихъ s*â*man, куда оно входитъ, setus*â*man (или setush*â* man), т. е. s*â*man мостовъ (*Â*r.-G*â*na II, 1, 34). Вотъ это мѣсто (Stobha I, 9): set*ûṅ*s tara dustar*â*n: d*â*nen*â*d*â*nam, akrodhena krodha*m*, çraddhay*â*çraddh*âm*, satyen*â*n*ṛ*ta*m*; esh*â* gatir, etad am*ṛ*ta*m*; svar [118]) gaccha, *ǵ*yotir gaccha, set*û*n t*î*rtv*â* catura*ḥ*, т. е.: „Перейди мосты, трудно проходимые: даяніемъ (милостынею)— не-даяніе, безгнѣвіемъ—гнѣвъ, вѣрою—невѣріе, правдою—неправду; вотъ путь, вотъ безсмертіе! Ступай на небо, ступай въ область свѣта (собств. „въ свѣтъ“), перейдя четыре моста“. Воззрѣнія, выраженныя здѣсь, никакъ не могутъ быть названы ведійскими въ собствен. смыслѣ и относятъ насъ къ кругу идей, извѣстному изъ литературы браһманъ и сутръ.

Въ заключеніе я позволю себѣ указать на одинъ новый индійскій терминъ, значеніе котораго можетъ быть понято изъ тройнаго состава Самаведы. Я разумѣю слово trip*âṭ*hin, употребляемое въ рукописяхъ Самаведы какъ титулъ переписчиковъ [119]). Слово это новаго происхожденія, и потому неудивительно, что оно является обыкновенно въ испорченной формѣ trip*âṭ*h*î* (собств. именит. пад., принятый здѣсь за основу) или же въ пракритизированной trip*â ḍ*in [120]),

---

117) Въ числѣ формулъ, помѣщенныхъ въ Tâ*ṇḍ*ya-Brâhma*ṇ*a, есть цѣльные стихи. Таково, напр., слѣдующее мѣсто (I, 2; VI, 6 и друг.): pra çukrâitu devî manîshâ asmad ratha*ḥ* sutash*ṭ*o na vâ*ǵ*î; vidu*ḥ* p*ṛ*thivyâ divo *ǵ*anitrâ ch*ṛṇ*vantv (т. е. ç*ṛṇ*vantu) âpo 'dha*ḥ* ksharantî*ḥ*. Въ промежутокъ между этими двумя стихами вставляется воззваніе: âyushe me pavasva, varcase me pavasva. Срав. въ Ригведѣ 7, 34, 1 и 2, гдѣ, однако, оказываются варіанты.

118) Въ *Â*r. Gâna s v a r обыкновенно измѣняется въ s u v a r.

119) См. Вебера Verzeichniss der Sanskrit-Handschriften (Berlin. 1853), стр. 67 (№№ 279 и 283), 71 (№ 297), 81 (№ 330) и др,

120) Ibid. стр. 79 (№ 321).

trivâḍin [121]) (и даже travâḍin) [122]). Веберъ [123]) замѣчаетъ по поводу tripâṭhin: „identisch wohl mit dem sonstigen Titel „trivedi", „dvivedi" etc." (т. е. trivedin, dvivedin), но что понимаетъ онъ подъ этимъ тождествомъ, я не знаю. Если по его мнѣнію tripâṭhin, подобно trivedin (=triveda), означаетъ человѣка знакомаго съ тремя Ведами, то согласиться съ этимъ нельзя уже потому, что pâṭha „чтеніе" никогда не употребляется въ значеніи цѣлой Веды. Словарь Бётлингка и Рота предполагаетъ, что подъ тремя pâṭha въ словѣ tripâṭhin („mit den 3 Pâṭha vertraut") разумѣются saṃhitâ-pâṭha, pada-pâṭha и krama-pâṭha, т. е. три способа чтенія Ведъ, о которыхъ см. ниже. Тотъ же Словарь, въ Дополненіяхъ, приводитъ, однако, tripâṭhin въ значеніи: „die drei Veda studirend,— kennend" и указываетъ на обозначеніе одного схоліаста къ произведенію „Vâsavadattâ": tripâṭhi-çivarâma. Послѣднее объясненіе опровергаетъ, конечно, первое, но, какъ я замѣтилъ уже выше, я не вижу никакихъ основаній, по которымъ можно было бы принимать tripâṭhin въ смыслѣ „знающаго три Веды" [124]). Нельзя объяснять простой случайностью то, что словомъ tripâṭhin обозначаются переписчики именно Самаведы, а не другой какой либо изъ Ведъ. Это обстоятельство на столько важно, что оно само по себѣ опровергаетъ оба толкованія нашего слова, упомянутыя выше. Еслибъ tripâṭhin означало человѣка изучившаго три Веды, то оно употреблялось бы, конечно, и въ рукописяхъ другихъ Ведъ, а еслибъ мы должны были разумѣть подъ tripâṭhin человѣка знакомаго съ тремя способами чтенія Ведъ, то именно въ рукописяхъ Самаведы трудно было бы ожидать встрѣтить это слово, ибо намъ ничего неизвѣстно о существованіи въ Самаведѣ третьяго способа чтенія, т. е. kramapâṭha; во всякомъ случаѣ, ограниченіе одной Самаведой было бы и здѣсь непонятно. Итакъ, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что tripâṭhin должно быть понимаемо въ связи съ составомъ Самаведы, а не по отношенію ко всѣмъ (или тремъ) Ведамъ. Достаточно пересмотрѣть Каталогъ Вебера, чтобы убѣдиться въ этомъ, такъ какъ, напр., слѣдующая помѣтка на рукописи одной изъ сутръ Яджур-

---

[121]) ibid. стр. 69 (№ 287).

[122]) ibid. стр. 69 (№ 286) и др.

[123]) ibid. стр. 69, примѣч.

[124]) Бенфей (Die Hymn. d. S. V. стр. VIII) также относитъ tripâṭhin къ тремъ Ведамъ и при этомъ ошибочно толкуетъ слово svaritam въ выраженіи: tripâṭhîçivaçaṅkareṇa svaritaṃ; срав. Вебера Verzeichniss, стр. 67, № 283.

веды ничего не доказываетъ противъ нашего заключенія; мы читаемъ здѣсь [125]): somanâthena likhitam kâçyâm tripâtiçrîganeçapathanârtham и т. д. Слово tripati (sic), т. е. tripathî, tripâthin, употреблено здѣсь не для обозначенія самого писца, а какъ титулъ какого-то Ганеши, которому переписчикъ посвящалъ свой трудъ („писано въ Каши, для чтенія благословенному „трипатҍину" Ганешѣ"); очевидно, что этотъ Ганеша могъ быть точно такъ же самаведистомъ, какъ и тотъ схоліастъ Шиварама, о которомъ упомянуто въ Словарѣ Бётлингка и Рота. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что названіе tripâthin можетъ встрѣчаться иногда и на рукописяхъ не ведійскихъ, какъ это мы дѣйствительно видимъ изъ Каталога Вебера, равно какъ и на такихъ, содержаніе которыхъ важно по отношенію ко всѣмъ Ведамъ; срав., напр., № 72 у Вебера, гдѣ trapâthi (sic) стоитъ на рукописи, заключающей Nirukti. Наконецъ, не было бы удивительнымъ встрѣтить это слово въ видѣ исключенія и на рукописяхъ другихъ Ведъ, такъ какъ человѣкъ, посвятившій себя спеціально Самаведѣ, могъ, однако, обращаться и къ другимъ Ведамъ, хотя въ такомъ случаѣ естественнѣе ожидать dvivedin (dviveda), trivedin (triveda), caturvedin (caturveda). Въ дополненіе къ тѣмъ свидѣтельствамъ касательно слова tripâthin, которыя можно извлечь изъ Каталога Вебера, привожу еще слѣдующее мѣсто изъ одной рукописи парижской Національной библіотеки (№ 151 Dev.) Эта рукопись заключаетъ въ себѣ Sarvatomukha-prayoga [126]), „Чинъ священнодѣйствія Сарватомукҍа" и приводитъ стихи sâman сперва въ музыкальной формѣ, а потомъ, въ видѣ приложенія, въ текстѣ Ârcika (изъ Uttarâ) [127]). Здѣсь, въ концѣ произведенія (но передъ текстомъ Ârcika), стоитъ слѣдующая помѣтка: iti..... tripâthîsûragîtanûga-tripâthîdeveçvarâtmaga-tripâthîsadârâmena krtah sarvatomukhaprayogah samâptah (л. 27 б). Такимъ образомъ названіе tripâthin дается здѣсь не писцу, но самому составителю служебника и простирается также на его отца и на дѣда; другими словами, всѣ они были самаведистами и потому получали титулъ „трипатҍина".—Что же можетъ быть понимаемо подъ тремя „чтеніями" въ Самаведѣ? Я думаю, что здѣсь разумѣются тексты Ârcika, Stobha

---

[125]) См. Вебера Verzeichniss der Sanskr. Handschr. стр. 49, № 220.

[126]) Такъ называется этотъ служебникъ въ концѣ, передъ текстомъ Ârcika. Въ началѣ рукописи мы читаемъ: atha trivrtstomasya sarvatomukhasya udgâtrtva-prayogah; âupasadânantaram âpastambena sarvatomukha uktah и т. д.

[127]) Вотъ начало: Utt. 1, 1, 1; 5, 2, 20; 1, 1, 3 и т. д.

(или Stâubhika) и Gâna, ибо изъ этихъ трехъ частей состоятъ, какъ мы видѣли, мантры Самаведы.

Текстъ *Âranyaka-Samhitâ* изданъ мною по тремъ рукописямъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ парижской Bibliothèque Nationale, № 176 Dev., а двѣ—лондонской библіотекѣ при India Office, №№ 665 и 280; въ этомъ же порядкѣ я обозначаю ихъ черезъ A, B, C. Въ основу положена мною рукоп. A, писанная очень исправно, между тѣмъ какъ обѣ другія полны ошибокъ. Для повѣрки текста служили мнѣ также рукописи, заключающія въ себѣ *Âranya-Gâna*, о которыхъ см. ниже. Названіе *Âranyaka-Samhitâ* [128]), употребленное мною для заглавія этой части Самаведы, стоитъ въ рукописяхъ коллекціи Burnell'а (№№ 126, 123, 124), которыми я, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться, по незнакомству съ письменами grantha. Подобнымъ же образомъ и въ комментаріяхъ Бharатасвамина и Саяны нашъ отдѣлъ называется *Âranyaka*; Саяна присоединяетъ къ этому еще существит. adhyâya, называя *Âranyaka* шестымъ чтеніемъ, или шестою штудіею въ Chandas (см. выше), и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ же самомъ значеніи употреблено названіе âranyako 'dhyâyah въ Mahâbhâshya [129]). Въ рук. A нашъ отдѣлъ называется *Âranî*, въ рук. C.— *Âranyâ*, а въ B.— *Âranâ*. Послѣднее чтеніе, конечно, ошибочно и произошло изъ *ârani*, которое представляетъ собою женск. родъ прилагат. âranya, т. е. *ârani* въ A=âranyâ въ C. При *Ârani* и *Âranyâ* должно подразумѣвать samhitâ? Срав. названіе Uttarâ.

Кромѣ тѣхъ трехъ рукописей, съ которыми я знакомъ непосредственно, во всѣхъ случаяхъ, казавшихся мнѣ сомнительными, я обращался также къ рукописи тюбингенской библіотеки (см. Каталогъ Рота, стр. 18, № 67) и считаю долгомъ выразить мою благодарность В. Ѳ. Миллеру, который принялъ на себя трудъ сличить съ этою рукописью мѣста, требовавшія на мой взглядъ подтвер-

---

[128]) О значеніи здѣсь слова samhitâ см. въ началѣ этого Введенія.

[129]) Ind. Stud. XIII, 453. Такимъ образомъ заключеніе Вебера: «Der âranyako 'dhyâyah (4, 2, 129) tritt in der That doch wohl für die Existenz von âranyaka-Texten ein» теряетъ свою силу, если только Веберъ разумѣетъ здѣсь подъ араньяками дополненія къ brâhmana.

жденія. Въ тюбингенской рукописи нашъ отдѣлъ называется *âṇî* т. е. *âraṇî*; здѣсь, какъ и въ парижской рукописи, стихи mah*â*n*â*mnyas не носятъ особаго названія, но послѣ нихъ не стоитъ также и цифры 6. Самостоятельность этихъ стиховъ доказывается тѣмъ, что послѣ пятой декады (т. е. передъ стихами mah*â*n*â*mnyas) рукопись имѣетъ обозначеніе: ardhaprap*âṭ*haka; я говорилъ уже выше, что пять декадъ отдѣла *Â*ra*ṇ*yaka соотвѣтствуютъ по объему половинѣ прапатһаки въ Chandas. Текстъ, заключающійся въ тюбингенской рукописи, принадлежитъ къ нашей же редакціи, какъ это доказывается не только названіемъ *Âraṇî*, но также и тѣмъ, что первая декада имѣетъ только девять стиховъ; слѣдовательно, Ротъ ошибается, видя здѣсь редакцію школы N*â*igey*â*s [130]).—Наконецъ, для нѣсколькихъ стиховъ я могъ пользоваться еще одною рукописью парижской Націон. библіотеки (№ 45 Dev.), гдѣ помѣщены отрывки изъ всѣхъ санһитъ Ведъ (со множествомъ ошибокъ). Нашъ отдѣлъ стоитъ здѣсь особо отъ Chandas и отъ Uttar*â*, подъ названіемъ a*ṇ*isa*ṁ*hit*â*, т. е. *â*ra*ṇî*sa*ṁ*hit*â*; за началомъ четвертаго стиха первой декады непосредственно слѣдуетъ здѣсь второй стихъ изъ Mah*â*namn*î*, но этого названія нѣтъ, и въ концѣ стоитъ цифра 6 (срав. Саяну).

Въ рук. А и С отдѣлъ *Â*ra*ṇ*yaka приведенъ въ текстѣ „pada“, а въ В—въ текстѣ „sa*ṁ*hitâ“ (какъ и въ тюбингенск. рук.); я сообщаю здѣсь первый изъ этихъ текстовъ, не только потому, что его имѣетъ А, но и по другимъ причинамъ. Извѣстно, что санһиты Ведъ переданы въ двухъ текстахъ, или въ двухъ способахъ чтенія, изъ которыхъ одинъ называется sa*ṁ*hit*â*p*âṭ*ha, чтеніемъ связаннымъ по законамъ sandhi, а другой—padap*âṭ*ha, гдѣ каждое слово (pada) приводится въ его первоначальной формѣ, свободнымъ отъ тѣхъ измѣненій, какимъ оно подвергается въ связной рѣчи въ своихъ начальныхъ и конечныхъ звукахъ вслѣдствіе законовъ sandhi [131]). Собственно говоря, правильное чтеніе Ведъ невозможно ни въ одномъ изъ этихъ двухъ текстовъ, такъ какъ sa*ṁ*hit*â*-p*âṭ*ha вноситъ въ ведійскій языкъ позднѣйшіе законы фонетики и соединяетъ часто то, что должно быть здѣсь раздѣляемо, а pada-p*âṭ*ha, выставляя первоначальную форму словъ, не удовлетворяетъ связной

---

130) См. Wörterbuch, Fünfter Theil, стр. 1669, подъ словомъ mahânâman.

131) Третій способъ чтенія Ведъ, kramapâṭha, представляетъ собою видоизмѣненіе padapâṭha и приводитъ слова не отдѣльно, но группами, или рядами (krama). Этотъ способъ чтенія не имѣетъ поэтому того самостоятельнаго значенія, какъ два первыхъ.

рѣчи и раздѣляетъ то, что должно быть соединяемо. Но если выбирать изъ двухъ текстовъ, то тексту „pada“ должно быть отдано преимущество, такъ какъ онъ ближе подходитъ къ правильному метрическому чтенію стиховъ и имѣетъ уже то достоинство, что не вноситъ въ Веды элементовъ позднѣйшаго языка. Оба текста, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ знаемъ, были составлены, вѣроятно, въ одну и ту же эпоху [132]), хотя текстъ „pada“ во всякомъ случаѣ предполагаетъ существованіе текста „saṁhitâ“, какъ это можно видѣть, напр., изъ того, что стихи, встрѣчающіеся нѣсколько разъ въ текстѣ „saṁhitâ“, приводятся въ „pada“ только одинъ разъ и далѣе уже не повторяются. Считаю не лишнимъ замѣтить, что этотъ взглядъ, по которому „saṁhitâ“ имѣетъ первенство передъ „pada“, принадлежитъ не только европейской наукѣ, но былъ извѣстенъ и въ Индіи, хотя изъ словъ Рота [133]), повторенныхъ недавно Веберомъ [134]), можно было бы заключать, что индійская традиція выводила всегда текстъ „saṁhitâ“ изъ „pada“. Древнѣйшее воззрѣніе на взаимное отношеніе двухъ этихъ текстовъ передано въ Prâtiçâkhya къ Ригведѣ [135]), гдѣ мы читаемъ: saṁhitâ padaprakṛtiḥ (II, 1) [136]). Необыкновенная сжатость языка сутръ (къ области которыхъ можно относить Пратишакhьи) вызвана была практическими цѣлями и должна была способствовать удобству запоминанія, но въ связи съ этимъ стояли, конечно, и важныя неудобства для правильнаго пониманія этого сжатаго, темнаго языка. Такъ, напр., выраженіе: saṁhitâ padaprakṛtiḥ, взятое само по себѣ, можетъ допускать два противоположныхъ толкованія: „текстъ „saṁhitâ“ имѣетъ основаніемъ текстъ „pada“ или „текстъ „saṁhitâ“ есть основаніе текста „pada“. Максъ Мюллеръ переводитъ: „Die sanhitâ setzt die Padas voraus“ [137]), и этотъ переводъ, безъ всякаго сомнѣнія, вѣренъ, такъ какъ Пратишакhьи исходятъ,

---

[132]) Ср. Макса Мюллера Rig-Veda-Sanhita translated and explained. Vol. I. Preface, стр. XXVI.

[133]) Zur Literatur und Geschichte des Weda, стр. 56; 82.

[134]) Ind. Stud. XIII, стр. 2.

[135]) Яджурведа и Атhарваведа имѣютъ также каждая свою Пратишакhью. Грамматическія сочиненія, называемыя Пратишакhьями (prâtiçâkhya значитъ «относящійся ко всѣмъ шакhамъ, или школамъ»), занимаются фонетикою и метрикою Ведъ. — Относительно Пратишакhьи къ Самаведѣ срав. сказанное выше.

[136]) Въ изданіи Макса Мюллера (Leipzig. 1856—1869) стр. XXXII.

[137]) Такимъ же образомъ объясняетъ это Regnier въ своемъ изданіи Пратишакhьи къ Ригведѣ, стр. 97.

дѣйствительно, изъ текста „pada“ и указываютъ на тѣ перемѣны (vikâra), которымъ подвергаются начальные и конечные звуки словъ въ текстѣ „saṁhitâ“ (см. Пратишакhью къ Ригведѣ II, 5). Мнѣ кажется, однако, что на основаніи приведеннаго мѣста нельзя еще заключать, что текстъ „pada“, по воззрѣнію Пратишакhьи къ Ригведѣ, предшествовалъ тексту saṁhitâ; здѣсь говорится объ отношеніи этихъ двухъ текстовъ въ грамматическомъ отношеніи (какъ понимаетъ и Максъ Мюллеръ), а не о первенствѣ происхожденія того или другаго изъ нихъ. Такимъ образомъ взглядъ Пратишакhьи оказывается совершенно вѣрнымъ. Другое древнее свидѣтельство касательно текстовъ saṁhitâ и pada мы находимъ у Яски (Yâska), который говоритъ объ этомъ такъ: paraḥ saṁnikarshaḥ saṁhitâ [138]), padaprakṛtih saṁhitâ, padaprakṛtîni sarvacaraṇânâṁ pârshadâni (Nirukta 1, 17), т. е. „saṁhitâ есть чрезвычайное стяженіе, saṁhitâ есть „padaprakṛti“; грамматическія изслѣдованія, общія всѣмъ школамъ (т. е. извѣстной Веды) [139]), имѣютъ основаніемъ текстъ „pada“. Здѣсь опять вопросъ въ томъ, какъ должно понимать выраженіе: padaprakṛtiḥ saṁhitâ, ибо, какъ замѣчено выше, оно допускаетъ два противоположныхъ толкованія. Изъ словъ комментатора къ Нируктѣ, Дурги (Durga), мы видимъ, что это выраженіе понималось въ Индіи, дѣйствительно, двоякимъ образомъ. Ротъ въ своихъ Erläuterungen zum Nirukta, стр. 13, помѣстилъ только отрывокъ изъ комментарія Дурги къ этому мѣсту, именно его объясненіе слова pârshadâni, но индійскій издатель Самаведы, Satyavrata Sâmaçramî, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній (стр. 91—92) сообщаетъ теперь цѣликомъ толкованіе Дурги [140]) къ приведеннымъ выше словамъ

---

[138]) Это же повторяется и у Панини: I, 4, 109. Срав. въ Mahâbhâshya опредѣленіе текста «saṁhitâ» черезъ paramasaṁnikarsha (Ind. Stud. XIII, 451).

[139]) Т. е. Пратишакhья.

[140]) Satyavrata Sâmaçramî не называетъ комментатора по имени (онъ говоритъ) только: atra bhâshyam, «вотъ комментарій»), но изъ сличенія съ тѣмъ отрывкомъ, который напечатанъ у Рота, видно, что это комментарій Дурги; при томъ же, мы ничего не знаемъ о существованіи какого нибудь другаго комментарія къ Нируктѣ. Комментарій Дурги въ тѣхъ рукописяхъ, которыми пользовался Ротъ, называется: Niruktabhâshya, Niruktavyâkhyâ, Niruktaṭîkâ (см. Рота Erläuterungen, стр. 235, примѣч.), а въ Парижской (рук. Національной библіот. № 136 Dev.) онъ носитъ имя: Niruktavṛtti. Подъ этимъ послѣднимъ заглавіемъ упоминается тотъ же самый комментарій, конечно, и въ каталогѣ санскритск. рукописей, находящихся въ индійскихъ библіотекахъ (Калькутта. 1838. См. Indische Studien I, 464), но любопытно, что авторомъ его называется здѣсь Ugrâcarya. Это имя попало поэтому и въ Петербургскій

Яски. Комментаторъ говоритъ по поводу „padaprakṛtiḥ saṃhitâ,“ что одни объясняютъ это въ смыслѣ: padânâṃ yâ prakṛtiḥ, seyaṃ padaprakṛtiḥ saṃhitâ и принимаютъ, слѣдовательно, текстъ „saṃhitâ, за первоначальную форму, или основаніе (saṃhitâiva prakṛtiḥ), а текстъ „pada“ за измѣненіе (vikârah padâni); другіе же, напротивъ, толкуютъ это выраженіе такъ: padâni prakṛtir yasyâ, seyaṃ padaprakṛtiḥ (т. е. saṃhitâ) и считаютъ текстъ „pada“ первоначальною формою относительно текста saṃhitâ“. Самъ комментаторъ по многимъ причинамъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе первому мнѣнію (saṃhitâiva prakṛtir, na padânîti paçyâmaḥ) и думаетъ, слѣдовательно, такъ же, какъ европейская наука.

Кромѣ того преимущества для насъ текста „pada“, на которое я указалъ выше, должны быть приняты во вниманіе еще два обстоятельства: во первыхъ, текстъ „pada“ удобнѣе для пониманія Ведъ, сравнительно съ „saṃhitâ“ (гдѣ отдѣльныя слова подвергаются измѣненіямъ вслѣдствіе законовъ sandhi), а во вторыхъ, онъ любопытенъ какъ ученый трудъ, представляющій собою первый опытъ критическаго и эксегетическаго изученія Ведъ. Въ текстѣ „pada“ каждое слово не только приводится въ его первоначальной формѣ, но и дѣлится на составныя части, если это слово сложное (или, по крайней мѣрѣ, считалось сложнымъ) или если составители этого текста желали выдѣлить нѣкоторые суффиксы. Очень естественно, что Веды отличаются одна отъ другой въ подробностяхъ того принципа, по которому выработанъ текстъ „pada“ для каждой изъ нихъ, и тщательное сопоставленіе этихъ различій можно видѣть въ статьѣ Вебера „Ueber den padapâṭha der Tâittirîya-Saṃ-

---

Словарь, хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Ugrâcarya есть одно и то же лице съ Дургою, при чемъ âcarya составляетъ не часть имени, но титулъ («учитель»). Чрезвычайно страннымъ показалось мнѣ встрѣтить ту же ошибку въ рукописномъ каталогѣ санскритск. манускриптовъ парижской Національной библіот. (составилъ Мункъ въ 1844 году), гдѣ подъ Niruktavṛtti замѣчено слѣдующее: Commentaire sur le Nirukta par Ugra-âcarya (?) (вопросительн. знакъ стоитъ въ каталогѣ). Между тѣмъ въ самой рукописи я не нашелъ этого имени, но вездѣ встрѣчалъ Urga (sic), съ эпитетами âcarya и bhagavant («благословенный»); такъ, напр., на л. 74 б мы читаемъ: ṛgvarthâyâṃ niruktavṛttâu gambumârganivâsinaḥ âcaryabhagavadurgasya kṛtâu saptamo 'dhyâyaḥ samâptaḥ. Начертанія d d u и d u, вообще говоря, очень похожи въ рукописяхъ, но здѣсь ясно можно видѣть d u (bhagavadurgasya); во всякомъ случаѣ, изъ сходства этихъ начертаній должно объяснять происхожденіе имени Urga, искаженнаго въ Ugra.

hitâ“ (Indische Studien, томъ XIII). Я не буду касаться здѣсь особенностей текста „pada“ въ Самаведѣ, такъ какъ мнѣ пришлось бы повторять то, что сказано Бенфеемъ въ его Введеніи (стр. LVII и слѣд.); замѣчу только, что, издавая *Âraṇyaka* въ этомъ текстѣ [141]), я находилъ по большей части излишнимъ указывать на тѣ пункты, гдѣ мы не можемъ согласиться съ „pada“ въ дѣленіи извѣстнаго слова на составныя части. Сюда принадлежатъ часто такіе случаи, въ которыхъ текстъ „pada„ не могъ представить вѣрнаго дѣленія, вслѣдствіе того, что этимологія извѣстнаго слова не могла быть добыта изъ одного древне-индійскаго языка. Такъ, напр., нарѣчіе *â*vis, „явно“, дѣлится здѣсь на *â*-vis; *â* есть префиксъ „къ“ и т. д., а vis сближается, можетъ быть, съ vid „знать“. По крайней мѣрѣ, Петербургскій Словарь объясняетъ *â*vis изъ *â*vid [142]), хотя противъ такого производства достаточно говоритъ конечное s въ *â*vis. Это слово принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, этимологія которыхъ можетъ быть понята лишь изъ сравненія съ родственными языками.

Я считаю совершенно вѣрнымъ сближеніе [143]) *â*vis съ старославянск. *явѣ*, мѣстн. пад., (русск. *на яву*, *явъ*, сербск. *на јави* и т. д.) и стариннымъ литовск. ovije (мѣстн. пад.) [144]) „на яву“; суффиксы здѣсь не тождественны, но, помимо одного и того же значенія, мы находимъ коренную гласную долгою во всѣхъ трехъ языкахъ. Сскр. *â*vis я принимаю за существительное средн. рода (именит. винит. пад.), образованное при помощи суф.—is [145]), подобно напр. arcis, çocis, havis и др,; должно замѣтить, что и удареніе стоитъ въ *â*vis, согласно съ общимъ правиломъ касательно первообразныхъ словъ на is [146]), на послѣднемъ слогѣ. Индо-европейскій корень av имѣлъ, вѣроятно, гласную краткую (сскр. *â*vis: av=çocis: çuc=havis: hu и т. д,), но во всякомъ случаѣ я отношу сюда же греческ. ἀΐω (послѣ α дигамма), равно какъ и

---

[141]) Текстъ «saṃhitâ» легко возстановить на основаніи законовъ sandhi, а что касается тѣхъ случаевъ, гдѣ «saṃhitâ» удлинняетъ гласную, то они указаны мною въ примѣчаніяхъ, на сколько это можно было видѣть по рук. B.

[142]) Такъ же и Веберъ; см. его Indische Streifen I, 19.

[143]) Срав. Миклошича Lexicon подъ словомъ *явѣ*. Иначе объясняетъ сскр. âvis Боппъ (Vgl. Gram., Zweite Ausgabe, III, 492), но съ нимъ я не могу согласиться.

[144]) Эту форму приводитъ г. Микуцкій изъ книги XVI вѣка; см. Отчеты о филологическомъ путешествіи по западнымъ краямъ Россіи, I. Литовск. ovitis «показаться во снѣ» (см. Словарь Нессельмана), вѣроятно, заимствовано.

[145]) Боппъ возводитъ этотъ суф. къ суф.—as; см. Vgl. Gram., 2-te Ausg., III, 409.

[146]) См. Бенфея Vollständige Grammatik der Sanskritsprache, стр. 155.

латинск. audio, изъ * avidio (срав. основу avi— въ греческ. ἀΐω)[147]; первоначальное значеніе корня было „замѣчать", откуда могли специализироваться дальнѣйшія значенія, по отношенію ли къ органу зрѣнія, или по отношенію къ органу слуха. Къ тому же корню принадлежатъ: греч. οὖς, латинск. auris (изъ ausis), литовск. ausis, ст. славянск. *ухо*, готск. auso (основа ausan)[148]. Эти слова, для которыхъ въ арійскихъ языкахъ нѣтъ соотвѣтствующихъ, любопытны въ томъ отношеніи, что указываютъ, повидимому, на корень *u*, между тѣмъ какъ я съ увѣренностью отношу ихъ къ корню av и принимаю, слѣдовательно, очень древнее выпаденіе гласной въ основѣ * avas, откуда aus—(греческ. οὖς=αὖς, латинск. aus— въ ausculto, ст. слав. *ух*— и т. д.); тождество конечныхъ суффиксовъ въ латинск. auris, изъ ausis, и въ литовск. ausis=ст.-сл. ушь— (въ дв. ч. уши, ушію, ушима), можетъ быть, случайно. Сильнымъ подтвержденіемъ въ пользу выставленной этимологіи этихъ основъ служитъ греч. основа οατ, изъ οϜατ[149]), откуда черезъ удлинненіе гласной подъ вліяніемъ дигаммы дорич. ὠατ, гомер. οὐατ[150]), а черезъ стяженіе гласныхъ ὠτ. Эта основа предполагаетъ первоначальн. avat, при которой въ качествѣ параллельной формы существовала упомянутая выше: avas; смѣна суф. at и as извѣстна изъ многихъ примѣровъ и была даже объясняема первоначальнымъ тождествомъ ихъ[151]), но этого вопроса мы можемъ не касаться здѣсь, такъ какъ онъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко.

---

147) Курціусъ (Grundzüge der griechisch. Etymologie, Vierte Auflage, стр. 389) сравниваетъ греч. ἀΐω, лат. audio, съ сскр. av «beachte, begünstige», но я считаю это сопоставленіе невѣрнымъ, такъ какъ значеніе «beachte», принимаемое для av въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петербургскимъ Словаремъ, не есть первоначальное, и, напр., Грассманъ въ своемъ Словарѣ къ Ригведѣ вовсе обходится безъ этого значенія. Сскр. av «споспѣшествовать, помогать; любить, желать; наслаждаться» и т. д. должно быть сравниваемо съ латинск. avere (см. Петерб. Словарь). Впрочемъ, Курціусъ хочетъ какимъ-то образомъ примирить это послѣднее сопоставленіе съ тѣмъ, которое сдѣлано имъ выше.

148) Срав. Курціуса Grundzüge ibid. и Фика Vergleichendes Wörterbuch der indogermanisch. Sprachen, стр. 345—346.

149) Срав. лаконск. ἐξωβάδια· ἐνώτια (Гезихій).

150) Обыкновенно объясняютъ οὐατ изъ * ουσατ-, αυσατ- (напр., Курціусъ ibid., стр. 405), но это объясненіе ошибочно, какъ видно уже изъ сравненія οὐατ- съ дорич. ὠατ-.

151) См. главнымъ образомъ статью Куна въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, томъ I, стр. 368 и слѣд.

Возвращаясь къ нашему тексту, я долженъ сказать теперь какъ о тѣхъ правилахъ, которыми руководился при его изданіи, такъ и объ моемъ переводѣ. Моею обязанностью было, конечно, издать текстъ безъ тѣхъ случайныхъ ошибокъ, которыя вкрались въ рукописи, и на сколько удалось мнѣ это, должно показать будущее, когда отдѣлъ Âranyaka появится въ Калькуттскомъ изданіи, на основаніи гораздо бóльшаго числа рукописей, чѣмъ то, какимъ располагалъ я. Но отъ этихъ ошибокъ, или, вѣрнѣе, описокъ, должно отличать тѣ ошибки, которыя принадлежатъ самому тексту; ясно, что провести грань между этими двумя родами ошибокъ не всегда легко, хотя положительно необходимо. Ошибки въ текстѣ или принадлежатъ той эпохѣ, къ которой относится его редакція, или же онѣ проникали позднѣе, при передачѣ этого текста; послѣднее, впрочемъ, можетъ быть допущено въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, въ виду того, что Самаведа точно такъ же не знаетъ настоящихъ варіантовъ чтенія, какъ и другія Веды, что объясняется священнымъ характеромъ этихъ произведеній. Варіанты оказываются при сравненіи одного и того же стиха, переданнаго въ различныхъ Ведахъ, или, по крайней мѣрѣ, при сравненіи разныхъ редакцій одной и той же Веды; но, какъ замѣчено выше, съ варіантами послѣдняго рода мы почти не знакомы. Въ текстѣ, изданномъ мною здѣсь, есть, можетъ быть, двѣ или три ошибки, которыя я удержалъ, однако, такъ какъ онѣ засвидѣтельствованы всѣми рукописями, какими я могъ воспользоваться. Я не позволилъ себѣ въ этихъ случаяхъ вносить мои поправки въ текстъ и ограничивался тѣмъ, что или предлагалъ поправку въ примѣчаніи, или же указывалъ только на возможность ошибки въ текстѣ. Иначе я не могъ поступать, не только потому, что не считалъ себя компетентнымъ для этого, но и потому, что задача издателя ведійскихъ текстовъ состоитъ въ настоящее время въ передачѣ того текста, который дѣйствительно существуетъ и существовалъ въ древности, на сколько можемъ мы прослѣдить его. Эти же соображенія побуждали извѣстнаго знатока Ведъ, Макса Мюллера, сообщать свои поправки къ тексту Ригведы (въ томъ изданіи, которое снабжено переводомъ) [152]) въ примѣчаніяхъ и отдѣлять ихъ такимъ образомъ отъ самого textus receptus.

[152]) До сихъ поръ вышелъ только одинъ томъ, въ которомъ переведено 12 гимновъ: Rig-Veda-Sanhita. The sacred Hymns of the Brahmans translated and explained by Max Müller. London. 1869. Гимны изданы здѣсь въ транскрипціи, въ текстѣ «pada».

Въ настоящее время несомнѣнно то, что мантры Ведъ переданы не вездѣ вѣрно, и задача будущаго состоитъ въ исправленіи существующаго текста и въ возстановленіи той формы, какую имѣлъ онъ не въ эпоху редакціи, а тогда, когда гимны Ведъ были въ живомъ употребленіи и не могли заключать въ себѣ ошибокъ. Ни одна Веда не изучалась въ Индіи такъ тщательно, какъ Ригведа, относительно текста которой мы можемъ быть даже увѣрены, что во всемъ существенномъ онъ тотъ же самый, какимъ пользовались составители Пратишакhьи, въ V или въ VI вѣкѣ до Р. Х. [153]). Однако, и въ эту отдаленную эпоху санhита Ригведы заключала въ себѣ ошибки, изъ которыхъ иныя внесены были текстомъ „pada", т. е. тѣмъ первымъ опытомъ критическаго изученія Ригведы, который относится ко времени ея редакціи. Общеизвѣстнымъ примѣромъ [154]) служитъ стихъ 1, 70, 4 (въ изданіи Ауфрехта 1, 70, 7), въ которомъ „pada" читаетъ: ca ratham, хотя и смыслъ и параллельныя мѣста требуютъ чтенія: caratham; въ этой поправкѣ, предложенной Бенфеемъ [155]), согласны, кажется, всѣ ведисты (Ротъ, Боллензенъ, Максъ Мюллеръ). Очевидно, что если въ одномъ мѣстѣ „pada" обнаруживаетъ непониманіе текста, то это позволяетъ намъ предполагать существованіе и другихъ ошибокъ въ textus receptus. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что критика ведійскихъ текстовъ будетъ получать все больше и больше мѣста при интерпретаціи Ведъ [156]), но въ настоящее время она существуетъ лишь въ зародышѣ, что совершенно понятно, такъ какъ лишь теперь оканчивается первое изданіе ведійскихъ санhитъ. Какъ на опытъ критическаго возстановленія текста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригведы можно указать, кромѣ Петербургск. Словаря, на двѣ статьи Боллензена („Zur Herstellung des Veda" въ Orient und Occident, томъ II, стр. 457—485; „Die Lieder des Parâçara" въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, томъ XXII, стр. 569—653) и на упомянутое выше изданіе Ригведы Макса Мюллера, съ переводомъ и примѣчаніями, томъ I.

---

[153]) См. Макса Мюллера Rig-Veda-Sanhita translat. and explain. Preface, XXX.

[154]) См. ibid. стр. LXVIII.

[155]) См. Die Hymn. d. SV., Glossar, подъ словомъ caratha.

[156]) Большое значеніе для критики ведійскихъ текстовъ долженъ имѣть метръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ намъ много любопытнаго относительно фонетики древнеиндійскаго языка; срав. изслѣдованія Куна «Spraclhiche Resultate aus der vedischen Metrik» въ Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, томы III и IV.

Обращаясь теперь къ моему переводу изданнаго здѣсь отрывка изъ Самаведы, относительно мѣстъ особенно трудныхъ замѣчу, что въ настоящее время, при тѣхъ средствахъ, какія даетъ наука, я долженъ былъ переводить такъ, а не иначе; въ будущемъ, съ развитіемъ интерпретаціи Ведъ, я могу понять то или другое въ иномъ свѣтѣ, но смѣю думать, что въ томъ небольшомъ текстѣ, который печатается мною здѣсь, это можетъ касаться лишь немногихъ мѣстъ и нѣсколькихъ словъ, точное значеніе которыхъ въ Ведахъ такъ трудно иногда уловить [157]). Я старался переводить по возможности близко, и это имѣло, конечно, своего рода неудобства, но иначе мой переводъ могъ бы получить колоритъ чуждый языку Ведъ. Если вообще никакой переводъ не въ состояніи передать вполнѣ подлинника, то можно ли требовать отъ перевода Ведъ на нашъ современный языкъ особенной близости къ оригиналу? Міровоззрѣніе, отразившееся въ этихъ гимнахъ, такъ далеко отъ насъ, что иногда требуется цѣлый комментарій, который позволилъ бы понять истинный смыслъ краткаго ведійскаго выраженія. Такимъ образомъ очень естественно, что переводъ Ведъ можетъ производить на читателя впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое ожидалось бы отъ этихъ древнихъ памятниковъ, и въ этомъ виноватъ не одинъ переводчикъ: самая передача ведійскаго міровоззрѣнія на современный намъ языкъ должна заключать въ себѣ много искусственнаго.

Трудности, являющіяся при пониманіи ведійскихъ текстовъ, все болѣе и болѣе сознаются европейскими учеными. Было время, когда Langlois, который вовсе не отличался глубокимъ знаніемъ Ведъ, представилъ, однако, на французскомъ языкѣ переводъ всей Ригведы [158]); а теперь извѣстный ведистъ, Максъ Мюллеръ,

---

[157]) Припомнимъ, что и для языка Гомера интерпретація отдѣльныхъ словъ оставляетъ еще многаго желать.

[158]) Строгая, но справедливая оцѣнка этого перевода сдѣлана Бётлингкомъ и Ротомъ въ предисловіи къ ихъ Словарю. Считаю не лишнимъ предостеречь читателя и отъ втораго изданія этого перевода, въ первомъ томѣ Bibliothèque Orientale (Paris. 1872 г.). Самъ переводчикъ давно уже умеръ и не рѣшился бы, конечно, издать свой переводъ вновь, безъ существенныхъ измѣненій, которыя стали положительно необходимыми, въ виду того, что сдѣлано для интерпретаціи Ведъ въ послѣднія 20 лѣтъ. На заглавіи этого втораго изданія мы читаемъ: Deuxième édition, revue, corrigée et augmentée d' un index analytique par Foucaux, но срав. также слова Foucaux: Je n'ai en aucune manière revu le texte français de la traduction du Rigveda de Langlois (см. Literarisches Centralblatt 1873 года, № 3, стр. 93).

послѣ продолжительныхъ занятій Ригведою, не рѣшается все таки предпринять полнаго ея перевода [159]). Трудность этой задачи объясняется тѣмъ, что при пониманіи Ведъ мы предоставлены своимъ собственнымъ силамъ и лишены той помощи, какую должна была бы оказать истинная традиція ихъ; Индія дала европейской наукѣ тексты священныхъ гимновъ и изреченій въ самой тщательной редакціи, она дала вмѣстѣ съ тѣмъ и громадную литературу, порожденную этими текстами, но истиннаго значенія, смысла текстовъ она часто не могла передать намъ, такъ какъ для нея самой этотъ смыслъ давно уже былъ утраченъ. Прежде думали, что Веды могутъ быть поняты при руководствѣ туземныхъ комментаторовъ, и, исходя изъ этого взгляда, Wilson перевелъ Ригведу [160]) на основаніи обширнаго комментарія къ ней, составленнаго Саяною въ XIV в. по Р. Х. Этотъ переводъ имѣетъ, конечно, своего рода значеніе, но онъ не даетъ намъ настоящей Ригведы, а знакомитъ лишь съ тѣмъ, какъ понималъ ее Саяна. Въ настоящее время мы знаемъ, однако, что не только у Саяны нельзя искать вѣрнаго пониманія Ведъ, но и трудъ Яски (Yâska), его Нирукта или Нирукти, свидѣтельствуетъ о томъ, что истинной традиціи въ объясненіи Ведъ не существовало уже задолго до Р. Х. Послѣдніе, слабые отголоски традиціи дошли до насъ въ томъ сборникѣ ведійскихъ синонимовъ и архаизмовъ, который называется Nighaṇṭu, Nighaṇṭavas (множ. ч.): Nâighaṇṭuka. Но и этотъ родъ произведеній, извѣстный намъ по одному такому сборнику, возникъ уже тогда, когда Веды стали непонятными, и когда браhманскія школы, въ которыхъ преподавались священные тексты, стали нуждаться въ подобномъ руководствѣ. Nâighaṇṭuka стоитъ такимъ образомъ во главѣ эксегетическихъ сочиненій, занимающихся толкованіемъ Ведъ, хотя это еще самый простой, самый несовершенный способъ эксегезиса. Сборникъ состоитъ изъ пяти книгъ, изъ которыхъ три первыя объясняютъ ведійскія слова при помощи дѣленія ихъ на группы симонимовъ, группы весьма обширныя, что свидѣтельствуетъ уже о томъ, что истинный смыслъ многихъ словъ былъ утраченъ; четвертая книга приводитъ особенно обветшалыя слова и формы, безъ всякаго объясненія, и, наконецъ, пятая есть классификація бо-

---

[159]) Rig-Veda-Sanhita translat. and explain. Preface, XXV.

[160]) Часть перевода была издана еще при жизни Wilson'a, а продолженіе этого изданія взялъ на себя Cowell (Rig-Veda-Sanhita. A Collection of Ancient Hindu Hymns. Translated from the Original Sanskrit).

жествъ, являющихся въ Ведахъ. Къ этому-то сборнику примыкаетъ комментарій Яски, Нирукта. Яска имѣлъ передъ собою длинный рядъ ученыхъ эксегетовъ и грамматиковъ, имена которыхъ онъ приводитъ въ своемъ комментаріи. Эти предшественники Яски такъ же объясняли Веды, какъ и онъ, не путемъ истинной традиціи, которой тогда уже не существовало, а путемъ грамматически-этимологическаго анализа, и этотъ-то способъ объясненія является затѣмъ источникомъ новой традиціи, принятіе которой, конечно, ни мало не обязательно для насъ. Научной этимологіи не было у Индійцевъ, да и не могло быть, а потому понятно, что труды этихъ эксегетовъ вовсе не приводили къ правильному пониманію Ведъ. Во всякомъ случаѣ, это стремленіе постигнуть истинный смыслъ Ведъ, стремленіе, которое не могло увѣнчаться успѣхомъ, при слишкомъ недостаточныхъ средствахъ, какими располагали индійскіе ученые, заслуживаетъ всякаго уваженія, тѣмъ болѣе что уже въ эту отдаленную эпоху были люди, которые иначе относились къ священнымъ текстамъ и ко всякимъ попыткамъ объяснить ихъ. Толкованіе Ведъ эти люди считали совершенно безполезнымъ дѣломъ; объясненіе мантръ, говорилъ Каутса, не имѣетъ смысла, потому что сами мантры безсмысленны: онѣ говорятъ о вещахъ невозможныхъ, онѣ заключаютъ въ себѣ противорѣчія, наконецъ—онѣ непонятны (Nir. 1, 15). Эти и подобныя возраженія считаетъ своимъ долгомъ опровергнуть Яска; „не столбъ виноватъ въ томъ, что слѣпой не видитъ его“, говоритъ онъ, между прочимъ, „но самъ человѣкъ причина этого“ (1, 16). Наука стоитъ для Яски высоко; говоря о мнѣніяхъ своихъ предшественниковъ и соглашаясь иногда съ ихъ противниками въ томъ, что то или другое объясненіе было ложно, Яска прибавляетъ: „но порицаніе падаетъ на отдѣльнаго человѣка (т. е. на его мнѣніе), оно не касается науки“ (1, 14).

Nâighaṇṭuka и Nirukta, служившія главнымъ основаніемъ для позднѣйшихъ индійскихъ комментаторовъ Ведъ, были изданы и объяснены Ротомъ [161]), который по справедливости можетъ считаться въ настоящее время лучшимъ знатокомъ Ведъ. Небольшая книжка, изданная имъ еще въ 1846 году: Zur Literatur und Geschichte des Weda, до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе и является очень полезною для каждаго, кто желаетъ ознакомиться съ древнѣйшимъ

161) Jâska's Nirukta sammt den Nighaṇṭavas herausgegeben und erläutert von Rudolph Roth. Göttingen. 1852.

періодомъ индійской литературы [162]). Но главнымъ трудомъ Рота съ начала пятидесятыхъ годовъ была обработка Санскритскаго Словаря, издаваемаго имъ въ сообществѣ съ петербургскимъ ученымъ Бётлингкомъ и при содѣйствіи другихъ санскритистовъ, на средства русской Академіи Наукъ. Въ этомъ громадномъ словарѣ Роту принадлежитъ главнымъ образомъ все то, что касается объясненія словъ, извлеченныхъ изъ произведеній ведійской литературы, и никто другой, конечно, не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ онъ. Ротъ установилъ впервые правильный взглядъ на неудовлетворительность индійской традиціи въ дѣлѣ толкованія Ведъ [163]), и въ настоящее время всѣ ведисты согласны съ этимъ въ принципѣ [164]), хотя въ частностяхъ они и расходятся другъ съ другомъ. Послѣднимъ защитникомъ той теоріи, въ силу которой мы должны учиться пониманію Ведъ у индійскихъ комментаторовъ, былъ Гольдштюкеръ (On the Veda of the Hindus and the Veda of the „German School"), но въ оправданіе ему можно сказать то, что самъ онъ, повидимому, никогда не занимался спеціально Ведами; иначе не могъ бы и онъ, наконецъ, не замѣтить, что индійскіе комментаторы вносятъ въ Веды новыя понятія, выработанныя браhманизмомъ, что въ толкованіи словъ они исходятъ или изъ позднѣйшаго употребленія ихъ, или изъ этимологіи, выставленной гадательно и вовсе не научной. Опроверженіе теоріи Вильсона и Гольдштюкера и блистательную защиту того взгляда на индійскую традицію, который господствуетъ теперь въ наукѣ, представилъ въ недавнее время американскій ученый Whitney [165]), извѣстный не только какъ знатокъ Ведъ, но и какъ отличный лингвистъ [166]). Но если мы и не можемъ принять индійскихъ эксегетовъ

---

[162]) Первымъ сочиненіемъ, которое познакомило европейскую науку съ Ведами, былъ трактатъ Кольбрука (Colebrooke) On the Vedas, напечатанный въ 1805 г. въ VIII томѣ Asiatic Researches и перепечатанный впослѣдствіи въ его Miscellaneous Essays.

[163]) См., между прочимъ, его статью: «Ueber gelehrte Tradition im Alterthum, besonders in Indien» въ XXI томѣ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

[164]) Такъ, напр., Максъ Мюллеръ, который самъ издалъ комментарій Саяны къ Ригведѣ, говоритъ, что при переводѣ мѣстъ дѣйствительно трудныхъ онъ рѣдко находилъ помощь у этого комментатора (Rig-Veda translat. Preface, стр. XV).

[165]) См. его Oriental and Linguistic Studies (New York. 1873.): «The Translation of the Veda.»

[166]) Популярныя лекціи его по языкознанію: Language and the Study of Language (Third edition. London. 1870.) желательно было бы видѣть въ переводѣ на русскій языкъ.

нашими руководителями при объясненіи Ведъ, тѣмъ не менѣе мы не должны, конечно, игнорировать ихъ и обязаны пользоваться ихъ трудами какъ однимъ изъ пособій [167]); за нами остается только право относиться такъ же критически къ этимъ трудамъ, какъ и къ объясненіямъ европейскихъ ученыхъ. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ при современномъ толкованіи Ведъ служитъ не индійская традиція, но сопоставленіе всѣхъ параллельныхъ мѣстъ и научная этимологія словъ, возможная при тѣхъ средствахъ, какими обладаетъ теперь языкознаніе.

Главнымъ пособіемъ для меня служилъ Петербургскій Словарь. Въ Комментаріи я останавливаюсь на всѣхъ мѣстахъ, въ пониманіи которыхъ я отступаю отъ Рота, и привожу при этомъ его толкованіе, несогласное съ моимъ. Другимъ важнымъ пособіемъ былъ для меня Словарь къ Ригведѣ Грассмана, еще не оконченный [168]); по методу и по многимъ частностямъ въ опредѣленіи значенія словъ этотъ трудъ служитъ продолженіемъ Петербургскаго Словаря Бётлингка и Рота. Многіе изъ стиховъ, помѣщенныхъ мною здѣсь, (съ нѣкоторыми варіантами) были переведены Бенфеемъ въ Nachträge und Verbesserungen къ его изданію Самаведы. Мой переводъ часто значительно разнится отъ Бенфеевскаго, но я счелъ излишнимъ перепечатывать въ примѣчаніяхъ этотъ послѣдній, такъ какъ самъ Бенфей перевелъ бы теперь многое иначе, чѣмъ это было сдѣлано имъ 27 лѣтъ тому назадъ. Достаточно взять для сравненія переводъ Ригведы того же Бенфея, начатый имъ въ шестидесятыхъ годахъ, но, къ сожалѣнію, такъ скоро прерванный [169]), чтобы убѣдиться въ неизбѣжности многихъ поправокъ, которыя внесъ бы теперь Бенфей въ свой прежній переводъ Самаведы. Припомнимъ, что въ 1848 году, когда вышло въ свѣтъ Бенфеевское изданіе Самаведы, не только не существовало Петербургскаго Словаря, но и самыя Веды не были еще изданы (за исключеніемъ Самаведы въ изданіи Стевенсона и отрывковъ изъ Ригведы и Бѣлой Яджурведы); глоссарій Бенфея къ Самаведѣ долгое время служилъ необходимымъ пособіемъ для каждаго, кто желалъ ознакомиться съ языкомъ Ведъ.

---

167) Я упомянулъ выше, что въ коллекціи рукописей Burnell'a въ библіотекѣ India Office существуетъ комментарій къ Âraṅyaka Бharатасвамина. Этотъ комментарій могъ бы оказать мнѣ, конечно, пользу, но, къ сожалѣнію, мое кратковременное пребываніе въ Лондонѣ и незнакомство съ письменами grantha не позволили мнѣ воспользоваться имъ.

168) Wörterbuch zum Rig-Veda. Я имѣлъ три выпуска этого Словаря.

169) См. журналъ Orient und Occident, издававшійся подъ редакціей Бенфея.

Транскрипція, употребляемая мною, общеизвѣстна, и я замѣчу здѣсь только, что черезъ *ñ* я передаю анунасику (anunâsika). Запятая указываетъ на метрическое дѣленіе стиха [170]). Ударенія, имѣющія часто столь важное значеніе для пониманія извѣстнаго мѣста, разставлены по рук. A; C также имѣетъ ударенія, но ставитъ ихъ не вездѣ вѣрно, а B писана безъ удареній. Система удареній въ Самаведѣ очень сложна, но намъ достаточно, конечно, передавать удатту (udâtta) и самостоятельную свариту (svarita), при чемъ для первой я употребляю знакъ акута, а для второй знакъ грависа (чисто условное обозначеніе). Одну изъ особенностей текста „pada" въ Самаведѣ составляетъ то, что односложныя слова, долженствующія имѣть удатту, часто являются здѣсь безъ ударенія (въ „sa*m*hitâ" съ удареніемъ). Бенфей указывалъ уже на эту особенность [171]) и замѣтилъ при этомъ, что онъ не могъ открыть правила, по которому удареніе то ставится, то не ставится на извѣстномъ словѣ. Для меня это явленіе остается точно такъ же необъяснимымъ, но я не позволилъ себѣ отступать отъ рукописи, и тамъ, гдѣ A не имѣетъ ударенія, я не поставилъ его и въ моемъ изданіи текста. [172]). Очень можетъ быть, конечно, что въ томъ или въ другомъ случаѣ отсутствіе ударенія объясняется небрежностью рукописи, но я не имѣлъ никакихъ данныхъ, которыя позволили бы мнѣ отличать здѣсь описку отъ того, что было слѣдствіемъ какого-то правила или обычая. Замѣчу, однако, что A вообще не ошибается въ удареніяхъ.

Что касается моихъ указаній на стихи, повторяющіеся въ санhитахъ другихъ Ведъ, то я принялъ за правило, если стихъ встрѣчается въ Ригведѣ, ограничиваться одною этою ссылкою [173]); исключеніе сдѣлано только для стиховъ изъ purushasûkta, гдѣ приведены и чтенія Атhарваведы, какъ особенно близкія къ нашимъ [174]). При

---

170) Въ текстѣ «pada» это дѣленіе не обозначается въ рукописяхъ.

171) Die Hymnen des SV. Einleitung, стр. LXIV.

172) Такимъ образомъ односложныя слова, долженствующія имѣть удатту, часто совпадаютъ въ моей транскрипціи съ атонами; но это представляетъ неудобство лишь для тѣхъ, кто не знакомъ съ языкомъ. Я не рѣшился ввести новый знакъ, такъ какъ это затруднило бы печатаніе.

173) Сопоставленіе съ другими Ведами легко сдѣлать по тѣмъ Указателямъ, которые помѣщены въ Indische Studien.

174) Я привожу цитаты въ текстѣ «sa*m*hitâ»; удареніе оставляю обыкновенно не обозначеннымъ.

ссылкахъ на Âraṇya-Gâna (AG.) я ограничивался обыкновенно указаніемъ на тотъ sâman, въ которомъ извѣстный стихъ является въ первый разъ; перечислять же всѣ повторенія я находилъ тѣмъ болѣе излишнимъ, что составъ этого сборника пѣснопѣній изложенъ мною въ отдѣльной главѣ.

ÂRANYAKA-SAMHITÂ.

*Â*RANYAKA-SAMHIT*Â*.

o*m*, çrîga*n*eçâya nama*h*, çrîsâmavedâya nama*h*, o*m* [1]).

1. índra *g*yésh*t*ham na*h* *â* bhara ó*g*ish*t*ham púpuri çráva*h*, yat dídh*r*kshema va*g*ra-hasta ródasî (íti) â ubhé (íti) su-çipra paprâ*h* [2]).

2. índra*h* r*â**g*â *g*ágata*h* carsha*n*în*â*m ádhi ksham*â* viçvá-r*û*pam yát asya, táta*h* dadâti dâçúshe vás*û*ni codát r*â*dha*h* *û*pa-stutam cit arv*â*k [3]),

3. yásya idám â-rá*g*a*h* y*û**g*a*h* tu*g*é *g*áne vánam svàr (íti), índrasya rántyam b*r*hát [4]).

4. *û*t uttamám varu*n*a p*â*çam asmát áva adhamá*m* vi madhyamám çrathâya, átha â-ditya vraté vayám táva an-âgása*h* á-ditaye syâma [5]).

5. tváyâ vayám pávamânena soma bháre k*r*tám vi cinuyâma çáçvat, tat na*h* mi-trá*h* váru*n*a*h* mâmahantâm á-diti*h* síndhu*h* p*r*thiví utá dyâu*h* [6]).

6. imám v*r*sha*n*am k*r**n*uta ékam it mâm [7]).

7. sá*h* na*h* índrâya yá*g*yave váru*n*âya mar*û*dbhya*h*, varivah-vít pári srava [8]).

---

1) A: çrîga*n*eçâya nama*h*, çrîbhavânîça*m*karâbhyâ*m* nama*h*.

2) AG. 1, 1, 24. — RV. 6, 46, 5: indra *g*yesh*t*ha*m* na â bhara*n* (текстъ «pada»: bhara) o*g*ish*t*ham papuri çrava*h*, yeneme citra va*g*rahasta rodasî obhe suçipra pr*â**h*.

3) AG. 1, 2, 9 и 10.—RV. 7, 27, 3: indro râ*g*â *g*agataç carsha*n*înâm adhi kshami vishurûpam yad asti, tato dadâti dâçushe vasûni códad râdha upastutaç cid arvâk.

4) AG. 1, 2, 11. — Ath. V. 6, 33, 1: yasyedam â ra*g*o yu*g*as tu*g*e *g*anâ vana*m* sva*h* и т. д.

5) AG. 1, 2, 13. — RV. 1, 24, 15, гдѣ вторая часть стиха читается такъ: athâ vayam âditya vrate tavânagaso aditaye syâma.

Омъ! Поклоненіе благословенному Ганешѣ! Поклоненіе благословенной Самаведѣ! Омъ!

Первая декада.

1. О Индра, принеси намъ наивеличайшую, наисильнѣйшую, обильнѣйшую славу, которую мы желали бы утвердить, о перунодержецъ, въ небѣ и землѣ, обоихъ мірахъ, о прекрасноланитный, щедрый!

2. Индра, царь живаго міра и людей на землѣ, изъ того обилія всякаго рода, какое есть у него, даетъ чтущему его блага, быстро принося въ милостивый даръ все, о чемъ его молятъ.

3. Которому (т. е. „этому") Индрѣ, пособнику продолженія рода (собств. „потомства и рода"), принадлежитъ на небѣ это чудное, великое сіяніе, доходящее до облачнаго пространства.

4. Распусти у насъ, о Варуна, самыя верхнія путы, отвяжи самыя нижнія, развяжи самыя среднія! Тогда, о Адитья, въ служеніи тебѣ да будемъ мы свободными отъ грѣха передъ (богинею) Адити!

5. Твоимъ пособіемъ (собств. „тобою"=„черезъ тебя"), о Сома, свѣтло текущій (или „процѣживающійся"), да будемъ мы всегда дѣлить добытое въ битвѣ! Это да даруютъ намъ Митра, Варуна, Адити, Рѣка (=Индъ), Земля и Небо!

6. Этимъ сильнымъ сдѣлайте меня одного!

7. Ты (собств. „этотъ"), о благотворный, теки (собств. „теки кругомъ") къ нашему чтимому Индрѣ, къ Варунѣ, къ Марутамъ.

---

[6]) AG. 2, 1, 7 и 8. — RV. 9, 97, 58.

[7]) AG. 2, 1, 13.

[8]) AG. 2, 1, 19. — Utt. 1, 1, 8, 2 = RV. 9, 61, 12.

8.ená víçvâni aryáh â dyumnáni mánushânâm, síshâsantah vanâmahe [9]).

9. ahám asmi prathama-ǵáh ṛtásya púrvam devébhyah a-mṛ́tasya náma, yah mâ dádâti sah it evá mâ avat ahám ánnam ánnam adántam admi [10]).—daçati 1.—

1. tvám etát adhârayah kṛshṇásu róhiṇíshu ca, párushṇíshu rúçat páyah [11]).

2. árúrucat ushásah pṛ́çnih agriyáh· ukshá mimeti bhúvaneshu vâǵayúh, mâyâvínah mamire asya mâyáyâ nṛ-cákshasah pitárah gárbham â dadhuh [12]).

3. índrah it háryoh sácâ sám-miçlah á vacah-yúǵâ, índrah vaǵrî' hiraṇyáyah [13]).

4. índra váǵeshu nah ava sahásra-pradhaneshu ca, ugráh ugrábhih ûtíbhih [14]).

5. práthah ca yásya sa-práthah ca náma ánu-stubhasya havíshah havíh yat, dhâtúh dyútânât savitúh ca víshṇoh ratham-tarám â ǵabhâra vásishṭhah [15])

6. ni-yútvân vâyo á gahi ayám çukráh ayâmi te, gántâ asi sunvatáh gṛhám [16]).

7. yát ǵáyathâh a-púrvya mághavan vṛtra-hátyâya, tat pṛthivî'm aprathayah tát astabhnâh utá u dívam [17]).—daçati 2.—

1. máyi várcah átha u yáçah átha u yaǵńásya yat páyah, parame-shṭhî' praǵá-patih diví dyam iva dṛṇhatu [18]).

---

[9]) AG. 2, 1, 19. — Utt. 1, 1, 8, 3 = RV. 9, 61, 11.

[10]) AG. 2, 1, 34. — Nirukta XIV, 2, гдѣ въ одной изъ редакцій оказываются варіанты.

[11]) AG. 2, 2, 20—22. — RV. 8, 82, 13.

[12]) AG. 3, 1, 9 и 10. — Utt. 2, 2, 16, 3. — RV. 9, 83, 3, гдѣ, вмѣсто «mimeti bhuvaneshu», читается: bibharti bhuvanâni.

[13]) AG. 3, 1, 11. — Utt. 2, 1, 8, 2. RV. 1, 7, 2.

[14]) AG. 3, 1, 11. — Utt. 2, 1, 8, 3. RV. 1, 7, 4.

[15]) AG. 3, 2, 5 и 6. — RV. 10, 181, 1.

[16]) AG. 3, 2, 7. — RV. 2, 41, 2.

[17]) AG. 3, 2, 9—13. — Utt. 6, 2, 19, 1. — RV. 8, 78, 5, гдѣ, вмѣсто «uto divam», читается: uta dyâm.

[18]) AG. 4, 1, 7. — Ath. V. 6, 69, 3, гдѣ, вмѣсто «parameshṭhî», читается: tan mayi.

8. Черезъ него мы благочестивые, желающіе пріобрѣсти всѣ человѣческія блага, вымаливаемъ (=получаемъ) ихъ.

9. Я—перворожденный отъ священнодѣйствія (или „жертвоприношенія"), первое между богами проявленіе безсмертія; кто меня разводитъ, тотъ такимъ образомъ меня да насытитъ; я—ѣда (=пища) ѣду *и* ѣдящаго ѣмъ.

Вторая декада.

1. Ты держалъ въ небесныхъ коровахъ, черныхъ и красныхъ, это блестящее молоко.

2. Заблисталъ пеструнъ, предшествующій утренней зарѣ, мычитъ быкъ среди міровъ (или „созданій") могучій; чудотворную силу имѣющіе (или „чудесные искусники") творили его чудотворною силою, „отцы" (т. е. предки), взирающіе на мужей (=людей), положили зародышъ (дополни: „его чудотворною силою").

3. Индра имѣетъ пару свѣтложелтыхъ коней и колесницу (?), запрягаемую словами стиха (или „молитвы"), Индра, перунодержецъ, золотой.

4. Индра, помогай намъ въ состязаніяхъ и въ войнахъ съ тысячью битвами, ты, сильный (именит. пад.) сильными пособіями!

5. Отъ блистающаго Дhатара и отъ Савитара и Вишну принесъ Васиштhа пѣснопѣніе „rathantara", которое есть какъ-бы „havis" жертвы, расчлененной подобно ануштубhу, *и* которому принадлежитъ распространенность и названіе „Пространное".

6. Приди, о Ваю (=Вѣтеръ), со своимъ цугомъ! Этотъ чистый (т. е. Сома) предложенъ тебѣ. Ты ходишь въ домъ выжимающаго Сому.

7. Когда родился ты, о несравненный щедротодатель (т. е. Индра), на убіеніе Вритры, тогда распростеръ ты землю и тогда утвердилъ ты небо.

Третья декада.

1. Праджапати во главѣ стоящій да утвердитъ во мнѣ свѣжесть силъ (=„здоровье"), и величіе (или „достоинство"), и силу молитвы, подобно тому какъ утвердилъ онъ въ небѣ небо!

2. sám te páyâṅsi sam u yantu vā́ǵāḥ sam vṛshṇyâni abhimâti=sáhaḥ, â-pyā́yamânaḥ a-mṛ́tâya soma diví çrávâṅsi uttamā́ni dhishva [19]).

3. tvám imā́ḥ ósha-dhīḥ soma víçvâḥ tvam apáḥ aǵanayaḥ tvám gâḥ, tvam â atanoḥ urú antáriksham tvam ǵyótishâ vi támaḥ vavartha [20]).

4. agním īḍe puráḥ-hitam yaǵṅásya devám ṛtvíǵam, hótâram ratna-dhā́tamam [21]).

5. té amanvata prathamám nā́ma gónâm triḥ saptá paramám [22]) nā́ma ǵânan, tā́ḥ ǵânatī́ḥ abhí anûshata kshā́ḥ â-víḥ bhuvan aruṇī́ḥ yáçasâ gā́vaḥ [23]).

6. sám an-yā́ḥ yánti úpa yanti an-yā́ḥ sam-ânám ûrvám nadyàḥ pṛṇanti, tám u çúcim çúcayaḥ dīdivā́ṅsam apā́m nápâtam úpa yanti ā́paḥ [24]).

7. ā́ pra â agât bhadrā́ yuvatíḥ áhnaḥ ketū́n sam īrtsati, ábhût bhadrā́ ni-véçanī víçvasya ǵágataḥ rā́trī [25]).

8. pra-kshásya vṛ́shṇaḥ arushásya nu máhaḥ pra nah vácaḥ vidáthâ ǵâtá-vedase [26]), vâiçva-narā́ya [27]) matíḥ návyase çúciḥ sómaḥ iva pavate cā́ruḥ agnáye [28]).

9. víçve devā́ḥ máma çṛṇvantu yaǵṅám ubhé (íti) ródasī (íti) apā́m nápât ca mánma, mâ vaḥ vácâṅsi pari-cákshyâṇi vocam sumnéshu it vaḥ ántamâḥ madema [29]).

10. yáçaḥ mâ dyā́vâ pṛthivī́ (íti) yáçaḥ mâ indra-bṛhaspatī́ (íti) yáçaḥ bhágasya vindatu yáçaḥ mâ [30]) práti mucyatâm, yaçasvī́ asyā́ḥ sam-sádaḥ ahám pra-vaditā́ syâm [31]).

11. índrasya nu vīryā́ṇi pra vocam yā́ni cakā́ra prathamā́ni vaǵrī́, áhan áhim ánu apáḥ tatarda prá vakshánâḥ abhinat párvatânâm [32]).

---

[19]) AG. 4, 1, 9. — RV. 1, 91, 18.

[20]) AG. 4, 1, 10. — RV. 1, 91, 22, гдѣ, вмѣсто «atanoḥ», читается: tatantha.

[21]) AG. 4, 1, 13. — RV. 1, 1, 1.

[22]) Должно читать: paramā́? (См., однако, Комментарій.)

[23]) AG. 4, 1, 17. — RV. 4, 1, 16: te manvata prathamam nâma dhenos triḥ sapta mâtuḥ paramâṇi vindan, taǵ ǵânatîr abhy anûshata vrâ âvir bhuvad aruṇîr yaçasâ goḥ.

[24]) AG. 4, 2, 3 и 4. — RV. 2, 35, 3, гдѣ, вмѣсто «upa yanty âpaḥ», читается: pari tasthur âpaḥ.

[25]) AG. 4, 2, 6.

[26]) Должно читать: ǵâtá-vedasaḥ.

2. Да соединятся съ тобою сила (собств. „соки"), быстрота, мощь побѣждающаго противниковъ! О Сома, выбродившій для міра безсмертныхъ, теки на небо на самую высь!

3. Ты, о Сома, всѣ эти растенія произвелъ, ты—воды, ты—коровъ, ты протянулъ обширный воздухъ, ты отворилъ тьму свѣтомъ.

4. Я славлю Агни, пуроһита (Предпоставленнаго), божественнаго жреца при жертвоприношеніи, һотара наищедрѣйшаго.

5. Они древле открыли мыслію небесныхъ коровъ, трижды семь высшихъ видовъ (коровъ) познали они. Эти (т. е. коровы) ревомъ привѣтствовали знающія ихъ обиталища. Появились въ великолѣпіи красныя небесныя коровы.

6. Одни потоки идутъ вмѣстѣ, другіе подлѣ (т. е. близко), общее вмѣстилище наполняютъ они. Свѣтлыя къ этому свѣтлому, блестящему сыну водъ (т. е. Агни) идутъ воды.

7. Выступила благодѣтельная юница, она желаетъ завладѣть сіяніемъ дня; стала благодѣтельная Ночь успокоительницею всего живаго міра.

8. Величіе сильнаго краснаго богатыря (т. е. Агни) нашъ стихъ (собств. „слово") да прославитъ (?),—владычество Джатаведаса (т. е. Агни)! Къ гостю всѣхъ людей (т. е. Агни) чистая молитва снова, будто Сома, свѣтло течетъ, пріятная для Агни.

9. Всѣ боги да услышатъ мое славословіе, Небо и Земля, оба, и сынъ водъ (т. е. Агни)—мое моленіе! Да не скажу я вамъ словъ, которыя должны бы быть презрѣны! Вашею благосклонностью мы, ваши близкіе, да будемъ наслаждаться!

10. Величіе меня, о Небо и Земля, величіе меня, о Индра и Бриһаспати, величіе достоинства меня да постигнетъ, величіе да облечется на меня! Полный величія да буду я глашатаемъ этого собранія!

11. Я стану воспѣвать (=провозглашать) подвиги Индры, тѣ, которые древле совершилъ перунодержецъ: онъ убилъ змѣя, открылъ ходъ водамъ, пробилъ утробы горъ (т. е. облаковъ).

---

27) Т. е. vâiçvânarấya.

28) AG. 4, 2, 7. — RV. 6, 8, 1: pṛkshasya vṛshṇo arushasya nû (текстъ «pada»: nu) sahaḥ pra nu vocaṃ vidathâ ǵâtavedasaḥ, vâiçvânarâya matir navyasî çuciḥ и т. д.

29) AG. 4, 2, 8. — ûha-gâna 9, 3, 12 (см. Бенфея Die Hymn. d. SV., стр. VIII), гдѣ кажется страннымъ чтеніе: sumneshvo antamâḥ. — RV. 6, 52, 14, гдѣ, вмѣсто »yaǵńam», читается: yaǵńiyâḥ.

30) Должно читать: me?

31) AG. 4, 2, 12.

32) AG. 4, 2, 17. — RV. 1, 32, 1.

12. agníḥ asmi ǵánmanâ gâtá-vedâḥ ghṛtám me cákshuḥ a-mṛ́tam me âsán, tri-dhátuḥ arkáḥ rágasaḥ vi-mánaḥ á-ǵasram ǵyótiḥ havíḥ asmi sárvam [33]).

13. páti agníḥ vipáḥ ágram padám veḥ páti yahváḥ cáraṇam sû́ryasya, páti nábhâ saptá-çîrshâṇam agníḥ páti devánâm upa-mádam ṛshváḥ [34]).—daçati 3.—

1. bhráǵantî [35]) agne sam-idhâna dîdivaḥ ǵihvá carati antáḥ âsáni, saḥ tvam naḥ agne páyasâ vasu-vít rayím várcaḥ dṛçé dâḥ [36]).

2. vasantáḥ it nu rántyaḥ grîshmáḥ it nu rántyaḥ, varshâṇi ánu çarádaḥ hemantáḥ çíçiraḥ it nu rántyaḥ [37]).

3. sahásra-çîrshâḥ púrushaḥ sahasra-aksháḥ sahásra-pât, saḥ bhû́mim sarvátaḥ vṛtvá áti atishṭhat daça-aṅgulám [38]).

4. tri-pát ûrdhváḥ ut âit púrushaḥ pádaḥ asya ihá abhavat púnar (íti), táthâ ví-svaṅ [39]) ví akrâmat açana-anaçané (íti) abhí [40]).

5. púrushaḥ evá idám sárvam yat bhûtám yat ca bhávyam, pádaḥ asya sárvâ bhûtáni tri-pát asya a-mṛ́tam diví [41]).

6. távân asya mahimá tátaḥ ǵyáyân ca pú́rushaḥ, utá a-mṛtatvásya î́çânaḥ yat ánnena ati-róhati [42]).

7. tátaḥ vi-ráṭ aǵâyata vi-ráǵaḥ ádhi pú́rushaḥ, saḥ ǵâtáḥ áti aricyata paççát bhû́mim átha u puráḥ [43]).

8. mánye vâm dyâvâ-pṛthivî (íti) su-bhóǵasâu yé (íti) ápratheṭhâm á-mitam abhí yóǵanam, dyávâ-pṛthivî (íti) bhávatam syoné (íti) té (íti) naḥ muñcatam áṅhasaḥ [44]).

---

[33]) AG. 5, 1, 2. — RV. 3, 26, 7, гдѣ вторая половина стиха читается такъ: arkas tridhâtû (текстъ «pada»: tri-dhâtuḥ) raǵaso vimâno 'ǵasro gharmo havir asmi nâma.

[34]) AG. 5, 1, 3.—RV. 3, 5, 5, гдѣ начало стиха читается такъ: pâti priyam ripo agram и т. д.

[35]) A имѣетъ ошибочно bhráǵanti.

[36]) AG. 5, 1, 5.

[37]) AG. 5, 1, 9.

[38]) AG. 5, 1, 13. — RV. 10, 90, 1, гдѣ, вмѣсто «sarvataḥ», читается: viçvataḥ. Послѣднее чтеніе является и въ Ath. V. 19, 6, 1, между тѣмъ какъ Vâǵ. Saṁh. 31, 1 имѣетъ sarvataḥ.

[39]) T. е. vishvaṅ. Мы бы раздѣлили это слово на vishu-aṅ, между тѣмъ какъ составители текста «pada» сближали его съ глаголомъ svaṅǵ.

[40]) AG. 5, 1, 14. — RV. 10, 90, 4, гдѣ, вмѣсто «açanânaçane», читается: sâçanânaçane. Ath. V. 19, 6, 2 имѣетъ açanânaçane anu.

[41]) AG. 5, 1, 15. — RV. 10, 90, 2a + 3b; вмѣсто «bhâvyam» здѣсь читается: bhavyam, но въ Ath. V. 19, 6, 4: bhâvyam.

12. Я Агни, по природѣ (или по „происхожденію“) Джатаведасъ. „Гһрита“—мой глазъ, „амрита“—мой ротъ, тройной гимнъ, проникающій облачное пространство,—мой непреходящій свѣтъ: я—вся жертва.

13. Охраняетъ Агни верхушку вѣтки, мѣстопребываніе птицы, охраняетъ Великій путь солнца; охраняетъ у алтаря Агни стихъ „семиголовый“, охраняетъ Высокій предметъ наслажденія (собств. „наслажденіе“) боговъ.

Четвертая декада.

1. Сверкающій твой языкъ, о Агни пламенный, свѣтлый, движется внутри рта. Ты (собств. „этотъ ты“), о Агни, своею силою, о благодѣтельный, дай намъ видѣть богатство и благоденствіе.

2. Весна прелестна, лѣто прелестно,—за дождевой порою осень, зима,—прохладное время года прелестно.

3. Тысячу головъ имѣетъ Пуруша, тысячу глазъ, тысячу ногъ. Онъ, обхвативъ (=окруживъ) со всѣхъ сторонъ землю, высился на десять пальцевъ.

4. Три шага дѣлающій (=тремя шагами) поднялся вверхъ Пуруша; одна нога его оставалась здѣсь. Такъ раздѣлился онъ на двѣ стороны: Ѣденіе и НеѢденіе.

5. Пуруша, по истинѣ, есть все это, что произошло и что имѣетъ произойти. Нога его—всѣ существа. Въ три шага (собств. „въ три ноги“, т. е. мѣрою) его святое жилище на небѣ.

6. Такова его (Пуруши) громадность! Но и еще больше Пуруша. И надъ безсмертіемъ властвуетъ онъ, возрастая отъ пищи.

7. Отъ него родилась Вираджъ, отъ Вираджи Человѣкъ. Этотъ, рожденный, одолѣлъ землю (=получилъ господство надъ землею) и сзади и спереди.

8. Чту васъ, Небо и Земля, прекрасно питающія, васъ, которыя распростерлись на неизмѣримое пространство. О Небо и Земля, будьте милостивы! Вы оба (собств. „эти оба“) освободите насъ отъ бѣдствія!

---

[42]) AG. 5, 1, 16. — RV. 10, 90, 3а + 2б; вмѣсто «tâvân» здѣсь читается: etâvân (въ Ath. V. 19, 6, 3: tâvanto asya mahimânas), а вмѣсто «tataḥ» стоитъ ataḥ (въ Ath. V. tataḥ).

[43]) AG. 5, 1, 17. — RV. 10, 90, 5, гдѣ, вмѣсто «tataḥ», читается: tasmât.

[44]) AG. 5, 1, 19. — Ath. V. 4, 26, 1а + 2б: manve vâṃ dyâvâpṛthivî subhoǵasâu ye aprathethâm amitâ yoǵanâni, dyâvâpṛthivî bhavataṃ me syone и т. д.

9. hárî te indra çmáçrûṇi utá u te harítâu hárî (íti), tam tvâ stuvanti kaváyaḥ parushásaḥ vanárgavaḥ [45].

10. yát várcaḥ híraṇyasya yat vâ várcaḥ gávám utá satyásya bráhmaṇaḥ várcaḥ téna má [46]) sám sṛǵâmasi [47]).

11. sáhaḥ tat naḥ indra daddhi óǵaḥ î'çe hi asya mahatáḥ vi=rapçin, krátum na nṛmṇám sthá-viram ca váǵam vṛtréshu çátrûn su-hánâ [48]) kṛdhi [49]) naḥ [50]).

12. sahá-ṛshabhâḥ sahá-vatsâḥ ut-éta víçvâ rûpáṇi bíbhratîḥ dvi=ûdhnîḥ, urúḥ pṛthúḥ ayám vaḥ astu lokáḥ imáḥ ápaḥ su-prapâṇáḥ ihá sta [51]).—daçati 4.—

1. ágne áyûṅshi pavase á suva úrǵam ísham ca naḥ, âré bâdhasva ducchúnâm [52]).

2. vi-bhráṭ bṛhát pibatu somyám mádhu áyuḥ dádhat yaǵñá-patâu ávi-hrutam, váta-ǵûtaḥ yáḥ abhi-rákshati tmánâ pra-ǵáḥ piparti bahudhá vi râǵati [53]).

3. citrám deváṇâm ut agât ánîkam cákshuḥ mi-trásya váruṇasya agnéḥ, â aprâḥ dyávâ pṛthivî' (íti) antáriksham sûryaḥ âtmá ǵágataḥ tasthúshaḥ ca [54]).

4. á ayám gâuḥ pṛ́çniḥ akramît ásadat mâtáram puráḥ, pitáram ca pra-yán svàr (íti) [55]).

5. antár (íti) carati rocaná asyá pra-ânát [56]) apa-anatî', vi akhyat mahisháḥ dívam [57]).

6. triṅçát dháma vi râǵati vák pataṃgáya dhîyate, práti vástoḥ áha dyúbhiḥ [58]).

---

45) AG. 5, 1, 22.
46) Должно читать: imâm?
47) AG. 5, 2, 3.
48) Должно читать: su-hanân.
49) Текстъ «saṃhitâ»: kṛdhî.
50) AG. 5, 2, 17.
51) AG. 5, 2, 19.
52) AG. 6, 1, 5. — Utt. 6, 3, 10, 3 = 7, 1, 12, 1 (приведено только начало стиха). RV. 9, 66, 19.
53) AG. 6, 1, 7. — Utt. 6, 3, 5, 1.—RV. 10, 170, 1, гдѣ, вмѣсто «piparti bahudhâ», читается: puposha purudhâ.
54) AG. 6, 1, 19.—RV. 1, 115, 1.
55) AG. 6, 2, 7. — Utt. 6, 1, 11, 1. RV. 10, 189, 1.
56) T. e. prâṇát.

9. Свѣтложелтая у тебя борода, Индра, и свѣтложелтые у тебя оба коня „hари“. Таковаго тебя славятъ мудрые мужи *и* грубые динари.

10. Тѣмъ блескомъ, какой есть въ золотѣ, или тѣмъ блескомъ, какой есть въ небесныхъ коровахъ, и (блестящею) силою дѣйствительной (т. е. оказывающей дѣйствіе) молитвы да снабдимъ мы меня! (См. Комментарій).

11. Силу эту дай намъ, Индра, мощь, ибо владѣешь ею великою, о преисполненный силы! Какъ способность, такъ и мужество, и обильную добычу дай намъ! Въ битвахъ сдѣлай намъ враговъ легко поражаемыми!

12. Съ быками и съ телятами выйдите (т. е. „покажитесь“) вы, носящія (т. е. „имѣющія“) всякіе образы, о двухъ-выменныя! Широкій и пространный этотъ міръ да будетъ вашъ! Этими водами, прекрасное питье дарующими, будьте здѣсь!

Пятая декада.

1. О Агни, ты очищаешь жизненную силу: пошли намъ соки и крѣпость, прогони прочь несчастіе!

2. Великій сладостный сокъ Сомы, дарующій устроителю жертвы долголѣтіе несокрушимое, да пьетъ онъ, блестящій! Онъ, который, погоняемый вѣтромъ (или „быстрый какъ вѣтеръ“?), даетъ собою охрану, питаетъ созданія, властвуетъ подъ многими образами.

3. Взошло свѣтлое лице боговъ, глазъ Митры, Варуны и Агни. Небо, землю и воздухъ наполнило Солнце, душа міра движущагося (т. е. „одушевленнаго“) и неподвижнаго.

4. Вотъ выступилъ пестрый быкъ; онъ помѣстился передъ Матерью (т. е. Землею) и близъ (собств. „приближаясь къ“) Отца (т. е. Неба) въ свѣтломъ эѳирѣ.

5. Въ срединѣ движется Свѣтлая (т. е. Ушасъ, Утренняя Заря), испускающая послѣднее дыханіе отъ его дыханія. Освѣтилъ Могучій небо.

6. Тридцать жилищъ (или „областей“) освѣщаетъ онъ,—стихъ (собств. „слово“) къ Крылатому (т. е. Солнцу) обращается,—при разсвѣтѣ своими лучами.

---

[57]) A. G. 6, 2, 8. -- Utt. 6, 1, 11, 2. RV. 10, 189, 2.

[58]) AG. 6, 2, 9. — Utt. 6, 1, 11, 3. RV. 10, 189, 3.

7. ápa tye tâyávaḥ yathâ nákshatrâ yanti aktúbhiḥ, sûrâya viçvá=cakshase. [59]).

8. ádṛçran asya ketávaḥ vi raçmáyaḥ ǵánân ánu, bhrâǵantaḥ agnáyaḥ yathâ [60]).

9. taráṇiḥ viçvá-darçataḥ ǵyotiḥ-kṛt asi sûrya, víçvam â bhâsi rocanám [61]).

10. prati-áñ devânâm víçaḥ prati-áñ ut eshi mânushân, prati-áñ víçvam svàḥ dṛçé [62]).

11. yéna pâvaka cákshasâ bhuraṇyántam ǵánân ánu, tvam varuṇa páçyasi [63]).

12. ut dyâm eshi ráǵaḥ pṛthú á-hâ mímânaḥ aktúbhiḥ, páçyan ǵánmâni sûrya [64]).

13. áyukta saptá çundhyúvaḥ sûráḥ ráthasya naptryàḥ, tâbhiḥ yâti svá-yuktibhiḥ [65]).

14. saptá tvâ harítaḥ ráthe váhanti deva sûrya, cocíḥ-keçam vi=cakshaṇa [66]).—daçati 5.—

Mahânâmnî [67]).

I [68]). 1. vidâḥ maghavan vidâḥ [69]), gâtúm ánu çaṅsishaḥ díçaḥ; çíksha [70]) çacînâm pate, pûrvîṇâm puru-vaso [71]).

2. âbhíḥ tvam abhíshṭibhiḥ, svàḥ na aṅçúh; prá-cetana prá cetaya, índra dyumnâya naḥ ishé.

3. evá [72]) hi çakráḥ, râyé vâǵâya vaǵrivaḥ, çávishṭha vaǵrin ṛṅǵáse, máṅhishṭha vaǵrin ṛṅǵáse; â yahi píba mátsva.

II. 4. vidâh râyé su-vî'ryam, bhúvaḥ vâǵânâm pátiḥ váçân ánu; máṅhishṭha vaǵrin ṛṅǵáse, yaḥ çávishṭhaḥ çûrâṇâm.

---

59) AG. 6, 2, 11. — RV. 1, 50, 2.

60) AG. 6, 2, 12. — RV. 1, 50, 3, гдѣ, вмѣсто «adṛçran», читается: adṛçram.

61) AG. 6, 2, 13. — RV. 1, 50, 4.

62) AG. 6, 2, 14. — RV. 1, 50, 5.

63) AG. 6, 2, 14. — RV. 1, 50, 6.

64) AG. 6, 2, 15. — RV. 1, 50, 7, гдѣ, вмѣсто «ut», читается: vi.

65) AG. 6, 2, 16. — RV. 1, 50, 9, гдѣ, вмѣсто «naptryaḥ, читается: naptyaḥ.

66) AG. 6, 2, 16. — RV. 1, 50, 8.

67) Всѣ стихи, составляющіе Mahânâmnî, являются также и въ AG., какъ приложеніе, но въ музыкальной транскрипціи.

68) Дѣленіе на строфы принадлежитъ мнѣ; въ рукописяхъ оно не обозначается.

69) Чтобы сдѣлать метрическій составъ этихъ стиховъ (см. Комментарій) болѣе яснымъ, я ставлю запятую послѣ каждой «пады» (pada), между тѣмъ какъ точка

7. Вотъ звѣзды уходятъ, будто воры, вмѣстѣ съ ночью отъ всевидящаго Солнца.

8. Появились его сіяніе и лучи у (т. е. „среди“) людей, будто сверкающіе огни.

9. Ты, о Солнце, неустанно движешься (собств. „движущееся“), всѣми видимое, свѣтъ производящее. Все небо освѣщаешь ты.

10. Обращенное къ жилищамъ (или „къ родамъ“) боговъ, обращенное къ людямъ восходишь ты, обращенное ко всему небу, дабы оно видимо было (собств. „для видѣнія всего неба“).

11. Которымъ глазомъ (т. е. „этимъ глазомъ“), о свѣтлый, на копошащійся людъ ты смотришь, о Варуна.

12. Ты восходишь на небо и на широкое облачное пространство, отмѣривая дни съ ночами и взирая на существа, о Солнце.

13. Запрягло себѣ Солнце семь свѣтлыхъ (или „прекрасныхъ“) дочерей колесницы; съ ними, которыя запрягаются сами собою, идетъ оно.

14. Семь свѣтложелтыхъ лошадей везутъ тебя въ колесницѣ, о божественный Сурья (=Солнце), тебя, пламенно-волосаго, о далеко-видящій.

I. 1. . . . . . о Щедрый (т. е. Индра), по нашей пѣсни благослови страны свѣта, будь готовъ на помощь, о владѣтель пособій, обильныхъ, о обильныя сокровища имѣющій!

2. Этими пособіями ты,—Сома будто свѣтлое небо,—о свѣтящій, освѣщай насъ для нашего благоденствія!

3. Ей-ей могучъ онъ (т. е. Индра)! Для владѣнія крѣпостью силъ (?), о перунодержецъ, о наисильнѣйшій перунодержецъ, устремись къ намъ, о наищедрѣйшій перунодержецъ, устремись къ намъ! Приди, пей, наслаждайся (т. е. Сомою)!

II. 4. Получай во владѣніе богатырскую силу, будь владыкою битвъ (?), согласно съ желаніями! О наищедрѣйшій перунодержецъ, устремись къ намъ, ты (собств. „который“), наисильнѣйшій изъ сильныхъ (или „изъ богатырей“)!

съ запятою обозначаетъ здѣсь дѣленіе стиха на полустишія; выше въ томъ же значеніи я употреблялъ запятую.

[70]) Текстъ «saṁhitâ»: çikshâ.

[71]) Т. е. purûvaso.

[72]) Текстъ «saṁhitâ»: evâ.

5. yáḥ máṅhishṭhaḥ maghónâm, aṅçúh na çocíḥ; cíkitvaḥ abhí naḥ naya, índraḥ vidé tam u stuhi.

6. í'çe hi çakráḥ, tam útáye havâmahe, ǵétâram á-parâǵitam, sáḥ naḥ svarshat áti dvíshaḥ; krátuḥ chándaḥ ṛtám bṛhát.

III. 7. índram dhánasya sâtáye havâmahe, ǵétâram á-parâǵitam; saḥ naḥ svarshat áti dvíshaḥ, saḥ naḥ svarshat áti dvíshaḥ.

8. pú'rvasya yat te a-drivaḥ, aṅçúḥ mádâya; sumné â dhehi naḥ vaso, pûrtíḥ çavishṭha çasyate.

9. vaçí' hi çakráḥ, nûnám tam návyam sanyáse, pra-bhó ǵánasya vṛtra-han, sam-aryéshu bravâvahâi; çú'raḥ yaḥ góshu gácchati, sá-khâ su-çévaḥ á-dvayuḥ.

evá [73]) hi evá, evá hi agne, evá hi indra, evá hi pûshan, evá hi devâḥ, om, evá hi devâḥ [74]).

---

[73]) Текстъ «saṃhitâ» имѣетъ здѣсь и далѣе: evâ.

[74]) Рук. А ставитъ послѣ этого воззванія цифру 10.

5. Того (=Индру), который есть наищедрѣйшій изъ щедрыхъ, —пламенный блескъ будто Сома,—о сіяющій, приведи къ намъ! Индра присутствуетъ (?). Его славь!

6. Властвуетъ бо Могучій (т. е. Индра). Его призываемъ мы на помощь, побѣдителя непобѣдимаго. Онъ да проведетъ насъ надъ врагами! Благоговѣніе, хвалебная пѣснь, великое священнодѣйствіе.

III. 7. Индру для дарованія намъ богатства (или „добычи“) призываемъ мы, побѣдителя непобѣдимаго. Онъ да проведетъ насъ надъ врагами! Онъ да проведетъ насъ надъ врагами!

8. То, что есть у тебя древняго, о камнедержецъ (т. е. Индра),— Сома для наслажденія предлагается,—даруй намъ милостиво, о благой! Вознагражденіе тебѣ обѣщается, о пресильный!

9. Властитель бо Могучій (т. е. Индра). Теперь мы оба да обратимъ въ собраніяхъ нашу рѣчь къ тебѣ вѣчно юному, о владыко люда, о убійца Вритры! Онъ—богатырь, который ходитъ къ небеснымъ коровамъ, другъ премилый, прямодушный (собств. „не двойственный“).

Ей-ей! Ей-ей, Агни! Ей-ей, Индра! Ей-ей, Пушанъ! Ей-ей, боги! Омъ! Ей-ей, боги!

КОММЕНТАРІЙ.

«Омъ»—восклицаніе, употребляемое въ началѣ и въ концѣ священныхъ текстовъ. Ганеша, предводитель свиты бога Шивы, удаляетъ всякія препятствія; въ Ведахъ не извѣстенъ.

Первая декада.

1 ст.—Слово pupuri, варіантъ при papuri, встрѣчается здѣсь въ первый разъ; срав. pur=par „наполнять". Прилагат. paprá „щедрый" также не помѣщено въ Петерб. Слов., но значеніе этого слова въ нашемъ стихѣ ясно; кор. prâ=par „наполнять". Срав. papri „щедрый", а равно —prâ „наполняющій" въ концѣ сложныхъ словъ: antarikshaprâ (наполняющій воздухъ), carshaṇiprâ (наполняющій людей, именно дарами), kámaprá (исполняющій желаніе) и т. д. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Ригведы prás есть глагольная форма (съ удареніемъ, такъ какъ стоитъ въ придаточномъ предложеніи), и вся вторая половина стиха должна быть переводима такъ: „которою (т. е. славою), о свѣтлый перунодержецъ, ты наполнилъ бы небо и землю, оба міра, о прекрасноланитный." Послѣдняя „пада" (páda, муж. р.) [1]) въ стихѣ Ригведы начинается, конечно, съ префикса á (относится къ глаголу prás), и метръ (bṛhatî) требуетъ читать здѣсь prás какъ praas, но въ Âr. мы должны дѣлить стихъ иначе, такъ какъ á здѣсь не префиксъ, но предлогъ, который не можетъ быть отдѣляемъ отъ предшествующаго rodasî [2]). Отсюда слѣдуетъ, что rodasî á должно быть чи-

---

1) Pâda есть составная часть стиха.

2) Предлогъ â въ ведійскихъ стихахъ имѣетъ винительн. падежъ всегда передъ собою.

таемо въ три слога, и подобнымъ же образомъ въ четвертой падѣ слово paprâs произносится какъ трехсложное, т. е. papraas (срав. praas въ Ригведѣ). Послѣднее не требуетъ особеннаго поясненія, такъ какъ *â* очень часто произносится въ Ведахъ aa (иногда *á*a или a*á*). Что же касается чтенія rodasî *â* въ три слога, то оно можетъ быть достигнуто двоякимъ образомъ: или черезъ обращеніе *î* въ *y*, или черезъ синицезу *î* (которое переходитъ въ *i*) и *â*. Противъ перваго можно было бы замѣтить, что *î* въ окончаніи двойствен. числа есть „pragṛhya“, т. е. не подлежитъ законамъ „sandhi“; но исключенія изъ этого правила были извѣстны уже авторамъ древнеиндійскихъ трактатовъ о фонетикѣ Ведъ, и мы съ своей стороны имѣемъ, конечно, право распространять эти исключенія и на такіе случаи, которые не указаны въ Пратишакһьяхъ, какъ скоро метръ настоятельно требуетъ того. Поэтому, напр., Кунъ [3]) въ ст. Ригведы 3, 6, 10 измѣняетъ prâcî въ prâcy (prâcî adhvareva), и это же можетъ быть принято въ ст. Âr. 5, 9=RV. 6, 52, 14 для слова rodasî: ubhe rodasî (=rodasy) apâṃ napât ca manma. Но въ нашемъ мѣстѣ противъ обращенія rodasî *â* въ rodasy *â* можно замѣтить, что предпослѣдній слогъ пады (*a* передъ sy) получается въ такомъ случаѣ долгій, между тѣмъ какъ метръ требуетъ здѣсь краткаго слога. Правда, наше знакомство съ ведійскою метрикою пока еще такъ недостаточно, что нашлось бы оправданіе и для этой неправильности: Кунъ указываетъ на два примѣра, въ которыхъ группа sy не дѣлаетъ позиціи, и подобное же явленіе наблюдаетъ онъ для çy [4]). Я считаю, однако, болѣе вѣрнымъ не опираться на эти аналогіи и предпочитаю для нашего стиха то объясненіе, къ которому часто прибѣгаетъ Максъ Мюллеръ [5]), т. е. синицезу. Можетъ быть, Максъ Мюллеръ даетъ уже слишкомъ большое значеніе синицезѣ въ Ведахъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно, трудно обойтись бесъ нея.

Didhṛkshema есть желательное наклоненіе дезидератива отъ darh; въ Петерб. Слов. этой формы нѣтъ.

Rodasî obhe (т. е. *â* ubhe) значитъ собственно: „до неба и земли, обоихъ міровъ“.

---

[3]) Beiträge IV, 199.

[4]) Beiträge III, 457.

[5]) Rig-Veda-Sanhita translat. and explain. I, Preface.

2 ст. Форму codát я объясняю какъ причастіе настоящ. врем. или, точнѣе, какъ дѣепричастіе. Въ Ведахъ извѣстны и другіе примѣры подобнаго употребленія причастной формы на —at (срав. Бенфея Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache стр. 310, примѣч. 5). Въ формѣ codát страннымъ кажется то, что удареніе стоитъ здѣсь на послѣднемъ слогѣ, а не на первомъ, какъ бы слѣдовало ожидать, но подобный же примѣръ представляетъ и ведійск. дѣепричастіе dravát (см. напр. RV. 1, 2, 5; 1, 44, 7 и др.), въ которомъ точно такъ же нельзя видѣть причастія аориста, какъ и въ codát, ибо „гуна“ была бы въ такомъ случаѣ не объяснима. Неправильность ударенія въ codát, при основѣ настоящ. времени códa,— была причиною того, что и въ сложеніи съ отрицаніемъ *a*— въ acodát (см. acodáte въ RV. 5, 44, 2) удареніе осталось на томъ же слогѣ и не было перенесено на *a* privativ., какъ бы слѣдовало ожидать, согласно съ общимъ правиломъ.

Что касается формы códat, употребленной въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Ригведы, то Грассманъ (Wörterbuch zum Rig-Veda) видитъ здѣсь сослагательн. наклоненіе; можетъ быть, однако, это также причастіе, съ удареніемъ, измѣненнымъ по общему правилу т. е. по аналогіи.

Форма ksham*á* встрѣчалась до сихъ поръ безъ предлога („на землѣ“), между тѣмъ какъ въ нашемъ стихѣ она стоитъ съ adhi. Обыкновенно объясняютъ ksham*á* какъ творительн. падежъ отъ основы ksham, но значеніе „на землѣ“ позволяло бы видѣть здѣсь мѣстный падежъ, не отъ основы ksham (мѣстный падежъ отъ ksham есть kshami; см. соотвѣтствующій стихъ Ригведы), но отъ ksham*á*; то обстоятельство, что сущ. ksham*á* „земля“ встрѣчается лишь въ новомъ языкѣ, не доказываетъ еще поздняго происхожденія этого слова, и ведійск. kshm*á* во всякомъ случаѣ предполагаетъ существованіе болѣе древняго ksham*á*. Бенфей [6]) указывалъ на то, что имена существит. на —*a* и на —*á* могутъ имѣть въ Ведахъ въ окончаніи мѣстн. пад. ед. ч.: *á;* Боллензенъ [7]) еще болѣе обобщилъ это явленіе и впалъ, конечно, въ ошибку; но Бетлингкъ и Ротъ, а равно Грассманъ, повидимому, не признаютъ такого окончанія

---

[6]) Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache, стр. 301.

[7]) Zeitschrift der Deutschen Morgenländisch. Gesellschaft, XXII: Die Lieder des Parâçara.

мѣстнаго пад. въ основахъ на —*a* и на —*â*. Это окончаніе *â* мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ въ Ведахъ въ основахъ на —*i*, такъ что со стороны теоретической ничто не препятствуетъ допустить его существованіе и въ другихъ именахъ. Я долженъ замѣтить, однако, что для меня этотъ вопросъ не выясненъ, ибо нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ было бы положительно необходимо признать въ формѣ на —*â*, отъ существительн. на —*a* или на —*â*, мѣстный падежъ, и, напр., guh*â*, madhy*â* объясняются также какъ творительные падежи. Равнымъ образомъ и относительно формы ksham*â* нельзя утверждать, чтобы это былъ мѣстный пад.; по значенію, правда, мы легко могли бы признать его здѣсь, но срав. форму kshmay*â* „на землѣ“, „на землю“, въ которой во всякомъ случаѣ должно видѣть творительный (т. е. соціативный). Если и ksham*â* есть также творительн. падежъ, въ такомъ случаѣ должно обратить вниманіе на соединеніе его съ предлогомъ adhi; до сихъ поръ намъ извѣстно было употребленіе adhi съ творит. пад. только въ adhi sh*n*unâ, adhi sh*n*ubhis (отъ snu=sânu „вершина“).

Нарѣчіе arvâk выражено въ моемъ переводѣ префиксомъ „при“—; arvâk есть собственно средній родъ отъ прилагат. arvâ*ńć* „обращенный къ, идущій къ, приближающійся“ (противоположно parâ*ńć*). Ясно, что вторая часть этого слова есть то же a*ńć* („склонять“), что въ parâ*ńć*, pratya*ńć*, uda*ńć* и т. д.; первою же частью мы должны признать основу arva, являющуюся также въ существит. arvâvat „близость“. Я потому останавливаюсь здѣсь на * arva, что происхожденіе этого слова до сихъ поръ, какъ кажется, не объяснено, хотя оно вполнѣ понятно. Прилагательн. * arva образовано изъ нарѣчія—предлога ar „къ, при“ [8]), который не сохранился въ санскритѣ, но извѣстенъ изъ другихъ индоевропейскихъ языковъ; срав. латинск. ar, ar— [9]), кельтск. ar, ar—, air, air— и т. д., осетинск. ar—, er— „при—“, армянск. ʻar, напр. въ ar is

---

[8]) Относительно суф. —va срав., напр., atîva «чрезвычайный», изъ ati (+iva) или * atî (+va); по моему мнѣнію, частицы, оканчивающіяся на гласную, могли имѣть въ индоевропейскомъ языкѣ эту гласную краткою и долгою. См. объ этомъ ниже.

[9]) Корсенъ (Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinisch. Sprache, второе изданіе, I, 238) объясняетъ лат. ar изъ ad, но мнѣ это кажется лишнимъ, въ виду другихъ индоевроп. языковъ. Срав. Потта Etymologische Forschungen, второе изданіе, I, 698 и слѣд.

„мнѣ“, латышск. ar „съ“, собств. „у, при“ (срав. brêc [10]) ar galvu „страдаетъ головою“, нѣмецк. an Kopfschmerzen), подобно тому какъ и гаэльск. air значитъ, между прочимъ, „съ“ [11]). Сюда же отношу я вмѣстѣ съ Поттомъ и латышск. ari, ar „также“ (ari, кельтск. are: ar=ani: an и т. д.), равно какъ и ir=лит. ir „также, и“, гдѣ замѣчается, однако, переходъ *a* въ *i*, можетъ быть очень древній (срав. ли, али, или). Въ литовскомъ языкѣ нашъ предлогъ сохранился лишь въ словѣ alvaras дрога, т. е. продольный брусъ у повозокъ для связки передней оси съ заднею,=прусск. arwarbs (въ Словарѣ); на основаніи литовск. per-varas id., а также чешск. rozvora, на которое указываетъ Бурда [12]), легко признать присутствіе префикса и въ alvaras, прусск. arwarbs. Тотъ же предлогъ является, конечно, въ прусск. arglobis „темя“ (въ Словарѣ), собственно „наглавіе“; globis происходитъ, слѣдовательно, отъ glawo (у Грунау galbo) „голова“, и переходъ v въ b (можетъ быть, не существовавшій въ самомъ языкѣ) подтверждается словомъ kalabian, kalbian „мечъ“ = литовск. kalavijas. Этотъ предлогъ ar я отношу къ мѣстоименному корню ar=ra, который сохранился въ суффиксахъ, а также въ частицахъ: греческ. ἆρα, ἄρα (ῥά), литовск. ar (вопросительн.); сюда же принадлежитъ нарѣчіе arti (греческ. ἄρτι, литовск. arti) „близко“, которое относится къ ar, какъ prati къ pra, anti къ an и т. д. Далѣе, тотъ же корень мы находимъ въ предлогѣ ra=râ, имѣющемъ значеніе противоположное ar, т. е. „отъ“; срав. латинск. re-d- [13]), re-, осетинск. ra- „от-“, ст. слав. ра-зъ [14]) (срав. западнословинскій предлогъ ra-z, напр., въ: raz drêvo pasti „упасть съ дерева“) [15]).

---

[10]) Черезъ *c* я передаю звукъ, соотвѣтствующій русск. *ц*; въ латышск. книгахъ употребляется для этого знакъ z (въ моей транскрипціи *z* есть русск. *з*).

[11]) См. Потта ibid. стр. 702.

[12]) Beiträge, VI, Zu Nesselmann's Deutsch-Preussisch. Vocabular.

[13]) Это d ошибочно считаютъ окончаніемъ аблатива; достаточно обратить вниманіе на форму redi-vivus, чтобы убѣдиться въ неосновательности такого мнѣнія. Я сравниваю —d въ re-d, se-d, pro-d, anti-d, posti-d съ ст. слав. —дъ, напр., въ на-дъ, по-дъ и т. д., прусск. —dau, напр. въ pansdau »послѣ, потомъ», древнеиндійск. —dha въ sa-dha «съ» (позднѣйш. saha); въ dha я вижу частицу—энклитику.

[14]) Въ другомъ мѣстѣ я надѣюсь изложить мой взглядъ на *—зъ* въ славянскихъ предлогахъ.—Миклошичъ (Vgl. Grammatik der slavischen Sprachen, IV Band, 197) объясняетъ *з* смягченіемъ изъ *с*, но я не согласенъ съ этимъ.

[15]) См. Миклошича Vgl. Gram. d. slavisch. Sprachen, IV, 441.

3. ст. — Этотъ стихъ представляетъ значительныя трудности для пониманія, и въ поясненіе моего перевода я долженъ замѣтить слѣдующее. Слово âráǵas я объясняю какъ прилагательн., сложенное по способу „bahuvrîhi", и отношу его въ качествѣ опредѣленія къ vana; относительно ударенія въ âráǵas срав., напр., ведійск. saprâthas „пространный" (но, напр., sámanas, какъ и ámanas, имѣетъ удареніе на префиксѣ). Чтеніе Атharваведы â raǵas испорчено и произошло изъ âraǵas, можетъ быть, подъ вліяніемъ текста „pada"; принять это чтеніе за первоначальное нельзя, такъ какъ, во первыхъ, не достаетъ слова, которое соотвѣтствовало бы русск. „доходящее" или „достигающее", а во вторыхъ, употребленіе предлога â съ послѣдующимъ винительн. пад. не встрѣчается въ ведійскихъ стихахъ. Словарь Бетлингка и Рота (см. подъ словомъ â) объясняетъ â въ стихѣ Атharваведы въ значеніи частицы, усиливающей предшествующее слово; такое употребленіе â засвидѣтельствовано, правда, многими примѣрами, но для меня не ясно, какъ понимаетъ Словарь весь этотъ стихъ. Что касается формы yúǵas, то я принимаю ее за родительн. падежъ ед. ч., хотя и сознаю трудность, сопряженную съ такимъ объясненіемъ; естественно было бы ожидать yuǵás. Нельзя сопоставлять форму yúǵas съ kshámi, stṛ́bhis, drúṇas [16]) и другими въ Ведахъ, такъ какъ yuǵás, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, нѣсколько разъ встрѣчается въ ведійскихъ текстахъ (напр. RV. 1, 10, 9; 9, 7, 3; Ath. V. 6, 54, 1 и 2 и т. д.). Съ другой стороны, нельзя принимать yúǵas въ нашемъ стихѣ за искаженіе формы yuǵás, такъ какъ чтеніе yúǵas поддерживается Атharваведою. Я объясняю существованіе этой формы слѣдующимъ образомъ. Извѣстно, что именная основа yuǵ— можетъ принимать въ такъ называемыхъ сильныхъ падежахъ носовую согласную передъ ǵ, т. е. рядомъ съ yuǵ— здѣсь существуетъ также основа yuṅǵ—. Вторая изъ этихъ основъ употребляется въ Ведахъ гораздо рѣже, чѣмъ первая, но то различіе, какое устанавливается въ грамматикахъ (Панини VII, 1, 71) относительно употребленія yuǵ и yuṅǵ, во всякомъ случаѣ не примѣнимо къ Ведамъ. Носовая согласная внесена была въ именную основу yuǵ—, вѣроятно, подъ вліяніемъ глагольныхъ

---

[16]) По общему правилу удареніе должно бы было стоять здѣсь на послѣднемъ слогѣ.

формъ (основа настоящ. врем. yuna*ǵ*—, yu*ṅǵ*—) [17]), и отъ большей или меньшей древности этого явленія зависитъ рѣшеніе вопроса, распространялось ли прежде *n* въ именной основѣ yu*ṅǵ*— на всѣ падежи, или же ограничивалось съ самаго начала лишь основою сильныхъ падежей, по аналогіи съ prâ*ṅ*c— prâc—, avâ*ṅ*c—avâc— и т. д. Извѣстно, что разница, существующая въ нѣкоторыхъ именахъ между основами сильныхъ и слабыхъ падежей, не есть первоначальная, и, напр., въ prâ*ṅ*c—, avâ*ṅ*c— и т. д. носовая согласная *n* распространялась прежде на всѣ падежи, такъ какъ она принадлежитъ самому корню (ank). Какого бы взгляда мы ни держались относительно *n* въ именной основѣ yu*ṅǵ*—, для насъ несомнѣнна полная аналогія, существующая въ склоненіи между yu*ṅǵ*— и, напр., prâ*ṅ*c—: обѣ основы сохраняютъ *n* лишь въ такъ называемыхъ сильныхъ падежахъ. Но сходство не должно ограничиваться этимъ. Одна изъ особенностей основъ, теряющихъ *n* въ слабыхъ падежахъ, состоитъ въ томъ, что онѣ сохраняытъ даже и здѣсь удареніе на коренномъ слогѣ [18]), хотя бы основа была односложная; поэтому prâ*ṅ*c— и въ позднѣйшемъ санскритѣ имѣетъ pr*á*ca [19]), pr*á*cas и т. д. (съ удареніемъ на корнѣ). Очевидно, что по аналогіи pr*á*cas отъ prâ*ṅ*c— мы должны ожидать yú*ǵ*as отъ yu*ṅǵ*—, и этотъ-то родительн. падежъ я вижу въ нашемъ стихѣ. Я сказалъ уже выше, что, кромѣ основы yu*ṅǵ*—, гораздо чаще употребляется въ Ведахъ yu*ǵ*—, а потому понятно, что и родит. или аблативъ yu*ǵ*ás лучше засвидѣтельствованъ текстами, чѣмъ yú*ǵ*as; вслѣдствіе этого обстоятельства родит.— аблат. yú*ǵ*as могъ даже съ теченіемъ времени совершенно исчезнуть, подъ давленіемъ тождественной и болѣе распространенной формы yu*ǵ*ás. Желательно было бы, конечно, встрѣтить yú*ǵ*as еще гдѣ-нибудь, кромѣ нашего мѣста, но въ настоящее время я могу прибавить только одинъ примѣръ, въ которомъ, впрочемъ, форма yú*ǵ*as могла бы быть объясняема грамматически и иначе. Въ RV.

---

[17]) Срав. латинск. jung—, гдѣ *n* первоначально принадлежало лишь основѣ настоящ. времени.

[18]) Подъ вліяніемъ бывшей нѣкогда группы n+согласная. Относительно вліянія этой группы срав. односложную основу kru*ṅ*c («родъ кулика»), удерживающую удареніе на коренномъ слогѣ во всѣхъ падежахъ.

[19]) Въ Ведахъ извѣстна и форма prâc*á*, употребляемая въ качествѣ нарѣчія «впереди».

4, 32, 6 мы читаемъ: bhûyâmo shu tvâvataḥ sakhâya indra gomataḥ, yúǵo vâǵâya ghṛshvaye. Здѣсь вопросъ въ томъ, куда относить вторую часть стиха: къ tvâvato gomataḥ, или къ sakhâyaḥ; въ первомъ случаѣ это былъ бы родит. пад. ед. ч. (отъ основы yuńǵ—), во второмъ—именит. множ. (отъ основы yuǵ—). Я отдаю предпочтеніе первому объясненію и перевожу этотъ стихъ такъ: „да будемъ мы во благо намъ, о Индра, друзьями тебѣ, имѣющему[20]) столько коровъ, владѣющему богатствомъ[21]), приносящимъ радость!“ Что касается сочетанія yuǵo vâǵâya, собственно „соединеннаго съ богатствомъ“, то срав. sammiçlo vîryâya kam (RV. 8, 50, 18), „соединенный съ силою“, т. е. „владѣющій силою“[22]). Принимая yúǵaḥ за именит. пад. множ. ч., мы должны бы были перевести стихъ такъ: „да будемъ мы во благо намъ друзьями тебѣ, о Индра, имѣющему столько коровъ, снабженными (относится къ „друзьями“) богатствомъ, приносящимъ радость“. Такимъ образомъ разстановка словъ говоритъ въ пользу перваго перевода. Желаніе получить самимъ это „богатство приносящее радость“ высказывается въ девятомъ стихѣ: abhi tvâ gotamâ girânushata pra dâvane, indra vâǵâya ghṛshvaye, „тебя, о Индра, привѣтствовали пѣснью потомки Готамы (=„мы“ въ шестомъ стихѣ), для дарованія имъ богатства, приносящаго радость“.

Слова tuǵé ǵáne въ нашемъ стихѣ я привожу въ зависимость отъ yúǵas. Что касается формы ǵáne, то ее естественно было бы принять за мѣстный падежъ отъ существ. ǵana; срав. употребленіе мѣстнаго падежа параллельно съ дательнымъ, напр., въ RV. 1, 10, 6: tam it sakhitva (мѣстн. п.) îmahe tam râye (дат. п.) tam suvîrye (мѣстн. п.), „его (=Индру) молимъ мы о дружбѣ, его—о богатствѣ, его—о богатырской силѣ“[23]); въ RV. 1, 31, 7: tvam

---

[20]) Въ оригиналѣ стоитъ здѣсь родительн. пад.

[21]) Въ этомъ значеніи, конечно, должно понимать здѣсь слово vâǵa, о которомъ см. ниже. Срав. стихъ, слѣдующій за этимъ: tvam hy eka îçisha indra vâǵasya gomataḥ, «ты, вѣдь, одинъ, о Индра, распоряжаешься богатствомъ, состоящимъ изъ коровъ.»

[22]) Не должно забывать, что глаголъ «имѣть» (съ этимъ абстрактнымъ значеніемъ) не существовалъ не только въ Ведахъ, но и въ позднѣйшемъ санскритѣ.

[23]) Дельбрюкъ (Zeitschrift, XX, 222), мнѣ кажется, напрасно старается отличить въ переводѣ дательный падежъ отъ мѣстныхъ въ этомъ стихѣ. Извѣстный оттѣнокъ въ значеніи былъ, конечно, но онъ такъ ничтоженъ, что можетъ оставаться не переданнымъ въ переводѣ. Людвигъ (Der Infinitiv im Veda, § 13) слишкомъ обобщаетъ параллельное употребленіе мѣстнаго и дательн. падежей въ Ведахъ, и съ нимъ я не могу согласиться.

tam agne amṛtatva uttame (мѣстн. п.) martam dadhâsi çravase dive-dive, „tu, Agnis, ad summam immortalitatem hominem (aptum) reddis, gloriae cotidie“ [24]). Эти примѣры, однако, не вполнѣ аналогичны съ нашимъ мѣстомъ, и при томъ я думаю, что tuǵe ǵane не должно быть отдѣляемо отъ tuǵé táne въ RV. 5, 41, 9 (tuǵe nas tane parvatâḥ santu, „Горы [25]) да будутъ въ помощь распространенію нашего потомства!“), гдѣ táne есть дательн. падежъ отъ существит. tan [26])=tana; срав. также tucé (=tuǵé) tanâya въ RV. 8, 18, 18. Слѣдовательно, ǵáne можетъ быть дательн. падежомъ отъ сущ. ǵan, которое точно такъ же относится къ ǵana, какъ tan къ tana. Существит. tan извѣстно намъ въ двухъ падежахъ: tánâ (творит. ед. ч.) и táne (дат. ед. ч.) [27]), но эти же самыя формы, взятыя отдѣльно (не въ связной рѣчи), могли бы объясняться какъ творительн. (ведійскій) и мѣстн. падежи отъ существит. tána. Понятно поэтому, что и ǵan, если оно сохранилось въ одномъ или въ двухъ падежахъ, не легко отличить отъ ǵána [28]). Въ словаряхъ существит. ǵan не помѣщено, и можно думать, что оно, дѣйствительно, рано вышло изъ употребленія, подъ вліяніемъ тождественнаго по значенію ǵana.

Чтеніе Атһарваведы ǵanâ (вмѣсто ǵane) представляетъ, вѣроятно, ошибку. Еслибъ было доказано, что основы на — *a*, дѣйствительно, могутъ оканчиваться въ Ведахъ въ мѣстномъ пад. ед. ч. на — *â*, въ такомъ случаѣ форма ǵanâ могла бы быть принята за варіантъ ǵane, и послѣдняя должна была бы объясняться какъ мѣстный пад., а не какъ дательн. Но я говорилъ уже, что существованіе мѣстныхъ падежей на —*â* отъ основъ на —*a* пока еще не доказано, и стихъ Атһарваведы едва ли можетъ имѣть какое нибудь значеніе въ рѣшеніи этого вопроса, такъ какъ чтеніе *â* raǵas показало уже намъ, что онъ переданъ ошибочно.

---

[24]) См. Вильгельма De Infinitivi linguarum sanscritae, bactricae, persicae, graecae oscae, umbricae, latinae, goticae forma et usu, стр. 59.

[25]) Т. е. небесныя горы (=облака)?

[26]) См. Словарь Бетлингка и Рота.

[27]) Удареніе остается здѣсь на корнѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ односложныхъ словахъ въ языкѣ Ведъ.

[28]) Такъ, напр., въ выраженіи ǵane na çevaḥ (RV. 1, 69, 4), «будто дорогой для рода» или «въ родѣ» (объ Агни), т. е. «будто другъ дорогой для рода» или «въ родѣ», форма ǵane можетъ быть объясняема или какъ дат. пад. (отъ ǵan), или какъ мѣстный (отъ ǵana). Въ первомъ случаѣ срав. RV. 1, 58, 6: mitram

Для vana въ нашемъ стихѣ я принялъ значеніе „сіяніе“, такъ какъ, по моему мнѣнію, оно требуется здѣсь смысломъ: рѣчь идетъ о томъ свѣтломъ небесномъ пространствѣ, которое лежитъ надъ ra*ǵ*as, т. е. надъ облачною сферою, и властителемъ котораго считается Индра [29]). Обыкновенныя значенія vana въ Ведахъ: „дерево, лѣсъ (также и въ позднѣйшемъ санскритѣ), чанъ для Сомы, собств. дерево, или деревянная посудина, облако (метафора)“ не удовлетворяютъ въ данномъ случаѣ; правда, небо представлялось въ миѳахъ лѣсомъ, но небо облачное, а не то, которое лежитъ надъ облаками. Vana „сіяніе“ не имѣетъ, конечно, ничего общаго по происхожденію съ vana „дерево, лѣсъ“ и принадлежитъ тому корню van, на который указываютъ древнесаксонск. wanum, wanom „блестящій“, wanamî „блескъ“, между тѣмъ какъ vana „дерево, лѣсъ“ = др. бктр. vana „дерево“ происходитъ отъ корня van „рубить, бить“ (сскр. van причинять вредъ (hi*m*sâyâm), др. бактр. van бить, литовск. vanoti хлестать, бить [30]), vanta вѣникъ, которымъ парятся, готск. vinnan страдать), подобно тому какъ, напр., сскр. dru, druma „дерево“ (греч. δρῦς, δρυμός и т. д.) указываютъ на кор. dar „колоть“. Съ van „сіять“ долженъ находиться въ родствѣ и кор. van желать [31]) (сскр. van, ст. сл. *унити* и т. д.), первоначально, можетъ быть, возбуждать желаніе [32]); связь этихъ корней легко видѣть на такихъ словахъ, какъ латин. venus, ведійск. vanas (по толкованію Петерб. Словаря: „etwa Verlangen, Anhänglichkeit oder Lieblichkeit“), сскр. vá̩ma (изъ * vanma) прекрасный, собств. блестящій, = др. сакс. wanum, wanom блестящій и прекрасный [33]) и т. д. Значеніе „сіяніе“ при-

---

na çevam divyâya *ǵ*anmane, «будто друга дорогаго для небеснаго рода», т. е. «для небожителей».

[29]) Этотъ Комментарій занимается исключительно явленіями языка, а что касается ведійской миѳологіи, то см. Мьюра (Muir) Original Sanskrit Texts, томы IV (Comparison of the Vedic with the later representation of the principal Indian Deities) и V (Contributions to a Knowledge of Vedic Mythology). Срав. также Рота Die höchsten Götter der arischen Völker, въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, томъ VI, стр. 67.

[30]) Это слово приводитъ г. Микуцкій.

[31]) См. объ этомъ корнѣ у Потта, Wurzel-Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen, II, 2, 124.

[32]) Срав. относительно значеній, напр., ruk «свѣтить» = сскр. ruc «свѣтить» и (въ позднѣйшемъ языкѣ) «нравиться».

[33]) См. Фика Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen, стр. 180.

нято мною для vana согласно съ индійскою традиціею; въ Nâighantuka 1, 5 vana приводится въ числѣ „raçminâmâni", т. е. въ числѣ ведійскихъ названій луча свѣта. Вмѣсто „сіяніе" мы могли бы поставить въ переводѣ „свѣтлое небо", и я думаю, что найдутся въ Ведахъ еще мѣста, къ которымъ примѣнимо то же значеніе. Такъ, напр., сюда долженъ принадлежать слѣдующій стихъ изъ Ригведы (1, 24, 7): abudhne râǵâ varuno vanasyordhvam stûpam dadate pûtadakshah, „въ бездонномъ пространствѣ царь Варуна, чистыя мысли имѣющій [34]), охраняетъ [35]) высящуюся верхушку (маковку) свѣтлаго неба". Словарь Бетлингка и Рота переводитъ это мѣсто иначе: „hält oben den Zipfel der Wolke" (подъ словомъ vana) или „fasst die Wolke am Schopfe" (подъ словомъ stûpa); Бенфей: „hoch oben hält Varuna, der reinkräft'ge König, des Glanzes Mass' im Bodenlosen" (Orient und Occident, I, 33). Такимъ образомъ значеніе „сіяніе, блескъ" принято здѣсь для vana и Бенфеемъ, который объясняетъ въ примѣчаніи „Glanz" черезъ „Sonne", съ чѣмъ я не согласенъ, такъ какъ stûpa не означаетъ массы, кучи. Можно думать, что это значеніе попало въ словари (не въ Петербургскій, однако) изъ Нирукты 10, 33, гдѣ Яска, дѣйствительно, толкуетъ stûpa въ смыслѣ samghâta (аггрегатъ, масса), но это объясненіе, конечно, такъ же произвольно, какъ и этимологія слова stûpa, выставленная Яскою, отъ глагола styâ. По крайней мѣрѣ, это значеніе не можетъ подходить къ эпитету Савитара hiranyastûpa, по поводу котораго Яска объясняетъ слово stûpa; hiranyastûpa значитъ, конечно, „съ золотою (т. е. золотаго цвѣта) маковкою", подобно тому какъ Агни называется arushastûpa (RV. 3, 29, 3), „съ огненно-красною маковкою". То же значеніе слова stûpa ясно и въ слѣдующемъ мѣстѣ Ригведы (7, 2, 1): upa sprça divyam sânu stûpâih, „коснись (о Агни) небесной вершины своими маковками". [36]) Первоначально, я думаю, stûpa значило „верхушка" или „возвышеніе", отсюда „маковка головы", а также „бугоръ, холмъ"; это послѣднее значеніе приводится въ индійскихъ словаряхъ, и имъ же, можетъ быть, руководствовался Яска при своемъ объясне-

[34]) Варуна носитъ этотъ эпитетъ какъ верховный судья, наказывающій за грѣхи.

[35]) Глаголъ dâ въ медіумѣ значитъ: «имѣть у себя (собств. «давать себѣ»), сохранять» и т. д. Срав. Петерб. Словарь.

[36]) Агни представляется иногда съ нѣсколькими головами; срав. напр. его эпитетъ trimûrdhan, «трехголовый» (RV. 1, 146 1).

ніи слова stûpa. Наконецъ, припомнимъ, что у буддистовъ stûpa означаетъ надгробный памятникъ надъ мощами. Тотъ же корень, но съ согласною b вмѣсто p, я вижу въ греч. τύμβος (котор. не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ τύφω) и въ лат. tûber. Петерб. Словарь объясняетъ stûpa такъ: Schopf, sowohl der Haarbusch, als der obere Theil des Kopfes", но я не знаю примѣровъ, въ которыхъ требовалось бы значеніе „Haarbusch", хотя, конечно, оно можетъ соединяться съ значеніемъ „маковка". Доказательствомъ того, что vana въ RV. 1, 24, 7 означаетъ не „облако", но „сіяніе" или „свѣтлое небо" служитъ продолженіе стиха: nîcînâḥ sthur upari budhna eshâm asme antar nihitâḥ ketavaḥ syuḥ, „внизъ обращенные [37]),—вверху ихъ основаніе,—да будутъ лучи свѣта находящимися среди насъ!".

4 ст. — Варуна принадлежитъ къ числу тѣхъ боговъ, которые называются âdityâs, „сыновья Адити". Aditi значитъ собственно: „неограниченный, безконечный; неограниченность, безконечность", но дальнѣйшая спеціализація значеній дѣлаетъ это слово въ Ведахъ крайне неопредѣленнымъ, такъ что часто трудно бываетъ рѣшить, употреблено ли aditi въ значеніи нарицательномъ, или какъ собственное имя [38]). Такъ, напр., въ концѣ нашего стиха (anâgaso aditaye syâma) Петерб. Словарь понимаетъ aditi въ смыслѣ: „Ungebundenheit, Freiheit, Sicherheit", и подобнымъ же образомъ Грассманъ даетъ здѣсь этому слову значеніе: „unvergängliches Wohlsein". Но Бенфей [39]) и Максъ Мюллеръ [40]) видятъ въ aditi богиню Адити, и послѣдній переводитъ окончаніе стиха такъ: „then, o Aditya, let us be in thy service free of guilt before Aditi". Я отдаю предпочтеніе этому переводу, между прочимъ, въ виду параллельнаго мѣста, помѣщеннаго у Макса Мюллера: anâgaso aditaye devasya savituḥ save, viçvâ vâmâni dhîmahi (RV. 5, 82, 6), „May we, guiltless before Aditi, and in the keeping of the god Savitar, obtain all goods!" Отсутствіе глагола as въ этомъ стихѣ позволяетъ думать, что и въ нашемъ мѣстѣ дат. пад. adi-

---

[37]) Собственно: «внизъ обращенные стоятъ» (буквально: стали).

[38]) См. объ aditi подробное изслѣдованіе Макса Мюллера въ Rig-Veda-Sanhita translat. and explain., стр. 230 и слѣд.

[39]) Orient und Occident I, 34: «dann mögen wir in deiner Pflicht, Aditya! von Schuld befreit, der Aditi gehören.» Изъ параллельнаго мѣста, указаннаго мною въ текстѣ, видно, что окончаніе стиха переведено здѣсь не точно.

[40]) Rig-Veda-Sanhita translat. and explain., стр. 246.

taye не зависитъ отъ syâma, и, слѣдовательно, мы не могли бы переводить: „да будемъ пользоваться мы непреходящимъ благоденствіемъ“ или „спокойною жизнью“. Бетлингкъ, Ротъ и Грассманъ удерживаютъ, однако, и въ стихѣ 5, 82, 6 то же значеніе для aditi, которое они принимаютъ въ ст. 1, 24, 15; но въ такомъ случаѣ переводъ получается крайне неудовлетворительный: „безгрѣшные для непреходящаго благоденствія“ или „для спокойной жизни“.

5 ст. — Сома pavamâna есть Сома свѣтло льющійся тогда, когда его процѣживаютъ. Глаголъ pû значитъ „быть свѣтлымъ“ и „дѣлать свѣтлымъ“; см. Словарь Грассмана къ Ригведѣ.

Слово sindhu („рѣка“, „потокъ“) понимаютъ иногда и въ Ведахъ [41]) въ значеніи „море“, но въ нашемъ стихѣ я не вижу никакихъ основаній принять это значеніе, хотя Петерб. Словарь переводитъ здѣсь sindhu „Meer“.

6 ст. — Изъ Nâigeya-Dâivata видно, что этотъ стихъ считается посвященнымъ Индрѣ; слѣдовательно, и самыя слова влагаются въ его же уста, а извѣстно, что по индійскому воззрѣнію молитвы и жертвоприношенія даютъ богамъ силу.

7 ст. — Стихъ обращается къ Сомѣ.

8 ст. — „Черезъ него“, т. е. черезъ Сому.

9 ст. — Эти слова влагаются въ уста Агни, Огня.

Въ Nâig.-Dâivata божество, которому этотъ стихъ посвященъ, называется âtman („Душа“ или „Самъ“); слѣдовательно, подъ âtman мы должны понимать одну изъ формъ проявленія бога Агни. Стихъ принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ числу очень позднихъ. Въ концѣ должно обратить вниманіе на аллитерацію, которая вообще часто встрѣчается въ Ведахъ. Уже Nève въ Études sur les Hymnes du Rig-Veda (1842 г.), стр. 43, указывалъ на такіе случаи, какъ: devo devebhiḥ, marto amartye, çrudhi çrutkarṇa, vaǵrena vaǵrin и т. д. Срав. изъ нашего текста: ugro ugrâbhir ûtibhiḥ, çuciṃ çucayaḥ, pracetana pracetaya и т. д.

Первое anna (ѣда, пища) употреблено здѣсь въ смыслѣ жертвы, съ которою отождествляется Агни; срав. въ Âr. 3, 12: havir asmi sarvam „я (Агни)—вся жертва“=RV. 3, 26, 7: havir asmi nâma „я—жертва по имени“ (т. е. „мое имя—жертва“). Въ одной изъ формулъ Стобhы (срав. Âr.-Gâna V, 2, 1) мы читаемъ: aham an

[41]) Въ позднѣйшемъ языкѣ sindhu имѣетъ, между прочимъ, значеніе «море», но обыкновенно «рѣка», «потокъ» или «Индъ».

nam aham annâdaḥ „я—ѣда, я—ѣдящій ѣду". Что же касается выраженія: annam adantam admi, то здѣсь подъ anna должно разумѣть, вѣроятно, жертвенное масло [42]), а „ѣдящій" составляетъ обозначеніе животнаго, приносимаго въ жертву.

Вторая декада.

1 ст. — Стихъ посвященъ Индрѣ; срав. Nâig.-Dâivata. Бенфей переводилъ такъ: „Du hast getragen diese Milch in den schwarzen, den leuchtenden, den Parushni's, die strahlende" [43]). Слово parushṇîshu, дѣйствительно, можетъ затруднять въ этомъ стихѣ, хотя я полагаю, мой переводъ вѣренъ. Parushṇî есть собственно женск. родъ отъ прилагательн. parusha „узловатый; пестрый" и т. д., и это же значеніе удержано для него Ротомъ и Грассманомъ въ нашемъ стихѣ. Послѣдній предполагаетъ, что существит. goshu подразумѣвается здѣсь (такъ же думаетъ и Ротъ?) и потому переводитъ это мѣсто, вѣроятно, такъ: „ты держалъ въ черныхъ и красныхъ коровахъ *и* въ пестрыхъ это блестящее молоко". Я не могу, однако, принять этого перевода, такъ какъ, во-первыхъ, мнѣ кажется непонятнымъ переносъ эпитета parushṇîshu во вторую часть стиха, и при томъ безъ соединительнаго союза, хотя выше употреблено *ca*, а во-вторыхъ, истинное значеніе здѣсь слова parushṇîshu вполнѣ опредѣляется изъ одного параллельнаго мѣста. Въ стихѣ RV. 1, 62, 9 мы читаемъ: âmâsu cid dadhishe pakvam antaḥ payaḥ kṛshṇâsu ruçad rohiṇîshu, „и [44]) въ коровъ вложилъ ты готовое молоко, въ черныхъ и красныхъ—блестящее." Такимъ образомъ по смыслу этотъ стихъ вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ мѣстомъ, и слову parushṇîshu здѣсь соотвѣтствуетъ âmâsu, которое въ этомъ случаѣ не можетъ быть переводимо иначе, какъ „въ коровъ" или собственно „въ коровахъ" (глаголъ dhâ имѣетъ при себѣ мѣстный падежъ); срав. Бетлингка и Рота, а также Грассмана. Прилагательн. pakva, которое я передаю словомъ „готовое", значитъ соб-

---

[42]) Срав. напр. RV. 2, 35, 11: ghṛtam annam asya (т. е. бога Агни); 2, 35, 14: âpo naptre (т. е. богу Агни) ghṛtam annaṁ vahantiḥ, и друг.

[43]) Die Hymn. d. SV, Nachträge und Verbesserungen, стр. 269.

[44]) Частица cid, которую я передаю здѣсь черезъ «и», усиливаетъ предшествующее слово, т. е. âmâsu.

ственно „вареный“, въ противоположность âma „сырой, crudus“ [45]) (срав. греч. ὠμός), и черезъ âmâ же (женск. р. отъ âma) обозначается здѣсь „корова“, такъ что въ моемъ переводѣ остался не переданнымъ тотъ образъ, какой существуетъ въ самомъ текстѣ. Бетлингкъ и Ротъ говорятъ по поводу âma слѣдующее: „Im Veda besonders von der Kuh, welche im Gegensatz zu der gleichsam gekochten Milch, die sie erzeugt, selbst als roh bezeichnet wird.“ Дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ стихахъ, гдѣ „корова“ получаетъ обозначеніе âmâ, мы находимъ и эпитетъ pakva при payas; слѣдовательно, названіе „cruda“ давалось коровѣ по противоположности съ молокомъ, которое она содержитъ въ себѣ вполнѣ готовымъ въ пищу. Должно замѣтить, что обыкновенно âmâ, о коровѣ, употребляется въ значеніи прилагательнаго, при которомъ стоитъ gâus или usriyâ (напр. RV. 3, 30, 14; 1, 180, 3 и др.); отсюда уже произошло употребленіе этого слова какъ существительнаго въ стихахъ 1, 62, 9 и 8, 78, 7 [46]) Что касается значенія „корова“ для слова parushṇî въ нашемъ стихѣ, то оно образовалось вслѣдствіе частаго употребленія parushṇî „пестрая“ какъ эпитета коровы, при чемъ съ теченіемъ времени parushṇî, какъ существительное, утратило то значеніе цвѣта, которое ему принадлежало. Полную аналогію съ этимъ представляетъ употребленіе pṛçni „пестрый“ (срав. греч. περκνός), не только какъ эпитета коровы („eine besonders beliebte Farbe bei der Kuh und als liebkosende Bezeichnung derselben gebraucht“ BR.), но и въ нарицательномъ ея обозначеніи; см. RV. 8, 6, 19; 8, 7, 10 и др. Въ двухъ мѣстахъ въ Ригведѣ (5, 52, 9; 4, 22, 2) Петерб. Словарь предполагаетъ для parushṇî значеніе „облако“ (срав. также Грассмана), которое, онъ думаетъ, могло развиться изъ первоначальнаго значенія этого слова: „die Knotige, Geballte oder die Bunte“. Я полагаю, что и въ этихъ двухъ мѣстахъ parushṇî можетъ быть переводимо сло-

---

[45]) Срав. âma въ соединеніи съ kravis (RV. 1, 162, 10) и mâṅsa (AV. 4, 17, 4), «мясо».

[46]) Для меня не ясно, какое значеніе имѣетъ âmâsu въ стихѣ RV. 2, 35, 6. Грассманъ переводитъ здѣсь âmâ словомъ «облако», но это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что рѣчь идетъ, дѣйствительно, объ облакахъ, которыя представляются (какъ и часто въ Ведахъ) въ видѣ крѣпостей (pur). Всего естественнѣе было бы предполагать, что âmâsu въ сочетаніи âmâsu pûrshu составляетъ опредѣленіе къ pûrshu («въ крѣпостяхъ»=«въ облакахъ»), но только трудно сказать, какое именно значеніе принадлежитъ здѣсь слову âma.

вомъ „корова“ (=облако), подобно тому какъ и go и pṛçni употребляются очень часто о небесныхъ коровахъ, т. е. облакахъ. Въ нашемъ стихѣ черныя и красныя коровы служатъ также метафорою облаковъ; а что касается ихъ „блестящаго молока“, то подъ нимъ можно разумѣть какъ дождь, такъ и небесный огонь. Срав. о связи миѳическихъ представленій небеснаго огня и дождя Куна Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks.

2 ст. — Подъ образомъ быка здѣсь представляется Сома [47]); срав. Nâig.-Dâivata. Эпитетъ „предшествующій утренней зарѣ“ указываетъ на совершеніе жертвоприношенія Сомы передъ разсвѣтомъ. Выраженіе „мычитъ“ (mimeti=mimâti) могло быть употреблено по сравненію съ тѣмъ звукомъ, который издаютъ капли Сомы, падающія въ тазъ. Vâǵayu я перевожу „могучій“, сообразно съ значеніемъ слова vâǵa, о которомъ см. ниже; Петерб. Словарь объясняетъ vâǵayu: „wettlaufend, kampflustig, eilig“ (а равно: „eifrig, kräftig“, но не въ этомъ стихѣ), что этимологически также возможно, хотя въ данномъ случаѣ кажется мнѣ менѣе примѣнимымъ. Слово mâyâvinas Бенфей (Die Hymn. d. SV., Uebersetzung, стр. 250) переводитъ: „die Geistbegabten“ (что, однако, не точно) и видитъ здѣсь боговъ; въ стихѣ RV. 10, 24, 4 эпитетъ mâyâvin дается обоимъ Ашвинамъ. „Отцы“, или manes, (срав. русск. „родители“) [48]) называются въ нашемъ стихѣ „взирающими на мужей“ (у Бенфея: männerwaltend), т. е. смотрящими изъ заоблачнаго міра на людей живущихъ.

3 ст. — Въ этомъ стихѣ главную трудность представляетъ форма vacoyuǵâ. Мой переводъ основывается на томъ предположеніи, что vacoyuǵ составляетъ здѣсь эпитетъ колесницы, и при vacoyuǵâ я подразумѣваю rathena, хотя и не могу привести параллельныхъ мѣстъ въ пользу этого предположенія. Въ оправданіе моего перевода замѣчу слѣдующее. Прилагательн. vacoyuǵ можетъ быть

---

[47]) См. о миѳическомъ значеніи Сомы у Куна, Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks.

[48]) По поводу сскр. pitaras, «отцы»=manes, считаю не лишнимъ замѣтить, что это слово является обыкновенно въ русскихъ сочиненіяхъ, касающихся сравнительной миѳологіи (см. напр. труды Аѳанасьева), въ крайне странной формѣ: pitṛis, т. е., по нашей транскрипціи, pitṛs. Эта форма не можетъ имѣть у насъ никакихъ правъ на существованіе, и появленіе ея должно объяснять тѣмъ, что она ошибочно перенесена къ намъ изъ новыхъ европейскихъ языковъ, гдѣ къ сскр. краткой основѣ pitṛ— (по другой транскрипціи: pitṛi—) приставляется окончаніе множ. числа s, принадлежащее этимъ языкамъ.

относимо по своему значенію какъ къ конямъ, такъ и колесницѣ. Петерб. Словарь толкуетъ это слово только какъ эпитетъ коней Индры и приводитъ для него три примѣра, изъ которыхъ одинъ нашъ стихъ; въ двухъ другихъ (RV. 1, 20, 2; 6, 20, 9) vacoyuǵâ (именит. винит. пад. двойств. ч.) употреблено, несомнѣнно, какъ эпитетъ harî, коней Индры, точно такъ же какъ, напр., и въ ст. 8, 45, 39; 8, 87, 9; но въ нашемъ мѣстѣ нельзя, мнѣ кажется, объяснять его такимъ образомъ; ибо sammiçla („соединенный съ") можетъ имѣть при себѣ или творительн., или мѣстный пад., и я не понимаю поэтому, какъ переводитъ этотъ стихъ Петерб. Словарь, видящій здѣсь въ vacoyuǵâ эпитетъ къ harî. Саяна нисколько ни разрѣшаетъ этого затрудненія, объясняя vacoyuǵâ черезъ indrasya vacanamâtreṇa rathe yuǵyamânayoḥ („запрягающихся въ колесницу по одному слову Индры") [49], такъ какъ vacoyuǵâ по своей формѣ не можетъ быть родит.—мѣстн. пад. Замѣчу, что уже Розенъ въ объясненіи нашего стиха [50]) спрашивалъ: „Possitne vacoyuǵâ pro instrum. sing. thematis vacoyuǵ haberi, subintellecto rathena?", а Nève внесъ эту гипотезу въ свой переводъ [51]) (sur son char attelé à sa parole). Я думаю, что употребленіе vacoyuǵ въ качествѣ эпитета колесницы Индры находитъ аналогію въ manoyuǵ; это послѣднее прилагательное относится обыкновенно къ конямъ, но въ стихѣ RV. 8, 5, 2 оно составляетъ эпитетъ колесницы (manoyuǵâ rathena). Буквальный переводъ нашего стиха представляется мнѣ такъ: „Индра съ парою свѣтложелтыхъ (коней) есть и соединенный съ запрягаемою словомъ, Индра, перунодержецъ, золотой." Слово â я принимаю здѣсь въ значеніи союза „и" и слѣдую въ этомъ случаѣ толкованіямъ Рота и Грассмана. Бенфей переводитъ нашъ стихъ такъ: „Indra mit seinem Falbenpaar—er treibt die wortgeschirrten her—, der goldne der Blitzschleuderer" [52]) Здѣсь для меня ясно только то, что vacoyuǵâ Бенфей относитъ къ harî, а частицу â принимаетъ въ значеніи „сюда"; но я не могу опредѣлительно сказать, какъ поступаетъ онъ съ sammiçla, и чему должны соотвѣтство-

---

[49]) Объясненіе моего перевода слова vacoyuǵ см. ниже.

[50]) Слѣдуя Саянѣ, онъ переводитъ стихъ такъ: Indras ille fulvis cum equis omnia contingens, dicto jugatis, Indras teliger, auro fulgens.

[51]) Études sur les Hymnes du Rig-Veda, стр. 54.

[52]) Orient und Occident, I, 15. Срав. Die Hymnen d. SV. Uebersetzung, 247: Indra mit dem Falbengespann treibet die sanggeschirrten her, Indra, der Donnrer, goldene.

вать въ оригиналѣ слова: „er treibt“. Частицу *á*, дѣйствительно, можно было бы принять за нарѣчіе „сюда“ [53]), при которомъ глаголъ „приходить“ въ повелительн. наклоненіи подразумѣвается („сюда“=„сюда приди“, „сюда да придетъ!“) [54]), и, сообразно съ этимъ, я допускаю, что нашъ стихъ можетъ быть переводимъ такъ: „Индра съ парою свѣтложелтыхъ да придетъ сюда, имѣющій колесницу, запрягаемую словомъ“ и т. д. Что касается sammiçla, то его во всякомъ случаѣ трудно относить къ haryo*ḥ* sac*á*, такъ какъ съ sammiçla начинается новая пада. Объясненіе Саяною словъ sammiçla *á* черезъ sarvata*ḥ* samyagmiçrayit*á* („omnia contingens“ у Розена) совершенно произвольно и не могло бы помочь, такъ какъ главная трудность, заключающаяся въ vacoyu*ǵá*, осталась бы. Правда, нашъ стихъ представляется варіантомъ слѣдующаго стиха въ Самаведѣ (Ch. 3, 2, 5, 7): ya*ḥ* sa*m*miçlo haryor yo hira*n*yaya indro va*ǵ*rî hira*n*yaya*ḥ* (=RV. 8, 33, 4; ya*ḥ* sa*m*miçlo haryor ya*ḥ* sute sacâ va*ǵ*rî ratho hira*n*yaya*ḥ*), гдѣ sa*m*miçlo haryo*ḥ* значитъ „соединенный съ парою свѣтложелтыхъ коней“, т. е. „имѣющій пару свѣтложелтыхъ коней“, но это не даетъ намъ никакого права относить sa*m*miçla въ нашемъ стихѣ къ haryo*ḥ* sac*á*. Теперь мнѣ остается объяснить, почему я перевожу слово vacoyu*ǵ* (куда бы оно ни относилось, къ конямъ, или къ колесницѣ) „запрягаемый словами стиха“ или „молитвы“. Петерб. Словарь объясняетъ vacoyu*ǵ* буквально: „auf's Wort sich schirrend“, и я не знаю, какъ именно понимаетъ онъ этотъ эпитетъ. Мы видѣли, что Саяна толкуетъ vacoyu*ǵ* въ смыслѣ: „запрягающійся по одному слову Индры“ (т. е. безъ самаго акта запряганія), и это объясненіе показалось на столько убѣдительнымъ Бенфею, что онъ замѣнилъ свой прежній переводъ: „sanggeschirrt“ новымъ: „wortgeschirrt“, т. е., какъ прибавляетъ онъ, „die sich auf blosses Geheiss von selbst anschirren“. Я думаю, однако, что Бенфей сдѣлалъ это напрасно. Понятно, что на основаніи одного vacoyu*ǵ* нельзя было бы еще рѣшить, какъ именно должно понимать это слово, такъ какъ всякій согласится, что здѣсь возможны два перевода [55]). Въ подтвержденіе перевода Саяны можно было бы сослаться на при-

[53]) Это—господствующее значеніе частицы â (предлогъ «къ», «до» и т. д.).

[54]) См. примѣры въ Словарѣ Грассмана.

[55]) Vacas, собств. «слово», обозначаетъ также и слово стиха или молитвы. Срав. подобное же употребленіе vâc.

лагат. manoyuǵ (эпитетъ коней и колесницы), еслибъ оно несомнѣнно имѣло то значеніе, которое приводится въ Петерб. Словарѣ: „durch oder nach dem blossen Willen (ohne Handanlegung) sich anspannend oder schirrend". Но въ дѣйствительности и manoyuǵ нисколько не помогаетъ, такъ какъ manas, собств., „совокупность духовныхъ состояній" („душа"), обозначаетъ также и молитву, вѣроятно не въ смыслѣ „придуманнаго" (какъ толкуетъ Петерб. Словарь), но въ значеніи „благоговѣйнаго настроенія", выражаемаго словами [56]). Вопросъ о томъ, какъ должны быть понимаемы слова vacoyuǵ и manoyuǵ вполнѣ рѣшается, мнѣ кажется, совершенно аналогичнымъ словомъ: brahmayuǵ (эпитетъ коней Индры), которое допускаетъ только одинъ переводъ: „запрягаемый молитвою" или „благоговѣніемъ". На основаніи этого-то слова я перевожу vacoyuǵ: „запрягаемый словами стиха" или „молитвы", точно такъ же какъ и manoyuǵ я принимаю тождественнымъ съ brahmayuǵ и даю ему значеніе: „запрягаемый благоговѣйною молитвою". Всѣ эти эпитеты вполнѣ понятны, конечно: молитвы, приводя на землю боговъ, этимъ самымъ запрягаютъ ихъ коней или колесницы.

Прилагательн. hari значитъ: „свѣтложелтый" или „огненнаго цвѣта"; harî (двойств. ч.) обратилось потомъ какъ-бы въ собственное имя коней Индры.

Слово hiraṇyaya „золотой", эпитетъ Индры, должно понимать въ значеніи цвѣта.

4 ст.—Бенфей переводитъ этотъ стихъ такъ: „O Indra! Hilf in Kämpfen uns, auch tausend Schätze gewährenden, mit schrecklichen Hülfen, schrecklicher!" [57]) Относительно *ca* я не могу согласиться съ Бенфеемъ, такъ какъ не знаю въ Ведахъ другихъ примѣровъ подобнаго употребленія этого союза; при томъ же, и смыслъ получается мало удовлетворительный. Я понимаю здѣсь *ca* въ его обыкновенномъ употребленіи [58]) и предполагаю поэтому, что при прилагательн. sahasrapradhaneshu подразумѣвается опять существит. vâǵeshu, употребленное выше. Vâǵa означаетъ какъ мирное состязаніе, такъ и битву, войну, и отсюда должна объясняться разница между vâǵeshu и sahasrapradhaneshu, т. е. vâgeshu.

[56]) Срав. brahman «благоговѣніе» и потому «молитва».

[57]) Or. und Occ. I, 15.

[58]) Иногда ca употребляется въ значеніи «если».

Что касается прилагат. sahasrapradhana [59]), то Бенфей переводитъ его согласно съ объясненіемъ Саяны, и этотъ переводъ, конечно, возможенъ, такъ какъ pradhana означаетъ не только битву, сраженіе, [60]) но и добычу. Одно изъ этихъ значеній есть переносное, но которое именно, рѣшить не легко. Петерб. Словарь принимаетъ значеніе „добыча“ первоначальнымъ для слова pradhana, которое онъ сравниваетъ, слѣдовательно, съ dhana (собств. „ставка“, поэтому „добыча“, но затѣмъ вообще „имущество, богатство“). Въ такомъ случаѣ pradhana „битва“: pradhana „добыча“= dhana „битва“: dhana „добыча“. Срав. также mahâdhana „добыча“ и „битва“. Но уже Розенъ въ объясненіи нашего стиха указывалъ на то, что pradhana можетъ быть родственно съ nidhana caedes и принадлежать корню dhan (греч. θεν- въ θείνω) [61]). Впрочемъ, этимологія слова nidhana также не ясна, и Петерб. Словарь предпочитаетъ объяснять его изъ dhâ („класть“), предполагая, что значеніе „Tod, Vernichtung“ образовалось изъ „Schluss, Ende“. Я нахожу это весьма вѣроятнымъ, такъ какъ nidhana, дѣйствительно, очень часто означаетъ „конецъ“ вообще, вслѣдствіе чего это же имя дается и музыкальнымъ финаламъ въ стихахъ sâman. Въ виду трудности рѣшить, какое именно значеніе лежитъ въ sahasrapradhana, какъ эпитетѣ войны, я могъ бы остаться при объясненіи Саяны, еслибъ не руководствовался эпитетомъ sahasramîlha (=sahasramîḍha) „тысячу битвъ имѣющій“, который употребленъ при существ. âǵi „состязаніе, война“ въ стихѣ RV. 1, 112, 10.

Слова ugro ugrâbhir ûtibhiḥ составляютъ отдѣльное цѣлое; и мы не должны относить ихъ къ ava, какъ это дѣлаетъ Бенфей. Срав. mahân mahîbhir ûtibhiḥ (RV. 4, 32, 1), „великій великими пособіями“, mahân mahîbhiḥ çacîbhiḥ (RV. 8, 16, 7) id. Поэтому ugra стоитъ въ именит. пад. (ugraḥ), а не въ звательномъ. Значеніе „сильный“ есть первоначальное для этого слова [62]), отсюда „страшный“.

---

[59]) Это слово встрѣчается только разъ, именно въ нашемъ стихѣ.

[60]) Срав. Nâighaṇṭuka 2, 17, въ одной изъ редакцій.

[61]) Розенъ (какъ и нѣкоторые другіе) относилъ сюда греч. θάνατος, но см. теперь Курціуса Grundzüge, четверт. изд., стр. 534. Въ санскритѣ кор. dhan «бить, убивать» не сохранился въ качествѣ глагола.

[62]) См. Петерб. Словарь.

5 ст.—Dhатаръ есть богъ „творецъ“ или „устроитель“; Савитаръ и Вишну суть солнечныя божества. Отсутствіе союза са послѣ vishnos должно объяснять тѣмъ, что Savitar и Vishnu употреблялись въ соединеніи „dvandva“, хотя въ текстахъ я не встрѣчалъ его. Аналогія Dhâtur dyutânât позволяла бы видѣть въ одномъ изъ словъ: savitar или vishnu опредѣленіе къ другому, но этотъ стихъ принадлежитъ, конечно, къ числу позднихъ, и потому сомнительно, чтобы savitar или vishnu могли сохранять здѣсь нарицательное значеніе. Срав. Nâig.-Dâivata: „prathas ca“ trtîye (т. е. въ третьей падѣ) dhâtâ savitâ vishnuh.

Слово havis, внесенное мною и въ переводъ, означаетъ масло, которое льютъ на огонь при жертвоприношеніи; но havis также и „жертва“. Бенфей: „welch Opfer ist des liedgefolgten Opfers [63]). Эпитетъ ânushtubha по отношенію къ жертвоприношенію показываетъ, что оно состоитъ изъ четырехъ частей, подобно тому какъ метръ anushtubh имѣетъ четыре „пады“; см. Петерб. Словарь. Грассманъ, какъ я вижу изъ его Словаря къ Ригведѣ, подъ словомъ nâman, относитъ придаточн. предлож. prathas ca yasya saprathaç ca nâma не къ rathamtaram, но къ havishas. Грамматически это, конечно, возможно, но и мой переводъ не можетъ встрѣтить возраженія со стороны грамматики. [64]). Смыслъ, какъ кажется, не рѣшаетъ въ этомъ случаѣ, которому изъ двухъ переводовъ должно отдать преимущество; но въ пользу моего перевода я могу привести параллельныя мѣста, гдѣ молитва или стихъ получаютъ названіе saprathas (см. ниже), между тѣмъ какъ я не знаю другихъ примѣровъ, гдѣ это слово относилось бы къ жертвѣ. Подъ распространенностью стиха rathamtara можно понимать какъ его музыкальную полноту, такъ и способность оказывать дѣйствіе на далекое пространство; срав. brhat sâma или просто brhat. Слова: saprathaç ca nâma могли бы быть переведены: „и распространенное (т. е. далеко) имя“ [65]); срав. RV. 8, 20, 13: yeshâm arno na saprathо nâma, „которыхъ (Марутовъ) существо

[63]) Die Hymn. d. SV., Nachträge und Verbesserungen, стр. 269.

[64]) Бенфей переводитъ не совсѣмъ ясно: «Dess Namen Prathas ist, wie auch Saprathas, welch Opfer ist des liedgefolgten Opfers—Rathantara hat hergebracht Vasishtha» и т. д.

[65]) Грассманъ объясняетъ въ нашемъ стихѣ nâman въ значеніи Wesen, Eigenthümlichkeit, но съ этимъ едва ли можно согласиться, такъ какъ saprathaç ca nâma было бы въ такомъ случаѣ излишнимъ повтореніемъ словъ: prathaç ca yasya.

далеко распространено, будто море“, т. е. которые объемлютъ обширное пространство, подобно морю[66]). Переводя же saprathaç ca nâma: „и названіе „Пространное“ (т. е. пѣснопѣніе), мы можемъ указать для аналогіи на слѣдующее мѣсто въ Ригведѣ (1, 129, 3): mitrâya vocam varunâya saprathah sumrlîkâya saprathah, „для Митры и для Варуны да произнесу я „Пространное“, для очень милостиваго да произнесу я „Пространное“. Такимъ образомъ saprathas является здѣсь какъ бы собственнымъ именемъ какого то стиха или пѣснопѣнія. Срав. saprathas какъ эпитетъ молитвы въ sapratho manma (RV. 6, 68, 9), saprathastamam vacas (1, 75, 1).

Rathamtara есть спеціальное названіе нѣкоторыхъ изъ sâman[67]). Текстъ „pada“ совершенно вѣрно дѣлитъ rathamtara на ratham и tara, такъ какъ по этимологіи это слово (образованное жрецами) значитъ, конечно: „побѣждающій чувственную склонность“, т. е. побѣждающій привязанность къ чувственному міру; срав. ratha (отъ корня ram) въ manoratha „желаніе“ (собств. „склонность души“ или „сердца“) и въ rathagit „Zuneigung gewinnend, liebreizend“ (BR.), эпитетѣ Апсарасъ.

7 ст. — Maghavan (и maghavant) есть постоянный эпитетъ Индры; происходитъ, по толкованію Петерб. Словаря, отъ magha „даръ“. По поводу prthivîm aprathayas должно припомнить, что prthivî „земля“ значитъ собственно „широкая“, „пространная“, и корень этого слова тотъ же, что и въ prathay „простирать“.

Vrtra, котораго поражаетъ Индра, есть олицетвореніе темнаго облака (срав. Nâighant. 1, 10), задерживающаго небесныя воды и закрывающаго свѣтъ. Впрочемъ, слово vrtra въ Ведахъ и частію въ позднѣйшей литературѣ употребляется также въ нарицательномъ значеніи „врагъ“. Несомнѣнно, что собств. имя Vrtra произошло изъ этого нарицательнаго значенія, и часто трудно бываетъ сдѣлать между ними выборъ, когда рѣчь идетъ о врагѣ Индры, имѣющемъ различныя имена; точно такъ же и сложныя слова: vrtrahan, vrtratur, эпитеты Индры, могутъ быть переводимы не только: „убивающій Вритру“, „побѣждающій Вритру“, но и: „убивающій врага“ (или „враговъ“), „побѣждающій врага“ (или „вра-

66) Срав. saprathas какъ эпитетъ Агни, Митры, Вишну.

67) Indische Studien, III: Index zu den Harmonieen und Discrepanzen in Th Benfey's Ausgabe des Sâmaveda.—Срав. цитату, приводимую Саяною: gânaviçesha eva rathamtaraçabdârthah (стр. 10 въ Калькуттскомъ изданіи Самаведы).

говъ") [68]). Итакъ, если собственное имя Vṛtra образуется на нашихъ глазахъ въ гимнахъ Ведъ, то понятно, нельзя видѣть въ демонѣ Вритрѣ общее индоевропейское достояніе, какъ справедливо замѣтилъ Шпигель [69]); самый миѳъ могъ уже существовать въ эту пору, но противникъ свѣтлаго бога не носилъ еще имени * Vartra (откуда сскр. vṛtra) [70]). Это собственное имя не существовало даже въ индо-эранскую эпоху, хотя несомнѣнно тождество др. бактр. verethraǵan, verethraghn—(напр. въ родит. verethragno) „побѣдоносный" (собств. „убивающій врага")—съ сскр. vṛtrahan, а равно verethrataurvant „побѣждающій враговъ" или „врага" (по толкованію Юсти: „siegreich überwindend") съ ведійск. vṛtratur. Но что касается verethra въ отдѣльномъ употребленіи, то оно встрѣчается въ Авестѣ въ значеніи: „побѣда, побѣдоносность", а также „оружіе для защиты", въ сложномъ ayoverethra („wit eisernen Trutzwaffen versehen" Юсти), и потому не можетъ быть сравниваемо съ сскр. vṛtra, съ которымъ, я полагаю, оно не родственно и по корню. Это verethra (срав. verethravan „побѣдоносный", собств. „имѣющій verethra") происходитъ, по моему мнѣнію, отъ корня var „отвращать" (сскр. var, др. бактр. var, vere и т. д.), и, какъ показываетъ суф. thra= первонач. tra, оно означало первоначально орудіе для защиты (срав. армянск. vahan „щитъ"=др. бактр. verethra въ ayoverethra), защиту, откуда естественнымъ образомъ вытекало далѣе значеніе „побѣда", хотя часто трудно рѣшить, которому изъ этихъ значеній должно отдать преимущество. Такимъ образомъ это verethra совпадаетъ по своему первоначальному значенію съ ведійск. vartra „Deich, Schutzdamm" (BR., т. е. „средство для защиты, для отвращенія") и должно быть отдѣляемо отъ того индо-эранскаго vartra „врагъ", которое въ древнебактр. языкѣ сохранилось въ сложныхъ словахъ: verethrataurvant, verethraǵan, verethraghn—, а равно и въ verethraghna „побѣда", „божество по-

[68]) См. Петерб. Словарь.

[69]) Beiträge VI, 391.

[70]) Попытки видѣть Вритру, даже въ его нарицательн. значеніи, въ греческ. Βέλλερος въ Βελλεροφῶν (Поттъ, Zeitschrift IV, 436 и слѣд.) или въ Ὄρθρος (Максъ Мюллеръ, Zeitschrift V, 150) я считаю равно неудачными. Противъ перваго объясненія достаточно говоритъ фонетика, а что касается сопоставленія vṛtra съ Ὄρθρος, то см. возраженія Потта въ Etymolog. Forschungen, второе изд., II, 747 и Wurzel-Wörterbuch II, 1, 561.

бѣды" [71]). Въ послѣднемъ значеніи слово verethraghna тождественно, можетъ быть, съ verethraghn— и отличается отъ него лишь суф. — *a:* переходъ основъ, оканчивающихся на согласную, въ основы на гласную *a* засвидѣтельствованъ въ языкѣ Авесты множествомъ примѣровъ (срав., напр., причастія настоящ. вр. дѣйствит. зал.). Само сбою разумѣется, что эпитетъ „убивающій врага", могъ соединяться уже въ индо-эранскую эпоху съ именемъ того свѣтлаго бога, который поражаетъ во время грозы какое-то враждебное существо (обыкновенно змѣя), и потому индійск. vṛtrahan можетъ находить аналогію и въ миѳическихъ представленіяхъ эранскихъ народовъ [72]).

---

[71]) Можетъ быть, слово verethra и въ отдѣльномъ употребленіи означаетъ иногда врага, хотя для традиціи это значеніе было скрыто господствующимъ употребленіемъ verethra «защита», «побѣда».

[72]) Не будучи знакомъ съ армянскимъ языкомъ, я не могу входить въ подробный разборъ брошюры г. Эмина: «Вахагн-Вишапакахʼ армянской миѳологіи есть Индра-Vṛtrahan Ригведы» (Спб. 1873). Замѣчу, однако, что мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ оспариваемое г. Эминымъ сопоставленіе Vahagnʼа съ др. бактр. verethraghna (Виндишманъ, г. Паткановъ), verethraghn. Согласно съ изложеннымъ мною выше, я объяснялъ бы только происхожденіе этого слова нѣсколько иначе, чѣмъ объясняетъ его г. Паткановъ; со стороны же фонетики достаточную аналогію представляетъ приводимое имъ vahan щитъ = др. бактр. verethra. Впрочемъ, я не беру на себя окончательнаго рѣшенія объ армянск. Vahagn, тѣмъ болѣе что для этого слова была представлена еще одна этимологія, о которой почему-то не упоминаетъ г. Эминъ. Юсти въ своемъ Словарѣ къ Авестѣ приводитъ арм. Vahagn при др. бактр. vadhaghna, vadhaghana, «N. propr. eines bösen Herrschers; nach der Tradition Dahâka» и указываетъ также на пеглевійск. vaughan и парс. vadagañn; при армянск. Vahagn онъ ссылается на Виндишмана Anâhita, стр. 109 и на Гоше De Ariana linguae gentisque Armeniacae indole prolegomena, стр. 48. Противъ этого сопоставленія говоритъ, правда, то, что Vadhaghna означаетъ въ Авестѣ злое существо; но этотъ переходъ могъ совершиться уже на почвѣ др. бактр. языка въ связи съ позднѣйшею перемѣною религіозныхъ вѣрованій. По этимологіи первая часть въ vadhaghna родственна, конечно, съ vadare оружіе для убіенія, vâdha убіеніе. Со стороны фонетики сопоставленіе арм. Vahagn съ др. бактр. vadhaghna можетъ встрѣтить, однако, нѣкоторыя возраженія. Что же касается объясненія слова vahagn, предложеннаго г. Эминымъ, то оно далеко не убѣдительно. Г. Эминъ говоритъ: «Слово Vah-Agn, какъ слово сложное, означаетъ «богъ Агн или Агни, т. е. Индра—богъ свѣта» (стр. 23). Здѣсь прежде всего останавливаетъ ошибочное отождествленіе Агни съ Индрою, которое несправедливо и по отношенію къ Ведамъ (хотя оба бога стоятъ, конечно, близко другъ къ другу, по связи понятій: «свѣтлое небо» и «огонь», не только земной, но и небесный), а тѣмъ менѣе можетъ быть допущено для эранскихъ языковъ. Но армянскій языкъ есть прежде всего эранскій, и потому индійск. indra и agni не могутъ доказывать того, что эти боги (съ тѣми же именами) были

Корнемъ слова vṛtra Бетлингкъ и Ротъ (срав. также Потта Wurzel-Wörterbuch) считаютъ var (скр. var) „отвращать", но мнѣ эта этимологія кажется сомнительною, въ виду того, что суф. —tra не имѣлъ бы здѣсь того значенія, какое обыкновенно соединяется съ нимъ. При томъ же, мы встрѣтили уже индо-эранск. vartra, отъ var „отвращать", но въ другомъ значеніи, вполнѣ согласномъ съ характеромъ суф. — tra. Итакъ, я думаю, что сскр. vṛtra, др. бактр. verethra— въ verethraǵan и т. д., должно объясняться иначе и принимаю здѣсь корнемъ vart (суф. -ra), хотя, понятно, это vart не можетъ имѣть ничего общаго съ vart „вертѣть". Корень vart, принимаемый мною для vṛtra, повидимому, плохо со-

---

извѣстны и въ общеэранскую эпоху. Слово, соотвѣтствующее сскр. indra, существовало и въ общеэранск. языкѣ, но мы не знаемъ того значенія, какое оно имѣло тамъ (срав. у г. Эмина стр. 11); что же касается agni, то можно думать, что это индоевропейское слово было утрачено еще въ ту эпоху, когда эранскіе языки составляли одно цѣлое. Правда, г. Эминъ видитъ agni и въ арм. словахъ: arévagn, arégagn «солнце», но и эти этимологіи сомнительны; чтобы согласиться съ ними, надо было бы признать, что армянск. языкъ утратилъ простыя слова для обозначенія солнца (это, однако, противорѣчитъ фактамъ) и долженъ былъ прибѣгнуть къ сложеніямъ, крайне страннымъ при этомъ. Я думаю, что arévagn, arégagn могутъ быть объяснены болѣе удовлетворительно, безъ помощи «agni». Что касается arév-, то г. Эминъ смѣшиваетъ при объясненіи его корни ar и svar (стр. 24—25); одно изъ двухъ: или arév родственно съ др. бактр. hvare, т. е. сскр. svar, или же оно должно быть сопоставляемо съ сскр. arusha, а слѣдовательно и aruṇa (свѣтлокрасный, свѣтложелтый), котор. указываютъ на основу aru (срав. русск. алый). И то, и другое, однако, ошибочно: сопоставленіе arév съ др. бактр. hvare, сскр. svar, не выдерживаетъ никакой критики со стороны фонетики, а противъ сравненія арм. arév съ сскр. aru (значеніе «солнце» для этого слова засвидѣтельствовано слишкомъ недостаточно) можно указать на несоотвѣтствіе арм. év сскр. u. Правдоподобная этимологія слова arév (откуда arévagn) давно уже представлена, и arév сближается съ сскр. ravi «солнце» (см. напр. Патканова Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка, стр. 25); появленіе *a* передъ начальнымъ r засвидѣтельствовано въ армянск. языкѣ многими примѣрами и находитъ аналогіи въ другихъ языкахъ. Срав., напр., aravot утро, arυciak (arociak) утренняя заря; первое изъ нихъ того же происхожденія, какъ и arév, и не можетъ быть сближаемо съ сскр. arvat, какъ это дѣлаетъ г. Эминъ (ибо второе *a* въ aravot было бы непонятно), а второе принадлежитъ корню ruk, сскр. и др. бактр. ruc «свѣтить», и не имѣетъ ничего общаго съ сскр. arusha, такъ какъ арм. *c* никогда не можетъ соотвѣтствовать сскр. sh, т. е. первонач. s. Что касается окончанія —agn въ arévagn, то я разлагаю его на два суффикса: — ak (=новоперс. — éh, осетинск. — ag) и —n (=новоперс. — ân; срав., напр., арм. dûr-n дверь).—Соотвѣтствующимъ же образомъ должно объясняться и arég-agn, указывающее, повидимому, на кор. rag или rak (=ark, arg).

хранился въ индоевропейскихъ языкахъ, но за то мы имѣемъ его параллельную форму vardh въ готск. fra-vardjan „причинять вредъ“, двн. far-vartan, ст. слав. врѣдъ, врѣдити. Vart— въ vṛtra можетъ имѣть приблизительно то же значеніе, хотя надо думать, что первоначально vart, vardh имѣли болѣе наглядный смыслъ и выражали: „рубить, рѣзать, убивать“ и т. д, Дѣйствительно, въ санскритѣ мы находимъ глаголъ vardh „рѣзать, рубить“ (срав. vardhaka, vardhaki, „плотникъ“), который былъ уже сближенъ Фикомъ [73]) съ готск. fravardjan и ст. сл. врѣдъ; далѣе, сюда же я отношу и латинск. verber, гдѣ b точно такъ же соотвѣтствуетъ первоначальн. dh, какъ, напр., въ verbum (готск. vaurds, лит. vardas „имя“) [74]). Существованіе параллельныхъ корней vart и vardh находитъ достаточно аналогій въ индоевропейск. языкахъ, такъ какъ вообще въ корняхъ, оканчивающихся на двѣ согласныхъ, изъ которыхъ первая есть плавная или носовая, конечная согласная является часто то звучною (иногда придыхательною), то глухою. Срав. vank и vang [75]) „колебать, искривлять“, skant и skand „прыгать“, [76]) skarp и skarbh „звучать“, [77]) vart и vardh [78]) „говорить, бормотать“ и т. д.

Корень vart, принимаемый мною для vṛtra, можетъ быть, будетъ открытъ со временемъ и въ другихъ индоевроп. языкахъ, но пока я не имѣю для него вѣрныхъ данныхъ, за исключеніемъ тѣхъ,

---

[73]) Vergleichendes Wörterbuch, стр. 543.

[74]) Курціусъ (Grundzüge, 4-е изд., стр. 353) ошибочно сопоставляетъ verber съ ст. слав. врьба, лит. virbas; съ этими словами я сравниваю лат. verbena и, слѣдовательно, отвергаю ту этимологію, которая была предложена для verbena Корсеномъ (Aussprache, 2-е изд., I, 170), отъ vardh «рости».

[75]) См. Словарь Фика.

[76]) Лит. skantu skasti «прыгать», лат. scaturire; сскр. skand «прыгать», лат. scando и т. д.

[77]) См. Словарь Фика.

[78]) Кор. vardh «говорить» извѣстенъ изъ готск. vaurds «слово», лат. verbum, лит. vardas «имя», но сюда же я отношу и лит. vardyti «ворожить» (изъ значенія «бормотать»), русск. ворожить, ст. сл. (?) вражити (не смотря на *ж*, вмѣсто *жд*). Параллельн. форма этого корня, vart, сохранилась въ чешск. vrtrati ворчать, а также въ прусск. wertemai «мы ворожимъ» (въ III катих.; значеніе слова открывается изъ связи его съ другими). Относительно перехода значенія отъ «бормотать» къ «ворожить» срав. лит. burti «ворожить, предсказывать», котор. по своему корню должно было значить: «бормотать» (срав. лит. burna ротъ, русск. буркать и т. д.). Вурда (Beiträge VI, 244), увлекшись созвучіемъ, сближалъ чешск. vrtrati, vrtrák съ сскр. vṛtra.

которыя представляетъ санскритъ, гдѣ къ тому же корню принадлежитъ vartana въ значеніи „растираніе“ (=peshaṇa) и, можетъ быть, vartaka „копыто лошади“. Готск. fra-vairthan „гибнуть“ (въ выраженіи: fravaurthans ahin κατεφθαρμένος τὸν νοῦν), не смотря на кажущуюся близость къ fra-vardjan, не можетъ быть, однако, отдѣляемо отъ vairthan, нѣм. werden (кор. vart вертѣть); срав. ср.в.нѣм. ver-wirde „vergehe, verkomme“, сущ. ent-werden „das Vergehen, zu Nichte Werden“, er-wirde „vergehe“ (но также „fange an zu werden“) и др. [79]) Относительно перехода значеній срав. нвн. verwesen.

Третья декада.

1 ст.—Praǵápati, собств. „владыка созданій“, есть имя одного изъ боговъ, охраняющаго все живое; позднѣе, какъ напр. здѣсь, Праджапати обращался въ бога, стоящаго въ главѣ другихъ. Parameshṭhin, здѣсь эпитетъ Праджапати, является иногда особымъ богомъ.

Varcas въ Ведахъ принадлежитъ къ числу трудно переводимыхъ словъ. Петерб. Словарь опредѣляетъ значеніе его такимъ образомъ: „Lebenskraft, Lebhaftigkeit; Energie, vigor; Wirksamkeit, Regsamkeit, Nachdruck; die leuchtende Kraft im Feuer und in der Sonne, daher in der späteren Sprache Licht, Glanz, Farbe“. Но Словарь въ этомъ случаѣ положительно ошибается; эмпирическ. понятіе „блескъ, свѣтъ“ не могло развиться изъ абстрактнаго „сила“, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первоначальное значеніе слова varcas было именно „блескъ, свѣтъ“. Фактическое доказательство этого представляетъ древнебактр. языкъ, гдѣ прилагáт. as-varecaṅh (as очень+varecaṅh=cскр. varcas) значитъ „очень блестящій“, точно такъ же какъ и varecoṅhvant (=cскр. varcasvant) есть „блестящій“ и употребляется, между прочимъ, какъ эпитетъ мѣсяца

---

[79]) См. Потта Wurzel-Wörterbuch IV, 211. Поттъ справедливо отдѣляетъ отсюда готск. fra-vardjan, но помѣщаетъ, однако, этотъ глаголъ не на мѣстѣ, въ связи съ vardja — стражъ и т. д. (WWB. II, 1, 592).—Лео Мейеръ (Die Gothische Sprache, стр. 322) ставитъ fravairthan рядомъ съ fravardjan, но съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ fravardjan не можетъ быть отдѣляемо отъ ст. сл. врѣдъ.

и звѣзды Сиріуса (др. бактр. tistrya). Такимъ образомъ несомнѣнно, что уже въ индо-эранск. эпоху сущ. varcas имѣло значеніе „блескъ, свѣтъ“; сскр. глаголъ varc „блистать“, приводимый въ Dhâtupâṭha (6,1), можетъ быть, никогда не существовалъ и извлеченъ грамматистами изъ varcas, но въ такомъ случаѣ онъ извлеченъ совершенно правильно. Корень слова varcas есть, конечно, vark, съ котор. срав. корень valk „блистать“, получаемый изъ лат. Vulcanus и сскр. ulkâ (изъ valkâ) „метеоръ, огненное явленіе; головня“. Въ позднѣйшемъ санскритскомъ языкѣ varcas употребляется исключительно въ значеніи „блескъ, свѣтъ“ или иногда „цвѣтъ“; въ Ведахъ также мы должны переводить varcas словомъ „блескъ“ тамъ, гдѣ говорится объ varcas Огня (напр. RV. 3, 22, 2), Солнца (напр. RV. 10, 112, 3), золота (напр. Âr. 4, 10), подобно тому какъ и прилагат. varcasvant (=др. бактр. varecoṅhvant) удерживаетъ значеніе „блестящій“ тамъ, гдѣ оно стоитъ, напр., при существ. „золото“ (Vâǵ. Saṁh. 34, 50). Но гораздо чаще varcas въ Ведахъ не можетъ быть переводимо словами „блескъ, свѣтъ“, и вотъ тутъ-то оказывается трудною точная передача ведійскаго выраженія. Значенія слова varcas, выписанныя мною изъ Петерб. Словаря, довольно вѣрно схватываютъ его общій смыслъ въ Ведахъ (хотя, какъ я замѣтилъ, порядокъ, въ которомъ они выведены, не вѣренъ); я прибавилъ бы также и значеніе „здоровье“ (=„свѣжесть силъ“), такъ какъ, по моему мнѣнію, varcas въ Ведахъ часто можетъ быть передаваемо этимъ словомъ. Но иногда оказываются недостаточными всѣ эти значенія, и напр. въ Âr. 4, 1 я предпочитаю переводить varcas словомъ „благоденствіе“, такъ какъ на это указываетъ употребленіе его при инфинитивѣ dṛçe „видѣть“ и рядомъ съ rayi „богатство“.—Веберъ высказалъ недавно по поводу ведійск. varcas слѣдующее предположеніе: varcas scheint mir mit varǵ (vṛǵana, ûrǵ) und varez, wirken, ἐργ in Verbindung zu bringen; wir haben zahlreiche Fälle, wo im Auslaut tenuis und sonans in derselben Wurzel variiren, so z. B. arǵ, arc; paǵ, paç; pad, pat; marǵ, març; çad, çat etc“.[80]) Надо замѣтить, что въ самомъ стихѣ Атharваведы, по поводу котораго сдѣлано это предположеніе, Веберъ переводитъ varcas словомъ „Thatkraft“, хотя я бы предпочелъ здѣсь значеніе „здоровье“, такъ какъ оно болѣе подходитъ къ смыслу мѣста: pari dhatta dhatta no varcasemaṁ ǵarâmṛtyuṁ kṛṇuta dîrgham

[80]) Indische Studien XIII, 173.

*á*yu*ḥ* (AV. 2, 13, 2), т. е. „облеките намъ его (юношу), облеките здоровьемъ, создайте (т. е. даруйте) ему смерть отъ старости, долголѣтіе“ (Веберъ: Umhüllet ihn, hüllt ihn uns ein mit Thatkraft, Lang Leben schafft ihm, Tod durch Greisenalter). Во всякомъ случаѣ, для нѣкоторыхъ мѣстъ значеніе „Thatkraft“ (вытекающее изъ значенія „свѣжесть силъ, здоровье“) можетъ быть допущено, но слѣдуетъ ли предполагать, что varcas не имѣетъ здѣсь ничего общаго по происхожденію съ varcas блескъ? Веберъ не говоритъ, правда, какъ понимаетъ онъ отношеніе varcas „Thatkraft“ къ varcas „блескъ“, но я не думаю, чтобы онъ былъ согласенъ съ толкованіемъ Петерб. Словаря; я, по крайней мѣрѣ, могъ бы признать Веберовскую этимологію только при томъ предположеніи, что varcas Thatkraft вовсе не родственно съ varcas „блескъ“. Тѣмъ не менѣе, однако, я считаю излишнею этимологію, выставленную Веберомъ, и думаю, что для авторовъ ведійскихъ стиховъ слово varcas, какъ бы мы ни переводили его теперь, всюду удерживало основное значеніе „блескъ, свѣтъ“, подобно, напр., dyumna и *ǵ*yotis. Dyumna, собств. „свѣтъ“ (кр. div=dyu), имѣетъ въ Ведахъ значеніе физическаго свѣта сравнительно рѣдко и должно быть обыкновенно переводимо словами: „веселость, бодрость, свѣжесть силъ“, а также: „богатство“, „благоденствіе“; *ǵ*yotis „свѣтъ“, удерживающее въ позднѣйшемъ языкѣ почти исключительно это значеніе, часто употребляется въ Ведахъ въ значеніи свѣтлой, т. е. радостной жизни или же въ смыслѣ внутренняго свѣта, т. е. способности понимать, чувствовать. Ошибочно было бы, однако, считать здѣсь переносъ понятія законченнымъ; еслибъ, напр., наши слова: „здоровье“, „сила“ и т. д. точно передавали значеніе varcas въ извѣстныхъ стихахъ, въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему позднѣйшій языкъ утратилъ эти болѣе абстрактныя значенія, удержавши, однако, первоначальное и чисто эмпирическое значеніе слова varcas: „блескъ“. По поводу varcas, dyumna, *ǵ*yotis и т. д. можно припомнить, напр., употребленіе слова g*â*vas („коровы“) въ Ведахъ. При переводѣ g*â*vas я долженъ былъ прибавлять эпитетъ „небесныя“, такъ какъ иначе ведійск. выраженіе могло бы быть ложно понято нами, но мы должны имѣть въ виду, что g*â*vas „коровы“ вовсе не составляютъ миѳа, по крайней мѣрѣ—въ стихахъ древнѣйшихъ; ведійскій способъ выраженія заключалъ въ себѣ задатки къ тому, чтобы со временемъ эти g*â*vas обратились, дѣйствительно, въ миѳъ, но для авторовъ ведійскихъ гимновъ образъ не закрывалъ

еще собою того предмета или явленія, къ которому онъ примѣнялся. Такъ, напр., въ Ár. 4, 12 мы читаемъ о двухъ-выменныхъ, т. е. коровахъ, которыя выходятъ съ быками и съ телятами и подъ которыми должно разумѣть небесныя воды, или облака; мы могли бы принять это за миѳъ, но окончаніе стиха разубѣждаетъ насъ въ этомъ: „этими водами, прекрасное питье дарующими, будьте здѣсь!“ Наконецъ, какъ при переводѣ varcas, dyumna часто трудно бываетъ сдѣлать выборъ между нѣсколькими значеніями, такъ и ведійск. gávas въ образномъ употребленіи не всегда означаетъ „облака“, но также и „лучи свѣта“ или „утреннія зори“. Когда я говорилъ въ Введеніи о трудности переводить Веды, то разумѣлъ, между прочимъ, именно эту картинность выраженій, которою изобилуетъ языкъ Ведъ. Нашъ переводъ можетъ быть довольно близокъ лишь тогда, когда извѣстный образъ, встрѣчаемый нами въ языкѣ Ведъ, совпадаетъ съ подобнымъ же образомъ въ нашемъ собственномъ языкѣ; но даже и въ этомъ случаѣ передача ведійскаго выраженія остается блѣдною, вслѣдствіе нашей привычки отвлекаться при переносномъ употребленіи словъ отъ ихъ первоначальнаго значенія.

Слово yaças въ позднѣйшемъ языкѣ значитъ „слава“. Въ Ведахъ yaças употребляется обыкновенно для обозначенія того, что можетъ возбуждать славу, почетъ, удивленіе, и понятно, что при переводѣ этого слова часто трудно бываетъ угадать его точное значеніе въ извѣстномъ случаѣ. По своему происхожденію yaças принадлежитъ, конечно, корню yak чтить=yag (сскр. yaǵ, др. бактр. yaz) и тождественно съ др. бактр. yaçañh „почитаніе“ или „молитва“, которое я вывожу изъ сложнаго слова yaçobereta [81]) „принесенный съ почитаніемъ (жертвоприношеніемъ)“ или „съ молитвою“. Отсюда же объясняется и употребленіе yaças въ Ведахъ въ значеніи: „благосклонность, милость, дружеское расположеніе“, т. е. также „почитаніе“, въ извѣстной формѣ. Yaças: предполаг. * yaç=yaǵas

---

[81]) Точно такъ же и г. Коссовичъ (Четыре статьи изъ Зендавесты, стр. 125) принимаетъ основу yaçañh (=сскр. yaças), хотя даетъ ей нѣсколько другое значеніе: «блескъ, сила; жертвоприношеніе»; но доказательствъ въ пользу «блескъ, сила» никакихъ нѣтъ, а «жертвоприношеніе»=«богопочитаніе». Юсти извлекаетъ изъ первой части въ yaçobereta основу yaça, которая на столько же возможна, какъ и yaçañh; въ пользу послѣдней, однако, говоритъ санскритъ. Объясненіе yaço— изъ yaz не вѣрно, такъ какъ z не могло бы обратиться здѣсь въ ç.

„почитаніе“ (RV. 8, 40, 4; срав. греч. ἅγος), yaǵus: yaǵ. Корень yak можно видѣть и въ греческ. ἀκέομαι и т. д., при чемъ переходъ значеній представляется мнѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: „почитать, имѣть попеченіе, холить“ (=поправлять, исцѣлять, утолять) [82]). Если это сопоставленіе вѣрно, въ такомъ случаѣ въ глаголѣ ἀκέομαι мы находимъ и древнюю основу * yakas; срав. ἀκειόμενος (изъ * ακεσιομενος) у Гомера, а также будущ. ακέσομαι, аористъ ἠκεσάμην (съ краткою гласною), ἀκεστός и т. д. Та же основа является и въ словахъ: ἄκεσμα, ἀκεσφόρος и т. д. Древнеирландск. íc, ícc (изъ jacca) „исцѣленіе“ и другія кельтскія формы указаны у Эбеля и у Фика [83]).

Выраженіе yaǵńasya payas я перевожу „сила молитвы (=богопочитанія)“ [84]). Здѣсь высказывается желаніе, чтобы молитва человѣка оказывала дѣйствіе, т. е. чтобы она доставляла ему то, о чемъ онъ молитъ; срав. въ Âr. 4, 10 satyasya brahmaṇo varcas.— Слово payas значитъ собственно „влага, сокъ“ и можетъ обозначать поэтому воду, молоко и мужское сѣмя. Въ переносномъ значеніи payas употребляется о сокѣ или сокахъ (множ. ч. payâńsi) въ смыслѣ крѣпости или силы; см. Бетлингка и Рота. Я не могу согласиться съ Грассманомъ, который думаетъ, что основное значеніе payas есть „молоко“, и что это же значеніе сохраняется всюду, хотя по бо̀льшей части въ смыслѣ образа или метафоры. Многія выраженія могли бы быть объяснены при такомъ толкованіи лишь съ большими натяжками, а yaǵńasya payas, встрѣчающееся только въ нашемъ стихѣ (=AV. 6, 69, 3), осталось бы, какъ мнѣ кажется, вовсе не разъясненнымъ. Правда, въ языкѣ Авесты payańh означаетъ „молоко“, но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы это было первоначальное значеніе слова; мы должны думать только, что уже въ индо-эранскую эпоху payas могло примѣняться къ молоку, какъ влагѣ, хотя въ то же время это слово не теряло своего общаго значенія.

2 ст.—Слово çravas значитъ здѣсь „теченіе, быстрое движеніе“ (ведійск. çru=др. бактр. çru „приходить въ движеніе“) и не должно быть смѣшиваемо съ çravas „слава“ (отъ сскр. çru, первонач. kru „слышать“).

---

[82]) Срав. значенія, соединяющіяся въ латинск. colere.

[83]) См. Фика Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas, стр. 357.

[84]) О значеніи yaǵńa см. Введеніе.

4 ст. Purohita, собств. „предпоставленный“, есть названіе домашняго жреца (здѣсь объ Агни); hotar обратилось впослѣдствіи въ названіе того жреца, который долженъ произносить гимны Ригведы при общественномъ жертвоприношеніи, но первоначально это слово значило или „жрецъ“ (вообще), или „глашатай“. Еще во времена Яски (Nir. 7, 15) были выставлены двѣ этимологіи для hotar: отъ hvá „звать“ и отъ hu „приносить жертву“.—Deva, какъ извѣстно, значило первоначально „свѣтлый“, и Саяна не безъ основанія поэтому принимаетъ его здѣсь въ смыслѣ dyotamána, „сіяющій, свѣтящій“. Понятія: „божественный, богъ“ лишь постепенно развивались изъ основнаго значенія слова deva, и само собою разумѣется, намъ очень часто невозможно опредѣлить, какое изъ этихъ понятій преобладаетъ въ томъ или другомъ случаѣ. Переводя deva „божественный“, мы не должны забывать, что наши слова: „богъ, божественный“ никоимъ образомъ не могутъ вполнѣ соотвѣтствовать ведійск. deva, въ которомъ всегда болѣе или менѣе сохранялось его первоначальное, эмпирическое значеніе.

5 ст.—Выраженіе náma gonám (здѣсь náma множ. ч.) въ первой падѣ значитъ собственно или „виды коровъ“ (какъ далѣе), или же „существа коровъ“. Слово náma „имя“ употребляется въ Ведахъ очень часто для обозначенія того, что носитъ извѣстное имя или названіе; поэтому: „видъ, образъ, существо“ [85]). Виды небесныхъ коровъ указываютъ на различныя формы, подъ которыми онѣ представляются; срав. въ Âr. 4, 12 эпитетъ облаковъ—коровъ: viçvá rúpáṇi bibhratîs, „носящія (т. е. имѣющія) всякіе образы“.—Число „трижды семь“ часто встрѣчается въ Ригведѣ (напр. 1, 72, 6; 1, 19, 12 и 14; 7, 87, 4 и т. д.), точно такъ же какъ и числа „три“ и „семь“.—Относительно первой пады нашего стиха должно замѣтить, что слова: te prathamam manvata могли бы быть переведены такъ: „они впервые помянули (т. е. въ пѣсняхъ)“ или „почтили“; но глаголъ man значитъ также и „открывать мыслію“, „узнавать“, и это значеніе болѣе согласуется какъ съ ǵanan во второй падѣ, такъ и съ слѣдующимъ параллельнымъ мѣстомъ, изъ котораго мы видимъ, между прочимъ, что подъ „они“ разумѣются „наши предки“. Вотъ это мѣсто (RV. 1, 62, 2): pra vo mahe mahi namo bharadhvam áñgúshyaṃ çavasânâya

[85]) См. Словари Бетлингка—Рота и Грассмана.

sâma, yenâ naḥ pûrve pitaraḥ padaǵńâ arcanto aṅgiraso gâ avindan, „вашему великому (т. е. Индрѣ) принесите великое поклоненіе, могучему принесите хвалебное пѣснопѣніе sâman, которымъ прославляя его (Индру), наши древніе предки Ангирасы, знакомые съ мѣстопребываніемъ (или „съ путями“) [86]), открыли (=нашли) небесныхъ коровъ“. Слово padaǵńa допускаетъ двоякій переводъ: „знакомый съ мѣстопребываніемъ“ (Петерб. Словарь: „ortskundig, die Heimath kennend“) и „знакомый съ путями“, собственно „съ слѣдами“ (Грассманъ: „die Fusspur kennend, des Weges kundig“). Бенфей переводитъ padaǵńâs: „gute Spürer“ и дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „die Spuren der Kühe (=Regenwolken) wohl kennend, d. h. wissend, dass der Regen nur durch Loblieder auf Indra, der die Wolken rum Regnen bringt, zu erlangen ist“. [87]) Но коровы, которыхъ освобождаетъ изъ заключенія Индра (побуждаемый къ этому гимнами), могутъ означать не только небесныя воды, но также и лучи свѣта, [88]) хотя оба представленія обыкновенно смѣшивались въ этомъ поэтическомъ сказаніи. Въ нашемъ стихѣ „великолѣпіе красныхъ небесныхъ коровъ“ указываетъ, повидимому, на лучи свѣта, между тѣмъ какъ выраженіе „привѣтствовали ревомъ“ (если это не миѳъ) удобнѣе понимается по отношенію къ облакамъ.—Prathamam я перевожу „древле“, по аналогіи съ pûrve „древніе“, эпитетомъ предковъ въ приведенномъ мною мѣстѣ изъ Ригведы. Но prathamam можетъ значить также и „впервые“.

Относительно triḥ sapta paramaṃ nâma, гдѣ nâma есть множ. число (тождественное по формѣ съ ед. ч.), можно предположить, что paramam представляетъ собою искаженіе формы paramâ (множ. ч.). Правда, Боллензенъ [89]) приводитъ изъ Ригведы нѣсколько примѣровъ подобнаго несогласованія въ средн. родѣ, но изъ нихъ лишь два оказываются аналогичными съ нашимъ мѣстомъ, именно viçvaṃ vana (7, 7, 2) и ûdhar divyâni (1, 64, 5), между тѣмъ какъ остальные или могутъ быть объясняемы иначе (напр. въ 7, 61, 2 dîrghaçrut принадлежитъ не къ manmâni, но къ vipraḥ; въ 7, 62, 1 bṛhat есть нарѣчіе), или же являются правильными, какъ скоро мы припомнимъ, что конечная гласная въ такихъ фор-

---

[85]) Т. е. коровъ.
[86]) Or. und Occ. I, 586.
[87]) См., напр., Куна Ueber Entwicklungsstufen der Mythenbildung, стр. 132.
[88]) Zeitschr. d. Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft, XXII: Die Lieder des Parâçara.

махъ, какъ nâma=nâmâ (передъ бывшей нѣкогда носовою), nâmâni, часто бываетъ краткою въ Ведахъ. Какъ бы то ни было, я долженъ оставить не рѣшеннымъ вопросъ о томъ, на сколько можно предполагать ошибку въ случаяхъ, подобныхъ нашему, и на сколько это явленіе, дѣйствительно, допускалось языкомъ. Срав. у Боллензена о несогласованіи подлежащаго съ сказуемымъ въ средн. родѣ.

6 ст.—Здѣсь разумѣются небесныя воды, изъ которыхъ родился Агни.

7 ст.—Подобнымъ же образомъ въ RV. 1, 35, 1 Ночь называется успокоительницею живаго міра (hvayâmi râtrîm ǵagato niveçanîm, „призываю Ночь, успокоительницу живаго міра"), а въ одномъ изъ стиховъ, составляющихъ прибавку (khila) къ гимну RV. 10, 127, ей дается названіе sarvabhûtaniveçanî, „успокоительница всѣхъ существъ".

Sam îrtsati есть дезидеративъ отъ sam ardh.

8 ст. Представляю здѣсь переводъ соотвѣтствующаго стиха Ригведы: „Мощь сильнаго краснаго богатыря (т. е. Агни) стану прославлять я теперь,—владычество Джатаведаса. Къ гостю всѣхъ людей новая чистая молитва, будто Сома, свѣтло течетъ, пріятная для Агни".

Vṛshan (корень vars, скр. varsh spargere) обозначаетъ собственно обладающаго мужскою силою, самца, мужчину; отсюда явились значенія: „сильный, могучій, богатырь". См. объ этомъ словѣ у Макса Мюллера, Rig-Veda-Sanhita translated and explained, стр. 121 и слѣд.

Что касается praksha=pṛksha, то при переводѣ его можно колебаться между двумя значеніями: „сильный, крѣпкій", и „быстрый". Петерб. Словарь замѣчаетъ по поводу pṛksha [90]) слѣдующее: „lobendes Beiwort des Rosses, [91]) etwa hurtig, behend... Die Comm. suchen in dem Worte ganz andere Bedeutungen, gewöhnlich mit Speise versehen." Я думаю, что индійскіе комментаторы были правы въ томъ отношеніи, что слово praksha, pṛksha стоитъ, дѣйствительно, въ связи съ pṛksh, часто втрѣчающимся въ Риг-

[90]) Форма praksha не была извѣстна.

[91]) Слово vṛshan Бетлингкъ и Ротъ переводятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Hengst», собств. самецъ. Этотъ переводъ вѣренъ тамъ, гдѣ vṛshan составляетъ опредѣленіе при açva, atya и т. д., т. е. при словахъ, означающихъ коня; но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ принимать vṛshan въ томъ же значеніи и въ нашемъ стихѣ, такъ какъ слова «конь» здѣсь нѣтъ.

ведѣ въ значеніи: „Labung, Sättigung, Nahrung, Speise“ (BR). Извѣстна связь между понятіями „питаніе, пища“ и „сила, крѣпость“; такъ, напр., ûrǵ соединяетъ въ себѣ оба эти значенія, глаголъ ûrǵay значитъ какъ „питать“, такъ и „дѣлать крѣпкимъ, сильнымъ“, а литовск. valgyti, несомнѣнно родственное по корню, означаетъ лишь „ѣсть“ (въ отличіе отъ ėsti жрать).—Чтеніе Самаведы: prakshasya указываетъ на форму praksha, болѣе древнюю сравнительно съ pṛksha, но нельзя согласиться съ текстомъ „pada“ въ дѣленіи этого слова на pra и ksha. Что касается этимологіи существ. pṛksh, съ которымъ я привожу въ связь praksha=pṛksha, то Словарь Бетлингка и Рота предполагаетъ возможнымъ родство съ parc (pṛc) „наполнять, питать“. Я думаю, что это сопоставленіе вѣрно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я считаю еще болѣе родственными съ нашими словами др. бактр. frakhshan „Vielheit, Uebermass“, frakhsti „Vielheit, Wachsthum“ (Юсти). Первоначальный видъ корня есть par=pra „наполнять“, откуда съ распространеніемъ (такъ называем. Wurzeldeterminativ) park =prak и praks [92]). Грассманъ, признавая родство pṛksha съ pṛksh, даетъ первому изъ этихъ словъ слѣдующія значенія: „labend, Labung bringend, Nahrung zuführend; das Ross, Lastthier; Labeross (=Agni, Soma и т. д.)“. Я не убѣжденъ, однако, въ справедливости этого толкованія и нахожу его искусственнымъ.

Слово ǵâtavedas, постоянный эпитетъ Агни (позднѣе также собствен. имя одной изъ формъ проявленія этого божества), можетъ быть объясняемо или въ значеніи „знающій существа“, или же въ значеніи „владѣющій существами“. Первая изъ этихъ этимологій заслуживаетъ предпочтенія; срав. Словарь Бетлингка и Рота, а также Грассмана. Въ Ригведѣ 6, 15, 13 мы читаемъ: viçvâ veda ǵanimâ ǵâtavedâḥ, „знаетъ всѣ существа Джатаведасъ“.—Vâiçvânara, постоянный эпитетъ Агни, значитъ собственно „принадлежащій всѣмъ людямъ“ или „имѣющій отношеніе ко всѣмъ людямъ“. Я перевожу: „гость всѣхъ людей“, слѣдуя Бетлингку и Роту и основываясь на томъ, что Агни, напр. въ RV. 4, 1, 20, дѣйствительно называется viçveshâm atithir mânushâṇâm, „гость всѣхъ людей“.

Относительно варіантовъ, представляемыхъ въ этомъ стихѣ Самаведою, я долженъ замѣтить, что вполнѣ непонятнымъ кажется

---

92) См. въ Словарѣ Грассмана глаголъ praksh, pṛksh «füllen, sättigen».

лишь чтеніе *ǵâ*tavedase (дат. п.), вмѣсто *ǵâ*tavedasas (родит. п.); ошибка вызвана, можетъ быть, существованіемъ дательныхъ падежей: v*â*içv*â*nar*â*ya, agnaye во второй половинѣ стиха. Что касается prakshasya, то мы видѣли, что эта форма имѣетъ бо̀льшую древность сравнительно съ p*r̥*kshasya. Существованіе варіантовъ mahas „величіе“ и sahas „сила“ объясняется, можетъ быть, сходствомъ начертаній ma и sa. Navyase употреблено здѣсь въ качествѣ нарѣчія „снова“ (срав. RV. 2, 31, 7); можно было бы думать, конечно, что navyas (собств. сравнительн. степень) составляетъ здѣсь эпитетъ Агни, „юный“ (срав. navya объ Агни въ RV. 10, 4, 5), но въ пользу перваго объясненія говоритъ варіантъ Ригведы: navyasî, „новая“, т. е. молитва.—Vácas есть существительное (поэтому съ удареніемъ), и, слѣдовательно, глаголъ долженъ подразумѣваться при префиксѣ pra. Въ Ведахъ извѣстны и другіе случаи, гдѣ префиксъ pra стоитъ безъ глагола [93]), который по бо̀льшей части можетъ быть дополненъ изъ предшествующаго предложенія; но въ нашемъ стихѣ глаголъ дополняется изъ подлежащаго vacas. Относительно этой формы возможно еще одно предположеніе, которое, однако, мало вѣроятно: vacas могло быть первоначально сослагат. наклон. отъ основы настоящ. времени (срав. желательн. vacyât), т. е. pra vacas значило „прославь“, а такъ какъ позднѣе эта форма была вытѣснена сослагательнымъ отъ аориста (vocas), то и въ нашемъ стихѣ vacas было принято за существит. имя и потому получило удареніе. Во всякомъ случаѣ, нельзя, мнѣ кажется, считать vácas искаженіемъ изъ vocas (безъ ударенія).

9 ст.—Начало этого стиха въ Ригведѣ должно быть переведено такъ: „всѣ боги достопочитаемые, Небо и Земля, оба, и сынъ водъ (т. е. Агни) да услышатъ мое моленіе!“ При чтеніи Самаведы: ya*ǵń*am въ стихѣ возстановляется метръ триштубhъ. Должно замѣтить только, что во второй падѣ *î* въ rodas*î* обращается въ *y* (см. выше), а въ третьей падѣ pari произносится съ синицезою; см. объ этомъ у Макса Мюллера, Rig-Veda-Sanhita translat. and explain., Preface, CL. Четвертая пада начинается, конечно, съ sumneshu, а не съ vocam, какъ предлагалъ дѣлить Кунъ (Beiträge IV, 197).—О словѣ sumna, которое иногда ошибочно

---

[93]) См. Петерб. Словарь.

сближали съ ὕμνος, см. Ауфрехта въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung IV, 274 и слѣд.

10 ст.—Bṛhaspati есть богъ молитвы. Слово bhaga я понимаю здѣсь въ значеніи достоинства (собств. „удѣлъ, счастливый удѣлъ"); срав. у Бетлингка и Рота: „treffliche Begabung, Herrlichkeit, Würde". Индійскіе комментаторы и лексикографы объясняютъ bhaga въ этомъ значеніи чрезъ âiçvarya, „могущество властителя", или же видятъ здѣсь соединеніе шести качествъ: могущества властителя, силы, славы, красоты, знанія и безстрастія.—Срав. съ нашимъ мѣстомъ Ath. V. 7, 12, 3: asyâḥ sarvasyâḥ saṃsado mâm indra bhaginaṃ kuru.—Что касается чтенія mâ передъ pari mucyatâm, то оно, вѣроятно, ошибочно, такъ какъ pari здѣсь не предлогъ, но префиксъ: глаголъ muc („развязывать, распускать, освобождать" и т. д.) лишь въ соединеніи съ pari имѣетъ значеніе „облекать, одѣвать". Происхожденіе ошибки (mâ вмѣсто me) легко объяснить тѣмъ, что форма mâ была уже употреблена два раза.

12 ст.—Ghṛta есть топленое масло, употребляемое при жертвоприношеніи (срав. бухарск. zard „коровье масло"). Amṛta, въ средн. родѣ, собственно „безсмертное; безсмертный напитокъ", обозначаетъ какъ сому, такъ и havis, масло, которое льютъ на огонь [93]).

13 ст.—Для слова yahva я удерживаю традиціонное объясненіе (=mahant въ Nâighaṇṭ. 3, 3) и понимаю „великій" въ смыслѣ „сильный, могучій"; срав. вед. yahu (=mahant у Саяны)=др. бактр. yazu, а также литовск. jėgti имѣть силу, быть сильнымъ. Словарь Бетлингка и Рота предполагаетъ для yahva значеніе: „in fortwährender Bewegung oder Thätigkeit befindlich, rastlos; continuus, beständig".

Сущ. vip въ Ведахъ, по толкованію Петерб. Словаря, значитъ „прутъ, лоза" и т. д., и я не сомнѣваюсь въ томъ, что это объясненіе вѣрно, хотя оно и не согласно съ традиціею. Корнемъ сущ. vip Словарь считаетъ vip „дрожать" и предполагаетъ поэтому, что vip „прутъ" значило собственно „schwank". Ниже я укажу на возможность другой этимологіи для этого слова, но какъ бы мы ни объясняли его происхожденіе, значеніе „прутъ" и даже „вѣтка" вполнѣ подтверждается прусск. wipis „вѣтка" (въ Эльбингскомъ

---

[94]) См. Словарь Грассмана, подъ словомъ amṛta.

Словарѣ), а также ср.в.нѣм. wipfel „розги, прутья“ [95]).—Выраженіе vipo agra („верхушка вѣтки“) въ нашемъ стихѣ важно тѣмъ, что оно объясняетъ намъ, какъ я думаю, и ripo agra въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Ригведы. Традиція видитъ въ rip землю (Nâigh. 1, 1: ripaḥ, т. е. род. пад. отъ rip), но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы rip, дѣйствительно, имѣло это значеніе, подобно тому какъ, напр., iḻâ (iḍâ) вовсе не означаетъ землю, хотя и приводится въ Nâighaṇṭ. въ числѣ pṛthivînâmadheyâni. Точно такъ же и слово vip „вѣтка“ не было понято традиціею и объяснялось въ значеніи „палецъ“. Изъ Словаря Бетлингка и Рота я вижу, что сущ. rip встрѣчается еще въ стихѣ RV. 10, 79, 3 (sasaṃ na pakvam avidac chucantaṃ ririhvâṅsaṃ ripa upasthe antaḥ), но и тамъ значеніе „вѣтка, стебель“ вполнѣ подходитъ, между тѣмъ какъ въ ст. 3, 5, 5 оно положительно подтверждается и смысломъ, и сопоставленіемъ rip съ vip, употребленнымъ въ Âr. [Срав. эпитетъ птицы въ Ригведѣ: drushad „сидящая на деревѣ“ (9, 72, 5), drushadvan id. (6, 3, 5)]. При томъ же, слово agra означаетъ верхушку, верхній конецъ (въ противоположность нижнему), и потому нельзя было бы ожидать его въ примѣненіи къ землѣ [96]). Сказанное мною о сущ. rip должно быть распространено и на другое загадочное слово, именно rup, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ vip и rip, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста Ригведы (4, 5, 8): pâti (agniḥ) priyaṃ rupo agram padaṃ veḥ. Комментаторъ, основываясь на аналогіи rip, объясняетъ и rup въ значеніи „земля“, но это толкованіе еще менѣе авторитетно, чѣмъ то, которое дано было для rip, такъ какъ слово rup вовсе не упоминается въ Nâigh. Кромѣ указаннаго мѣста, мы находимъ сущ. rup еще два раза въ Ригведѣ, именно въ ст. 4, 5, 7 и 10, 13, 3. Въ первомъ изъ этихъ стиховъ (sasasya carmann adhi câru pṛçner agre rupa ârupitaṃ ǵabâru) rupas (род. пад.) соединено опять таки съ agra, но общій смыслъ этого мѣста для меня не ясенъ, вслѣдствіе загадочности словъ ârupitam (текстъ „рада“: arupitam!) ǵabâru, которыя слѣдуютъ непосредственно за agre rupa [97]). Что же касается ст. 10, 13, 3 (pañca padâni rupo anv arohaṃ catushpadîm

---

95) Что же касается латинск. vepres, о которомъ напоминаетъ Петерб. Словарь, то оно не идетъ сюда ни по своей гласной (первонач. a), ни по значенію.

96) Срав. Грассмана, который сознаетъ трудность объяснить agra въ соединеніи съ rip «земля».

97) Должно обратить вниманіе на созвучіе между rupa (т. е. rupas) и ârupitam.

anv emi vratena), то здѣсь трудно опредѣлить значеніе rup, хотя во всякомъ случаѣ я не могу переводить его словомъ „земля“. Корнемъ сущ. rup (по крайней мѣрѣ, въ RV. 4, 5, 8 и 4, 5, 7) я считаю rup „подниматься, рости“. Этотъ корень сохранился въ индоевропейскихъ языкахъ лишь въ немногихъ образованіяхъ, и потому не удивительно, что до сихъ поръ онъ не былъ открытъ. Въ санскритѣ глаголъ * rup былъ вытѣсненъ тождественнымъ по значенію ruh (отъ корня rudh) „подниматься, рости“, и только въ винословной формѣ встрѣчаемъ мы рядомъ съ rohay также и ropay. Правда, въ санскритскихъ грамматикахъ ropay объясняется изъ ruh, но лишь потому, что глаголъ rup не сохранился въ санскритѣ. Винословныя образованія съ суф.—pay (или первонач. —âpay?) [98]) во многихъ отношеніяхъ представляются еще не ясными, но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть, что этотъ суф. появляется,—за однимъ исключеніемъ (см. ниже),—лишь въ тѣхъ глаголахъ которые оканчиваются на гласную; понятно, что формы glâpay= glapay, kshmâpay и knopay образованы отъ glâ, kshmâ и knû, а не отъ glâi (т. е. glây), kshmây и knûy, которыя приводятся въ санскритскихъ грамматикахъ въ качествѣ корней, хотя конечный іотъ принадлежитъ здѣсь собственно глагольному образованію. Извѣстно далѣе, что суф.—pay (или —âpay,—apay) является по общему правилу въ винословной формѣ тѣхъ глаголовъ, которые оканчиваются на—â, и такіе рѣдкіе случаи, какъ hrepay, repay, vepay (отъ hrî, rî, vî), а также knopay (отъ knû=knŭy) могли бы быть объяснены вліяніемъ аналогіи, если первоначальною формою суф. было —âpay или —apay. Но главную трудность представляютъ здѣсь такіе глаголы на —i, какъ ǵi, smi и т. под., которые въ винословномъ образованіи являются въ формахъ: ǵăpay, smăpay и т. д. Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ фактомъ остается то, что суф. —pay мы находимъ лишь въ глаголахъ, оканчивающихся на гласную, и единственное исключеніе представляетъ arpay „метать; вставлять“ и т. д., отъ глагола ar. Это исключеніе, однако, легко объясняется тѣмъ, что ar часто обращается въ гласную ṛ, такъ что глаголы съ гласнымъ окончаніемъ естественнымъ образомъ могли оказать вліяніе и на ar. На взглядъ индійскихъ грамматистовъ arpay не было бы даже исключеніемъ изъ изложеннаго мною правила, такъ какъ основою глагола ar они считаютъ ṛ (съ чѣмъ мы,

---

[98]) См. объ этомъ суффиксѣ Бенфея Kurze Sanskrit—Grammatik, § 123.

конечно, не можемъ согласиться). Итакъ, форма arpay не объясняетъ еще существованія ropay изъ ruh, ибо аналогія глаголовъ, оканчивающихся на гласную, не могла простираться на ruh. Два обстоятельства препятствуютъ мнѣ признать то объясненіе, которое дается обыкновенно для ropay, т. е. происхожденіе этой формы изъ ruh: во первыхъ, единичность этого примѣра, показывающаго винословный суф.—pay въ глаголѣ, оканчивающемся на согласную (аналогія arpay недостаточна, какъ мы видѣли); во вторыхъ, невозможность въ санскритѣ сочетанія hp, долженствовавшая представить сильное препятствіе тому, чтобы именно глаголъ ruh, а не какой нибудь другой, подчинился аналогіи тѣхъ глаголовъ, которые имѣютъ въ винословной формѣ суф.—pay. При томъ же, мы имѣемъ отъ ruh правильное винословное образованіе: rohay. А между тѣмъ, какъ просто объясняется ropay, если мы предположимъ утрату глагола rup „подниматься, рости"; это предположеніе тѣмъ легче сдѣлать, что корень rup съ указаннымъ значеніемъ во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ, на основаніи тѣхъ словъ, которыя я привожу далѣе. То обстоятельство, что форма ropay не встрѣчается въ Ведахъ, не можетъ служить еще доказательствомъ въ пользу поздняго ея происхожденія; есть и другія слова, извѣстныя изъ позднѣйшаго санскрита и не засвидѣтельствованныя языкомъ ведійскимъ, относительно глубокой древности которыхъ мы не можемъ, однако, сомнѣваться. Нельзя также ссылаться и на то, что рядомъ съ винословною формою ropay долженъ бы быть извѣстенъ и простой глаголъ rup. Я, дѣйствительно, предполагаю существованіе этого глагола въ древности, [99]) но думаю, что онъ могъ быть потомъ утраченъ (т. е. вытѣсненъ глаголомъ ruh), не смотря на то, что винословная форма ropay сохранялась до позднѣйшаго времени. У насъ есть на это даже вѣрная аналогія, представляемая глаголомъ bhîshay. Санскритскія грамматики называютъ bhîshay винословною формою отъ bhî „бояться" и приводятъ ее рядомъ съ bhâyay (въ parasm. pad.) и съ bhâpay (въ âtm. pad.). Никто, однако, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что bhîshay указываетъ на глаголъ bhîsh, такъ какъ sh не можетъ принадлежать суффиксу винословн. образованія. Простой глаголъ bhîsh точно такъ же утраченъ въ санскритѣ, какъ и предпо-

[99]) Къ этому глаголу восходитъ, вѣроятно, причастіе â-rupita (въ текстѣ «pada» ошибка: arupita?) въ RV. 4, 5, 7.

лагаемый мною rup, но срав.: bhîshâ „изъ страха“ (нарѣчіе, собств. творит. пад.), bhîshma „страшный“, откуда легко извлечь кор. bhîs, стоящій въ родствѣ, конечно, съ bhî [100]) Что касается корня rup „подниматься, рости“, то я нахожу его въ санскритѣ, кромѣ ropa, „ropaṇa“ сажаніе растеній и т. д., также и въ rûpa „образъ, форма“, при чемъ относительно перехода значеній я могу указать на готск. laudja „образъ, форма“, котор. точно такъ же относится къ liudan рости (кор. rudh, сскр. ruh), какъ rûpa къ rup; срав. далѣе др. бактр. raodha, собств. „ростъ“ (кор. rudh), но также „видъ, образъ“. Наконецъ, къ тому же корню rup я отношу и сскр. roman, откуда loman, „волосъ на тѣлѣ“, и объясняю исчезновеніе *p* ассимиляціей этой согласной съ m; срав. roma „дыра, нора“ отъ корня rup „ломать, рвать“. Обращаясь къ другимъ индоевропейск. языкамъ, мы находимъ кор. rup „подниматься, рости“ въ литовск. rupas бугристый, ухабистый, per-rupininkas горбачъ, raupsas прыщъ, сыпь, и т. д.; затѣмъ, сюда же должно быть отнесено и латинск. rupes скала. Такимъ образомъ существованіе корня rup съ указаннымъ мною значеніемъ можно считать несомнѣннымъ, и, слѣдовательно, ведійск. сущ. rup должно значить собственно „ростокъ, отпрыскъ“ и затѣмъ уже „вѣтка, прутъ“ [101]); срав. сущ. ruh (отъ корня rudh, сскр. ruh): „произрастаніе, ростокъ, отпрыскъ“.

Теперь я долженъ сказать объ этимологіи словъ vip и rip, которыя мы встрѣтили выше въ значеніи вѣтки. Петерб. Словарь, какъ я уже замѣтилъ, объясняетъ vip „прутъ“ изъ vip „дрожать, колебаться“. Такое объясненіе было бы правдоподобно, еслибъ мы должны были признать, что сущ. vip образовано на почвѣ санскрита, такъ какъ другаго глагола vip въ этомъ языкѣ не имѣется. Но приведенныя мною выше сравненія заставляютъ насъ относить происхожденіе сущ. vip къ эпохѣ болѣе древней, а слѣдовательно, мы можемъ предполагать, что здѣсь скрывается какой нибудь другой корень. Противъ объясненія vip „прутъ, вѣтка“ изъ vip „дрожать, колебаться“ говоритъ, по моему мнѣнію, отсутствіе вѣрныхъ аналогій, которыя позволяли бы предполагать, что въ ту древнюю эпоху, къ какой относится происхожденіе сущ. vip, вѣт-

---

100) Сюда же принадлежатъ: литовск. baisa страхъ (у Ширвида), baisus возбуждающій страхъ, страшный, ст. сл. бѣсъ.

101) Возможно, конечно, и значеніе «кустъ; дерево».

ка или прутъ получали свое названіе отъ колебанія или качанія. Правда, Курціусъ [102]) объясняетъ греч. ῥαπίς „прутъ" въ связи съ ῥέπω „наклоняюсь" (о чашкѣ вѣсовъ) и т. д., но еслибъ мы даже согласились съ этою этимологіей, то и она не представила бы достаточно вѣрной аналогіи для vip, такъ какъ слово ῥαπίς могло быть образовано въ болѣе позднюю эпоху. Я думаю, однако, что ῥαπίς находится въ родствѣ съ ῥάβδος, лат. verbena, лит. virbas, ст. сл. врьба (см. ниже), и не имѣетъ ничего общаго съ ῥέπω. Разсматривая индоевропейскія слова, означающія вѣтку, прутъ, мы видимъ, что они указываютъ обыкновенно на корни: „вить, плести, вязать"; вѣтка получала свое названіе вслѣдствіе того, что она употреблялась для плетенія, свиванія, вязанія, и это вполнѣ понятно, такъ какъ надо думать, что первоначально для этого служили именно вѣтки, прутья. То же коренное значеніе мы находимъ и въ названіяхъ нѣкоторыхъ растеній, которыя преимущественно употреблялись для плетенія или вязанія. Срав.: греч. ἰτέα (изъ Fιτja) ветла, лит. żil-vytis [103]) (основа—vytia-, vyczia-), двн. wîdî (основа widja-) [104]); греч. οἰσύα (изъ ϝοιτυα) родъ ветлы, прусск. witwan ветла, ape-witwo прибрежная ветла, собств. „рѣчная ветла", польск. witwa; латш. vitols и русск. ветла (изъ вьтла) [105]). Корень этихъ словъ есть vi, vî „вить" (можетъ быть vit? или же t всюду принадлежитъ суффиксамъ?), и его же находимъ мы, напр., въ сскр. vîra, vetra тростникъ, камышъ, vetasa камышъ, лоза, veṇu тростникъ, особенно бамбукъ, и т. д. Однимъ изъ общихъ индоевропейскихъ словъ для обозначенія вѣтки было vîti-, отъ корня vî „вить". Значеніе вѣтки, и при томъ именно вѣтки ветлы, сохранилось въ литовск. vytis и въ др. бактр. vaêti- (гдѣ дифтонгъ aê изъ долгаго і?), между тѣмъ какъ въ лат. vîtis оно было перенесено на виноградную лозу; далѣе, двн. wid (основа widi-) обозначаетъ уже то, что свито или сплетено изъ прутьевъ, а русск. (и ст. слав.?) вить можетъ значить вообще веревку. Укажу еще на нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ видно родство словъ, означающихъ вѣтку, съ корнями „вить, плести". Ведійск. vayâ (изъ vai-â) „вѣтка" тождественно съ ст. слав. вѣя

---

[102]) Grundzüge, 4-е изд., стр. 352.

[103]) Лит. żilas значитъ «сѣрый, сѣдой».

[104]) См. фика Vergleich. Wörterbuch, стр. 399 и 400.

[105]) Тотъ же корень является и въ лат. vitex.

и имѣетъ корнемъ vî „вить, плести“, который смѣшивается въ санскритѣ съ vâ „плести, ткать“. Ст. слав. русск. вѣтвь родственно съ прус. witwan ветла, греч. οἰσύα и первоначально обозначало, можетъ быть, вѣтку ветлы: къ тому же корню (но въ другой основѣ) принадлежитъ и русск. вѣтка. Ст. сл. русск. розга, откуда рождіе (изъ * розждіе, какъ ижден҄ѫ изъ изжден҄ѫ, раждизати изъ разждизати [106]) и т. д.), я объясняю изъ корня rasg „плести, вязать“, сохраняющагося въ лит. resgiu „плету, вяжу“, resgis=латш. reschgis „плетенка“ и т. д., а также въ сскр. raǵǵu „веревка“ (raǵǵ- : rasg=maǵǵ- въ maǵǵan мозгъ : masg- въ др. бактр. mazga, ст. сл. мозгъ, и т. под.) [107]). Ст. сл. прѫтъ, польск. prѫt, prѫtek, русск. прутъ, латш. sprûta, sprûte, прутъ для связыванья, указываютъ на кор. sprant, который является въ ст. сл. прѫтати, съ-прѫтати „сжимать, стягивать“ и т. д., первоначально, можетъ быть, „крѣпко связывать“. Латинск. virga я отношу къ одному корню съ лит. verżti крѣпко связывать, сжимать, verżys веревка, ст. сл. — врьзѫ, — врѣсти (съ префиксами: „вязать“), русск. наверзывать и т. д. Подобнымъ же образомъ объясняю я лат. verbena, греч. ῥάβδος, лит. virbas, ст. сл. врьба изъ корня varb „плести, крутить“=varp id., откуда греч. ῥαπίς. Срав. кор. varb въ англосакс. vearp, двн. warf утокъ, русск. воробы (снарядъ для разматыванья пряжи), лит. virbinis петля, силокъ, греч. ῥέμβω крутить, а кор. varp въ лит. verpti прясть, греч. ῥάπτω шить, вышивать [108]), основа ῥαφ, гдѣ φ представляетъ замѣну первоначальн. *p* [109]).

Основываясь на этихъ и подобныхъ имъ примѣрахъ, мы въ правѣ и въ словахъ vip (прус. wipis) и rip искать корней съ значеніемъ „вить, плести и т. д.“. Корень vip съ такого рода значеніемъ можно предположить на основаніи готск. veipan „увѣнчивать“, съ которымъ срав. vaibjan въ bi-vaibjan „обвивать“. Согласная *p*,

---

[106]) Сочетаніе *жд* (вмѣсто *дж*) изъ смягченнаго *г* стоитъ на болѣе древней ступени сравнительно съ *ж*.

[107]) Къ тому же корню, въ видѣ rag (rasg : rag=bhrasg «блистать»: bhrag, и т. под.), я отношу ст. сл. рогозъ, русск. рогожа и т. д., а равно греческ. ῥῆγος (τὸ) коверъ; Курціусъ (Grundzüge, 4-е изд., 185) относитъ это послѣднее слово къ корню rag «дѣлать краснымъ, красить», но переходъ значеній не кажется убѣдительнымъ.

[108]) Срав. относительно значеній греч. νέω, лат. neo и двн. nâan «шить».

[109]) См. примѣры у Курціуса, Grundzüge, 4-е изд., стр. 500 и слѣд.

какъ извѣстно, часто остается въ готскомъ языкѣ свободною отъ Lautverschiebung [110]), и потому veipan точно такъ же можетъ относиться къ vip, какъ, напр., raupjan „вырывать" къ rup (лат. rumpo, сскр. rup, lup, ст. сл. лупити). Далѣе, какъ при veipan мы находимъ въ готск. языкѣ b въ vaibjan, такъ и при raupjan здѣсь существуетъ параллельная форма съ b, именно —raubon, въ bi-raubon „be-rauben". Что же касается корня rip „вить, плести, крутить", то я вижу его въ греческ. ῥίψ „плетенка, циновка" (а также: „ἱμαντῶδες φυτόν") [111]) и въ др. сканд. rifa „шить". Предполагая, что согласная *p* могла остаться и здѣсь свободною отъ Lautverschiebung, я отнесу сюда же и готск.—raip „ремень", въ skauda-raip (ремень сандалии, башмака), двн. reif „ремень, веревка, обручъ"; въ пользу этого объясненія говорятъ латш. ripa, ripe „обручъ, ободъ" [112]), ripisks „кругообразный", которыя трудно считать заимствованными изъ нѣмецкихъ языковъ.

Форма nâbhâ въ нашемъ стихѣ есть мѣстный падежъ ед. ч. отъ nâbhi; см. Бенфея Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache, стр. 302, примѣч. 3. Сущ. nâbhi означаетъ, между прочимъ, пупъ (нѣм. Nabel), ступицу въ колесѣ (нѣм. Nabe) [113]) и вообще средину, или средоточіе (въ образномъ представленіи); послѣднее значеніе ясно въ соединеніи съ словами, означающими землю, небо, міръ и т. д. [114]). Въ нашемъ стихѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (напр. RV. 1, 43, 9; 1, 139, 1 и т. д.), nâbhi упо-

---

110) Срав. Лео Мейера Die Gothische Sprache, стр. 55 и слѣд.

111) Курціусъ (Grundzüge, 4-е изд., 354), слѣдуя Потту, сравниваетъ ῥίψ съ лат. scirpus и съ двн. sciluf (Schilf), что, конечно, возможно, но не необходимо, такъ какъ гортанная согласная должна бы удержаться передъ ρ, согласно съ общимъ правиломъ. Поттъ, дѣйствительно, относитъ сюда же греч. γρῖπος, γρῖφος (переходъ χ въ γ подъ ассимилирующимъ вліяніемъ ρ понятенъ); я думаю, что это послѣднее сопоставленіе совершенно вѣрно, и нахожу тѣмъ болѣе основаній отдѣлять греч. ῥίψ отъ лат. scirpus.

112) Относительно значенія срав. греч. ἴτυς (эол. βίτυς) «ободъ», отъ корня vî вить. Ioh. Schmidt находитъ это же слово и въ лат. vitus (Zeitschrift XXII, 312).

113) Прус. nabis (въ Эльбингск. Словарѣ), подобно сскр. nâbhi, совмѣщаетъ въ себѣ оба значенія: «пупъ» и «ступица»; латш. naba означаетъ только «пупъ». Объ отношеніи nâbh- къ ambh- въ греч. ὀμφαλός, лат. umbilicus см. въ статьѣ Виндиша въ Zeitschrift, XXI, 406 и слѣд., гдѣ приведены любопытныя параллели.

114) Срав. употребленіе греч. ὀμφαλός, откуда и у насъ сказаніе о пупѣ земли.

треблено въ смыслѣ святилища, или алтаря, и nâbhâ стоитъ здѣсь поэтому вмѣсто nâbhâ ya*ǵń*asya (которое мы, дѣйствительно, находимъ, напр., въ RV. 8, 12, 32; 8, 13, 29) или nâbhâ ṛtasya (срав. ṛtasya nâbhâu въ RV. 10, 13, 3). Грассманъ объясняетъ это употребленіе слова nâbhi черезъ метафору („das Heiligthum als Mittelpunkt des Opfers"), но такое объясненіе мнѣ кажется сомнительнымъ, и метафора — слишкомъ смѣлою. Я думаю, что аналогія сущ. yoni должна пролить свѣтъ и на nâbhi, въ смыслѣ святилища. Въ Ведахъ мы находимъ yoni въ слѣдующихъ значеніяхъ: „matrix, vulva; родина, жилище (между прочимъ, „гнѣздо, хлѣвъ"); мѣсто; святилище, или мѣсто, гдѣ разводится священный огонь" (см. Петерб. Словарь). Въ послѣднемъ значеніи yoni употребляется какъ въ соединеніи съ ṛtasya, такъ и отдѣльно, съ чѣмъ срав. употребленіе nâbhi. Но аналогія между yoni и nâbhi не ограничивается этимъ и пріобрѣтаетъ для насъ особенную важность тѣмъ, что оба эти слова сходятся и въ значеніи „родина". Такимъ образомъ, на основаніи совпаденія yoni и nâbhi въ двухъ значеніяхъ, мы имѣемъ право предположить, что n*â*b*h*i ṛtasya или nâbhi ya*ǵń*asya, подобно yoni ṛtasya, означало собственно мѣсто рожденія жертвы, т. е. самое святилище; впослѣдствіи yoni и nâbhi стали употребляться въ этомъ значеніи и безъ прибавки опредѣленія: ya*ǵń*asya или ṛtasya. Замѣчу, что и Петерб. Словарь цитируетъ нашъ стихъ среди тѣхъ примѣровъ, гдѣ nâbhi значитъ „Verwandtschaft, Heimath" и т. д., что, однако, не достаточно точно, ибо нѣтъ возможности удержать эти значенія въ переводѣ. Касательно отношенія nâbhi родина, родство, родственникъ, къ nâbhi пупъ и т. д. я долженъ сказать, что, хотя въ словаряхъ всѣ эти значенія сводятся къ одному слову nâbhi, я считаю болѣе вѣроятнымъ признавать здѣсь два гомонима, такъ какъ иначе трудно было бы прослѣдить связь этихъ значеній [115]). Относительно nâbhi „пупъ" можно колебаться между двумя этимологіями [116]); что же касается nâbhi родина, род-

---

115) Въ иномъ положеніи находимся мы относительно yoni, гдѣ легко примирить различныя значенія, хотя порядокъ, въ какомъ они развивались, можетъ быть не вездѣ ясенъ.

116) Курціусъ (Grundzüge. 4-е изд., 295—296) и Грассманъ (Wörterb. zum Rig-Veda, подъ словомъ nâbhi) сравниваютъ nâbhi съ сскр. nabh «лопаться, разрываться» и принимаютъ основнымъ значеніемъ этого слова: «щель, отверстіе, углубленіе»; Виндишъ (Zeitschrift XXI, 422) объясняетъ nâbhi изъ корня ambh «пух-

ство, родственникъ, то корень этого слова nabh я считаю варіантомъ корня nap, откуда сскр. napât, naptar сынъ (вед.), потомокъ, внукъ, др. бактр. napâṯ, naptar id., naptya семья, лат. nepos, др. лит. nepotis [117]), ст. сл. нетій племянникъ, готск. nithjis двоюродный братъ, родственникъ, греч. ἀνεψιός. Въ параллель съ ведійск. nâbhi родина, родство, родственникъ, мы имѣемъ и др. бактр. náfańh родъ, náfya родство, между тѣмъ какъ nâfańh „пупъ" не сохранилось въ текстахъ и засвидѣтельствовано лишь однимъ бактрійско-пеглевійскимъ словаремъ [118]).

Что касается слова saptaçîrshan, то и смыслъ и параллельныя мѣста показываютъ, что saptaçîrshan составляетъ здѣсь опредѣленіе какого-то стиха или пѣснопѣнія. Мы читаемъ о владычествѣ Агни у алтаря, т. е. при жертвоприношеніи, которое состояло изъ стиховъ, или молитвъ, и жертвы вещественной; послѣдняя, т. е. Сома, разумѣется подъ словами devánám upamáda „наслажденіе боговъ" (=„предметъ наслажденія боговъ"), и въ saptaçîrshan мы должны видѣть, слѣдовательно, другую составную часть жертвоприношенія, т. е. стихъ, или молитву, какъ это потверждается и параллельными мѣстами. Прилагат. saptaçîrshan встрѣчается еще два раза въ Ригведѣ: одинъ разъ въ соединеніи съ arka, „гимнъ" (Válakh. 3, 4), другой—въ соединеніи съ dhî, „молитва" (10, 67, 1). Этимологическій составъ saptaçîrshan вполнѣ ясенъ, но вопросъ въ томъ, что должно обозначать названіе стиха: „семиголовый". Петерб. Словарь ничего не говоритъ объ этомъ, но я думаю, мы не ошибемся, понимая „семиголовый" въ смыслѣ „семичленный", т. е. „состоящій изъ семи частей". Въ подтвержденіе этого привожу слѣдующее мѣсто изъ Ригведы (4, 5, 6): idam me agne kiyate pâvakâminate gurum bhâraṁ na manma, bṛhad dadhâtha dhṛshatâ gabhîraṁ yahvam

---

нуть». Нельзя не замѣтить, что въ пользу этого послѣдняго объясненія говоритъ аналогія ст. сл. пѫпъ, отъ pamp «пухнуть» (срав. лит. pamti пухнуть) и лит. bamba пупъ, отъ bamb=pamp (Курціусъ ошибочно относитъ bamba къ сскр. nâbhi); срав. также употребленіе греч. ὀμφαλός о выпуклости, равно какъ и прилаг. ὀμφαλόεις. Веберъ, а также Бетлингкъ и Ротъ относятъ nâbhi къ сскр. nah «связывать, прикрѣплять», но эта этимологія невозможна: nah восходитъ или къ nagh, или къ nadh.

117) См. объ этомъ словѣ мою замѣтку въ Beiträge, VIII, 111 и слѣд.

118) An old Zand-Pahlavi Glossary edited by Destur Hoshengji Jamaspji, revised with notes by Haug.—Stuttgart. 1867.

pṛshṭham prayasâ saptadhâtu, „мнѣ, о Агни, ничтожному, [119]) о свѣтлый, не преступающему твоей воли, бремени тяжелаго (собств. „будто бремени тяжелаго), ты мощно [120]) устроилъ вмѣстѣ съ вещественною жертвою это обширное, глубокое, [121]) великое моленіе, состоящее изъ семи частей". Смыслъ стиха будетъ ясенъ, если мы припомнимъ, что Агни есть верховный жрецъ, распоряжающійся жертвоприношеніемъ; къ нему же обращается человѣкъ съ просьбою: agnir mahyam pred u vocan manîshâm (4, 5, 2), „Агни да скажетъ мнѣ молитву", т. е. да научитъ меня молитвѣ. Слово prayas, которое я перевелъ „вещественная жертва", значитъ собственно „наслажденіе" или „предметъ наслажденія" (кор. prî) и соотвѣтствуетъ поэтому вполнѣ слову upamâda въ стихѣ Âr. Что же касается pṛshṭha saptadhâtu, то не трудно замѣтить тождество этого выраженія съ saptaçîrshan, эпитетомъ стиха или молитвы. Мнѣ кажется страннымъ только то, что ни Ротъ, ни Грассманъ не поняли слова pṛshṭha въ приведенномъ выше стихѣ. Оба они даютъ здѣсь этому слову значеніе „спина", что, однако, представляется на мой взглядъ положительно невозможнымъ. Ошибка, въ которую впали эти ученые, объясняется тѣмъ, что какъ въ Ведахъ, такъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ, pṛshṭha обыкновенно имѣетъ значеніе: „спина, верхняя часть, верхъ" и т. д., но рядомъ съ этимъ pṛshṭha существуетъ его гомонимъ pṛshṭha, „моленіе", съ которымъ мы встрѣчаемся въ литературѣ брахманъ и сутръ. Бетлингкъ и Ротъ приводятъ, конечно, и это pṛshṭha, но при этомъ они дѣлаютъ, во первыхъ, ту ошибку, что не отдѣляютъ его отъ pṛshṭha „спина", а во вторыхъ, недостаточно опредѣляютъ его словами: „pṛshṭha oder vollständiger pṛshṭhastotra eine best. Sâman-Form, welche bei der Mittagsspende Anwendung findet und aus den Sâman: rathaṃtara, bṛhat, vâirûpa, vâirâǵa,

---

[119]) Петерб. Словарь принимаетъ это значеніе kiyant только для позднѣйшаго языка, но, по моему мнѣнію, оно необходимо и въ данномъ случаѣ. Собственно kiyant есть вопросительное мѣстоименіе «сколь великій?», «сколь великія (=какія) качества имѣющій?» и т. д.

[120]) Слово dhṛshatâ обыкновенно употребляется въ Ригведѣ какъ нарѣчіе; собственно это—творит. пад. ед. ч. отъ причастія настоящ. времени (глаголъ dharsh «быть смѣлымъ и т. д.»); первоначально при dhṛshatâ подразумѣвалось, конечно, manasâ (духомъ) или другое подобное слово.

[121]) Gabhîra «глубокій» является эпитетомъ молитвы (brahman) также и въ ст. RV. 5, 85, 1.

çâkvara, râivata gebildet wird . . . . . . Vgl. pṛshṭha als N. verschiedener Sâman. Что касается позднѣйшаго употребленія pṛshṭha въ литургикѣ, то совершенно вѣрно, что это слово обратилось въ спеціальное названіе извѣстныхъ sâman или ихъ сочетаній; но не менѣе ясно и то, что pṛshṭha значитъ собственно „прошеніе, молитва", откуда и образовалась дальнѣйшая спеціализація его значенія. Примѣры подобной спеціализаціи существуютъ во множествѣ, такъ какъ наибольшая часть терминовъ, употребительныхъ въ литургикѣ, произошла такимъ же образомъ; срав. sâman, yaǵus, uktha и т. д. Наконецъ, совершенно полную аналогію съ pṛshṭha представляетъ слово stoma, собств. "восхваленіе„, которое въ литургикѣ Самаведы примѣнялось потомъ къ извѣстнаго рода sâman; срав. параллельное употребленіе stoma и pṛshṭha, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ въ Âitareya-Brâhmaṇa (4,19): tân sarvâi stomâir avastât paryârshan sarvâiḥ pṛshṭhâiḥ parastât [122]). Существительное pṛshṭha образовано изъ prach „просить" съ суффикс. -tha (какъ напримѣръ uk-tha), и эта несомнѣнная этимологія давно уже была извѣстна Веберу [123]). Очевидно поэтому, что pṛshṭha, употребляемое въ литургикѣ, должно быть отдѣляемо отъ pṛshṭha „спина", которое объясняютъ иногда изъ pra-stha (срав. Петерб. Словарь, гдѣ прибавлено, впрочемъ: „vielleicht"), что, однако, не должно быть вѣрно, судя по др. бактр. parsti, персидск. pusht.

Въ стихѣ RV. 4, 5, 6 pṛshṭha употреблено въ нарицательномъ значеніи „моленіе" (прошеніе"), хотя и трудно сказать, какое именно сочетаніе стиховъ разумѣется подъ pṛshṭha, состоящимъ изъ семи частей. Въ всякомъ случаѣ, вполнѣ аналогичнымъ съ pṛshṭha saptadhâtu представляется эпитетъ saptaçîrshan въ RV. 3, 5, 5 (=Âr. 3, 13); 10, 67, 1; Vâlakh. 3, 4. Буквально saptaçîrshan значитъ „семиголовый", но какъ опредѣленіе извѣстнаго рода сочетанія стиховъ (въ формѣ ли ṛc, или въ формѣ sâman) мы можемъ понимать его въ смыслѣ „имѣющій семь началъ", т. е. состоящій изъ семи стиховъ.

Четвертая декада.

1 ст.—Для varcas я предполагаю здѣсь значеніе „благоденствіе", на основаніи его употребленія при dṛçe „видѣть" и рядомъ съ rayi

[122]) Эта цитата приведена въ Словарѣ Бетлингка и Рота.
[123]) См. Akademische Vorlesungen über indische Literaturgeshichte, стр 64.

„богатство“. Подъ благоденствіемъ можно понимать какъ здоровье, такъ и спокойную, счастливую жизнь; срав. ǵyotis въ Ведахъ.

2 ст.—Частицы id и nu, усиливающія предшествующее слово, я оставляю не переведенными; „по истинѣ“ или „право“ было бы, можетъ быть, слишкомъ сильно.

Форма çaradas можетъ быть объясняема или какъ множ. ч. въ смыслѣ единств. („осень“) отъ основы çarad, или же какъ ед. ч. отъ основы çarada, которая, однако, нигдѣ не встрѣчается болѣе. Нельзя, я думаю, принимать въ нашемъ стихѣ çaradas за родит. пад. ед. ч. [124]) (отъ çarad), такъ какъ, во первыхъ, метръ требуетъ цезуры послѣ anu и отдѣляетъ, слѣдовательно, этотъ предлогъ отъ çaradas, присоединяя его къ винит. varschâṇi, а во вторыхъ, употребленіе anu съ послѣдующимъ родит. пад. не извѣстно изъ языка Ведъ; объ измѣненіи anu pûrvyas (RV. 9, 109, 7) въ anupûrvyas см. Словарь Бетлингка и Рота, подъ словомъ anu.

„Прохладное время года“, çiçira, есть ранняя весна (съ половины января до половины марта). Временъ года въ ведійскихъ стихахъ считается обыкновенно шесть или пять.

3 ст.—Пуруша здѣсь олицетворяетъ міровую душу, изъ которой образовался макрокосмъ. Гимнъ RV. 10, 90 (являющійся и въ другихъ Ведахъ) принадлежитъ къ числу позднихъ и по характеру приближается къ brâhmaṇa.

4 ст.—Словарь Бетлингка и Рота, равно какъ Бенфей [125]) и Грассманъ даютъ здѣсь прилагат. tripad обыкновенное значеніе: „dreifüssig, но мнѣ кажется, что это составляетъ противорѣчіе съ предшествующимъ стихомъ, гдѣ Пуруша называется тысяченогимъ. Веберъ [126]) переводитъ: „mit drei Füssen“, но и это не устраняетъ противорѣчія, такъ какъ далѣе говорится, что здѣсь, на землѣ, оставалась лишь одна нога Пуруши. Я понимаю поэтому tripad въ значеніи „дѣлающій три шага“, подобно trivikrama, позднѣйшему (не ведійскому) эпитету бога Вишну, о трехъ шагахъ котораго говорятъ уже гимны Ведъ; замѣчу при этомъ, что Вишну назывался иногда tripad (см. Петерб. Словарь), гдѣ это слово не можетъ быть переводимо „треногій“, а должно быть понимаемо въ смыслѣ „дѣлающій три шага“. Стихъ изъ Harivaṃça, цитуемый мною ниже, показы-

---

[124]) Т. е. «дождевая пора, за осенью зима».

[125]) Die Hymn. d. SV. Nachträge und Verbesserungen, стр. 271.

[126]) Indische Studien IX, 6.

ваетъ, что Вишну (называемый иногда purusha, „міровая душа") могъ совпадать впослѣдствіи съ тѣмъ самымъ Пурушею, о которомъ говоритъ нашъ гимнъ, и я думаю, что сказаніе о Пурушѣ, какъ міровой душѣ или прасуществѣ, развилось подъ вліяніемъ того древняго представленія, которое видѣло въ солнцѣ душу всего міра (срав. Âr. 5, 3: „солнце, душа міра движущагося и неподвижнаго"). Три шага Пуруши могутъ быть относимы къ землѣ, воздуху и небу, подобно тому какъ въ этомъ же значеніи объяснялись и три шага бога Вишну, хотя первоначально, въ ту эпоху, когда возникло сказаніе о трехъ шагахъ солнечнаго бога, подъ ними понимались три шага по небу, т. е. восхожденіе солнца, пребываніе его въ зенитѣ и захожденіе. Въ пользу моего перевода слова tripad я сошлюсь на литературу ведійскихъ сутръ, гдѣ tripad встрѣчается въ значеніи „считающій три шага" (см. Петерб. Словарь). Можно было бы замѣтить, правда, что pad въ Ведахъ, судя по Петерб. Словарю, означаетъ всегда ногу (срав. также dvipad, catushpad и др.); значеніе „шагъ" приводится здѣсь только изъ Рамаяны. Но это возраженіе едва ли было бы сильно, въ виду близости понятій: „нога" и „шагъ"; срав. pada „шагъ", позднѣе также „нога". Принимая tripad въ нашемъ стихѣ въ значеніи „дѣлающій три шага", мы должны переводить сущ. pad въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Атharваведы (19, 6, 2) словомъ „шагъ"; tribhiḥ padbhir dyâm arohat, „тремя шагами онъ взошелъ на небо".

Глаголъ bhû въ соединеніи съ punar („опять, назадъ") можно понимать въ значеніи „оставаться". — Vy akrâmat значитъ собственно „разошелся", т. е. распался, раздѣлился; см. Петерб. Словарь, подъ словомъ kram [127]). — Термины: „ѣденіе и не-ѣденіе" выражаютъ, конечно, міры одушевленный и неодушевленный.

5 ст. — Бетлингкъ-Ротъ, Бенфей и Грассманъ (послѣдній ставитъ, однако, вопросительный знакъ) переводятъ и здѣсь tripad нѣмецкимъ словомъ „dreifüssig"; это вѣрно въ томъ случаѣ, если въ Fuss мы будемъ видѣть мѣру. Слово amṛta, которое оставлено Бенфеемъ не переведеннымъ („dreifüssig im Himmel sein Amṛta"), Грассманъ правильно, я думаю, понимаетъ здѣсь въ значеніи: „das Unsterbliche als Götterwelt oder Götterreich gedacht" [128]); ср. Бетлингка и Рота, подъ словомъ amṛta, 4 c. Если мы примемъ, что Пуруша,

[127]) Иначе Бенфей и Веберъ («schritt zu»).

[128]) Иначе Веберъ: «das Ewige=das nicht zur irdischen Entfaltung gelangende».

о которомъ говорятъ наши стихи, въ основѣ своей есть солнце, въ такомъ случаѣ и три шага его небеснаго жилища объяснятся для насъ подобно тремъ шагамъ Вишну по небу.

6 ст.— Слово tâvân читается здѣсь какъ трехсложное. Слогъ pû- въ pûrusha (срав. и слѣдующій стихъ) представляетъ такъ называемое метрическое удлинненіе (подъ вліяніемъ плавной r): см. Пратишакhью къ Ригведѣ 577, по изданію Макса Мюллера стр. CCI. Текстъ „рада“ Ригведы“ имѣетъ поэтому purusha, съ краткимъ pu-.

7 ст.—Бенфей: „Aus ihm entsprosste Virâǵ, über Virâǵ der Purusha“. Несомнѣнно, однако, что, Virâǵo adhi значитъ „отъ Вираджи“ (или Вираджа) [129]), и въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія далѣе слова: sa ǵâtaḥ, „этотъ рожденный“. Такъ понимаютъ virâǵo adhi и Веберъ и Грассманъ, но послѣдній видитъ въ pûrusha опять того же Пурушу, о которомъ говорится выше. Въ такомъ случаѣ для меня не ясно, какъ переводитъ Грассманъ начало этого стиха; какъ бы то ни было, однако, Пуруша, какъ міровая душа или прасущество, не могъ имѣть матери (или отца), и названіе ǵâta, „рожденный“, не идетъ къ нему. Переводя здѣсь pûrusha словомъ „Человѣкъ“, я руководствуюсь позднѣйшимъ воззрѣніемъ, по которому Вираджъ считался отцомъ [130]) Ману, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго стиха въ Harivaṁça, приведеннаго Бетлингкомъ и Ротомъ подъ словомъ purusha: virâǵam asṛǵad vishṇuḥ so 'sṛǵat purushaṁ virâṭ, purushaṁ tam manuṁ viddhi, т. е. „Вишну (заступающій здѣсь мѣсто древняго Пуруши) произвелъ Вираджа, а этотъ Вираджъ произвелъ „Пурушу“ (человѣка); знай, что „Пуруша“ (человѣкъ) есть Ману“. Въ нашемъ мѣстѣ мы не имѣемъ права отождествлять purusha съ Ману, но во всякомъ случаѣ purusha (pûrusha) не есть здѣсь міровая душа, и переводя его словомъ „Человѣкъ“, мы не сдѣлаемъ, конечно, ошибки [131]).

8 ст.—Aṅhas значитъ собственно „узость, стѣсненіе“, поэтому то, что причиняетъ стѣсненіе, давитъ: „бѣдствіе“.

---

[129]) См. параллельные примѣры въ Словарѣ Грассмана, подъ словомъ adhi.

[130]) Въ болѣе древнихъ произведеніяхъ Virâǵ является въ женск. родѣ, позже— въ мужескомъ (см. Петерб. Словарь). Нашъ гимнъ ничего не рѣшаетъ относительно рода.—

[131]) Въ Indische Studien IX, 6 purusha объясняется такъ: «die Einzelseele sowohl, als deren Gesammtheit».

9 ст.—Прилагательн. harit имѣетъ то же значеніе, что и hari; см. выше.

10 ст.—Образное употребленіе слова varcas не вездѣ выражено въ моемъ переводѣ, и brahmaṇo varcas я долженъ былъ передать словами: „сила молитвы". Если мы сравнимъ этотъ стихъ съ *Âr*. 3, 1, то увидимъ, что первое varcas („блескъ, какой есть въ золотѣ") остается и тамъ; второе varcas („блескъ, какой есть въ небесныхъ коровахъ") соотвѣтствуетъ слову yaças (срав. yaças о небесныхъ коровахъ въ *Âr*. 3, 5), т. е. великолѣпіе; наконецъ, brahmaṇo varcas оказывается тождественнымъ съ yaǵńasya payas. По поводу varcas въ примѣненіи къ молитвѣ срав. въ Ath. V. 9, 1, 19 эпитетъ рѣчи (vâc): varcasvatî, „блестящая", т. е. сильная.—Подъ „дѣйствительною молитвою" должно разумѣть такую молитву, которая оказываетъ дѣйствіе, т. е. доставляетъ человѣку все то, о чёмъ онъ молитъ; срав. satyo mantraḥ (RV. 1,152,2), satyâni ukthâ (6,67,10). — Въ текстѣ нашего стиха я предполагаю ошибку и исправляю mâ (меня) въ imâm (эту), которое при чтеніи соединяется съ предшествующимъ словомъ tena (т. е. tenemâm), такъ что число слоговъ въ стихѣ остается то же самое. При imâm надо подразумѣвать dîkshâm, „религіозную церемонію", и нѣтъ сомнѣнія, что полный гимнъ, изъ котораго вырванъ этотъ стихъ, заключалъ въ себѣ слово dîkshâ выше. Срав. въ Ath. V. 14,2,53: varco goshu pravishṭaṃ yat tenemâm sam sṛǵâmasi („тѣмъ блескомъ, какой находится въ *небесныхъ* коровахъ, да снабдимъ мы эту!") Слова эти влагаются въ уста „всѣхъ боговъ", viçve devâs, и обращены къ dîkshâ, религіозной церемоніи. Но и нашъ стихъ, судя по Nâig. Dâivata, есть vâiçvadevî, т. е., посвященный „всѣмъ богамъ".—Ошибка произошла вслѣдствіе того, что мѣстоименіе imâm, безъ существительнаго, къ которому оно относится, стало съ теченіемъ времени непонятнымъ.

11 ст.—Я рѣшился оставить начало этого стиха въ томъ видѣ, акъ оно передано рукописями, и потому долженъ былъ принять îçe въ значеніи 2-го лица ед. ч. med. Подобныя формы намъ неизвѣстны, однако, и въ îçe мы ожидали бы встрѣтить или 1-е, или 3-е лице ед. ч. Но принять здѣсь 1-е лице не допускаетъ смыслъ стиха, тѣмъ болѣе что рѣчь идетъ объ *насъ*, а не обо *мнѣ*. Объясняя îçe въ значеніи 3-го лица ед. ч., мы должны были бы исправить зват. пад. virapçin въ именит. virapçî, и слова: „ибо владѣетъ ею великою онъ (т. е. Индра) преисполненный силы"

надо было бы понимать въ смыслѣ предложенія, стоящаго какъ бы въ скобкахъ; очевидно, что такое толкованіе мало удовлетворительно и вовсе не разъясняетъ намъ происхожденія ошибки. Но такъ же трудно предположить здѣсь и ошибочное чтеніе вмѣсто îkshe (2-е лице ед. ч.), такъ какъ оставалась бы непонятною причина, вызвавшая эту значительную ошибку. Со стороны теоретической форма îçe въ значеніи 2-го л. ед. ч. не представляетъ бо̀льшихъ трудностей, чѣмъ îçe, 1-е или 3-е лице, но разница между ними въ томъ, что послѣднія формы были, дѣйствительно, въ употребленіи, между тѣмъ какъ îçe—2-е л. представляется образованіемъ аномальнымъ. Извѣстно, что -e вмѣсто -me (греч.—μαι) въ первомъ лицѣ ед. ч. медіума явилось еще въ индо-эранскую эпоху, хотя не было никакой фонетической необходимости для такого упрощенія формы. Къ той же эпохѣ относится измѣненіе -te (греч.—ται) въ -e въ 3-мъ лицѣ ед. ч., но лишь въ основѣ прошедш. совершеннаго (подъ вліяніемъ объема формы?). Языкъ Ведъ пошелъ въ этомъ направленіи дальше и допускаетъ, рядомъ съ -te, -e также и въ настоящ. времени, между тѣмъ какъ въ позднѣйшемъ санскритѣ формы съ *e* оставались здѣсь неизвѣстными. Въ языкѣ Ведъ окончаніе -te въ настоящемъ времени преобладаетъ надъ *-e*, но за то нѣкоторые глаголы (безъ тематическ. гласной) почти исключительно употребляютъ *-e* [132]); такъ, напр., отъ îç 3-е лице îçe встрѣчается въ Ригведѣ болѣе 25 разъ, между тѣмъ какъ îshṭe мы находимъ здѣсь лишь одинъ разъ [133]). Сообразно съ этимъ можно было бы думать, что и 2-е лице îçe образовано въ Ведахъ по тому же принципу, какъ и 3-е, но противъ этого говоритъ уже единичность формы îçe въ значеніи 2-го лица. Я думаю, что разъясненіе должна намъ дать здѣсь фонетика. Мы можемъ считать 2-е л. îçe формою аномальною съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка, но мы не знаемъ, на сколько она была аномальна въ болѣе древнюю эпоху, такъ какъ у насъ нѣтъ матеріала для заключенія. Глаголъ îç приставляетъ флективныя окончанія прямо къ корню, но этотъ корень оканчивается здѣсь на непервоначальную согласную ç (изъ k), и чтобы судить о большей или меньшей правильности формы 2-го лица îçe (изъ îç + se), надо взять для

---

[132]) Срав. Дельбрюка Das altindische Verbum aus den Hymnen des Rigveda seinem Baue nach dargestellt (Halle. 1874.), стр. 67 и 70.

[133]) Срав. Словарь Грассмана къ Ригведѣ, подъ словомъ îç.

сравненія другіе глаголы на ç, приставляющіе флективныя окончанія къ корню, а не къ основѣ на *-a*. Такіе глаголы есть, конечно, хотя и не въ большомъ числѣ, но трудно найти примѣры именно для 2-го лица. На основаніи тѣхъ данныхъ, однако, какія есть (изъ Ригведы: dadṛkshe, 2-е л. ед. ч. медіума въ прош. соверш., отъ darç; nakshi, ведійск. повелит. наклоненіе, 2-е л. ед. ч., отъ naç), можно думать, что отъ глагола îç правильною формою 2-го л. ед. числа мед. наст. вр. должно было быть îkshe. Эта форма, дѣйствительно, существуетъ въ языкѣ, хотя встрѣчается далеко не такъ часто (въ Ригведѣ только два раза), какъ îçishe. Санскритскія грамматики говорятъ, что ç передъ s въ рединѣ словъ должно измѣняться въ k (за исключеніемъ нѣкоторыхъ именъ, гдѣ является ṭ передъ падежнымъ s), но правильнѣе, конечно, объяснять это k остаткомъ той эпохи, когда звукъ ç еще не существовалъ; другими словами, въ сочетаніи ks k не могло измѣняться въ ç. Такимъ образомъ форма îkshe можетъ восходить прямо къ первоначальн. îk-sai, точно такъ же какъ, напр., въ мѣстномъ падежѣ множ. ч. dikshu, отъ diç, я вижу въ k не измѣненіе ç, но звукъ первоначальный. Очевидно, однако, что такія формы, какъ îkshe, могли съ теченіемъ времени показаться неудовлетворительными; основа глагола была (не въ теоретическомъ только отношеніи, но и для чутья говорившихъ) уже не îk, а îç, и вполнѣ естественны поэтому попытки перенести эту основу и во 2-е л. ед. ч. Но сочетаніе çs (или çsh) оказывалось труднымъ или даже невозможнымъ, и языкъ долженъ былъ выбирать между двумя средствами: полнымъ уподобленіемъ согласныхъ (т. е. исчезновеніемъ одной изъ нихъ) или же вставкою гласной, не имѣющей никакого этимологическаго значенія. Послѣднее средство употреблено было при образованіи формы îçishe, какъ и вообще гласная i съ теченіемъ времени получаетъ въ санскритѣ господство въ качествѣ „соединительной“ гласной въ собственномъ смыслѣ этого термина (срав., напр., 2-е лице ед. числа дѣйств. зал. въ прош. соверш.). Понятно, что когда второе изъ упомянутыхъ выше средствъ получило въ языкѣ преобладаніе по какимъ бы то ни было причинамъ, не было уже никакой необходимости обращаться въ данномъ случаѣ къ ассимиляціи согласныхъ. Но не такъ было первоначально, когда языку предстояло еще выбирать между двумя средствами: въ эту эпоху рядомъ съ îçishe могла быть образована и форма îçe (îç+se), которая тѣмъ скорѣе вышла изъ употребленія, что ничѣмъ не отличалась

отъ 1-го лица ед. ч., а также и отъ третьяго въ Ведахъ. Аналогію мы можемъ найти въ глаголахъ на sh, приставляющихъ флективныя окончанія прямо къ корню. Сочетаніе shs было опять таки невозможно, и языкъ обращался въ этомъ случаѣ или къ вставкѣ гласной i между sh и s, или къ измѣненію sh въ k (въ именахъ, передъ падежнымъ s, въ ṭ). Здѣсь звукъ k не есть первоначальный (такъ какъ sh=первон. ś), и происхожденіе его для меня не ясно: можетъ быть, въ этомъ случаѣ оказали вліяніе глаголы на ç? Какъ бы то ни было, кромѣ этихъ двухъ средствъ, языкъ могъ пользоваться и полною ассимиляціею согласныхъ sh и s, доказательствомъ чего служитъ ведійская форма повелит. наклоненія: ǵoshi, изъ ǵosh+si, отъ глагола ǵush. Съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка эта ассимиляція является совершенно аномальною, точно такъ же какъ и ассимиляція въ îçe, но въ болѣе древнемъ періодѣ своей жизни, когда еще не установились прочныя аналогіи, языкъ поступалъ въ этомъ отношеніи съ бо́льшею свободою. Что касается измѣненія ç+s въ ç, то форма îçe (2-е лице) не есть единственный примѣръ этой ассимиляціи; подобнымъ же образомъ объясняется и ведійск. yádṛçmin (RV. 5, 44, 8), изъ основы yâdṛç+smin (мѣстн. пад. ед. ч.); срав. a-smin, ya-smin и т. д. [134]). Итакъ, форма îçe, въ значеніи 2-го лица ед. ч., должна быть, по моему мнѣнію, удержана въ текстѣ. Изъ сказаннаго выше легко понять рѣдкое употребленіе этой формы; припомнимъ, что даже îkshe встрѣчается въ Ригведѣ лишь два раза, уступая обыкновенно мѣсто болѣе новой формѣ: îçishe (20 разъ). Но въ одномъ стихѣ Ригведы мы находимъ, какъ кажется, и îçe въ значеніи 2-го лица ед. ч. Это именно ст. 8, 60, 2: nahi manyuḥ pâursheya îçe hi vaḥ priyaǵâta, tvam id asi kshapâvân. Я думаю, что vaḥ представляетъ здѣсь ошибку, вмѣсто naḥ, и перевожу стихъ такимъ образомъ: „нѣтъ неистовства людскаго, ибо ты властвуешь надъ нами, о любящій *всѣ* существа [135]) (т. е. Агни)! Ты, вѣдь, охранитель земли". Ошибка въ мѣстоименіи могла произойти вслѣд-

---

[134]) Срав. въ др. бактр. языкѣ подобное же обращеніе ç+s въ ç въ формѣ vîvîçê, отъ глагола vîç, 2-е лице ед. ч. мед. прошедш. соверш. времени. Если я не ошибаюсь, это единственный примѣръ, извѣстный намъ изъ текстовъ для этого лица, такъ что на основаніи vîvîçê нельзя еще принимать вмѣстѣ съ Шпигелемъ (Grammatik der altbaktrischen Sprache, стр. 251) окончаніемъ этой формы ê, а не sê, shê.

[135]) Петерб. Словарь даетъ слову priyaǵâta (встрѣчается только разъ) значеніе: «lieb—, erwünscht geboren». Грамматически возможны оба перевода.

ствіе того, что форма îçe не была понята. Во всякомъ случаѣ, нельзя, мнѣ кажется, оставить текстъ въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ. Если мы примемъ здѣсь îçe въ значеніи 3-го лица (срав. Грассмана) и удержимъ vaḥ, то зват. пад. priyaǵâta долженъ быть измѣненъ въ именит. priyaǵâtaḥ, съ удареніемъ. Поправка, слѣдовательно, была бы никакъ не менѣе значительна (перемѣна формы и удареніе), чѣмъ та, какую вношу я, а между тѣмъ причина, вызвавшая ошибку, оставалась бы для насъ непонятною.

Virapçin, какъ эпитетъ Индры, встрѣчается, напр., въ RV. 6, 32, 1; 6, 40, 2; 10, 113, 6 и т. д. Nâighaṇṭuka (3, 3) объясняетъ это слово черезъ mahant, но буквальное его значеніе, по Петерб. Словарю, есть: „vollsaftig, strotzend, vollkräftig“; срав. virapça „strotzend“ и rapçadûdhan (RV. 2, 34, 5) „имѣющій полное вымя“. Глаголъ rapç („быть полнымъ, изобиловать“) встрѣчается только съ префиксами pra и vi.

Vâǵa имѣетъ въ Ведахъ нѣсколько значеній, и я различаю два слова vâǵa, которыя восходятъ къ одному и тому же корню vag = ug „рости, увеличиваться“; срав. ugra сильный, oǵas сила, а также лит. augti рости, лат. augeo, готск. aukan умножать, греч. αὐξάνω; др. бактр. vaz укрѣплять (въ санскритѣ vâǵay), лат. vegere, vigil, готск. vakan бодрствовать (собств. „быть въ силахъ“). 1) vâǵa (др. бактр. vâza) „сила, крѣпость“; „сильный, крѣпкій“, откуда развились значенія „быстрота“ (какъ проявленіе силы), „быстрый“, при чемъ „быстрый“ обратилось въ нарицательное названіе коня; 2) vâǵa „обиліе, богатство“ и потому также „военная добыча“. Что касается vâǵa „состязаніе, битва“, то оно должно быть объясняемо, вѣроятно, изъ втораго vâǵa, черезъ посредство понятія „добыча“; срав. dhana „ставка, добыча“ и „состязаніе, битва“. Индійская традиція даетъ слову vâǵa въ Ведахъ значеніе anna, т. е. „пища“, и для нѣкоторыхъ мѣстъ это, дѣйствительно, можетъ быть принято (срав. Петерб. Словарь), но я уже говорилъ выше о той связи, какая существуетъ между понятіями „сила, крѣпость“ и „пища“. Въ нашемъ стихѣ я понимаю vâǵa какъ „богатство“ или „добычу“, но Петерб. Словарь объяснилъ бы его, вѣроятно, иначе, если судить по тому, что слово vâǵa въ соединеніи съ прилагат. sthavira приводится здѣсь только въ значеніи „скаковая лошадь“ (Renner). Ни въ одномъ изъ трехъ примѣровъ, указанныхъ тамъ (RV. 6, 1, 11; 6, 37, 5; 7, 93, 2), я не вижу, однако, чтобы смыслъ, дѣйствительно, требовалъ переводить vâǵa sthavira: „крѣпкій

конь“; съ такимъ же правомъ, если не съ большимъ, vâga могло бы быть понято въ значеніи „богатство“, точно такъ же какъ и въ нашемъ стихѣ это послѣднее значеніе кажется болѣе подходящимъ. Сила и богатство составляютъ обыкновенные предметы ведійской молитвы, и нѣтъ никакой причины думать, чтобы изъ всего богатства, какое человѣкъ желаетъ получить, здѣсь назывался только „крѣпкій конь“. Само собою разумѣется, что вмѣсто „богатства“ мы можемъ поставить и „добычу“, особенно если примемъ во вниманіе окончаніе стиха. Прилагательное sthavira не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы vâga было понято въ нашемъ стихѣ (а равно и въ тѣхъ трехъ, которые указаны выше) въ значеніи „богатство“. Sthavira значитъ „плотный, крѣпкій, сильный“ (собств. „стойкій“) и встрѣчается въ Ригведѣ особенно часто какъ эпитетъ Индры (напр. 3, 46, 1; 6, 32, 1; 6, 47, 8; 10, 103, 5 и т. д.). Само собою разумѣется, что это же прилагательное могло употребляться и о богатствѣ, и невозможность сохранить въ переводѣ значенія „крѣпкій, сильный“ ничего еще не доказываетъ, такъ какъ при употребленіи словъ въ переносномъ значеніи каждый языкъ идетъ своимъ путемъ. Припомнимъ, что напр. въ Âr. 1, 1 мы встрѣтили ogishtha „наисильнѣйшій“ въ качествѣ эпитета при çravas „слава“. Наконецъ, прямое подтвержденіе того, что sthavira могло употребляться съ словами, означающими „богатство“, мы находимъ въ прилаг. sthûra (откуда sthûla) „плотный, крѣпкій“ [136]). По образованію и по основному значенію sthûra есть варіантъ sthavira, такъ какъ оба слова образованы отъ корня stu=sta „стоять“, съ суф. -ra. Это-то прилагат. sthûra мы встрѣчаемъ въ соединеніи съ ratna „сокровище, богатство“, напр. въ RV. 6, 19, 10, гдѣ оно должно быть переводимо, конечно: „обильный“; срав. далѣе sthûram râdhas „обильный даръ“ въ RV. 8, 4, 19, а равно и обыкновенное значеніе sthûla (изъ sthûra): „толстый“. Эти аналогіи, я надѣюсь, достаточно оправдываютъ мой переводъ.

Vrtreshu въ нашемъ стихѣ я перевожу: „въ битвахъ“, хотя собственно vrtra значитъ „врагъ“ (см. выше). Въ крайнемъ случаѣ можно было бы удержать это значеніе и здѣсь („у враговъ сдѣлай намъ противниковъ легко поражаемыми“), но я не видѣлъ въ этомъ необходимости, такъ какъ vrtreshu и въ другихъ мѣстахъ

136) Петерб. Словарь еще не доведенъ до словъ sthavira, sthûra.

указываетъ на то же значеніе: „въ битвахъ". Такъ, напр., въ RV. 6, 26, 2 и 6, 46, 1 Индра называется vṛtreshu satpati, „владыкою въ битвахъ", съ чѣмъ срав. 1, 53, 6: vṛtrahatyeshu satpati. Подобнымъ же образомъ въ RV. 1, 7, 5 мы читаемъ: indram —— havâmahe, yuǵam vṛtreshu vaǵriṇam, „Индру призываемъ мы, пособника въ битвахъ, перуноде่ржца", съ чѣмъ срав. RV. 1, 129, 4: indram uçmasi ——, vâǵeshu prâsaham yuǵam, „Индру желаемъ мы (т. е. имѣть), пособника въ битвахъ могучаго". Бенфей въ Orient und Occident (I, 15) переводитъ стихъ 1, 7, 5 такъ: „Indra rufen wir —— den die Dämonen zerschmetternden Genoss", но этотъ переводъ нельзя считать вѣрнымъ, такъ какъ vaǵrin значитъ собственно „имѣющій vaǵra", и потому мѣстный падежъ vṛtreshu не можетъ зависѣть отъ него; я отдаю вслѣдствіе этого предпочтеніе прежнему переводу Бенфея: „Indra rufen wir —— den blitzschleudernden Kampfgenoss" [137]). Въ томъ же значеніи употреблено vṛtreshu и въ ст. 7, 34, 3: vṛtreshu çûrâ mansanta ugrâḥ, „въ битвахъ богатыри да помянутъ сильные!" Должны ли мы, на основаніи этихъ данныхъ, предполагать сущ. vṛtra съ значеніемъ „битва"? Я не думаю этого и объясняю vṛtreshu „въ битвахъ" черезъ переносъ понятія „у враговъ"; въ пользу такого объясненія говоритъ то обстоятельство, что, за исключеніемъ мѣстн. пад. множ. ч., я не встрѣтилъ другихъ формъ, гдѣ бы значеніе „битва" требовалось для слова vṛtra, но за то для мѣстнаго пад. множ. ч., т. е. для формы vṛtreshu, я не знаю примѣровъ изъ Ригведы, гдѣ бы мы должны были переводить vṛtreshu: „у враговъ" (или это мой недосмотръ?).

Форма suhanâ (имен. вин. пад. мн. ч. ср.р.) въ нашемъ стихѣ заставляла бы насъ предположить сущ. suhana, средн. р., съ значеніемъ: „легкое пораженіе", т. е. пораженіе, которое легко сдѣлать; я предпочитаю, однако, видѣть въ suhana прилагательное („легко поражаемый") и думаю, что чтеніе suhanâ должно быть исправлено въ suhanân (относится къ çatrûn). Срав. употребленіе suhana въ Ригведѣ: 4, 22, 9; 7, 25, 5; 10, 105, 7.

12 ст.—„Двухъ-выменныя", т. е. коровы, подъ образомъ которыхъ представлялись облака.

---

[137]) Die Hymnen d. SV., Uebersetzung, стр. 219.

Пятая декада.

2 ст.—Nâig.-Dâivata и Анукраманика къ Ригведѣ видятъ здѣсь Сурью, т. е. Солнце, но я думаю, вѣрнѣе будетъ относить этотъ стихъ къ Агни (какъ и предшествующій), ибо эпитетъ vâtaǵûta дается преимущественно этому богу (напр. RV. 1, 58, 4; 1, 65, 8; 8, 43, 4 и т. д.) и былъ бы мало понятенъ по отношенію къ солнцу; срав. также vâtacodita, „погоняемый вѣтромъ", объ Агни [138]) (RV. 1, 58, 5; 1, 141, 7). Выраженіе „властвуетъ подъ многими образами" объясняется изъ того, что Агни имѣлъ различныя формы проявленія.

3 ст.—Словарь Бетлингка и Рота даетъ здѣсь слову anîka значеніе: „Aussehen, Erscheinung, insbesondere glänzende Erscheinung", но это толкованіе кажется мнѣ искусственнымъ, хотя оно и согласно съ объясненіемъ Яски (=khyâna, Nir. 12, 16). Грассманъ понимаетъ здѣсь anîka въ значеніи „Reihe, Zug", но безъ достаточныхъ основаній въ данномъ случаѣ (для нѣкоторыхъ мѣстъ это значеніе можетъ быть принято). Я слѣдую Бенфею, который сохраняетъ обыкновенное значеніе anîka и переводитъ: „Antlitz" (Orient und Occident III, 157) [139]). Такъ же и Максъ Мюллеръ; см. его Essays II, 77.—Срав. RV. 1, 113, 19, гдѣ утренняя заря, Ушасъ, называется лицемъ богини Адити (aditer anîka).

Правильная этимологія слова anîka указана въ недавнее время Бреалемъ [140]), который производитъ его отъ нарѣчія ani (ср. греч. ἐνί) [141]) и сравниваетъ по образованію: pratîka лице (prati къ), anûka спинной хребетъ (anu въ значеніи „за, сзади"), abhîka встрѣча (abhi къ), apâka отдаленіе (apa отъ), upâka сосѣдство (upa при, подъ) [142]), хотя, впрочемъ, во взглядѣ на -ka я расхожусь съ Бреалемъ. Французскій ученый слѣдуетъ въ этомъ случаѣ общепри-

---

[138]) На основаніи vâtacodita я предпочитаю переводить vâtaǵûta: «погоняемый вѣтромъ», а не «быстрый какъ вѣтеръ».

[139]) Иначе въ Die Hymn. d. SV., Nachträge und Verbesserungen, стр. 272.

[140]) Mémoires de la Société de linguistique de Paris, I, 405.

[141]) Индійскіе грамматисты производятъ anîka отъ an «дуть, дышать». Такая этимологія была бы возможна, конечно, еслибъ anîka значило собственно «ротъ», но подобное значеніе неизвѣстно для этого слова.

[142]) Сюда же принадлежатъ: parâka отдаленіе, samîka враждебная встрѣча, стычка.

нятому мнѣнію и объясняетъ pratîka изъ pratyańc „обращенный къ“, anûka изъ anvańc „задній“ и т. д., но уже то, что мы не имѣемъ формъ: abhyańc при abhîka, upáńc при upáka (а также anyańc при anîka) дѣлаетъ, по моему мнѣнію, сомнительнымъ такое объясненіе. Главное возраженіе я вижу, однако, не въ этомъ, но въ томъ, что, по аналогіи тѣхъ формъ, гдѣ pratyańc, anvańc и т. д. являются стянутыми, мы ожидали бы здѣсь: pratîca, anûca и т. д., и существованіе k вмѣсто c было бы непонятно. Нельзя, конечно, ссылаться на средн. родъ этихъ прилагательныхъ: pratyak, anvak и т. д., такъ какъ на концѣ словъ c не могло появляться въ санскритѣ, да и самыя основы не стянуты въ этихъ формахъ. Я предпочитаю поэтому видѣть въ словахъ: anîka, pratîka, apâka и т. д. суффиксъ -ka и сравниваю по образованію: латинск. antîcus, postîcus, а также * recus, * procus (въ обоихъ случаяхъ кратк. гласн.), которыя Мёнье (Meunier) [143] возстановляетъ на основаніи reciprocus; сскр. antika „близость“; лит. páskui „за, сзади“, paskùi „послѣ“, съ котор. срав. сскр. paçca „задній“, гдѣ -ca изъ первонач. -ka (срав. ucca „высокій“=др. бактрійск. uçka), и т. д. Сюда же принадлежатъ, между прочимъ: ст. сл. онако, опакы (изъ apa), откуда пакы (съ разницею въ значеніяхъ), =двн. abah, abuh „abgewandt, verkehrt, böse“ [144]; сербск. преко; русск. поперекъ; прусск. prîkan, prîkin (въ I катихиз. preiken) „противъ“; ст. сл. ниць (срав. сскр. nîca) и т. д. Нарѣчія, предлоги, союзы и вообще частицы, оканчивающіяся на гласную, могли имѣть въ индоевроп. языкѣ эту гласную какъ краткою, такъ и долгою; отсюда объясняется, напр., параллельное употребленіе сскр. pratîka и antika или сскр. anîka = др. бактр. ainika. Въ санскритѣ конечная гласная предлоговъ является по бóльшей части краткою (но, напр., parâ), хотя въ словахъ производныхъ она можетъ быть и долгою; такъ, напр., prati имѣетъ долгое i не только въ pratîka, но также и въ pratîpa „противный“, гдѣ я считаю суффиксомъ -pa, съ которымъ сравниваю, напр., лат. -pe въ prope. Кромѣ pratîpa, тотъ же суф. -pa мы находимъ въ

---

[143]) Mémoires de la Société de linguist. de Paris, I, 412.

[144]) Фикъ (Vgl. Wörterbuch, стр. 10) сравниваетъ двн. abah, abuh (при ст. сл. онако онъ ставитъ вопросительный знакъ) съ сскр. apâńc, но подобныя сложенія предлоговъ съ глаголомъ ank (сскр. ańc) не были, конечно, извѣстны въ индоевропейск. языкѣ.

samîpa „близкій“, antarîpa „островъ“, соб. „срединный“, а равно въ prâpa (изъ pra) и parâpa (изъ parâ), хотя точное значеніе двухъ послѣднихъ словъ намъ не извѣстно. Бенфей объясняетъ суф. -pa изъ глагольнаго корня ap „прилаживать“, но, не говоря о томъ, что я не могу видѣть въ суффиксахъ индоевропейской эпохи глагольныхъ корней, я нахожу такое объясненіе неудовлетворительнымъ и со стороны фонетической. Еще болѣе страннымъ кажется то мнѣніе, упоминаемое въ Петербургскомъ словарѣ, которое видитъ въ составѣ pratîpa, samîpa и т. д. сущ. ap „вода“, несмотря на то, что слова pratîpa, samîpa не имѣютъ ничего общаго съ ap „вода“ ни по значенію, ни по звуковой формѣ. Чтобы объяснить себѣ происхожденіе этого мнѣнія, надо припомнить не только antarîpa „островъ“ (первоначально, по моему мнѣнію, „срединный“), но и anûpa „находящійся близъ воды, изобилующій водою; болото“ и т. д. Значеніе anûpa не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ составъ его входитъ „вода“, но я думаю, было бы ошибочно видѣть въ anûpa образованіе тождественное съ pratîpa, samîpa, antarîpa (а также, конечно, съ prâpa и parâpa). По моему мнѣнію, anûpa есть слово сложное, между тѣмъ какъ pratîpa, samîpa и т. д. я не считаю такими. Нельзя, однако, видѣть въ составѣ anûpa сущ. ap („вода“), такъ какъ аналогіи для подобнаго выпаденія гласной едва ли бы нашлись въ санскритѣ. Я думаю, что anûpa сложено изъ anu (въ значеніи „у, при“) и основы * up или * upa „вода“. Эта основа, правда, не сохранилась въ санскритѣ въ отдѣльномъ употребленіи, но существованіе ея подтверждается родственными языками, именно: лит. upė рѣка, ручей, латш. upa id., прусск. wupian облако (въ Эльбингск. Словарѣ), русск. Упа (гдѣ *у* изъ древняго дифтонга). Литовск. upė объясняютъ обыкновенно изъ ap, но переходъ a въ u въ литовск. языкѣ всегда обусловливается группою согласныхъ, изъ которыхъ первая есть плавная или носовая [145]); при томъ же, основа ap сохранилась въ прусск. ape рѣка, apus источникъ, латш. apurs яма въ болотѣ, полная воды. Что касается основы up-, то она, вѣроятно, родственна съ vâp-

---

[145]) Кажущееся исключеніе изъ этого правила представляетъ только лит. ugnis «огонь», латш. uguns, и я считаю нужнымъ поэтому объяснять здѣсь u изъ an, предполагая основу * angni, въ которой первое n есть отраженіе втораго.

Подобнымъ же образомъ латинск. ignis предполагаетъ ingnis, ибо иначе происхожденіе i изъ a было бы здѣсь непонятно; см. Корсена Aussprache, 2-е изд., II, 275.

(изъ vap-?), откуда скр. vápî „большой прудъ“, ст. сл. вапа „болото, прудъ, озеро“.

Возвращаясь къ слову anîka, я долженъ прибавить, что, объясняя его вмѣстѣ съ Бреалемъ изъ нарѣчія ani (=anî) „къ“, мы поймемъ, что основное значеніе его есть „перёдъ“, откуда „лице“, но въ Ведахъ anîka утпотребляется также о передней части, т. е. остреѣ, копья или стрѣлы, и нѣтъ, конечно, никакой причины считать это значеніе переноснымъ. Иначе смотрю я на anîka въ смыслѣ: „рядъ, толпа“, откуда въ позднѣйшемъ языкѣ образовалось значеніе „войско“ (въ словаряхъ также „битва“). Обыкновенно считаютъ это anîka однимъ и тѣмъ же словомъ съ anîka „лице“, и Петерб. Словарь пытается объяснить переходъ значеній такимъ образомъ: „Vorderseite von etwas Aufgestelltem, einer Reihe u.s.w.; dann Reihe, Zug selbst (vgl. frons).“ Но, во-первыхъ, значеніе „рядъ, толпа“ извѣстно для anîka уже въ гимнахъ Ведъ, между тѣмъ какъ въ смыслѣ „Vorderseite von etwas Aufgestelltem“ это слово тамъ не встрѣчается [146]); во-вторыхъ, я не вижу, какая можетъ быть связь, напр., между marutám anîkam (RV. 1, 168, 9), „толпа Марутовъ“, и выраженіемъ: agnir vái devatánám anîkam (Çatap. Br. 5, 3, 1, 1), „Агни—глава [147]) божествъ“, хотя оба примѣра отнесены Петерб. Словаремъ къ одной категоріи. По моему мнѣнію, anîka „толпа, рядъ“ вовсе не родственно съ разсмотрѣннымъ нами выше anîka, точно такъ же какъ и въ др. бактр. языкѣ я различаю ainika „лице“ отъ того ainika, которое извѣстно намъ изъ прилагат. perethuainika, составляющаго энитетъ войска (haêna). Юсти переводитъ это прилагат.: „mit breiter Front“, желая примирить его съ ainika „лице“, но я думаю, что ainika въ perethuainika тождественно съ ведійск. anîka „толпа, рядъ“ (позднѣе: „войско“), и потому понимаю это прилагательн. въ смыслѣ: „состоящее изъ обширной толпы“ или „изъ обширныхъ рядовъ“ (Бюрнуфъ: „aux larges bataillons“). Происхожденіе anîka (др. бактр. ainika) „толпа, рядъ“ для меня не ясно.

4 ст.—Подъ образомъ быка здѣсь представляется солнце; см. объ этомъ миѳическомъ образѣ Шварца Sonne, Mond und Sterne (Register)

---

146) Да и вообще я не знаю примѣровъ, гдѣ бы это значеніе требовалось.

147) Собств. «перёдъ» или «лице», въ такомъ же переносномъ употребленіи, какъ наше «глава».

и Аѳанасьева Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу (Указатель). Nâig.-Dâivata посвящаетъ нашъ стихъ вмѣстѣ съ двумя слѣдующими, между прочимъ, божеству âtman, подъ которымъ должно понимать Агни (см. выше). Точно такъ же и комментаторъ къ Яджурведѣ относитъ ayam къ Агни [148]). По Анукраманикѣ къ Ригведѣ, божество, которому посвященъ гимнъ 10, 189, есть или Sârparâǵñî или Sûrya, но Sârparâǵñî называется вмѣстѣ съ тѣмъ какъ здѣсь, такъ и въ Nâig.-Ârsha, авторомъ этихъ стиховъ.

Небо есть „отецъ“, земля—„мать“, т. е. всѣхъ существъ [149]); здѣсь нѣтъ спеціальнаго отношенія къ быку-солнцу.

5 ст.—„Въ срединѣ“, т. е. между небомъ и землею; срав. комментатора къ Самаведѣ: „antaḥ“ dyâvâpṛthivyor madhye [150]). Форма antar (лат. inter) является въ болѣе полномъ видѣ въ antariksha „воздухъ“, собств. „находящееся въ срединѣ“ [151]), а также въ antarîpa „островъ“, собств. „срединный“; срав. по образованію upari „свыше, надъ“. Въ нашемъ стихѣ antar значитъ то же, что antariksha, и мы могли бы перевести его поэтому: „въ срединномъ пространствѣ“, т. е. „въ воздухѣ“.—„Испускающая послѣднее дыханіе“=исчезающая (при появленіи солнца); срав. Макса Мюллера Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, II Serie, стр. 335. Въ прилагательн. rocanâ „свѣтлая“ здѣсь надо видѣть, конечно, эпитетъ Утренней Зари [152]).—Mahisha я объясняю какъ прилагательное, которое часто встрѣчается въ Ведахъ; Словарь Бетлингка и Рота понимаетъ здѣсь это слово въ значеніи существительн., т. е. „буйволъ“.

6 ст.—Срав. RV. 6, 59, 6: apâd iyam.... trińcat padâ ny akramît, „эта безногая (Утрен. Заря, Ушасъ) на тридцать мѣстъ ступила“. Эти 30 мѣстъ или 30 жилищъ обозначаютъ, вѣроятно, жилища боговъ; срав. „тридцать три бога“ (напр. въ RV. 3, 6, 9). Бенфей видитъ здѣсь указаніе на 30 часовъ, изъ которыхъ состояли у Индійцевъ сутки, но такая метафора была бы мало понятна, тѣмъ болѣе что рѣчь идетъ здѣсь только о разсвѣтѣ.—Pataṁga, „летающій, крылатый“, употребляется и въ позднѣйшей литературѣ въ

---

148) См. Бенфея Die Hymn. d. SV, Uebersetzung, стр. 272, примѣч. 4.

149) Срав. русск. «Отецъ-небо» (въ заговорахъ) и «Мать-земля» и т. д.

150) См. Бенфея ibid., примѣч. 5.

151) См. Вебера въ Indische Studien I, 187; иначе объясняютъ antariksha Бетлингкъ и Ротъ.

152) Бенфей переводилъ этотъ стихъ иначе и относилъ rocanâ не къ Утренней Зарѣ.

значеніи „солнце“. Петерб. Словарь это же значеніе даетъ слову patamga и въ нашемъ мѣстѣ, но я думаю, что въ гимнахъ Ведъ, тамъ, гдѣ солнце называется patamga (напр. въ RV. 1, 163, 6; 10, 177, 1 и 2), сознавалось еще первоначальное значеніе этого слова: „летающій“ или „крылатый“ (patam+ga), которое ясно напр. въ RV. 1, 118, 4. Срав. изъ позднѣйшей литературы patamga „птица, крылатое насѣкомое“. Названіе солнца patamga объясняется представленіемъ этого свѣтила въ образѣ птицы или крылатаго коня [153]).

Выраженіе prati vastos, которое затрудняло Бенфея, въ настоящее время можно считать яснымъ, и Петерб. Словарь, безъ сомнѣнія, вѣрно переводитъ prati vastos: „bei Tagesanbruch“. Но относительно конструкціи предложеній я отдаю предпочтеніе переводу Бенфея („Dreissig Häuser durchleuchtet er—es tönt dem Vogel Lobgesang—vom Morgen an mit seinem Strahl“) передъ тѣмъ толкованіемъ, какого держится, повидимому, Петерб. Словарь. Здѣсь нашъ стихъ приводится подъ словомъ div въ такомъ видѣ: vâk patamgâya dhîyate, prati vastor aha dyubhih, откуда должно заключать, что слова vâk patamgâya dhîyate Бетлингкъ и Ротъ соединяютъ по смыслу съ послѣднею падою стиха. Форму dyubhih Словарь принимаетъ здѣсь въ значеніи: „bei Tage, im Laufe der Tage, lange Zeit“ (срав. лат. diu). Въ этомъ значеніи dyubhis (отъ div=dyu день), какъ извѣстно, часто встрѣчается въ Ведахъ, но, съ другой стороны, не менѣе рѣдко находимъ мы эту форму въ смыслѣ: „сіяніемъ, лучами“, и я думаю, что это послѣднее значеніе болѣе подходитъ къ нашему стиху, при той конструкціи предложеній, которую я принимаю [154]). Въ пользу же этой конструкціи говоритъ, мнѣ кажется, и параллельное мѣсто, приведенное мною выше (RV. 6, 59, 6); подобно тому какъ тамъ Утренняя Заря ступаетъ на 30 мѣстъ, такъ и здѣсь Солнце, именно при разсвѣтѣ, освѣщаетъ 30 жилищъ; а восходящее солнце и утренняя заря не рѣдко совпадаютъ въ миѳическихъ представленіяхъ. Что касается вставочнаго предложенія: vâk patamgâya dhîyate, то срав., напр., слѣдующій стихъ Ригведы (1, 10, 7): suvivrtam suniragam indra tvâdâtam id yacah, gavâm apa vragam vrdhi, гдѣ слова: indra tvâdâtam id yacah составляютъ также

---

[153]) См. объ этихъ образахъ Шварца Sonne, Mond und Sterne и Аѳанасьева Поэтическ. Воззрѣнія Славянъ на природу.

[154]) По словамъ Бенфея, также и схоліастъ относитъ dyubhis къ virâgati.

вставочное предложеніе, ибо смыслъ этого мѣста слѣдующій: „хорошо открываемый, хорошо опоражниваемый [155]),—Индра, тебѣ принадлежитъ (собств. „тобою дано“ или „оказано“) это славное дѣло,—хлѣвъ небесныхъ коровъ отвори!“ [156])

Частицу aha, усиливающую предшествующее слово, я оставилъ въ нашемъ стихѣ не переведенною.

7 ст.—По поводу гимна RV. 1, 50 сравни лингвистическій и миѳологическій комментарій Зонне въ Zeitschrift Куна (томы XII—XV).

8 ст.—При префиксѣ vi подразумѣвается та же глагольная форма adṛçran, которая стоитъ въ первой падѣ. Мы могли бы поэтому перевести такъ: „появилось его сіяніе (въ текстѣ множ. ч.), ясно видны его лучи у людей“ и т. д.

9 ст.—Въ позднѣйшемъ языкѣ tarani обратилось въ нарицательное названіе солнца, но вмѣстѣ съ тѣмъ это слово употреблялось также и въ значеніи: „судно, челнъ“ (собств. „проходящее, движущееся“, отъ tar). Бенфей видитъ это послѣднее значеніе и въ нашемъ стихѣ, который онъ переводитъ такъ: „Ein allbewundrungswerthes Floss bist, Sonne“ (Orient und Occident I, 405). Такое толкованіе, однако, можетъ казаться сомнительнымъ, и я предпочелъ, слѣдуя Роту (срав. также Грассмана), удержать здѣсь первоначальное значеніе tarani, которое нѣсколько разъ встрѣчается въ Ведахъ (о конѣ, объ Агни и т. д.). Въ примѣненіи къ солнцу мы находимъ tarani еще два раза въ Ригведѣ (7, 63, 4 и 10, 88, 16), и въ обоихъ случаяхъ можно было бы перевести его даже словомъ „солнце“, между тѣмъ какъ въ нашемъ стихѣ смыслъ не допускаетъ подобнаго перевода. Срав. съ tarani „неустанно или быстро движущееся“ patamga „крылатое“ или „летающее“, эпитетъ солнца въ Ведахъ, а позднѣе его нарицательное названіе (см. выше).

10 ст.—Слова: viçvam svar относятся какъ къ предшествую-

---

[155]) Собств. тотъ, изъ котораго хорошо выгоняются, т. е. освобождаются (небесн. коровы).

[156]) Иначе переводитъ этотъ стихъ Бенфей (Or. und Occ. I, 18), но неудовлетворительность его перевода, мнѣ кажется, очевидна: «Denn der von dir geschenkte Glanz (=Beute) ist umzudrehn, zu treiben leicht; eröffne du der Rinder Stall.» Замѣчу, что здѣсь совершенно произвольно принято для yaças значеніе «Glanz»=«Beute». Самостоятельность словъ: indra tvâdâtam id yaçah доказывается слѣдующимъ мѣстомъ (RV. 3, 40, 6): girvanah pâhi nah sutam madhor dhârâbhir ağyase, indra tvâdâtam id yaçah.

щему pratya*ñ*, такъ и къ послѣдующему d*r*çe. Очевидно, что выраженіе: viçva*m* svar d*r*çe, собств. „для видѣнія всего неба“, можетъ быть понимаемо не только въ страдательномъ значеніи, но также и въ дѣйствительномъ („чтобы видѣть все небо“). Мой переводъ основывается на параллельныхъ мѣстахъ, гдѣ viçva*m* svar d*r*çe значитъ, безъ сомнѣнія: „все небо, чтобы оно было видимо“; см. RV. 9, 61, 18 (*ǵ*yotir viçva*m* svar d*r*çe); 10, 136, 1 (keçî viçva*m* svar d*r*çe, keç*î*da*m* *ǵ*yotir ucyate); V*â*lakh. 1, 8 (yebhir apatyam manusha*h* par*î*yase yebhir viçva*m* svar d*r*çe). Срав. въ предшествующемъ стихѣ: „все небо освѣщаешь ты“.

11 ст.—Относительно bhura*n*yanta*m* *ǵ*anâ*ñ* anu Ротъ [157]) думаетъ, что форма *ǵ*anân въ текстѣ „pada“ образована по ложной аналогіи изъ *ǵ*anâ*ñ*, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эта послѣдняя форма не есть винит. пад. множ. ч., но винит. единств. ч., съ метрическимъ удлинненіемъ гласной и съ неправильнымъ ея назалированіемъ. Подобнымъ же образомъ Ротъ объясняетъ vaçân anu въ текстѣ „pada“ изъ vaç*â**ñ* anu (текстъ „sa*m*hit*â*“)=vaçâm anu. Мы увидимъ, однако, ниже, что нѣтъ никакой надобности принимать vaçân за винит. пад. ед. ч., между тѣмъ какъ въ *ǵ*anâ*ñ* anu въ пользу этого предположенія говоритъ, повидимому, единств. ч. формы bhura*n*yantam. Объясненіе Рота можетъ казаться довольно правдоподобнымъ, такъ какъ носовая согласная, дѣйствительно, удлинняетъ иногда предшествующую гласную [158]), а что касается ошибочнаго обращенія -â*m* или -*â**ñ* въ -ân (въ текстѣ „pada“), то можно было бы сравнить devân *ǵ*anma (въ „sa*m*hit*â*“: devâ*ñ* *ǵ*anma) въ RV. 1, 71, 3; 6, 11, 3 и devân *ǵ*anmanâ въ RV. 10, 64, 14, гдѣ devân неправильно возстановлено изъ devâ*m*=devâm, родительн. пад. множ. ч., какъ это разъяснилъ Боллензенъ въ своей статьѣ Die Lieder des Par*â*çara [159]). Во всякомъ случаѣ,

---

[157]) Zur Literatur und Geschichte des Weda, стр. 82; Jâska's Nirukta, Erläuterungen, стр. 163—164.

[158]) См. примѣры въ статьѣ Куна Sprachliche Resultate aus der vedischen Metrik.

[159]) Этотъ же родит. пад. мн. ч. devâm Боллензенъ находитъ и въ ст. RV. 6, 51, 2, гдѣ текстъ имѣетъ, правда, devânâ*m* *ǵ*anma, но метръ указываетъ на devâm.—Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что родит. devâm сохранился въ Ригведѣ только въ соединеніи съ *ǵ*anman. Что же касается стиха RV. 4, 2, 3, гдѣ Боллензенъ подобнымъ же образомъ объясняетъ devân viças изъ devâ*m* viças («die Götterstämme»), то я не могу съ нимъ согласиться, такъ какъ цезура заставляетъ отдѣлять viças отъ devân, и въ этой послѣдней формѣ я вижу поэтому винит.

однако, объясненіе, представленное Ротомъ, не можетъ считаться вполнѣ вѣрнымъ какъ вслѣдствіе единичности примѣра (ибо vaçâń anu не принадлежитъ сюда), такъ и вслѣдствіе того, что ошибка, принадлежащая составителямъ текста „pada", повторяется въ Самаведѣ, не смотря на то, что редакція Самаведы произошла независимо отъ редакціи Ригведы. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что сочетаніе bhurańyantam ǵanâń anu представляетъ собою явленіе аномальное; но аномалія заключается, можетъ быть, лишь въ неправильномъ согласованіи опредѣлительнаго съ опредѣляемымъ. Мы видѣли выше, что нѣкоторые примѣры заставляютъ предполагать существованіе подобной неправильности согласованія въ именахъ средн. рода, хотя я и не считаю этотъ вопросъ выясненнымъ. Но если такое явленіе, дѣйствительно, существовало, то не было никакой причины, по которой оно должно было бы ограничиваться однимъ среднимъ родомъ. При томъ же, въ примѣрѣ: bhurańyantam ǵanâń anu извиняющимъ обстоятельствомъ служитъ то, что множ. ч. ǵanân (винит. пад.) употреблено здѣсь въ коллективномъ значеніи, и въ этомъ же смыслѣ могло бы стоять и единств. ч. ǵanam. Срав. trishv â rocane divah (RV. 1, 105, 5; 8, 58, 3), „въ трехъ свѣтлыхъ областяхъ неба", гдѣ Дельбрюкъ [160]) объясняетъ неправильность согласованія такимъ образомъ: „die drei Himmel bilden, so zu sagen, eine Dreieinigkeit und stehen darum im Singular".

12 ст.—Ротъ и Бенфей [161]) видятъ въ этомъ стихѣ „Nachsatz" къ предшествующему, но я не считаю необходимымъ связывать ихъ такимъ образомъ и объясняю „которымъ глазомъ" (въ предшествующемъ стихѣ) въ значеніи „этимъ глазомъ".—Что касается глагола mâ, то Петерб. Словарь даетъ ему здѣсь значеніе: „zurichten, zubereiten, bilden, verfertigen". Относительно нѣкоторыхъ

пад. За то martân въ томъ же стихѣ едва ли можетъ быть объяснено иначе, какъ въ смыслѣ родит. пад. мн. ч. (martâm, martâm). Вотъ самый стихъ: antar îyase arushâ yuǵâno yushmâńç ca devân viça â ca martân, т. е.: «запрягши огненнокрасную пару, ты (о Агни) носишься между вами, богами, и родами людей». Дельбрюкъ (Zeitschrift, XX, 219), соглашающійся здѣсь съ Боллензеномъ, въ стихѣ RV. 4, 2, 11 принимаетъ самъ martân (т. е. martâm) за родит. пад. мн. ч. («und vielleicht 1, 141, 6», прибавляетъ онъ, но въ указанномъ мѣстѣ текстъ имѣетъ martam).

[160]) Zeitschrift, XX, 225.

[161]) См. Рота Zur Literatur und Geschichte des Weda, стр. 82; Jâska's Nirukta, Erläuterungen, стр. 163; Бенфея Die Hymn. d. SV., Nachträge und Verbesserungen, стр. 272.

мѣстъ это несомнѣнно, но въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, можно удержать основное значеніе этого слова.

13 ст.—Прилагат. çundhyu значитъ собственно „чистый, свѣтлый“ (срав. çudh, çundh „очищать“ и см. Nir. 4, 16), отсюда „прекрасный“, такъ какъ понятія блеска, свѣта и красоты обыкновенно тѣсно связаны въ языкахъ. Значеніе „прекрасный“ çundhyu можетъ имѣть, напр., въ RV. 10, 39, 7, гдѣ оно составляетъ опредѣленіе слова yoshaṇâ, „молодая женщина“. Петерб. Словарь переводитъ çundhyu: „schmuck“.

Чтеніе naptryas (въ Ригведѣ naptyas) замѣчательно въ томъ отношеніи, что это единственный примѣръ изъ ведійской литературы, гдѣ мы находимъ слово naptrî, вмѣсто обычнаго naptî. Ясно, что naptrî точно такъ же образовано отъ основы naptar-, какъ naptî отъ napat-, сскр. napât-. Съ сскр. naptrî ближе всего по формѣ древнечешск. neter-, именительный падежъ neti; что касается выпаденія p, то срав. ст. сл. нетій „племянникъ“, изъ naptja (срав. далѣе: сути изъ * супти, тети изъ * тепти и т. д.)

По поводу rathasya naptyaḥ (въ Âr. naptryaḥ) Бенфей [162]) замѣчаетъ слѣдующее: „Die Rosse werden als mit dem Wagen innigst zusammengehörige, gleichsam als zu dessen gotra, Stamm, gehörend vorgestellt“.

14 ст.—Прилагат. harit имѣетъ то же значеніе, что и hari. Во множ. ч. haritas обозначаютъ часто коней Солнца, подобно тому какъ двойств. ч. harî или множ. harayas употребляется для обозначенія коней Индры. Сравненіе ведійск. haritas съ греческ. Χάριτες, выставленное Максомъ Мюллеромъ [163]), не можетъ считаться вѣрнымъ (см. возраженія Курціуса въ Grundzüge, 4-е изд., стр. 120), хотя я и не отвергаю того, что χαίρω, χάρις, Χάριτες и т. д. и сскр. hari, harit происходятъ отъ одного и того же корня; это родство по корню ничего не доказываетъ, однако, относительно тождества Χάριτες (которыхъ нельзя отдѣлять отъ χάρις) съ ведійск. harit, множ. ч. haritas.—

Стихи 13 и 14 являются здѣсь въ порядкѣ обратномъ тому, какой мы находимъ въ Ригведѣ, ст. 8 и 9.

---

162) Orient und Occident I, 405.

163) Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, II serie, 350 и слѣд.; Essays II, 119 и 325.

Отдѣлъ Mahânâmnî замѣчателенъ по своему метрическому составу, для опредѣленія котораго индійскій комментарій могъ бы оказать, вѣроятно, большую пользу, но, къ сожалѣнію, я не имѣю этого пособія и долженъ основываться лишь на самомъ текстѣ да на тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя указаны Веберомъ въ его сочиненіи Ueber die Metrik der Inder (Indische Studien, VIII томъ), стр. 68 и 69.—Ârcika дѣлитъ отдѣлъ Mahânâmnî на 9 стиховъ, при чемъ рукописи, заключающія въ себѣ текстъ „saṁhitâ", разсматриваютъ каждый стихъ какъ особое цѣлое и потому дѣлятъ его на полустишія (у меня „ ; "), а нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ—тюбингенская рукопись, присоединяютъ къ этому даже дѣленіе на пады (у меня „ , "). Не трудно замѣтить, однако, что эти девять стиховъ образуютъ три строфы (по три стиха въ каждой), и это послѣднее дѣленіе ясно также изъ текста Gâna, т. е. изъ приложенія къ Âraṇya-Gâna, гдѣ стихи Mahânâmnyas являются въ музыкальной формѣ: каждая строфа здѣсь заканчивается извѣстнаго рода музыкальнымъ финаломъ. Но то, что мы называемъ строфою, можетъ быть разсматриваемо также какъ стихъ и будетъ дѣлиться на полустишія (т. е. полустрофы) и на пады. Первая и вторая строфы имѣютъ одно и то же число падъ, именно 13, между тѣмъ какъ третья заключаетъ въ себѣ 14 падъ; что же касается дѣленія этихъ строфъ на полустрофы, то какъ я заключаю на основаніи текста Gâna [164]) и другихъ данныхъ, которыя будутъ указаны мною ниже, въ каждой строфѣ первая полустрофа состоитъ изъ двухъ стиховъ, а вторая изъ одного, т. е., напр., первая строфа (=ст. 1, 2 и 3) дѣлится на полустрофы послѣ втораго стиха.—Относительно строенія падъ въ стихахъ Mahânâmnyas легко замѣтить, что здѣсь господствуютъ пады въ 8 слоговъ [165]), но къ нимъ присоединяются также пады въ 12 (т. е. $8 + \frac{8}{2}$) [166]) и въ 5 слоговъ. Эти пятислоговыя пады двухъ родовъ: однѣ изъ нихъ являются послѣ первой пады вторыхъ стиховъ (т. е. въ ст. 2, 5, 8), именно: svar nâñçuḥ [167]), añçur na çociḥ, añçur madâya; другія мы находимъ

[164]) Мы видимъ здѣсь, что послѣдняя пада первой полустрофы повторяется при пѣніи.

[165]) Я останавливаюсь ниже на тѣхъ падахъ, гдѣ кажущіеся 7 или 9 слоговъ должны быть обращаемы при правильномъ чтеніи въ 8 слоговъ.

[166]) Двѣнадцатислоговыя пады являются въ стихахъ 4 (вторая пада) и 7 (первая пада).

[167]) Читается: suar na añçuḥ.

въ началѣ третьихъ стиховъ (т. е. въ ст. 3, 6, 9), именно: evá hi çakrah, îçe hi çakrah, vaçî hi çakrah. Каждая такая пада не связывается по смыслу съ остальными падами стиха, и что касается, по крайней мѣрѣ, словъ: svar náńçuh, ańçur na cocih, ańçur madáya то въ нихъ должно видѣть, конечно, вставки, не принадлежащія къ стихамъ; труднѣе рѣшить это относительно словъ: evá hi çakrah, îçe hi çakrah, vaçî hi çakrah, ибо они стоятъ въ началѣ (третьихъ) стиховъ и потому не могутъ нарушать ихъ цѣльности. Присутствіе вставокъ въ стихахъ Mahánámnyas издавна было извѣстно, и въ литературѣ браhманъ и сутръ эти вставки носятъ названіе „purîhha“ или „purîshapada“ [168]). Purîsha (срав. ст. сл. прахъ?) [169]) значитъ собственно „прахъ“, затѣмъ „щебень употребляемый для закладки пустаго пространства“, и отсюда это слово было перенесено, въ смыслѣ вставки, на вставочныя изреченія въ стихахъ Mahánámnyas [170]). Что касается происхожденія этихъ вставокъ, то я говорилъ уже въ Введеніи, что объясняю ихъ точно такъ же, какъ Стобhу, т. е. вижу въ нихъ жертвенныя формулы, которыя соединялись съ стихами. Но эти вставки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются, однако, отъ Стобhы: во-первыхъ, онѣ внесены въ текстъ Árcika (въ Стобhѣ ихъ нѣтъ), а во-вторыхъ, построены совершенно симметрично, такъ какъ каждая вставка состоитъ изъ пяти слоговъ и помѣщается въ опредѣленномъ мѣстѣ стиха; срав. также и звуковой ихъ составъ. Совершенно такого же рода вставки находимъ мы въ гимнѣ Самаведы Utt. 3, 1, 22, гдѣ онѣ также внесены въ текстъ Árcika, но состоятъ не изъ пяти слоговъ, а изъ трехъ, при чемъ каждая вставка оканчивается на частицу na („будто“) [171]). Съ тѣми же вставками повторяется этотъ гимнъ въ Атhарваведѣ 2, 5 (съ нѣкоторою порчею) и въ Çráuta-sûtra Ашва

---

[168]) См. Петерб. Словарь, подъ словомъ purîsha. Въ Áitareya-Brâhmana 4, 4 (см. Ind. Stud. VIII, 69) эти вставки называются также upasarga, но можно думать, что это послѣднее слово есть родовое названіе вставки; поэтому и вставки bhuriģ въ гимнѣ Самаведы Utt. 3, 1, 22 называются у Саяны upasargâksharâni, «вставочные слоги» (см. Бенфея Die Hymn. d. SV. Uebersetz. стр. 254).

[169]) Если это сопоставленіе вѣрно, въ такомъ случаѣ гласная î въ purîsha произошла путемъ фонетическимъ, т. е. purîsha предполагаетъ болѣе древнюю форму * pursha, изъ первонач. * parsa.

[170]) Срав. въ Nâig. Dâivata: mahânâmnyah purîshayah vâ lingoktâ vâ.

[171]) Tândya-Brâhmana 12, 13, 21 называетъ эти вставки bhuriģ; см. Вебера въ Indische Studien VIII, 69.

лаяны (*Âçvalâyana*) 6, 3, [172]) такъ что присутствіе этихъ вставокъ въ *Ârcika* Самаведы должно объяснять, вѣроятно, тѣмъ, что онѣ издавна соединялись съ стихами, не только при пѣніи этихъ послѣднихъ, но также и при чтеніи.

Возвращаясь къ метрическому составу стиховъ Mahânâmnyas, я долженъ разсмотрѣть теперь то, что говоритъ, повидимому, противъ моего дѣленія. Въ Петербургскомъ Словарѣ, подъ словомъ mahânâman, мы читаемъ: „mahânâmnî; pl. Bez. neun vedischer Verse im Metrum çakvarî, welche mit „vidâ maghavan“ beginnen“. Стихи Mahânâmnyas, дѣйствительно, называются, между прочимъ, çakvaryas (см. Введеніе), что даетъ поводъ искать въ нихъ метръ çakvarî, но обыкновенная схема этого послѣдняго есть 8×7, т. е. семь падъ, по восьми слоговъ въ каждой, а къ тексту нашихъ стиховъ (какъ при дѣленіи на девять, такъ и при дѣленіи на три) эта схема, конечно, не можетъ быть примѣнена. Во всякомъ случаѣ, естественно предполагать, что названіе извѣстнаго метра „çakvarî“ стоитъ въ связи съ названіемъ нашихъ стиховъ „çakvaryas“, т. е. „могучіе“, но вопросъ въ томъ, какъ открыть эту связь метрическаго состава стиховъ Mahânâmnyas съ тѣмъ, что называется метромъ çakvarî. Необходимую принадлежность çakvarî составляютъ семь падъ (хотя первоначально эти пады могли быть не исключительно восьмислоговыя) [173]), между тѣмъ какъ въ строфахъ Mahânâmnyas даже за вычетомъ того, что мы признали вставками, число падъ получается значительно бо̀льшее. Веберъ говоритъ по поводу этого слѣдующее: [174]) „Es ist nun zwar der Text dieser Verse (Mahânâmnyas) an den Stellen wo er vorkömmt so mit fremdartigen Zuthaten überhäuft, dass die eigentliche Grundform nur schwer erkennbar ist: nach Mâdhava zu Pañcaviṃç. br. (т. е. Tâṇḍya-Brâhmaṇa) 10, 6, 5 indessen sind wirklich Verse im Metrum zu sieben pâda darunter zu verstehen“. Слѣдовательно, Мадhава долженъ принимать почти половину падъ за вставочныя, и дѣйствительно, въ первой строфѣ [175]) онъ выбрасываетъ шесть падъ (1, 2, 6, 7, 9 и 13), называя ихъ вставками на подобіе стобhы (stobhavat). Веберъ при-

---

[172]) См. Рота Ueber den Atharva-Veda, стр. 11. Веберъ (въ указан. мѣстѣ) присоединяетъ къ этому ссылку на Çrâuta-Sûtra Шанкhаяны (Çâñkhâyana) 9, 5, 3.

[173]) Ind. St. VIII, 67.

[174]) Ibid., стр. 68.

[175]) Я долженъ употреблять названіе «строфа», въ отличіе отъ стиховъ, которые стоятъ въ текстѣ *Ârcika*.

бавляетъ къ этому: „die andern 7 pâda sind in der That achtsilbig und dem Sinne nach zusammengehörig“. Но вѣдь Мадhава исключаетъ не только пятислоговыя пады, но также и восьмислоговыя, и при томъ съ ущербомъ для смысла стиховъ, такъ что нодобнаго рода объясненіе естественнымъ образомъ можетъ возбуждать недовѣріе. Я не вижу даже, на чемъ могъ основываться Мадhава, называя ту или другую восьмислоговую паду вставочною; почему, напр., седьмая пада есть вставка, почему не восьмая? Пока это толкованіе схоліаста не будетъ подтверждено доказательствами изъ браhманъ или сутръ, я не могу смотрѣть на него иначе, какъ на чисто личную попытку объяснить метрическій составъ стиховъ Mahânâmnyas. Задачею схоліаста (Мадhавы или кого либо изъ его предшественниковъ) было открыть метръ çakvarî въ нашихъ стихахъ, и самымъ простымъ образомъ, конечно, эта задача рѣшалась отбрасываньемъ того числа падъ, какое оказывалось лишнимъ, сравнительно съ схемою çakvarî; такого рода объясненіе могло оправдываться тѣмъ, что присутствіе вставокъ въ стихахъ Mahânâmnyas (но въ какомъ количествѣ?) всегда сознавалось. При томъ же, схоліастъ могъ видѣть, напр., въ Nidânasûtra слѣдующее опредѣленіе, касающееся нашихъ стиховъ: saptapadâ [176]) prathamâ çakvarî „изъ семи падъ состоитъ первая çakvarî“, и потому въ заключеніе своего изслѣдованія о первой строфѣ онъ прибавляетъ: iti prathamâ çakvarî saptapadâ ǵâtâ, „такъ первая çakvarî сдѣлалась состоящею изъ семи падъ“; но выраженіе, употребленное въ Nidânasûtra, какъ я покажу далѣе, вовсе не обязываетъ къ отбрасыванью шести падъ. Tâṅḍya-Brâhmaṇa (13, 4, 2) различаетъ въ стихахъ Mahânâmnyas слѣдующія составныя части: pańcapadâ, shaṭpadâ, saptapadâ и dvipadâ. Ясно, что толкованіе Мадhавы не находитъ здѣсь никакой поддержки, но, говоритъ Веберъ [177]), die hievon (т. е. отъ толкованія Мадhавы) abweichenden Angaben im Pańc. br. (=Tâṅḍ. Bṛ) 13, 4, 2, im Anupadasûtra 4, 1, und Nidânasûtra 3, 13 [178]) beziehen sich nach Mâdhava's specieller Erklärung auf die darin (т. е. въ Mahânâmnyas) aufgenommenen refrainartigen Einsätze“. Это, однако, не совсѣмъ точно, ибо какія, напр., могутъ быть здѣсь вставки изъ пяти падъ (pańcapadâ)? Самые термины: pańcapadâ, shaṭpadâ и т. д. не объ-

---

[176]) Слово pada (ср.р.) имѣетъ здѣсь то же значеніе, что и pâda.
[177]) Ind. St. VIII, 68.
[178]) Къ сожалѣнію, Веберъ не приводитъ этого мѣста изъ Nidânasutra.

ясняются въ Tâṇḍya-Br. по отношенію къ стихамъ Mahânâmnyas, и эту задачу принимаетъ на себя произведеніе Anupadasûtra, занимающееся толкованіемъ всего того, что кажется темнымъ въ Tanḍya-Br. Не трудно замѣтить, однако, что въ данномъ случаѣ Anupadasûtra желаетъ объяснить то, что оставалось для нея самой непонятнымъ. Вотъ что мы читаемъ здѣсь (4, 1): mahânâmnyas trayodaçapadâç, caturdaçottamâ; teshâm vivekaḥ: pûrvapade dvipadâ, gâyatrî prathamâ, vishṭârapañktî pare, gâyatragâgatâbhyâm pañcapadâ shaṭpadeti; pratilomârthavâdo 'nabhyâse, „стихи (=строфы) Mahânâmnyas состоятъ изъ 13 падъ каждый [179]), а послѣдній стихъ имѣетъ 14 падъ; ихъ дѣленіе: двѣ первыхъ пады образуютъ метръ dvipadâ, именно gâyatrî dvipadâ въ первомъ стихѣ и vishṭârapañktir dvipadâ въ двухъ другихъ; далѣе, изъ падъ gâyatra и gâgata образуются pañcapadâ и shaṭpadâ. Объясненіе того, что не согласуется съ этимъ дѣленіемъ (или „противорѣчитъ этому дѣленію"), не извѣстно въ наукѣ". Такимъ образомъ послѣднія слова показываютъ, что составитель Анупадасутры самъ сознавалъ неудовлетворительность своего объясненія, и дѣйствительно, оно дѣлаетъ этотъ вопросъ лишь болѣе запутаннымъ. Что касается количества падъ въ стихахъ Mahânâmnyas, то оно опредѣлено здѣсь совершенно согласно съ имѣющимся у насъ текстомъ: двѣ первыя строфы содержатъ въ себѣ по 13 падъ каждая (вмѣстѣ съ вставками), а послѣдняя имѣетъ 14 падъ. Но какъ же дѣлитъ эти строфы (стихи) составитель Анупадасутры? Встрѣчая въ Tâṇḍya-Br. терминъ dvipadâ и сообразуясь, можетъ быть, съ текстомъ Gâna (см. ниже), онъ примѣняетъ этотъ метръ къ двумъ начальнымъ падамъ, которыя, дѣйствительно, образуютъ dvipadâ, и при томъ въ 1 ст. gâyatrî dvipadâ (8+8), а въ 4 и въ 7 ст. vishṭârapañktir dvipadâ (8+12 или 12+8). Очевидно, однако, что эта dvipadâ не составляетъ полустрофы, это только половина перваго стиха, при дѣленіи ихъ на 9 (какъ въ Ârcika), а не при дѣленіи на три. Затѣмъ, къ остальнымъ падамъ составитель Анупадасутры примѣняетъ термины pañcapadâ и shaṭpadâ, т. е. во второй полустрофѣ первыхъ двухъ строфъ онъ помѣщаетъ pañcapadâ, а во второй полустрофѣ третьей строфы—shaṭpadâ. Нельзя, конечно, думать, что pañcapadâ и shaṭpadâ входятъ въ одну и ту же строфу, такъ какъ здѣсь разсматриваются всѣ три строфы, а не двѣ первыхъ только, и, слѣдовательно, со-

179) Почему здѣсь множ. ч., а не двойствен.?

ставъ второй половины третьей строфы (гдѣ одною падою больше, чѣмъ въ двухъ первыхъ) остался бы не объясненнымъ. При томъ же, авторъ Анупадасутры прибавляетъ, что pańcapadâ и shaṭpadâ образуются изъ падъ gâyatra и ǵâgata; подъ первыми разумѣются пады въ 8 слоговъ (и менѣе), а подъ gâgata — пады въ 12 слоговъ и болѣе [180]). Слѣдовательно, пятислоговыя пады Anupadasûtra соединяетъ съ двѣнадцатислоговыми (ибо иначе мы не имѣли бы въ стихахъ Mahânâmnyas падъ gâyatra), а отсюда ясно, что термины pańcapadâ и shaṭpadâ не могутъ относиться къ одной и той же полустрофѣ, такъ какъ, соединяя пятислоговыя пады съ двѣнадцатислоговыми, мы получаемъ уже здѣсь не 11 падъ (5+6), но менѣе. За то, примѣняя къ этимъ полустрофамъ дѣленіе, указанное Анупадасутрою, мы имѣемъ 4 или 5 падъ въ каждой строфѣ лишнихъ [181]), относительно которыхъ Анупадасутра ничего не говоритъ, какъ должно смотрѣть на нихъ. Если это вставки, то какія же именно пады должны считаться вставками? Во всякомъ случаѣ не пятислоговыя (такъ какъ иначе здѣсь не было бы падъ gâyatra), хотя именно въ пятислоговыхъ падахъ естественно было бы видѣть вставки, какъ я говорилъ о томъ выше. Неудовлетворительность этого дѣленія, мнѣ кажется, очевидна, а доказательствомъ того, что Tâṇḍya-Br. имѣетъ въ виду иное дѣленіе, служитъ терминъ saptapadâ, упоминаемый здѣсь, между тѣмъ какъ Anupadasûtra обходитъ его молча. Можно было бы предположить, конечно, что saptapadâ выражаетъ составъ цѣлой строфы и получается черезъ сложеніе dvipadâ и pańcapadâ; но это примѣнимо лишь къ двумъ первымъ строфамъ, а не къ третьей, и мы ожидали бы, слѣдовательно встрѣтить еще терминъ: ashṭâpadâ (dvipadâ+shaṭpadâ).

Сообразуясь съ имѣющимся у насъ текстомъ стиховъ Mahânâmnyas (въ Ârcika и въ Gâna), мы должны объяснять дѣленіе ихъ, изложенное въ Tâṇḍya-Br., слѣдующимъ образомъ. Первая полустрофа во всѣхъ трехъ строфахъ образуется изъ saptapadâ, т. е. содержитъ семь падъ, при чемъ вставки: svar nâńçuḥ, ańçur na çociḥ, ańçur madâya не входятъ въ счетъ; вторая полустрофа въ

[180]) Пады gâyatra и ǵâgata имѣютъ при этомъ краткую penultima.

[181]) Разница зависитъ отъ того, будемъ ли мы соединять обѣ пятислоговыя пады съ восьмислоговыми, или только послѣднюю, т. е. evâ hi çakraḥ, îçe hi çakraḥ, vaçî hi çakraḥ. Въ текстѣ Gâna лишь эти пады соединяются съ восьмислоговыми, между тѣмъ какъ svar nâńçuḥ и т. д. составляютъ самостоятельные отдѣлы.

двухъ первыхъ строфахъ есть pańcapadâ (изъ пяти падъ), а въ третьей shaṭpadâ (изъ шести падъ), и, слѣдовательно, пятислоговыя пады: evâ hi çakraḥ, îçe hi çakraḥ, vaçî hi çakraḥ не считаются здѣсь вставками (и не соединяются съ восьмислоговыми, какъ въ Gâna). Принимая это дѣленіе, мы поймемъ какъ расположеніе текста, такъ и отношеніе стиховъ Mahânâmnyas=Çakvaryas къ метру çakvarî. Первая полустрофа первой строфы, взятая отдѣльно, представляетъ метръ çakvarî, т. е. имѣетъ 56 слоговъ, распредѣленныхъ между семью падами, съ дѣленіемъ послѣ четвертой пады (въ Ârcika на два стиха); что же касается строфъ второй и третьей, то здѣсь первая полустрофа есть atiçakvarî (çakvarî съ излишкомъ), въ 60 слоговъ, распредѣленныхъ между семью падами (одна пада въ 12 слоговъ), съ дѣленіемъ послѣ четвертой пады (въ Ârcika на два стиха). Выраженіе, употребленное въ Nidânasûtra: saptapadâ prathamâ çakvarî, я понимаю именно въ томъ смыслѣ, что первая полустрофа (во всѣхъ трехъ строфахъ) имѣетъ семь падъ.—

Теперь вопросъ въ томъ, какъ долженъ объясняться терминъ dvipadâ. За недостаткомъ данныхъ, я не рѣшаюсь сказать объ этомъ что-нибудь опредѣленное, но думаю, что терминъ dvipadâ стоитъ въ связи съ тѣмъ дѣленіемъ строфъ Mahânâmnyas, какое мы находимъ въ текстѣ Gâna; здѣсь двѣ первыхъ пады каждой строфы отдѣляются отъ послѣдующихъ падъ тѣмъ же знакомъ (e), какой употребляется и при дѣленіи строфъ. Это-то и дало, вѣроятно, поводъ составителю Анупадасутры примѣнять метръ dvipadâ только къ двумъ первымъ падамъ въ каждой строфѣ; но дѣленіе, являющееся въ текстѣ Gâna, можетъ имѣть основаніемъ особыя правила, которыя касались только пѣнія этихъ стиховъ, и во всякомъ случаѣ, извѣстный намъ текстъ Ârcika не позволяетъ переносить въ него то же дѣленіе. При томъ, какъ я уже указывалъ, присутствіе метрическихъ полустрофъ можно открыть и въ текстѣ Gâna, именно въ томъ обстоятельствѣ, что только послѣдняя пада первыхъ полустрофъ повторяется при пѣніи.

I. 1 ст.—Первое vidâḥ читается въ три слога, съ разъятіемъ â. Выраженіе vidâ vidâḥ я не могъ перевести, такъ какъ значеніе втораго vidâḥ мнѣ не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, это должно быть имя существительное (но не vidâ „знаніе“), такъ какъ, во-первыхъ, едва ли можно ожидать употребленія глагольной формы vidâs два раза въ одной и той же падѣ, а во-вторыхъ, глаголъ

vid требуетъ объекта. Vid (не vid „знать“) значитъ „находить, попадать на, дѣлаться участникомъ“ и т. д., и переводъ формы vid*â*s (2-е л. ед. ч. сослагательн. аориста) будетъ зависѣть отъ того, въ какомъ значеніи употреблено здѣсь существ. vid*â* [182]).

Во второй падѣ предлогъ anu читается въ одинъ слогъ.—Значеніе „благословлять“, требуемое здѣсь смысломъ для глагола ça*ñ*s (собств. „славить, хвалить“, первоначально „сказывать“, именно хвалебный гимнъ), можетъ быть выведено на основаніи сущ. ça*ñ*sa, которое въ Петерб. Словарѣ переводится, между прочимъ, словомъ „Segen“.

Родительн. падежи çacînâm и p*û*rvi*ṇ*âm произносятся въ 4 слога, съ разъятіемъ â.

2 ст.—Tvam читается какъ tuam. Выраженіе „освѣщай“ употреблено въ переносномъ значеніи, т. е. дѣлай нашу жизнь свѣтлою (=счастливою, пріятною). Слова dyumnâya na ische я перевелъ: „для нашего благоденствія“, такъ какъ трудно опредѣлить съ точностью, что именно выражаетъ здѣсь dyumna, и что выражаетъ ish. Оба эти слова могутъ обозначать какъ силу (ish собственно есть „сокъ“), такъ и богатство; слѣдовательно, тамъ, гдѣ они соединены, мы могли бы ихъ переводить: „для богатства и для силы“, или: „для богатства“, или: “для силы“, принимая ихъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ за синонимы. Во всякомъ случаѣ, общій смыслъ сохраняется въ выраженіи: „для благоденствія“.

3 ст.—Сочетаніе râye vâ*ǵ*âya я перевожу: „для владѣнія крѣпостью силъ“, собственно „для владѣнія, именно для крѣпости силъ“, т. е. „для крѣпости силъ какъ владѣнія“ („какъ того, чѣмъ владѣютъ“). Этотъ переводъ, мнѣ кажется, указывается смысломъ: Индра приглашается пить Сому, который даетъ ему силу для пораженія враговъ; срав. слѣдующій стихъ. Грамматически слова râye vâ*ǵ*âya могли бы быть поняты и иначе: „для богатства и для силы“ или „для богатства и имущества“ (если это синонимы); въ послѣднемъ значеніи понимаетъ, повидимому, Петерб. Словарь сочетаніе râye vâ*ǵ*âya въ ст. RV. 3, 19, 1, гдѣ этотъ переводъ, дѣй-

[182]) Еслибъ не обращать вниманія на метрическій составъ этихъ стиховъ, то легко было бы относить въ качествѣ объекта къ vidâ*ḥ* винит. пад. gâtum (отъ gâtu «ходъ, успѣшность, благоденствіе»), такъ какъ глаголъ vid довольно часто встрѣчается въ соединеніи съ винит. gâtum. Метръ не позволяетъ, однако, поступать такимъ образомъ.

ствительно, можетъ быть допущенъ (хотя и не требуется безусловно). Но въ нашемъ мѣстѣ нельзя предполагать, чтобы сочетаніе râye vâǵâya значило „для богатства и для силы" или „для богатства и имущества", такъ какъ Сома даетъ Индрѣ лишь силу, а выраженіе ṛńǵase „устремись" не позволяетъ объяснять „для богатства и для силы" или „для богатства и имущества" въ значеніи „для дарованія богатства и силы" или „для дарованія богатства и имущества"; ясно, что „дарованіе" было бы подставлено нами совершенно произвольно. Срав. съ нашимъ мѣстомъ, напр., слѣдующій стихъ Ригведы (10, 116, 1): pibâ somam mahata indriyâya pibâ vṛtrâya hantave çavishṭha, piba râye çavase hûyamânaḥ piba madhvas tṛpad indrâ vṛshasva. Вильгельмъ [183]) переводитъ его такъ: „bibe somam, ut magnam potentiam assequaris, bibe ad Vritram occidendum, robustissime, bibe, ut opes, vigorem praebeas vocatus, bibe, mellis satis, Indra, infunde!" Очевидно, однако, что слово „praebeas" вовсе не указывается смысломъ стиха, и я перевожу поэтому râye çavase: „чтобы владѣть силою" (собств. „для владѣнія: для силы"). Точно такъ же и въ другихъ мѣстахъ мы находимъ сущ. râi или rayi „имущество" рядомъ съ словами, выражающими силу, крѣпость, при чемъ не всегда легко рѣшить, какъ должно понимать такое сочетаніе, въ смыслѣ ли имущества (богатства) и силы, или же въ смыслѣ силы какъ имущества (т. е. какъ того, чѣмъ владѣютъ). Послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ (RV. 1, 129, 7): vanema rayim rayivaḥ suvîryaṃ raṇvaṃ santaṃ suvîryaṃ, „да пріобрѣтемъ мы въ имущество, о владѣющій имуществомъ, богатырскую силу, радость дающую богатырскую силу".

Форма ṛńǵáse, надѣюсь, переведена мною вѣрно, хотя со стороны грамматической она остается для меня неясною. Ṛńǵáse можетъ быть или 2-мъ л. ед.ч. изъяв. накл. мед., или инфинитивомъ; правда, для нѣкоторыхъ мѣстъ Ригведы принимаютъ еще третью форму ṛńǵase (удареніе не передано), съ значеніемъ 1-го л. ед.ч. сослагат. наклон. аориста [184]), но къ нашимъ стихамъ эта послѣдняя форма не можетъ быть примѣнена, да и вообще существованіе ея не кажется мнѣ вполнѣ доказаннымъ. Если въ стихахъ

183) De Infinitivi.... forma et usu, стр. 50.

184) Грассманъ даетъ другое названіе такимъ формамъ; см. его Словарь къ Ригведѣ, подъ словомъ tar.

Mahânâmnyas ṛñǵâse есть инфинитивъ, въ такомъ случаѣ этотъ инфинитивъ употребленъ здѣсь въ значеніи повелительн. наклоненія. Подобное употребленіе инфинитива хорошо извѣстно изъ индоевропейск. языковъ и вполнѣ понятно („къ устремленію себя" =„устремись"), но по общепринятому мнѣнію, въ Ведахъ только инфинитивы на -dhyâi и на -sani могутъ употребляться въ значеніи повелительн. наклоненія. Я думаю, однако, что этотъ вопросъ требуетъ еще пересмотра, и, напр., stushé въ ст. RV. 8, 5, 4 можетъ быть понято, по моему мнѣнію, лишь въ смыслѣ императивнаго инфинитива: purupriyâ ṇa ûtaye purumandrâ purûvasû, stushe kaṇvâso açvinâ („славьте (собств. „славить!"), Канвы, обоихъ Ашвиновъ" и т. д.). Это же объясненіе могло бы быть распространено и на тѣ случаи, гдѣ въ stushe, gṛṇîshe (сравни по образованію инфинитивъ gṛṇîshaṇi), ṛñǵase видятъ первое лице ед. ч. сослагат. накл. аориста, равно какъ на arcaṣe въ RV. 10, 64, 3, yaǵase въ 8, 25, 1, punîshe въ 7, 85, 1 [185]). Главное возраженіе противъ такого объясненія должно состоять, конечно, въ томъ, что всѣ эти образованія слѣдуютъ относительно утраты ударенія общему правилу, распространяющемуся на личныя глагольныя формы. Но развѣ императивное значеніе, присущее ṛñǵase, gṛṇîshe и т. д., не могло вызвать того, чтобы на эти образованія повліяла аналогія личныхъ глагольныхъ формъ?

Если же ṛñǵase въ стихахъ Mahânâmnyas есть 2-е л. ед.ч. мед., въ такомъ случаѣ мы должны принять здѣсь переходъ отъ изъявит. накл. къ повелит. Извѣстно, что veshi, satsi, yâsi и т. д. употребляются въ Ведахъ въ значеніи не только изъявит. накл., но также и повелительнаго [186]); со стороны теоретической не было бы поэтому большихъ препятствій къ тому, чтобы допустить подобное же употребленіе и для ṛñǵase и нѣкоторыхъ другихъ формъ.

Какъ должна рѣшаться поставленная мною дилемма, я не знаю, но мнѣ кажется, что истина заключается въ первой ея половинѣ.

Въ послѣдней падѣ слово matsva читается какъ matsua.

II. 4 ст.—Слово suvîryam при правильномъ чтеніи обращается въ suvîriam (срав. въ текстѣ Gâna: suvîriyam); род. падежи vâǵânâm и çûrâṇâm имѣютъ по 4 слога, съ разъятіемъ послѣдняго â.

---

185) См. у Дельбрюка, Das altindische Verbum, стр. 181.
186) См. ibid., стр. 34—35.

Индра часто называется vâǵânâm patis, и это выраженіе можетъ быть понимаемо различно, такъ какъ vâǵa совмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько значеній. Петерб. Словарь упоминаетъ объ vâǵânâm patis при томъ vâǵa, которое означаетъ военную добычу, но я предпочитаю видѣть здѣсь въ vâǵa битву, между прочимъ—на основаніи ст. RV. 1, 11, 1, гдѣ Индра называется vâǵânâm satpatih patih (въ текстѣ винит. пад.), „владыка-предводитель въ битвахъ (собств. „битвъ")", и гдѣ, слѣдовательно, значеніе vâǵânâm опредѣляется соединеніемъ этой формы съ satpati (см. объ этомъ словѣ Петерб. Словарь). Такъ же понимаетъ здѣсь vâǵânâm и Бенфей („Herr der Schlacht") [187]). Припомнимъ, что гимны часто говорятъ о призываніи Индры въ битвахъ (vâǵeshu и т. д.)

Vaçân anu, „согласно съ желаніями", т. е. „согласно съ твоими желаніями" встрѣчается въ RV. 1, 82, 3; 1, 181, 5; 8, 4, 10; 10, 91, 7. Ротъ, какъ я уже говорилъ выше, объяснялъ vaçân anu изъ vaçam anu, vaçam anu, но очевидно, нѣтъ никакой необходимости видѣть здѣсь непремѣнно единств. число, а не множеств.

5 ст.—Родит. пад. maghonâm произносится въ 4 слога, съ разъятіемъ â. Звательн. падежъ cikitvas относится, конечно, къ Агни, и въ предшествующей вставкѣ слово çocis, „пламенный блескъ", можно понимать по отношенію къ тому же богу. Форма cikitvas въ Ригведѣ употребляется исключительно въ примѣненіи къ Агни [188]).

Vidé я перевожу „присутствуетъ", но ставлю вопросительный знакъ, такъ какъ нельзя было бы ожидать ударенія на этой формѣ. Впрочемъ, въ Ведахъ есть и другіе примѣры, гдѣ присутствіе ударенія на глаголѣ для насъ непонятно [189]). Во всякомъ случаѣ, было бы слишкомъ искусственно, конечно, объяснять indro vide въ смыслѣ относительн. предложенія („Славь Индру, который присутствуетъ").

6 ст.—Svarshat есть сослагат. наклон. аориста (3-е л. ед. ч.) отъ того глагола svar, которому дается въ Nâighantuka 2, 14

---

[187]) Но напр. въ RV. 1, 29, 2 Бенфей переводитъ vâǵânâm patis: Herr der Nahrungen (объ Индрѣ). Я думаю, однако, что это выраженіе, въ примѣненіи къ Индрѣ, всюду должно было имѣть одинъ и тотъ же смыслъ.

[188]) См. Словарь Грассмана.

[189]) См. Бенфея Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache, стр. 68. Объясненіе нѣкоторыхъ случаевъ можно видѣть въ статьѣ Whitney'a Beiträge zur Theorie des Sanskritverbalaccents (Beiträge zur vergleich. Sprachforschung I, 187 и слѣд.)

значеніе „идти“, и который могъ имѣть также, по крайней мѣрѣ— въ нѣкоторыхъ формахъ, переходное значеніе [190]). Срав., напр., RV. 10, 187, 2 : sa naḥ parshad ati dvishaḥ (объ Агни), гдѣ parshat соотвѣтствуетъ нашему svarshat и происходитъ отъ глагола par „переѣзжать“ и „переводить, перевозить“ (срав. нѣм. hinüberfahren, übersetzen).

Послѣдняя пада легко могла бы быть отнесена къ формулѣ (срав. подобныя сочетанія въ Стобһѣ), но по метру она составляетъ необходимую принадлежность стиха. Что касается значенія, принимаемаго мною здѣсь для kratu, то сравни параллельныя мѣста въ Словаряхъ Грассмана и Бетлингка-Рота. Въ данномъ случаѣ это значеніе указывается слѣдующими за kratu словами: chandas и ṛtam bṛhat; подъ послѣднимъ должно разумѣть здѣсь вообще обрядовую сторону культа.

III. 7 ст.—Слово sâti можетъ значить какъ „дарованіе“ (=dâna въ индійск. словаряхъ), такъ и „пріобрѣтеніе“; см. о глаголѣ san, sâ въ Введеніи.

8 ст.—При madâya можно подразумѣвать asti „есть“=„готовъ“.

9 ст.—Nûnam, „теперь“, усиливаетъ здѣсь повелит. наклоненіе bravâvahâi и потому могло бы быть оставлено не переведеннымъ. Двойств. число въ bravâvahâi указываетъ, вѣроятно, на два хора; срав. saṁ bravâvahâi въ RV. 1, 30, 6; saṁ vocâvahâi въ RV. 1, 25, 17 и т. д.

Слова navyaṁ sanyase я перевожу: „вѣчно юнаго“, т. е. никогда не старѣющагося, всегда сохраняющаго свѣжесть силъ. Эти же слова, въ примѣненіи къ Индрѣ, мы находимъ въ двухъ слѣдующихъ стихахъ Ригведы: 8, 24, 26: tam и tvâ nûnam îmahe navyaṁ daṁsishṭha sanyase, „къ тебѣ вѣчно юному обращаемся мы теперь съ мольбою, о самый чудотворный“; 3, 31, 19: tam aṅgirasvan namasâ saparyan navyaṁ kṛṇomi sanyase purâǵâm, „почитая его молитвою (собств. „поклоненіемъ“), будто Ангирасъ [191]), я дѣлаю этого древлерожденнаго вѣчно юнымъ“ [192]). Послѣдній

---

190) Петерб. Словарь еще не доведенъ до svar. — Тотъ же корень, вѣроятно, является и въ греч. σύρω (υ долг.) «тащить».

191) Ангирасы—высшія существа, посредники между людьми и богами и вмѣстѣ съ тѣмъ родоначальники людей. Агни называется, между прочимъ, однимъ изъ Ангирасовъ. По всей вѣроятности, корень словъ agni и aṅgiras одинъ и тотъ же, именно ang (срав. aṅgâra уголь, ст. сл. ѫгль и т. д.).

192) Грассманъ переводитъ этотъ стихъ какъ-нибудь иначе, такъ какъ при purâ-

стихъ будетъ намъ понятенъ, когда мы припомнимъ, что молитвы, по индійскому воззрѣнію, даютъ богамъ силу и, такъ сказать, утверждаютъ за ними тѣ свойства и качества, которыя придавалъ имъ человѣкъ.—Наконецъ, въ Ригведѣ есть еще одинъ стихъ, гдѣ мы встрѣчаемъ выраженіе navya sanyase, но тамъ оно относится не къ Индрѣ, а къ милости, ожидаемой отъ боговъ; впрочемъ, первая часть стиха представляется мнѣ не вполнѣ ясною, и потому я сообщаю здѣсь текстъ безъ перевода: tat su no navyam̃ sanyasa âdityâ yan mumocati, bandhâd baddham ivâdite [193]) (8, 56, 18).—Sanyase по формѣ есть дат. пад. ед. ч. отъ sanyas „старый" или собственно „старѣйшій"; sanyase „издревле, всегда" (срав. sanât id., собств. аблативъ отъ sana „старый") представляется поэтому аналогичнымъ съ navyase „снова" (дат. пад. отъ navyas). На сколько мнѣ извѣстно, прилагат. sanyas передано намъ только въ формѣ окаменѣлаго дательн. падежа (т. е. нарѣчія) sanyase; по крайней мѣрѣ, Петерб. Словарь указываетъ подъ словомъ sanyas лишь на тѣ два мѣста изъ Ригведы, которыя переведены мною выше. Бетлингкъ и Ротъ понимаютъ, повидимому, выраженіе navya sanyase иначе, чѣмъ я, такъ какъ они вовсе не говорятъ объ употребленіи sanyase въ качествѣ нарѣчія; по моему мнѣнію, sanyas, adject., должно быть исключено изъ Словаря (если дѣйствительно нѣтъ другихъ примѣровъ, кромѣ приведенныхъ здѣсь) и замѣнено словомъ sanyase, adv. Въ подтвержденіе моего перевода сошлюсь на слѣдующее мѣсто въ Ригведѣ (2, 16, 1): indram aǵuryam̃ ǵarayantam ukshitam̃ sanâd yuvânam avase havâmahe, „Индру нестарѣющагося, старость дающаго, полнаго силъ, вѣчно юнаго призываемъ мы на помощь". Здѣсь выраженіе sanâd yuvan не оставляетъ никакого сомнѣнія и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему sanyase navya.

Текстъ „pada" правильно дѣлитъ здѣсь слово samarya на sam-arya, между тѣмъ какъ въ Ригведѣ „pada" имѣетъ sa-marya.

ǵam онъ подразумѣваетъ somam (см. подъ словомъ purâǵa). Это предположеніе ни на чемъ не основано, однако: purâǵa нѣсколько разъ встрѣчается въ Ригведѣ и нигдѣ не составляетъ эпитета Сомы, между тѣмъ какъ къ Индрѣ оно относится и въ стихѣ 6, 38, 3 (purâǵam aǵaram indram, «древлерожденнаго, нестарѣющагося Индру»). Слѣдовательно, еслибъ въ нашемъ мѣстѣ рѣчь шла о Сомѣ, то онъ былъ бы названъ, такъ какъ purâǵa не есть его постоянный эпитетъ. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что purâǵam относится къ тому же лицу, что и tam, т. е. къ Индрѣ.

[193]) Срав. RV. 8, 18, 12: tat su nah̃ çarma yachatâdityâ yan mumocati и т. д.

Это послѣднее дѣленіе вызвано ложною этимологіею слова, отъ mar „умирать", такъ какъ samarya употребляется иногда о битвѣ (напр. RV. 9, 85, 2; срав. Nâighaṇṭ. 2, 17). Но первоначальное значеніе этого слова есть „сходка", отъ глагола sam-ar „сходиться, сбѣгаться", откуда далѣе развились значенія: „собраніе"=„толпа" и „собраніе" общины для извѣстныхъ цѣлей, напр. для отправленія религіозной церемоніи (какъ въ нашемъ мѣстѣ). Съ другой стороны, „сходка" могла употребляться также въ смыслѣ враждебной стычки, битвы. Срав. съ samarya: samara и samaraṇa (др. перс. hamarana, др. бактр. hamerena). Подобный же переходъ значеній мы видимъ и въ saṃgrâma, „собраніе народа" (срав. grâma „селеніе", собств. также „собраніе", и въ этомъ послѣднемъ значеніи иногда въ Ведахъ) и „непріязненія стычка, битва".

Слово sakhâ (именит. пад.) неправильно раздѣлено въ текстѣ „pada" на sa-khâ, подъ вліяніемъ ложной этимологіи, которая видѣла здѣсь, вѣроятно, префиксъ sa-. Въ дѣйствительности это слово происходитъ отъ корня sak „слѣдовать" (сскр. sac, лат. sequi, литовск. sekti и т. д.), откуда, съ удвоеніемъ, sask (изъ * sasak), т. е. ведійск. saçc, „слѣдовать". Изъ sask должны объясняться сскр. sakhi-=др. бактр. hakhi-, сскр. sakha-=др. перс. hakha- (въ hakhâmanis) [194]), такъ какъ индо-эранское kh восходитъ, между прочимъ, къ первонач. sk (черезъ посредство skh); срав. сскр. khâ источникъ, колодецъ=др. бактр. kha, отъ корня skan, skâ „копать" [195]). Мы должны, однако, имѣть въ виду, что переходъ группы sk въ индо-эр. kh былъ только возможенъ, но не былъ необходимъ, подобно тому какъ и позднѣе, на почвѣ санскрита, гдѣ это явленіе еще болѣе распространено, группа sk могла въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставаться неизмѣненною. Далѣе, надо принять во вниманіе и то, что вполнѣ вѣрные случаи образованія индо-эранск. kh изъ skh можно видѣть лишь въ тѣхъ словахъ, гдѣ s (подтверждаемое родственными языками) отпало еще въ индо-эранскую эпоху, между тѣмъ какъ то skh, которое сохранило s въ періодъ раздѣленія индійскихъ и эранскихъ языковъ, должно было смѣшиваться въ др. бактрійск. языкѣ съ çk изъ первоначальн. sk. Я думаю поэтому, что такіе случаи, какъ сскр. skhad „раскалывать" и др. бактр. çkenda „ломаніе", ничего не

---

[194]) См. Фика Vergleich. Wörterbuch, стр. 318.
[195]) ibid., стр. 324.

могутъ доказывать относительно того, былъ ли здѣсь звукъ kh еще въ индо-эранск. эпоху, или же онъ образовался позже, въ санскритѣ. Сказанное о kh распространяется и на согласныя th, ph, которыя точно такъ же не были извѣстны въ индоевропейск. языкѣ, какъ и kh; на образованіе всѣхъ ихъ въ индо-эранск. языкѣ вліяло, между прочимъ, предшествующее s. Иначе думаетъ однако, Асколи, по крайней мѣрѣ—относительно kh (такъ какъ его лекціи не доведены еще [196]) до th и ph). Асколи находитъ возможнымъ признать индоевроп. kh, на основаніи двухъ или трехъ примѣровъ [197]), которые меня нисколько не убѣждаютъ. Такое kh онъ выводитъ изъ сскр. çaṅkhâ „раковина", греческ. κόγχος, κόγχη, латинск. congius; здѣсь первонач. k (или, по Асколи, kh) подтверждается и латышск. sence „раковина" [198]), которое до сихъ поръ не было, какъ кажется, сравнено съ этими словами, а греческ. χ=лат. g указываетъ, по моему мнѣнію, или на греко-итал. gh (если только существовалъ греко-итал. языкъ), или на индоевроп. gh [199]), какъ варіантъ при k (подъ вліяніемъ предшествующ. n). Такой же варіантъ можно видѣть и въ литовск. nagas, ст. слав. ногъть, лат. unguis, греч. ὄνυξ, при сравненіи съ сскр. nâkha, персидск. nâkhun (и русск. ноготь?); во всякомъ случаѣ, необходимость индоевроп. kh никакъ не слѣдуетъ изъ этого примѣра. Наконецъ, Асколи присоединяетъ сюда и сскр. mukha „ротъ, пасть", которое онъ сравниваетъ съ греч. μυχός; но, не говоря о томъ, что это сопоставленіе можетъ казаться очень сомнительнымъ со стороны значенія словъ, самый примѣръ не имѣетъ никакой силы для того, кто объясняетъ греч. χ въ большинствѣ случаевъ изъ gh.—Затѣмъ, что касается образованія индо-эранск. kh, то Асколи, именно по поводу сскр. sakhi-=др. бактр. hakhi-, говоритъ, что др. бактр. kh не можетъ соотвѣтствовать первоначальн. sk [200]).

[196]) Я знакомъ лишь съ нѣмецкимъ переводомъ этихъ лекцій: Vorlesungen über die vergleichende Lautlehre des Sanskrit, des Griechischen und des Lateinischen (Halle. 1872).

[197]) См. въ указанномъ мѣстѣ стр. 161.

[198]) Это слово служитъ новымъ примѣромъ соотвѣтствія сскритскаго ç (изъ первонач. k) латышскому s (въ литовскомъ было бы sz).

[199]) Теорія Асколи объ образованіи греч. χ, ϑ, φ, лат. h, g, d, f, b изъ греко-итал. kh, th, ph не можетъ считаться доказанною, и я остаюсь при прежнемъ объясненіи (срав. Корсена), тѣмъ болѣе, что самое существованіе греко-итал. языка не есть еще фактъ несомнѣнный.

[200]) Vorlesungen, стр. 186.

По моему мнѣнію, это заключеніе ошибочно: на основаніи того, что сочетаніе skh (çkh) невозможно въ др. бактр. языкѣ, нельзя еще заключать, что оно не было извѣстно и въ болѣе древнюю эпоху, т. е. въ индо-эранскомъ языкѣ; очевидно поэтому, что то skh, которое утратило s еще въ періодъ единства индійскихъ и эранскихъ языковъ, могло удержаться въ видѣ kh и въ др. бактр. языкѣ. Подобнымъ образомъ и относительно индо-эранск. th Асколи долженъ отрицать возможность происхожденія этого звука изъ sth, такъ какъ въ др. бактр. языкѣ сочетаніе sth (çth) невозможно. А между тѣмъ сравнительная грамматика представляетъ несомнѣнный, какъ мнѣ кажется, примѣръ образованія индо-эранск. th изъ sth, первонач. st, въ глагольномъ окончаніи 2-го лица ед. ч. Извѣстно, что въ прошедш. совершен. времени это окончаніе является въ сскр. —tha, которое соотвѣтствуетъ др. бактр. -tha [201]), а также греческ. —σθα (гдѣ θ изъ t), —θα латинск. —stî [202]), готск. —st въ saisost (перфект. отъ saian „сѣять"). Что касается обыкновеннаго окончанія этого лица въ готскомъ перфектѣ, t (напр. gaft, отъ giban „давать"), то я думаю, что это t произошло изъ st на почвѣ нѣмецкихъ языковъ, именно послѣ той эпохи, когда воспослѣдовало здѣсь измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ закона „Lautverschiebung". Доказательствомъ этого служитъ то, что t не перешло здѣсь въ th, а осталось неизмѣннымъ, какъ должно было оно оставаться въ сочетаніи st; припомнимъ, что законъ „Lautverschiebung" съ особенною правильностью наблюдается именно на зубныхъ согласныхъ. Итакъ, я считаю необходимымъ признать уже для индоевропейскаго языка группу —st- въ окончаніи 2-го лица ед. ч. прошедш. соверш. времени. Если до сихъ поръ это не принималось во вниманіе [203]), то лишь

---

[201]) Окончаніе —ta является здѣсь только послѣ ç (изъ s), напр., въ vôiçta=сскр. vettha, греч. οἶσθα. Я думаю, что ta въ этомъ случаѣ новѣе tha и образовалось подъ вліяніемъ того закона, по которому сочетаніе çth (sth) въ др. бактр. языкѣ было невозможно.

[202]) Греч. α, лат. î, ведійск. â, являющееся иногда въ гимнахъ (въ текстѣ «samhitâ»), позволяютъ думать, что въ концѣ этой формы стояла носовая согласная.

[203]) Курціусъ (Das Verbum der griechischen Sprache, стр. 53 и 102), сопоставляя греч.—σθα съ лат. —stî, готск. —st, предполагаетъ тѣмъ не менѣе, что греч. —σθα произошло изъ —ττα (первонач. —tva). Но на лат. —stî, готск. —st подобное объясненіе не можетъ быть распространено; слѣдовательно, оно не годится и для греч.—σθα.

потому, что лингвисты считали необходимымъ выходить непремѣнно изъ —tva; но образованіе глагольныхъ окончаній во многихъ отношеніяхъ еще такъ загадочно, что здѣсь требуется особенная осторожность относительно того, чтобы предвзятыя теоріи не скрывали отъ насъ самыхъ фактовъ. Сочетаніе st принадлежало глагольному окончанію 2-го лица не только въ единств. ч., но также и во множ. и въ двойствен. Во множ. числѣ оно засвидѣтельствовано сскр. —tha (въ настоящ. вр.) и латинск. —stis [204]), а въ двойствен. сскр. —thas (въ наст. вр.), —thus (въ перфектѣ) и готск. —ts, гдѣ t подъ вліяніемъ бывшаго нѣкогда s не перешло въ th.

Происхожденіе индо-эранскихъ kh, th, ph обусловливалось не однимъ только s, но и другими причинами, которыя пока еще не разъяснены. Въ санскритѣ эти согласныя образуются, между прочимъ, подъ вліяніемъ предшествующаго *n* или *m* [205]) (напр. въ panthan—, manth, çlâkh (изъ * çlankh), c*r*n̄khala, can̄khâ, ramph, tumph=tump и т. д.), и можетъ быть, еще въ индо-эранскомъ языкѣ носовая способствовала образованію kh, th, ph, при чемъ сама она иногда исчезала (какъ и вообще носовыя согласныя отличаются особенною подвижностью). Такимъ образомъ, напр., индо-эранск. çapha „копыто“ и др. сканд. hâfr, hôfr (нвн. Huf) могутъ восходить къ первоначальн. формѣ * kampa, откуда объясняется какъ индо-эранск. ph, такъ и др. сканд. â. По мнѣнію Асколи, индо-эранск. придыхательныя kh, th, ph, напр. въ sakhi—, ratha, capha, произошли изъ k, t, p, благодаря своему положенію между двумя гласными; но это еще вопросъ, благопріятствовало ли такое положеніе образованію придыхательныхъ въ индо-эранск. языкѣ.

Въ концѣ стиховъ Mahânâmnyas стоитъ торжественное обращеніе къ богамъ, которое также занесено въ текстъ *Â*rcika, хотя оно и не имѣетъ метрической формы [206]). Почти въ томъ же самомъ видѣ мы находимъ эти слова въ одномъ изъ sâman сборника *Â*ra*n*ya-

---

[204]) Очевидно, что, объясняя —st- въ —stî изъ индоевроп. —st-, мы не можемъ и въ — stis видѣть въ первомъ s согласную, принадлежащую къ основѣ перфекта.

[205]) Срав. въ греческ. языкѣ происхожденіе χ, ϑ, φ изъ k, t, p подъ вліяніемъ предшествующ. σ или ν, μ; см. Курціуса Grundzüge, 4-е изданіе, стр. 493 и слѣд.

[206]) Это не помѣшало, однако, нѣкоторымъ рукописямъ принимать эти слова за десятый стихъ.

Gâna [207]), а слѣдовательно и въ Стобhѣ; тамъ эта формула читается такъ: evâ hy agne hi, indra hi, pûshan hi, devâḥ.—Пушанъ есть имя бога, дающаго людямъ питаніе и вообще благоденствіе. По своему происхожденію Пушанъ есть, вѣроятно, обоготворенное солнце.

207) AG. VI, 1, 10.

Ârańya-Gâna. Составъ этого сборника по отношенію къ текстамъ *Ârcika* и *Stobha*.

Стихи, составляющіе Ârańyaka-samhitâ, принадлежатъ къ тексту Ârcika, т. е. являются здѣсь въ формѣ ṛc, а не въ формѣ sâman, предназначенной для пѣнія. Этотъ послѣдній видъ они получаютъ въ Ârańya-Gâna (=Ârańyaka-Gâna), въ томъ изъ четырехъ сборниковъ пѣснопѣній sâman, который примыкаетъ къ Ârańyaka-samhitâ и содержитъ въ себѣ всѣ приведенные мною выше стихи, но только въ томъ видѣ, какъ ихъ должно было пѣть, т. е. съ необходимыми музыкальными нотами, удлинненіями гласныхъ, повтореніями словъ и т. д. Отдѣлъ Mahânâmnî, составляющій приложеніе къ Ârańyaka-samhitâ, является точно такъ же и здѣсь какъ прибавка, но уже въ музыкальной транскрипціи [1]). Этимъ не ограничивается, однако, содержаніе AG.; кромѣ стиховъ изъ Ar., мы находимъ здѣсь также и другіе стихи (въ формѣ sâman) изъ Ârcika Самаведы, при томъ именно изъ первой его части, т. е. изъ Chandas; помимо того, тѣ изреченія, которыя носятъ названіе Stobha (см. Введеніе), являются въ AG. не только какъ вставки въ sâman, но и какъ самостоятельныя пѣснопѣнія. Стобha входитъ сюда начиная съ четвертой главы первой прапатhаки, при чемъ порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ въ ней отдѣльные слоги (восклицанія), слова и цѣлыя предложенія, обыкновенно сохраняется въ AG. (иногда здѣсь являются повторенія); но тѣ немногія стобhы, которыя получили съ теченіемъ времени исключительно музыкальное назначеніе, повторяются въ Sâman безъ всякаго отношенія къ тексту Stobha, хотя всѣ онѣ стоятъ также и въ этомъ послѣднемъ, но только въ мѣстахъ опредѣленныхъ.

Названіе „Ârańya-Gâna“ указываетъ на то, что этотъ сборникъ предназначался для пустынниковъ, а въ дѣленіи AG. на от-

---

[1]) Одна изъ рукописей, которыми я пользовался для AG., именно № 68 въ библіотекѣ India Office, не имѣетъ этой прибавки, но это обстоятельство—совершенно случайное, такъ какъ уже Ârsheya-Brâhmańa включаетъ отдѣлъ Mahânâmnî въ AG.

дѣлы parvan можно видѣть связь съ ритуаломъ. AG. имѣетъ два дѣленія: во-первыхъ, на шесть частей prapâṭhaka, изъ которыхъ каждая подраздѣляется на половины (ardhaprapâṭhaka); во-вторыхъ, на три отдѣла parvan (собств. „сочлененіе“), имѣющіе спеціальныя названія. Первый отдѣлъ parvan оканчивается съ первою половиною второй прапатһаки и называется arkaparvan; второй идетъ до конца третьей прапатһаки и называется drandvaparvan; третій оканчивается вмѣстѣ съ шестою прапатһакою и носитъ названіе vâcovrataparvan. Что касается двухъ первыхъ названій, то слова arka и dvandva имѣютъ здѣсь, конечно, ритуальное значеніе: срав. у Бетлингка и Рота arka „bez. einer Ceremonie“ и dvandva „N. mehrerer Ekâha [2]); относительно же vâcovrata я не имѣю никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ могъ бы принять здѣсь это слово въ ритуальномъ значеніи, и потому остается предположить, что третій отдѣлъ названъ vâcovrataparvan по имени двухъ первыхъ sâman, которыми онъ начинается, и которые носятъ названіе: vâcovrate dve.

Въ Введеніи я говорилъ о томъ, что одинъ и тотъ же стихъ ṛc, равно какъ одно и то же изреченіе, могутъ являться въ формѣ многихъ sâman, при чемъ разница опредѣляется лишь музыкальною стороною. Каждый стихъ sâman имѣетъ свое спеціальное названіе, которое дается или по содержанію его, или по имени автора, которому онъ приписывается, или по имени божества, которому онъ считается посвященнымъ, или, наконецъ, по тѣмъ словамъ Стобһы, которыя вставляются въ него; нѣкоторыя названія остаются, впрочемъ, загадочными. Рукописи, которыми я пользовался для AG [3]), сообщаютъ по бòльшей части названія sâman, хотя это дѣлается не во всѣхъ рукописяхъ одинаково исправно, и нѣкоторыя лишь мѣстами приводятъ ихъ (часто въ ошибочной формѣ). Но у насъ есть еще одно важное пособіе для повѣрки какъ этихъ названій, такъ и порядка sâman въ AG., именно оглавленіе къ этому сборнику, помѣщенное въ Ârsheya-Brâhmaṇa, [4]) въ слѣдъ за оглавленіемъ къ

---

[2]) Ekâha есть однодневная религіозная церемонія.

[3]) № 197 Dev. парижской Bibliothèque Nationale и №№ 68, 665 и 1295 лондонской библіотеки въ India Office; въ этомъ же порядкѣ я обозначаю эти рукописи черезъ A, B, C, D.

[4]) = Ârsha-Brâhmaṇa. Въ рукоп. Ind. Off. № 665 это произведеніе называется въ началѣ Ârsha-Brâhmaṇa, а въ концѣ Ârshaya (читай: ârsheya)-Brâhmaṇa; въ берлинск. рук. читается ṛshi-brâhmaṇa, а въ началѣ: atha... ârshapradeço bhavati.

Grâmageya-Gâna. Въ той рукописи, которую я имѣлъ для Ârsheya-Brâhmaṇa (India Office № 665), оглавленіе къ AG. начинается съ восьмой главы третьей (и послѣдней) прапатһаки и идетъ до конца произведенія, но въ берлинской рукописи ṛshi-Brâhmaṇa (№ 296 по каталогу Вебера) оно начинается, по словамъ Бенфея и Вебера,[5]) съ 13 главы третьей прапатһаки, и эта разница остается для меня необъяснимою. При сравненіи Ârsh. Brâhmaṇa съ текстомъ AG. оказывается мѣстами другой порядокъ стиховъ, а также и число sâman, упоминаемыхъ въ Ârsh. Brâhm., больше того, какое я нахожу въ AG. Дѣленія на прапатһаки и на parvan Ârsh. Brâhm. не передаетъ, но за то она часто знакомитъ насъ съ различными названіями, которыя носитъ одинъ и тотъ же стихъ sâman, между тѣмъ какъ въ рукописяхъ AG дается обыкновенно каждому sâman лишь одно названіе.

Я сообщаю здѣсь содержаніе AG. по отношенію къ текстамъ Ârcika и Stobha, при чемъ музыкальная сторона стиховъ sâman остается у меня не переданною. Сравни съ моимъ изложеніемъ Бенфея Die Hymnen des Sâma-Veda, Harmonieen und Discrepanzen а также Indische Studien, III: Index zu den Harmonieen und Discrepanzen.—Для Стобһы я имѣлъ двѣ рукописи (Ind. Off. №№ 665 и 280),[6]) писанныя въ текстѣ „pada", который называется здѣсь prakṛti („первоначальный видъ)";[7]) этотъ же текстъ удержанъ и мною, тѣмъ болѣе что мнѣ ничего неизвѣстно о существованіи для Стобһы другаго текста. Повторенія одной и той же формулы я не передаю, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда подобное повтореніе образуетъ цѣльный sâman.

I prapâṭhaka, 1 ardha:

1—8) ashṭâu vâirûpâṇi AB.:[8]) 1) ańǵovâirûpam, 2) hrasvâvâirûpam=hrasvâbṛhadopaçâ AB., 3) pańcanidhanam AB. (=ashṭâu vâirûpâṇi AG.), 4) shaḍnidhanam AB. (=pańca-

---

[5]) Бенфея Die Hymnen des SV., стр. VII; Вебера Verzeichniss der Sanskrit-Handschriften, стр. 70.

[6]) Въ этомъ порядкѣ я ихъ обозначаю черезъ a и b.

[7]) Обѣ рукописи начинаются словами: atha stobha-prakṛtiḥ. Срав. въ каталогѣ Ауфрехта Stobhaprakṛti (стр. 378 a и 393 b).—У Burnell'a, подъ № 153, значится Stobhapada.

[8]) Знакъ AB. показываетъ, что извѣстное названіе встрѣчается только въ Ârsheya-Brâhmaṇa. Въ данномъ случаѣ названія стиховъ перепутаны въ AG., и родовое ashṭâu vâirûpâṇi (т. е. восемь vâirûpa) принято за спеціальное названіе третьяго стиха.

nidhanavâirûpam AG.), 5) saptanidhanavâirûpam=saptanidhanam AB., 6) ash*t*anidhanavâirûpam=ash*t*anidhanam AB., 7) dvâdaçanidhanam, 8) pushpam: Ch. 3, 2, 4, 6; St. 1, 4: i*t* i*d*â diçam viçam has açvâ çiçumatî i*t* i*d*â yuvatih ca kumâri*n*î sva*h* *g*yoti*h* hâi.—9 и 10) antarikshe dve: Ch. 3, 1, 5, 7; St.: su-stubha*h*[9]) tubha*h* açvâ çiçum akrân (9), vi-stubha*h*[10]) tubha*h* açvâ çiçum akrân (10).—11 и 12) arish*t*e dve: Ch. 6, 2, 2, 12.—13 и 14) aharîte dve: Ch. 3, 2, 2, 4; St. 1, 5: b*r*hat.—15) devasthânam=varu*n*asya devasthânam AB.: Ch. 3, 1, 5, 7; St.: saha*h* nara*h* satyam o*g*a*h* sthât idam dyâu*h* akrân bhûmi*h* atatanat sam-udram sam acûkupat.—16) b*r*had devasthânam: Ch. 3, 2, 2, 6.—17 и 18) âirayâiri*n*e dve: 17) St.: âirayat devâ*h* diva*h*[11]) *g*yoti*h*; Ch. 6, 1, 3, 1, 18) Ch. 2, 2, 2, 7.—19 и 20) â*n*girase dve: 19) Ch. 6, 1, 3, 1; St.: sva*h* *g*aganma maha*h* p*r*thivyâ*h*[12]) divam â çakema[13]) vâ*g*ina*h* yamam, 20) Ch. 3, 2, 3, 8; St.: devânâm avasâ vayam (b*r*hat[14])) nama*h*.—21) bârhaspatyam: id.—22) bhâradvâ*g*am: Ch. 3, 2, 1, 3.—23) âtharva*n*am: Ch. 1, 1, 3, 13; St.: âvat.—24) nâradvasam=nâradvasavaca*h*[15]) A.B.: Ar. 1, 1.—25 и 26) b*r*hatî vâmadevye: St. b*r*hat vâmam b*r*hat pârthivam b*r*hat antariksham b*r*hat divam b*r*hadbhya*h* vâmebhya*h* vâmam. — 27) b*r*hat=bhâradvâ*g*asya b*r*hat AB.: Ch. 3, 1, 5, 2.

2 ardha:

1 и 2) vasish*t*ha*g*amadagnyor arkâu dvâu AG. AB. agastya*g*amadagnyor vâ AB.: Ch. 4, 1, 3, 6.—3) svaçirâm arka*h*: Ch. 5, 2, 4, 2.—4) dîrghatamaso 'rka*h*: Ch. 6, 2, 2, 5.—5) marutâm arka*h*: Ch. 3, 2, 2, 5.—6) sa*m*stobha*h*[16]): St. 1, 6: sam tvâ anonavu*h* maruta*h* viçvasmât.—7) agner arka*h*: Ch. 1, 1, 3, 7; St.: agni*h* mûrdhâ abhavat diva*h*.—8) pra*g*âpater arka*h*: Ch. 6, 2, 1, 2.—9 и 10) indrasyârkâu dvâu: Ar. 1, 2.—11) arkaçira*h* =trish*t*ubhâm arkaçira*h*: Ar. 1, 3.—12) arkagrîva*h*: St.: pati*h*

---

9) sush*t*ubha*h*.

10) vish*t*ubha*h*.

11) Въ рукоп.: divâ*h*. Долгота гласной попала сюда (какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ) изъ текста Gâna.

12) Въ рук.: p*r*thivyâ.

13) Въ рук.: âçakema.

14) Слова b*r*hat въ Стобhѣ нѣтъ, но см. выше.

15) У Бенфея ошибочно: nâradvasavam.

16) Въ AB. 5 и 6: marutârkâu dvâu sa*m*stobho vottara*h*.

divaḥ antarikshasya pârthivasya apâm osha-dhînâm viçvasya bhûtasya.—13) varuṇasyârkaḥ=varuṇagotamayor arkaḥ AB.: St.: âyuḥ cakshuḥ ǵyotiḥ; Ar. 1, 4.—14 и 15) arkapushpe dve: Ch. 4, 1, 3, 6.—16, 17 и 18) âǵyadohâni trîṇi=agner vâiçvânarasya trîṇy âǵyadohâny âcidohâny âcyadohâni vâ praǵâpater vâ vishṇor vâ viçvâmitrasya vâ AB.: 16) St. 1, 7: âǵya-doham; Ch. 1, 2, 2, 5; 17) St.: ci-doham; Ch. id.; 18) St.: cyoham ṛtam; Ch. id.—19) râivata ṛshabhaḥ [17])=rudrasya ṛshabho râivataḥ AB.: Ch. 2, 2, 2, 6.—20) vâirâǵa ṛshabhaḥ: Ch. 5, 1, 1, 8.—21) çâkvara ṛshabhaḥ: Ch. 5, 1, 3, 1; St: oṃ çam yoḥ haviḥ.—22, 23 и 24) atîshañgâs trayaḥ [18])=indrasya trayo 'tishañgâḥ AB.: 22) râudraḥ AB.: Ch. 6, 2, 1, 1; St.: atha; 23) vâsavaḥ AB.: Ch. 6, 1, 5, 11; 24) pârǵanyo vâiçvâdevo vâ AB.: Ch. 6, 2, 1, 6.—25—28) padastobhâs catvâraḥ=prâǵâpatyâç catvâraḥ padastobhâ gâutamâ vâ vâiçvamitrâ vâ râudrâgnâ [19]) vâ AB.: Ch. 6, 2, 2, 5.

II prapâṭhaka, 1 ardha:

1—10) sarpasâmâni daça=daça saṃsarpâṇi mahasarpâṇi sarpasâmâni vâ, 'thâparam: agneç ca pṛthivyâç ca vâyoç cântarikshasya câdityasya ca divaç câpâṃ ca samudrasya ca mâṇḍave dve; athâparaṃ: bâbhravâṇi catvâri pâvamânâni [20]) catvâri diçâṃ saṃsarpe dve AB.: 1) sarpam AG.: St. 1, 8: abhi imahe sarpa svaḥ; Ch. 4, 2, 4, 5; 2) prasarpam AG.: St.: abhi pra mañhîḥ [21]) imahe pra sarpa svaḥ; 3) utsarpam AG.: St.: ut sarpa svaḥ; 4) St.: svaḥ sam-sarpataḥ sarpata pra sarpata svaḥ gamema te vayam; Ch. 3, 2, 3, 8; 5) St.: svaḥ sam sarpa; 6) St.: sṛpâya pra sṛpa pra sṛpâya; Ch. 6, 2, 2, 1; 7) St. id.; Ar. 1, 5; 8) id.; 9) Ch. 5, 1, 3, 1; St.: diçaḥ pra-diçaḥ kalpantâm râǵam gamema sva-râǵam gamema; 10) Ch. id.; St.: ut-diçaḥ vi-diçaḥ kalpantâm vi-râǵam gamema sva-râǵam gamema.—11) triḥsâma=triḥsandhi AB.: Ch. 4, 1, 2, 9.—12) yaǵńasârathi: Ch. 3, 2, 4, 4; St. 1, 9: bda (?) hariḥ matiḥ. 13) vṛshâ: Ar. 1, 6.—14) ekavṛ-

---

[17]) Рук. C имѣетъ: râivatya ṛshabhaḥ.

[18]) Рук. C имѣетъ, конечно, по ошибкѣ: atîshâs trayaḥ. Срав. это же чтеніе въ тѣхъ рукописяхъ, которыми пользовался Бенфей.

[19]) Рук. имѣетъ: rudrâgnâ.

[20]) Рук. имѣетъ: pavanâni.

[21]) Въ Стобhѣ рук. b читается: mañhih (въ AG: mañhîḥ); въ рук. a это слово пропущено.

sham [22]): St.: ekam sam âirayat vṛdhe ekam sam âirayat mahe ekaḥ vṛshâ vi râǵati; Ch. 4, 2, 5, 9.—15) vidratham [22]): Ch. 5, 1, 2, 2.—16) abhrâtṛvyam: St.: huve vi-râǵam sva-râǵam mahat sâma aǵíǵane mahat bhadram aǵíǵane a-bhrâtṛvyam aǵíǵane abhi-bhûḥ asi; Ch. 5, 1, 2, 1.—17 и 18) râivate dve AG. AB. revatyo vâ AB.: Ch. 2, 2, 1, 9.—19) çâkvaravarṇam: Ch. 5, 2, 4, 1; Ar. 1, 7 и 8.—20) nityavatsam: Ch. 5, 2, 3, 7.—21) rathaṃtaram=vasishṭhasya rathaṃtaram AB.: Ch. 3, 1, 5, 1; St.: as.—22) saptaham =ǵamadagneḥ saptaham AB.: Ch. 3, 1, 5, 2; St.: ayam vâyâu tri-vṛtam pra-vṛtam.—23—27) pańca pavimanti=pańca pavimanti mahâsâmâni: çarvasya prathamottame, rudrasya tríṇy; athâparam: agner harasí dve, kshurasya harasí dve, mṛtyor haraḥ pańcamam AB.: 23, 24 и 25) â-krandaya kuru ghosham mahântam harí (iti) indrasya abhi-yoǵaya âçû (iti) marma-vidham dadatâm an-yaḥ an-yam çalya-âtmâ patatu çlokam acha; pra yat cakram a-râvṇe sanatâi abhi-avartayat ǵyok it tisraḥ oṃ hâtâi çayâtâi keçavat çiraḥ [23]); 26) pra yat cakram и т. д.; St.: as phaṭ mṛs has; 27) pra yat cakram и т. д.; St.: abhi-abhûḥ has pra-has cakshuḥ.—28 и 29) harasí dve=sâmaní vâtrakâhye [24]) (?), lokânâṃ çântir uttamam [25]) AB.: 28) St.: kshuraḥ haraḥ-haraḥ vṛçca pra-vṛçca pra chindhi; стихъ: pra yat cakram и т. д.; 29) St.: vayaḥ bṛhat ṛtam haviḥ bhadrâm sva-dhâm svayam skṛṇve (sic) isham ûrǵam raǵaḥ svaḥ vâk iḍâ svaḥ bṛhat bhâḥ arkam arcata devâvṛdham (sic); Ch. 3, 1, 5, 1.—30) pańcanidhanaṃ vâmadevyam: St.: iha pra-ǵâm iha rayim rarâṇaḥ rayaḥ-poshâya su-kṛtâya bhûyase â agan vâmam idam bṛhat idam vâmam idam bṛhat

---

[22]) Въ AG. названія 14-го и 15-го стиховъ смѣшиваются; вмѣсто ekavṛsham здѣсь читается eshavṛsham. Срав. то же въ рукописяхъ, которыми пользовался Бенфей.

[23]) Первый изъ этихъ стиховъ является въ Ârcika школы Nâigeyâs (см. Введеніе): Ch. 7, 1, 10; можетъ быть, тамъ же находится и второй стихъ, хотя изъ оглавленія этого не видно. Замѣчательно, что AG. приводитъ оба стиха въ 24-мъ sâman въ текстѣ «pada», не въ музыкальной транскрипціи; причина этого та, конечно, что оба эти стиха но вошли въ Ârcika нашей редакціи.

[24]) Берлинск. рук. ṛshi-brâhmaṇa читаетъ: sâmanî vârtikâhye; берлинск. рук. AG. № 279 Web.: sâmâni vâtrikâpye; (см. Бенфея Die Hymnen des SV., Harmonieen und Discrepanzen, стр. 178 примѣч.).

[25]) Берлинск. рук. AG. № 279 Web. читаетъ: uttaram (см. Бенфея ibid.), и это вѣрнѣе. Порядокъ стиховъ здѣсь, вѣроятно, перепутанъ; 28-й ст. надо считать однимъ изъ kshurasya harasî dve (см. это названіе выше).

carâcarâya bṛhate idam vâmam idam bṛhat; Ch. 2, 2, 3, 5 (начиная со словъ: ûtî sadâvṛdhaḥ и т. д.).—31) mahâvâirâǵam=indrasya mahâvâirâǵyam vasishṭhasya vâ AB.: St.: matsva oǵaḥ sahaḥ balam indraḥ vayaḥ dadhe sadham [26]) ṛtam; Ch. 5, 1, 1, 8.—32) agneḥ priyam: St.: priyam brâhmaṇânâm yat manaḥ tat mayi brâhmaṇânâm paçûnâm yat manaḥ tat mayi paçûnâm yoshitâm yat manaḥ tat mayi yoshitâm; Ch. 1, 1, 1, 1.—33) sarpasâma=sarpasâma kalmâsham vâ AB.: St.: vîhi yave [27]) sam yamam na vi-âyamam vi yamam sam-âyamam ye ke ca udara-sarpiṇaḥ tebhyaḥ namaḥ; Ch. 2, 2, 3, 5.—34) setusâma=svargyam setushâma AB.: St.: setûn tara duḥ-tarân dânena a-dânam a-krodhena krodham çrat-dhayâ a-çraddhâm satyena an-ṛtam eshâ gatiḥ etat a-mṛtam svaḥ gaccha ǵyotiḥ gaccha setûn tîrtvâ caturaḥ [28]); Ar. 1, 9.—

2 ardha:

1 и 2) vasishṭhasya prâṇâpânâu dvâu [29]): 1) St. 1, 10: âyuḥ satyam; Ch. 4, 1, 3, 6; 2) [30]) St.: ânaḥ hiya mana-doham; Ch. id.—3 и 4) indrasyâinyâu dvâu: St.: enyâu-enyâu aho (iti) enyâu; Ch. id.—5 и 6) praǵâpater vratapakshâu dvâu AG. AB. ahorâtrayor vâ AB.: Ch. id.—7 и 8) ulvaǵarâyuṇî dve=indrâṇyâ ulvaǵarâyuṇî dve AB.: Ch. id.—9 и 10) bṛhaspater balabhidî dve indrasya vâ; udbhid vâinayoḥ pûrvam AB. [31]): Ch. 1, 1, 2, 3.—11) bhargaḥ [32]) St.: 1, 11: dhâma yat [33]) bhargah; Ch. 3, 2, 2, 6.—12) yaçaḥ [34]): St.: yaçaḥ varcaḥ asmin âyuḥ viçva-âyuḥ viçvam viçvam âyuḥ açîmahi pra-ǵâm tvashṭaḥ adhi-nidhehi asme (iti) çatam

---

[26]) Т. е. «небо»? См. въ Nâighaṇṭ. 3, 30 sadhe (варіантъ: svadhe), двойств. ч., =dyâvâpṛthivî.

[27]) Въ AG. въ музыкальной транскрипціи: vîhâyavâ-î.

[28]) См. Введеніе.

[29]) AG. рукоп. B передъ заглавіемъ этихъ стиховъ замѣчаетъ: dakshiṇanâsapuṭe vâyos tyâgaḥ.

[30]) AG. рукоп. B передъ вторымъ стихомъ замѣчаетъ: vâmanâsapuṭe vâyor grahaṇam, trir abhyastam.

[31]) Также и AG. рук. D называетъ первый изъ этихъ стиховъ udbhid.

[32]) AG. рук. B (и, можетъ быть, Ârsh. Brâhm.) имѣетъ: bhargâḥ, но долгота *a* здѣсь заимствована изъ sâman, гдѣ второе *a* въ bhargaḥ становатся долгимъ. У Бенфея: bhargam.

[33]) Въ рукоп.: dhâmayat.

[34]) AB. имѣетъ въ виду два sâman и называетъ ихъ yaçasî dve, но въ AG. только одинъ стихъ yaçaḥ.

*ǵ*îvema çarada*h* vayam te; Ch. 3, 2, 3, 8.—13 и 14) yâme dve: Ch. 1, 1, 5, 9; St.: râ*ǵ*am sva-râ*ǵ*am vi-râ*ǵ*am sva-râ*ǵ*am.—15 и 16) gharmatanû dve: Ch. 6, 1, 3, 4; St.: gharma*h* pra-v*r*kta*h* tanvâ sam ân*r*dhe v*r*dhe sva*h* ânaçe mahe (sva*h*).—17, 18 и 19) cakshusâmâni trî*n*i=pra*ǵ*âpates trî*n*i cakshû*m*shi AB.: Ch. 6, 2, 1, 2.—20, 21 и 22) vârshâharâ*n*i trî*n*i: Ar. 2, 1; St.: abhi sphûr*ǵ*a yam dvishma*h* sam osha [35]) abhi sphûr*ǵ*a yam dvishma*h*.

III prapâ*th*aka, 1 ardha:

1 и 2) dyâute dve AG. AB. dvâigate vâ AB.: Ch. 3, 2, 3, 2; St. 1, 12: açvam-ish*t*aye açvat-ish*t*aye (!) [36]).—3 и 4) tâsyandre dve AG. AB. tâsvindre vâ AB.: Ch. 6, 2, 1, 6. — 5 и 6) tâuraçravase dve: Ch. 4, 1, 1, 6. — 7 и 8) dhenupayasî dve AB.: 7) dhenu AG.: St.: bhuvat *ǵ*anat v*r*dhat karat dhenu; Ch. 5, 2, 4, 2; 8) paya*h* AG.: St.: paya*h*; Ch. 1, 1, 3, 5. — 9 и 10) svar*ǵ*yotishî dve AB.: 9) sva*h* AG.: St.: sva*h* viçvam; Ar. 2, 2; 10) *ǵ*yoti*h* AG.: St.: *ǵ*yoti*h* viçvam; Ar. id.—11 и 12) ya*n*vâpatye dve: Ch. 3, 1, 1, 5; Ar. 2, 3 и 2, 4; 12) Ch. 5, 2, 4, 1.—13 и 14) âyurnavastobhe dve: Ch. 5, 2, 1, 1.—15) râyovâ*ǵ*îyam: Ch. 5, 1, 3, 1.—16) bârhadgiram [37]): Ch. 5, 1, 3, 3.—17) sa*m*k*r*ti AG. AB.=ala*m*k*r*ti AG. рук. B: Ch. 5, 1, 3, 1.—1) pârthuraçmam [38]): Ch. id.—19) çyâinam=çyena*h* AB.: Ch. 4, 2, 4, 10.—20) v*r*shakam [39]): Ch. 5, 1, 3, 1. — 21 и 22) bhadraçreyasî dve AB.: 21) bhadram AG.: Ch. 5, 2, 2, 6; St. 1, 13: bhadram; 22) çreya*h* AG.: Ch. id.; St.: çreya*h*.—23 и 24) tantvotunî dve AB.: 23) tantu*h* AG.: St.: tantu*h*; Ch. 6, 1, 2, 1; 24) otu*h* AG.: St.: otu*h*; Ch. id.—25 и 26) sahomahasî dve AB.: 25) saha*h* AG.: Ch. 5, 1, 1, 8; St.: saha*h*; 26) maha*h* AG.: Ch. id.; St.: bhûmi*h* antariksham dyâu*h* maha*h*.—27 и 28) vârka*ǵ*ambhe dve: Ch. 3, 2, 2, 5; St.: viçveshâm bhûtânâm stobhânâm. — 29 и 30) ishviçva*ǵ*yotishî dve AB.: 29) Ch. 4, 1, 3, 1; St.: ish; 30) viçva*ǵ*yoti*h* AG.: Ch. id.; St.; viçva*ǵ*yoti*h*.

2 ardha:

1 и 2) dravi*n*avishpardhasî dve AB.: 1) dravi*n*am AG.: St. 1, 14: mahi; Ch. 2, 2, 5, 8; 2) vishpardha*h* AG.: St.: divi; Ch.

[35]) Въ рукоп.: oshâ.

[36]) açvadish*t*aye, т. е. açva-dish*t*aye.

[37]) AB. имѣетъ: bârhadgire dve; слѣдовательно, одного sâman нѣтъ въ AG.

[38]) AB. имѣетъ: pârthuraçme dve; слѣдовательно, одного sâman нѣтъ въ AG.

[39]) AB. имѣетъ: v*r*shake dve; слѣдовательно, одного sâman нѣтъ въ AG.

id.—3 и 4) yâmamâdhucandase dve AB.: 3) yâmam AG.: Ch. 4, 1, 3, 8; 4) mâdhucandasam AG.: Ch. 2, 2, 2, 6.—5 и 6) vasishṭhaçaphâu dvâu: Ar. 2, 5; St.: dyut dyutaḥ.—7 и 8) çukracandre dve AB.: 7) çukrasâma AG.: St.: çukram çukram çukram çukram; Ar. 2, 6; 8) candrasâma AG.: St.: candram candram candram candram; Ch. 2, 2, 1, 3.— 9—14) vâyoḥ shaṭ svarâṇi parâṇi vâ (sparâṇi vâ) [40]) pâraṇâni [41]) vânantyâni vâdityâni vâ svargyâni vâ svargyasya lokasya gamanâni vâ AB. [42]): 9—13) Ar. 2, 7; 14) Ch. 4, 2, 1, 10. — 15—25) vishṇos trîṇi svarîyâṃsi AB.: 15—19) pañcânugânam AG. AB.: Ar. 2, 7; St.: 15) antariksham svaḥ divam ǵaganma parât param âirayata yaǵñaḥ divaḥ mûrdhâ deva-mâdanaḥ gharmaḥ ǵyotiḥ; 16) pṛthivî antariksham dyâuḥ âpaḥ kanikradat [43]) sindhuḥ âpaḥ maruraḥ mâdayantâm gharmaḥ ǵyotiḥ; 17) divaḥ mûrdhânam sam âirayan yaçaḥ sam âirayan teǵaḥ sam âirayan svaḥ sam âirayan ǵyotiḥ sam âirayan yaçaḥ gharmaḥ ǵyotiḥ teǵaḥ gharmaḥ ǵyotiḥ svaḥ gharmaḥ ǵyotiḥ gharmaḥ gharmaḥ ǵyotiḥ; 18) iḍâm yaccha haskṛtim yaccha manaḥ oǵaḥ yaccha manaḥ mahimânam yaccha yaçaḥ tvisham yaccha pra-ǵâm varcaḥ yaccha paçûn viçam yaccha brahma kshatram yaccha svaḥ ǵyotiḥ yaccha; 19) teǵaḥ gharmaḥ sam krîḍante çiçumatîḥ vâyu-gopâḥ teǵasvatîḥ marudbhiḥ bhuvanâni cakraduḥ; 20 и 21) dvyanugânam: Ar. id.; St.: indraḥ dhenuḥ âpaḥ dhenuḥ bhûmiḥ dhenuḥ antariksham dhenuḥ dyâuḥ dhenuḥ param dhenuḥ vratam dhenuḥ satyam dhenuḥ ṛtam dhenuḥ iḍâ dhenuḥ svaḥ dhenuḥ ǵyotiḥ dhenuḥ; 22, 23, 24 и 25) caturanugânam: St.: 22) tokam pra-ǵâm garbhaḥ naḥ yam adadhmahi â ca parâ ca pathibhiḥ carantaḥ; 23) [44]) ayam sa çiñkte yasmât âpaḥ osha-dhayaḥ bhuvanâni cakraduḥ yasmât sam-udriyâḥ bhuvanâni cakraduḥ yasmât viçvâ bhutâni bhuvanâni cakraduḥ âpaḥ; 24) yebhiḥ vi-açvam âirayaḥ tebhiḥ vi açnu-hi madam yebhiḥ bhûtam sahaḥ tebhiḥ teǵaḥ âpaḥ yebhiḥ vi antariksham âirayaḥ (âpaḥ); 25) Ar. id.

IV prapâṭhaka, 1 ardha:

1 и 2) vâcovrate dve: St. 2, 1: huve vâcam vâcam huve vâk

---

[40]) Слова «sparâṇi vâ» включены мною по Бенфею (Harm. u. Discrepanz. стр. 221).

[41]) У Бенфея: parâṇâni.

[42]) Названіе этихъ стиховъ въ AG. является въ чтеніи испорченномъ: dvyâsvarasâmâni shaṭ (рук. D). Срав. у Бенфея ошибочное чтеніе одной берлинск. рук.: dvyastara—.

[43]) Въ рукоп.: kanikradât.

[44]) Срав. RV. 1, 164, 29.

çṛṇotu vâk sam-âitu vâk (1), vâk ramatâm ramatu vâk me (2).— 3) çaçasya karshû AB. [45]); Ch. 2, 2, 4, 7; St.: vâk u.—4) sattrasyardhiḥ=çayavratam [46]) sattrasyardhiḥ AB.: St.: aganma ǵyotiḥ a-mṛtâḥ abhûma antariksham pṛthivyâḥ [47]) adhi â aruhâma divam antarikshât adhi â aruhâma avidâma devân [48]) sam u devâiḥ aganmahi. — 5) praǵâpateḥ pratishṭhâ: Ch. 1, 1, 3, 8.— 6) vyâhṛtiḥ: St.: eva hi eva bhûtâya rûpâya âyushe ǵyotishe.— 7) prâǵâpatyasya vratam=parameshṭhina prâǵâpatyasya vratam AB.: St.: â naḥ [49]) bruve rakshata naḥ raksitâraḥ gopâyata gopayitâraḥ; Ar. 3, 1.—8) âṅgirasasya vratam=kṛshṇasyâṅgirasasya vratam AB.: St.: soma-soma yatra cakshuḥ tat â bhara yatra çrotram tat â bhara yatra rûpam tat â bhara yatra varcaḥ tat â bhara yatra teǵaḥ tat â bhara yatra ǵyotiḥ tat â bhara soma râǵan. — 9 и 10) somavrate dve: 9) Ar. 3, 2; St.: pnya (?); 10) Ar. 3, 3; St.: ǵana divam antariksham pṛthivîm viçva-bhoǵasam puru-rûpâḥ (sic) aǵîǵanaḥ. — 11) bharadvâǵasya vratam: Ar. 1, 2; St. 2, 2: vâk da daya;—12) bharadvâǵinâm vratam: St.: vâǵam vi açnavâi su-dhâma dhâma.—13 и 14) yamavrate dve aṅgirasâm vottaram=vasishṭhavrate dve aṅgirasâm vottaram AB.: 13) Ar. 3, 4; St.: manaḥ vayaḥ varcaḥ iḍâ âyuḥ svaḥ ǵyotiḥ ṛtam mahaḥ; 14) Ch. 4, 1, 3, 6; St.: âyuḥ-dhâḥ asmabhyam varcaḥ-dhâḥ devebhyaḥ.—15 и 16) açvinor vrate dve: Ch. 4, 1, 2, 2. — 17 и 18) gavâm vrate dve: 17) St.: gâvaḥ vṛshabha-patnîḥ vâi-râǵapatnîḥ viçva-rûpâḥ asmâsu ramadhvam; Ar. 3, 5; 18) Ar. 3, 4; St.: deveshu ni-dhîmân aham.—19 и 20) kaçyapavrate dve: St.: çu antaḥ arkaḥ [50]) ǵyotiḥ svaḥ dhenuḥ kahvâu (?) hvâu (?); Ch. 4, 2, 3, 2.—

2 ardha:

1 и 2) aṅgirasâm vrate dve: 1) Ch. 4, 1, 8, 6; St. 2, 3: sahasvân sahasaḥ patiḥ adidyavat; 2) Ch. 3, 1, 5, 1; St.: svaḥ-ǵit vâǵa-sâtamaḥ adidyavat. — 3 и 4) apâm vrate dve: St.: âirayat

---

[45]) Въ AG.: çasasya karshu.—По мнѣнію Петерб. Слов. (см. подъ словомъ çaça), karshû есть искаженіе изъ karṇaḥ; срав. у Латьяяны названіе стиха sâman: çaçakarṇa.

[46]) Можетъ быть, çayavratam есть названіе sâman, не извѣстнаго изъ AG.

[47]) Въ рук.: pṛthivyâ.

[48]) Срав. RV. 8, 48, 3.

[49]) Въ рук. a: ânaḥ.

[50]) Въ рук.: ârkaḥ (изъ sâman).

apah sam âirayat bhûtam âirayat apâm garbhah agnih idâ prthivyâh garbhah agnih idâ agnih çi-çukvah (sic) çukrah çi-çukvah tegâh çakrasya çakvam tegah sa-prâh sam-icth (sic) tegah ushah na garah [51]) âirayan sam âirayan sam asvaran; Ar. 3, 6.—5 и 6) ahorâtrayor vrate dve AG. AB., ahnah pûrvam râtrer uttaram AB.: 5) St.: prâk an-yat anu-vartate ragah [52]) apa-ak an-yat tamah apa-ishati [53]) bhâsâ [54]) arûrucat gharmah arûrucat ushâsâm divi sûryah vi-bhâti; 6) Ar. 3, 7. — 7) vishnor vratam: Ar. 3, 8; St.: has sahas arcih çocih tapah harah.—8) viçveshâm devânâm vratam: St.: shi; Ar. 3, 9. — 9 и 10) vasishthavrate dve: Ch. 4, 1, 4, 8 и 4, 1, 3, 6. —11) indrasya sâmgayam: St. 2, 4: viçvâ dhanâni sam-gitya vrtra-hâ bhûri-âsutih urum ghosham cakre lokam [55]) (sic) vrtram ebhyah lokebhyah nunudâh vrtram gaghanvân [56]) apatat vavâra yat tamah.—12) agastyasya yaçah: Ar. 3, 10.—13 и 14) sammite dve=pragâpates trayastrimçat (т. е. 33-й sâman, считая съ начала прапатһаки) sammitam, catustrimçat (т. е 34-й sâman),—sammite dve AB. [57]): Ch. 13) 4, 1, 4, 6; 14) 4, 1, 3, 6; St.: kshâu vratam svah çakunah. — 15) gamadagner vratam yugyam=gamadagner vratam yugyam AB.: Ch. 3, 1, 5, 1; St.: kapâu gyotih patah svah pata [58]) antariksham prthivim panca pra-diçah rshtu devân [59]) varnam.—16) daçastobham: Ch. 4, 1, 3, 6; St.: ha u vâk ayuh yam vayah. — 17) vârtraghnam=indrasya vârtraghnam AB.: St.: vrtra-hatyâya a-dhrshnave a-pûrave prthi-

---

[51]) Срав. RV. 1, 69, 1 (см. Введеніе).

[52]) Здѣсь ragas означаетъ «свѣтъ» (дня), въ противоположность tamas, «тьмѣ» (ночи). Срав. Nir. 4, 19: gyotî raga ucyate.

[53]) О глаголѣ ish, ishati, въ значеніи «двигаться» см. Nâigh. 2, 14.

[54]) Можно было бы прочесть bhyasâ, но это не имѣетъ смысла. Мои выписки изъ рукописей оказываются здѣсь недостаточными.

[55]) Искажено изъ çlokam.

[56]) Въ AG. и въ Стобһѣ рук. a: gaghanvân (sic!).

[57]) Чтеніе Arsh. Br. является нѣсколько испорченнымъ, или, точнѣе, укороченнымъ; очевидно, что и 14-й стихъ называется pragâpateh sammitam (срав. у Бенфея: pragâpateç catusttrimçat (т. е. sâma) sammitam), а оба вмѣстѣ они носятъ названіе sammite dve или, какъ въ одной берлинск. рук. AG., pragâpate dve. Испорченное чтеніе: catustrimçat sammite dve перенесено цѣликомъ (вмѣстѣ съ числительными) въ берлинск. рук. AG. какъ заглавіе 14-го стиха (см. Harmonieen und Discrepanzen, стр. 185 и 184).

[58]) Рук. a: patâ; рук. b: patah, но и послѣднее чтеніе ошибочно, какъ видно изъ AG. (svashpatântariksham).

[59]) Изъ devâm=devâm, родит. пад. мн. ч.

vîm ca vi-vartaya antariksham su dhâraya divam vepa avepayaḥ vṛtra-hâ sapatna-hâ; Ar. 3, 11. — 18) ashṭanidhanam: St.: abhi-praghnantam oǵasâ su-oǵasâ asi pra-ânaḥ asi cakshuḥ asi asi çrotram asi asi ǵyotiḥ asi iḍâm gaccha sûryam gaccha antariksham gaccha nâke vi bhâhi svaḥ gaccha ǵyotiḥ gaccha ati ǵyotiḥ vi bhâhi ati.—19 и 20) indrasya râǵanarâuhiṇe dve râuhiṇe [60]) vâ; ekarsher vâ râǵanaṃ, dhâtû râuhiṇam AB.: 19) râǵanam: 4, 1, 3, 6; St.: vayaḥ bṛhat vi-bhrâshṭaye vi-dharmaṇe satyam oǵah raǵaḥ svaḥ bhadram su-dhâ isham ûrǵam bṛhat yaçaḥ divi dadhe; 20) râuhiṇam: Ch. id.; St.: ayâu ayam namaḥ kiṭ manaḥ pra-ânaḥ cakshuḥ çrotram ghoshaḥ vratam bhûtam pânam [61]) cittam dhîtam.

V prapâṭhaka, 1 ardha:

1—5) agner ilândaṃ pańcânugânam irântaṃ vâ AB.: [62]) 1) St.: hu; 2) Ar. 3, 12; 3) Ar. 3, 13; 4) Ch. 4, 1, 3, 6; 5) Ar. 4, 1. — 6, 7 и 8) devavratâni trîṇi stobhamayâni=trîṇi devânâṃ vratâni devasya vá: ráudre pûrve, váiçvadevaṃ tṛtîyaṃ; vâiçvadeve vâ pûrve râudraṃ tṛtîyam AB.: St. 2, 5: 6) adhi-pate mitra-pate kshatra-pata svaḥ-pate dhana-pate namaḥ manyunâ vṛtra-hâ sûryeṇa sva-râṭ yaǵńena maghavâ dakshiṅâ asya priyâ tanuḥ râǵńâ viçâm dâdhâra vṛshabhaḥ tvashṭâ vṛtreṇa çacî-patiḥ annena gayaḥ pṛthivyâḥ sṛṇikaḥ agninâ viçvam bhûtam abhi abhavaḥ vâyunâ viçvâḥ pra-ǵâḥ abhi avapathâḥ vashaṭ-kâreṇa ardha-bhâk somena soma-pâḥ sam-ityâ parame-sthî ye devâḥ devâḥ divi-sadaḥ antariksha-sadaḥ pṛthivî-sadaḥ apsu-sadaḥ dikshu-sadaḥ âçâ-sadaḥ stha tebhyaḥ vaḥ devâḥ devâḥ devebhyaḥ namaḥ ava ǵyâm iva dhanvanaḥ vi te manyum nayâmasi mṛḍatâm nâḥ iha asmabhyam yaḥ idam viçvam yûyo [63]) namaḥ; 7) namaḥ ut-tatibhyaḥ ca ut-tanvânebhyaḥ ca namaḥ ni-sam-gibhyaḥ [64]) ca upa-vîtibhyaḥ ca namaḥ asyadbhyaḥ ca prati-dadhânebhyaḥ ca namaḥ pra-vidhyadbhyaḥ ca pra-vyâdhibhyaḥ ca namaḥ tsaradbhyaḥ ca tsâribhyaḥ ca namaḥ çritebhyaḥ ca çrâyibhyaḥ ca namaḥ tishṭhadbhyaḥ ca upa-tishṭhadbhyaḥ ca namaḥ yate ca vi-yate ca namaḥ pathe ca vi-pathâya ca; 8) namaḥ annâya namaḥ anna-pataye eka-akshâya ca ava-pan-

[60]) Иначе у Бенфея, который имѣетъ râuhiṇer (относится къ ekarsheḥ).
[61]) Или yânam?
[62]) Въ AG. въ нѣкотор. рукоп. ilândam, въ ругихъ pańcânugânam.
[63]) Въ AG. рук. A: yuyo.
[64]) nishaṃgibhyaḥ.

nâdâya ca namaḥ namaḥ rudrâya tîra-sade namaḥ sthirâya sthira--dhanvane namaḥ prati-padâya ca paṭariṇe ca namaḥ tri-ambakâya ca kapardine ca namaḥ âçrâyebhyaḥ ca prati-âçrâyebhyaḥ ca namaḥ kravyebhyaḥ ca vi-rimphebhyaḥ [65]) ca namaḥ sam-vṛte ca vi-vṛte ca.—9) anushṭhâyaǵńayaǵńîyam: Ar. 4, 2.—10) aǵitasya ǵitiḥ: St.: hup bi [66]) hi [67]); Ch. 3, 1, 5, 1.—11) somavratam: St.: hań; Ar. 3, 2.—12) dîrghatamaso vratam AG. AB.=açvavratam AG. рук. D: St.: ayâu [68]); Ch. 6, 1, 4, 7.—13 и 14) dve purushavrate: 13) Ar. 4, 3; 14) Ar. 4, 4. — 15—18) pańcânugânam: 15) Ar. 4, 5; 16) Ar. 4, 6; 17) Ar. 4, 7; 18) [69]) St. 2, 6: asmin nṛmṇe nṛmṇam ni dhîmahe; Ch. 2, 2, 3, 5.—19—21) trîṇi lokânâm vratâni AG. AB. divo 'ntarikshasya pṛthivyâ ity; athâparam: dyâvâpṛthivyor viparîte [70]) AB.: 19) St.: rûpam; Ar. 4, 8; 20) St.: vâk iyam antarikshe salilam lelâya; Ch. 2, 2, 3, 5; 21) St.: prati-sthâ asi prati-sthâ varcaḥ asi manaḥ asi bhûtam; Ar. 4, 8.—22) ṛçyasya sâma vratam vâ: Ar. 4, 9; St.: ṛçyâsaḥ [71]) indra bhuń iti maghavan indra bhuń iti pra-bhuń iti indraḥ tasara-pûtaḥ.—

2 ardha:

1—10) daçânugânam=diçâm vratam daçânugânam AB.: 1) St. 2, 7: aham annam aham anna-adaḥ aham vi-dhârayaḥ; 2) aham sahaḥ aham sâ-sahiḥ aham sâ-sahânaḥ; 3) aham varcaḥ; Ar. 4, 10; 4) St.: aham teǵaḥ aham svaḥ ǵyotiḥ; 5) diçam duhe diçâu duhe diçaḥ duhe sarvâḥ duhe; 6) manaḥ aǵayit hṛdayam aǵayit indraḥ aǵayit aham aǵâisham; 7) vayaḥ-vayaḥ vayaḥ; 8) rûpam rûpam-rûpam; 9) hi yaḥ u ut apaptam ûrdhvâ nabhâńsi akṛshi vi adyâutsam atatanam pinvasva: 10) prathe prati-asthâm. — 11—20) daçânugânam=kaçyapavratam daçânugânam: kaçyapagrîvâ [72]) dvitîyam, praǵâpater hṛdayam [73]) pańcamam, iḍânâm samkshâ-

---

[65]) Варіантъ: vi-ramphebhyaḥ. Срав. въ Dhâtup. (28, 30) ramph и rimph: himsâyâm.

[66]) Стобhа имѣетъ vi, какъ и въ другихъ случаяхъ v стоитъ здѣсь вмѣсто b.

[67]) Въ AG. слѣдуютъ затѣмъ слова: as phaṭ mṛs has, которыя были уже приведены выше изъ Стобhы.

[68]) Стобhа рук. b (какъ и Ar. G.) имѣетъ: âyâu.

[69]) AG. рук. D ставитъ передъ этимъ sâman заглавіе: ekânugânam.

[70]) Въ рукоп.: dyâvâpṛthivîvyorvîparîte.

[71]) Стобhа имѣетъ: ṛshyâsaḥ.

[72]) Въ AG. grîvâyam.

[73]) Въ AG. такъ же.

raḥ [74]) shashṭham, kaçyapapuccham [75]) daçamam, prâg daçamâd gavâm vrate [75]) AB.: 11) St. 2, 8: kahva; Ar. 1, 3; 12) St.: aho (iti) pra-ǵâḥ bhûtam aǵiǵane; 13) phal hâu; Ch. 4, 1, 3, 6; 14) Ch. 4, 1, 5, 5; 15) St.: imâḥ pra-ǵâḥ praǵâ-pate hṛdayam pra-ǵâḥ rûpam aǵiǵane; 16) (iḍâ svaḥ ǵyotiḥ) [76]); 17) Ar. 4, 11; 18) St.: dughâḥ; Ar. 2, 5; 19) St.: vâk ha; Ar. 4, 12; 20) St.: pra-ǵâ tokam aǵiǵane yaçaḥ akrân bhûtam atatanat pra-ǵâḥ u sam acûkupat paçubhyaḥ; Ar. 3, 12 [77]); 21 и 22) nihnavâbhihnavâu anaḍudvrate vâ AB.: St.: iti mâtrâ carati vatsakaḥ svayam skunve.—

VI prapâṭhaka, 1 ardha:

1) agner vratam: Ch. 1, 1, 3, 7; St.: 2, 9: bhrâǵa viçvasya ǵagataḥ ǵyotiḥ. — 2) vâyor vratam: Ch. 5, 2, 3, 7; St.: viçvasmâi ǵagate ǵyotiḥ.—3 и 4) mahâvâiçvânaravrate dve: 3) St.: vayaḥ payaḥ cakshuḥ çrotram âyuḥ tapaḥ varcaḥ teǵaḥ agniḥ sam-udram â kshayat; Ar. 3, 8; 4) iha svaḥ vâiçva-narâya pra-diçaḥ ǵyotiḥ bṛhat induḥ iḍâ satyam dyâuḥ bhûtam pṛthivî sahaḥ teǵâḥ âpaḥ ushâḥ diçaḥ ǵyotiḥ gharmaḥ marudbhiḥ bhuvaneshu cakradat; Ch. 1, 1, 5, 9.—5 и 6) bhrâǵâbhrâǵe dve=sûryasya bhrâǵâbhrâǵe dve AB.: 5) Ar. 5, 1; St.: bhrâǵa; 6) Ch. 1, 1, 3, 7; St.: â bhrâǵa. — 7 и 8) vâyor vikarṇabhâse dve, vâyor mṛtyor vâ AB.: 7) vikarṇam AG.: Ar. 5, 2; St.: ṛtam me phaṭ; 8) bhâsam AG.: Ar. 3, 8; St.: bhadram çreyaḥ vâmam varam svam abhrâǵit ǵyotiḥ abhrâǵit dîdivaḥ bhas.— 9—19) âindram mahâdivâkîrtyam sâuryam vâ daçânugânam: tasya çiraç ca grîvâç ca skandhakîkasâu ca purushâṇi ca pakshâu câtmâ coru ca puccham câitat sâma suparṇam ity âcakshate AB. [78]): 9) St.: vâk ǵyotiḥ; 10) eva hi agne hi indra hi pûshan hi devâḥ; 11) (vayaḥ manaḥ vayaḥ pra-ânaḥ vayaḥ cakshuḥ vayaḥ çrotram vayaḥ ghoshaḥ vayaḥ vratam vayaḥ bhûtam) [79]); 12) id.; 13) ûrk dharmaḥ dharmaḥ; 14) dharma vi-dharma satyam ǵaya ṛtam banda [80]) haṅ vam; 15) (abhrá-

---

74) Въ AG. такъ же.

75) Въ AG. нѣтъ этихъ названій.

76) Стобһа не имѣетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ этихъ трехъ словъ, но см. выше.

77) Можетъ быть, этотъ стихъ входитъ и въ два слѣдующихъ sâman. Въ рукописяхъ AG., которыми я пользовался для этого мѣста, дѣленіе sâman ошибочно.

78) AG. рук. A ставитъ названіе mahâdivâkirtyam передъ 15-мъ sâman.

79) Въ Стобһѣ этихъ словъ здѣсь нѣтъ, но см. выше (AG. IV, 2, 20).

80) Въ Стобһѣ: bada.

ǵit ǵyotiḥ) [81]; Ar. 5, 2; 16) St.: (bhûmiḥ antariksham dyâuḥ bhûtâya) [81]; 17) (dyâuḥ antariksham bhûmiḥ ayushe) [81]; 18) (ǵyotih) [81]; 19) sam tvâ bhûtâni âirayan sam tvâ bhavyâni âirayan sam tvâ bhavishyat âirayat sam tvâ bhuvanam âirayat sam tvâ bhûtam âirayat.—

2 ardha:

1—21) âdityavratam ekaviṃçatyanugânaṃ çâṇḍilîputro, dvâviṃçatir iti vârshagaṇîputro [82]), „vâi devâḥ samâirayâḥ (sic) saṃ çatâni bhûtavad" ity ekam. „citraṃ devânâm", „antar" iti dvayor aparaṃ gandharvâpsarasâm ânandapratinandâu pakshâu, sâuryo 'tîshaṅga, indrasya ca sadhastham, marutâm bhûtiḥ, praǵâpateḥstisraḥ, sârparâǵṅaḥ sarpâṇâṃ vârbudasya vâ sarpasya gharmarocanam indrasya vâ, shaḍ âindrâḥ paridhaya ṛtûnâṃ, „vâg" -âdi- „pitryam" -antyam vâikalpikam, tan mitrâvaruṇayoç cakshur ity âcakshate, çrotraṃ ca, tad evâike: dvitîyo 'tîshaṅgas, tam [83]) mitrâvaruṇayoḥ çrotram ity âcakshate, cakshuç ca, tad evâike: tṛtîyo 'tîshaṅgas, tam indrasya çira ity âcakshata, âdityasyonnayaṃ tad âdityâtmâ ity âcakshate. AB.: 1) St. 2, 10: uvi iti asi arûrucaḥ divam pṛthivîm patiḥ asi apmâ osha-dhînâm viçveshâm devânâm sam-it a-ǵasram ǵyotiḥ â-tatam âyuh yam avaḥ ǵana [84]) vanam svaḥ sṛpi pra-sṛpi astoshata sva-bhânavaḥ vi-prâh navishṭhayâ matî [85]) grâvâṇaḥ barhishi priye indrasya raṅhyan bṛhat pra u eti; Ar. 5, 3 и 5, 5 [86]); 2) St.: uvi higi higigi; Ar. 5, 4; 3) St. id.; Ar. id.; 4) St.: bhrâǵa; Ar. 5, 3; Ch. 1, 1, 3, 11; 5) St.: sahaḥ bhrâǵa apaḥ bhrâǵa abhrâǵit vi abhrâǵit adidyutat viçvam bhûtam sahaḥ bṛhat adidyutat abhrâṭ pra-abhrâṭ adidyutat gharmaḥ arûrucat adidyutat gharmaḥ ushasaḥ arocayaḥ (sic); 6) St.: bhûtiḥ sarvân kâmân açîmahi; Ar. 5, 5; 7) Ar. 5, 4; 8) Ar. 5, 5; 9) Ar. 5, 6; 10) St.: ut-yan lokân arocayaḥ imân lokân arocayaḥ bhûtam arocayaḥ viçvam bhûtam arocayaḥ; 11 и 12) St.: didîhi viçvataḥ pṛthuḥ; Ch. 1, 1, 3, 11, Ar. 5, 7 и 5, 8; 13) St. id.; Ar. 5, 9 и 5, 10; 14) St. id.; Ar. 5, 10 и 5, 11; 15) St. id.; Ar. 5, 12; 16) St. id.; Ar. 5, 12; 5, 13 и 5 14;

---

81) Въ Стобһѣ этихъ словъ здѣсь нѣтъ, но см. выше.

82) Можно было бы прочесть vârshayaṇîputro, но подобное имя не извѣстно.

83) Въ рукоп.: tan.

84) Въ рукоп.: ǵanâ.

85) Срав. RV. 1, 82, 2.

86) Такимъ образомъ Ar. 5, 5 предшествуетъ стиху Ar. 5, 4.

17) St.: vâk manaḥ pra-ânaḥ apa-ânaḥ vi-ânaḥ cakshuḥ çrotram çarma varma bhûtiḥ prati-sthâ â-dityaḥ pitryam âyuḥ pitryam; 18) St.: antaḥ deveshu rocase bhoḥ (?) [87]); Ar. 5, 5; 19) Ch. 1, 1, 3, 11; 20) Ch. id., Ch. 4, 1, 3, 6; 21) ut nayâmi â-dityam prâcam (sic) yantam ut nayâmi ahaḥ-râtrâṇi [88]) aritrâṇi dyâuḥ nâuḥ tasyâm asâu â-dityaḥ îyate tasmin vayam îyamâne iyâmahe (sic) priye dhâman tri-akshare.

Mahânâmnî=âindryo mahânâmnyaḥ pragâpater vâ vishṇor vâ viçvâmitrasya vâ simâ vâ maṭṇyâ [89]) vâ çakvaryo vâ AB.

Для образца я привожу начало, изъ котораго можно видѣть дѣленіе стиховъ на составныя части:

e 2; vidâmaghavanvidâḥ, gâtumanuçaṅsishaḥ, dâ-îçâ 31 uvâ 23, î 34 ḍâ; e 2; çikshâçacînâmpatâ-î, pûrvîṇâmpuru 2, vasâ 31 ruvâ 23, î 34 ḍâ, âbhishṭumabhâ 2 yîshṭibhir â 31 uvâ 23, î 34 ḍâ, svarnâṅçû S [90]) 2 ḥ, hâ 31 vâ 23, î 34 ḍâ, prâcetanapracetayâ, indrâ, dyumnâyanâ 2 ishâ-î, iḍâ, indrâ, dyumnâyanâ 2 ishâ-î, athâ, indrâ, dyumnâyanâ 2 ishâ-î, iḍâ, evâhiçakrorâyevâgâyavâ 1 grî 3 vaḥ, и т. д. Въ концѣ строфы: iḍâ 2345; e 2.

---

87) Въ Стобнѣ рук. а: bhâḥ.

88) ahorâtrâṇi.

89) У Бенфея (Die Hymn. d. SV., стр. VII): mâhṇya.

90) Знакъ «avagraha», передаваемый мною черезъ S, выражаетъ здѣсь, вѣроятно, тонъ «krushṭa».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Сскр. мѣстный пад. nâbhâu = nâbhâ. Другіе случаи колебанія между -â и -âu въ концѣ словъ: оба варіанта восходятъ къ первонач. -ân. Первое лице ед. ч. прошедш. совершен. времени. Присутствіе -n въ окончаніи перваго лица ед. ч. настоящ. времени глаголовъ перваго спряженія. Производные глаголы, образованные при помощи ja = jâ. Ст. слав. имаамь и т. д. Фонетическая аналогія между берѫ и рыбоѭ, литовск. suku и vilku и т. д. Присутствіе -n въ индоевроп. окончаніи творительн. пад. ед. ч. Окончаніе -n въ первомъ лицѣ ед. ч. прошедш. совершен. времени. Индоевроп. форма третьяго лица ед. ч. прошедш. совершен. времени. Отношеніе глагольныхъ окончаній (въ флексіяхъ) къ мѣстоименнымъ корнямъ. Возможное происхожденіе мѣстоименныхъ корней. Появленіе «я». Медіальныя окончанія въ глаголѣ и ихъ отношеніе къ окончаніямъ активнымъ. Усиленіе гласныхъ. Присутствіе -n въ окончаніи винительн. пад. двойствен. числа; совпаденіе этого падежа съ именительнымъ. Заключеніе о мѣстн. пад. nâbhâu = nâbhâ.

I.

По поводу формы мѣстнаго падежа nâbhâ (= nâbhâu), которую мы встрѣтили въ стихѣ Âr. 3, 13, я позволю себѣ разсмотрѣть здѣсь нѣкоторыя явленія, стоящія въ связи съ сскр. â = âu и имѣющія важность для сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.

Извѣстно, что такія формы мѣстнаго падежа, какъ: agnâ, nâbhâ, ûrmâ, nemadhitâ и другія, отъ основъ на *-i*, составляютъ принадлежность ведійскаго языка и не встрѣчаются въ позднѣйшемъ санскритѣ, который имѣетъ вмѣсто того: agnâu, nâbhâu и т. д. Но эти послѣднія формы существовали также и въ языкѣ Ведъ, и притомъ нѣкоторыя имена на *-i* образуютъ здѣсь мѣстный пад. ед. ч. исключительно на -âu, тогда какъ другія представляютъ оба окончанія, -â и -âu, съ преобладаніемъ того или другаго (иногда подъ вліяніемъ слѣдующаго звука); такъ, напр., въ Ригведѣ форма agnâu встрѣчается чаще, чѣмъ agnâ, но nâbhâ относится къ nâbhâu, какъ 20 къ 2 [1]). Ни Боппъ, ни Шлейхеръ не упоминаютъ о ведійск.

[1]) См. Грассмана Wörterbuch zum Rig-Veda.

формѣ на -â, а что касается обыкновеннаго окончанія мѣстнаго пад. основъ на *-i*, то оба они объясняютъ это -âu неудовлетворительно. Боппъ [2]) высказывалъ такое предположеніе, что -âu явилось здѣсь изъ -âs и есть собственно окончаніе родительнаго падежа, подобно тому какъ и -âu въ именит. винит. пад. двойств. ч. произошло, по его мнѣнію, изъ -âs; въ мѣстномъ пад. на -âu, отъ основъ на *-i*, замѣчательно еще то, что тематическая гласная выпадаетъ передъ этимъ окончаніемъ и сохраняется лишь въ словахъ patyâu, sakhyâu (отъ pati—, sakhi—). Неудовлетворительность этого объясненія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что переходъ âs въ âu не находитъ никакихъ аналогій [3]), а вмѣстѣ съ тѣмъ страннымъ казалось бы и то, что основы на *-i* такъ рано утратили настоящій мѣстный падежъ и должны были обратиться къ формѣ родительнаго пад.; наконецъ, окончаніе -âs является въ родительн. пад. лишь въ женскомъ родѣ.—Иначе смотрѣлъ на формы мѣстн. пад. agnâu, nâbhâu и т. д. Шлейхеръ [4]): онъ объяснялъ эти образованія тѣмъ, что основы на *-i* подчинились въ данномъ случаѣ аналогіи основъ на *-u* и приняли окончаніе, принадлежащее этимъ послѣднимъ (-âu изъ -avi [5])). Но и съ этимъ объясненіемъ нельзя согласиться: основы на *-i* нигдѣ не оказываютъ наклонности подчиняться аналогіи основъ на *-u*, не только въ санскритѣ, но и въ другихъ родственныхъ языкахъ; какія же фонетическія причины (а другихъ не могло быть) побуждали къ тому, чтобы форма * agnayi обратилась въ agnâu и совпала такимъ образомъ по окончанію съ sûnâu? Наконецъ, еслибъ Шлейхеръ принялъ во вниманіе ведійскія формы agnâ, nâbhâ и т. д., то долженъ былъ бы отказаться отъ того объясненія, какое дано имъ для agnâu, nâbhâu и т. д. Очевидно, что мѣстн. пад. agnâ относится къ agnâu точно такъ же, какъ именит. винит. двойств. ч. açvinâ (въ Ведахъ) къ açvinâu (въ Ведахъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ) или какъ въ прошедш. совершен. врем. dadâ (въ Ведахъ) къ dadâu (въ Ведахъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ). Шлейхеръ считаетъ формы açvinâ, dadâ болѣе древними, сравнительно съ açvinâu, dadâu, и видитъ въ âu

---

2) Vergleichende Grammatik, второе изданіе, I, § 198.

3) Мы увидимъ ниже, что и въ двойствен. числѣ -âu не можетъ объясняться изъ -âs.

4) Compendium, второе изданіе, стр. 566.

5) Я думаю, что это еще вопросъ, произошло ли -âu въ sûnâu изъ -avi въ sûnavi (въ Ведахъ).

„помутившееся“, â [6]); слѣдовательно, и форму agnâ онъ долженъ былъ бы признать болѣе древнею, чѣмъ agnâu [7]), а потому объясненіе, предложенное имъ для этой послѣдней, неудовлетворительно даже съ его точки зрѣнія. Трудно, однако, видѣть здѣсь въ âu измѣненіе гласной â, такъ какъ вокализмъ санскрита стоитъ на очень древней ступени; обращеніе â въ е (это е не было дифтонгомъ), разсматриваемое Шлейхеромъ рядомъ съ переходомъ â въ âu, вовсе не аналогично съ нимъ, и мы скорѣе бы ожидали въ такомъ случаѣ перехода â въ о (не дифтонгъ).

По Боппу, форма açvinâ новѣе формы açvinâu [8]), и, слѣдовательно, agnâ онъ объяснялъ бы изъ agnâu [9]). То обстоятельство, что â въ этихъ случаяхъ является лишь въ языкѣ Ведъ, а âu господствуетъ въ позднѣйшемъ санскритѣ, не доказываетъ еще, конечно, большей древности â, сравнительно съ âu, такъ какъ въ нѣкоторыхъ образованіяхъ ведійскій языкъ можетъ представлять черты болѣе новыя, чѣмъ тѣ, какія мы находимъ въ классическомъ санскритѣ. Но противъ Бопповскаго объявненія говоритъ неправильность перехода âu въ â, а также и то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ вмѣсто ведійскаго â въ позднѣйшемъ языкѣ исключительно господствуетъ âu, большая древность этого âu, сравнительно съ â, не подтверждается анализомъ.

Вотъ эти случаи, аналогичные съ agnâ=agnâu: 1) первое и третье л. ед. ч. прош. соверш. времени глаголовъ на -â: dadâ=dadâu и т. п.; 2) именит. винит. пад. двойствен. ч.: açvinâ=açvinâu, ubhâ=ubhâu и т. п.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что окончаніе â=âu произошло здѣсь всюду однимъ и тѣмъ же путемъ, и объясненіе Боппа, мнѣ кажется, уже потому можетъ возбуждать недовѣріе, что для âu въ перфектѣ онъ долженъ предполагать иное происхожденіе [10]), чѣмъ для âu въ двойств. ч. Ту же непослѣдовательность, и еще въ большей степени, мы видимъ у Куна, по отношенію ко всѣмъ тремъ âu [11]). Принимая для â=âu одно и то же происхожденіе во всѣхъ

---

[6]) Compend., стр. 33.

[7]) Такъ, дѣйствительно, поступаетъ Шереръ; см. его Zur Geschichte der deutschen Sprache, стр. 283.

[8]) Vgl. Grammatik, I, §§ 206 и 208.

[9]) Такъ поступаетъ Кунъ; см. Zeitschrift, XVIII, стр. 366.

[10]) Vgl. Gram., II, § 618.

[11]) Zeitschrift, XV, 309; XVIII, 326 и 366.

указанныхъ выше формахъ, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду, что нѣтъ никакихъ основаній считать здѣсь â болѣе древнимъ, чѣмъ âu, или наоборотъ (по крайней мѣрѣ, нельзя было бы доказать этого), и наша задача состоитъ, слѣдовательно, въ возведеніи этихъ â и âu къ одному и тому же сочетанію. Не трудно догадаться, что здѣсь должна была принимать участіе одна изъ носовыхъ согласныхъ, такъ какъ намъ извѣстно, что носовыя *n* и *m* не только могутъ исчезать (не всегда черезъ посредство носовыхъ гласныхъ), но также и развивать изъ себя гласный призвукъ *u*; это вокализированіе носовыхъ подробно разсмотрѣно Іог. Шмидтомъ въ его книгѣ: Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. Теперь вопросъ въ томъ, которая же изъ двухъ носовыхъ согласныхъ стояла нѣкогда въ концѣ указанныхъ выше формъ. Рѣшеніе этого вопроса я начну съ перфекта, въ связи съ которымъ мнѣ придется разсмотрѣть и нѣкоторыя другія образованія индоевропейскаго языка.

II.

Кунъ и Шмидтъ [12]) объясняютъ сскр. 1-е л. ед. ч. перфекта dadhâu изъ * dadhâm, и это же объясненіе представлялось возможнымъ Боппу, хотя онъ и ставилъ рядомъ съ нимъ другое, болѣе неудовлетворительное (âu изъ â+u, вмѣсто â+a) [13]). Въ языкѣ Ведъ возможна была, конечно, и форма dadhâ (сравни въ третьемъ лицѣ paprâ=paprâu) [14]), гдѣ долгота гласной принадлежитъ глагольной основѣ (dadhâ), что видно изъ сравненія cakara и т. п. съ греческ. οἶδα, готск. vait, baug и т. д. Слѣдовательно, сскр. âu въ dadhâu мы имѣли бы право возводить только къ âm, но не къ am, что не достаточно было разграничено Куномъ и могло дать поводъ къ возраженію со стороны Дельбрюка [15]). Правда, въ текстѣ „saṁhitâ“ Ведъ

---

[12]) Zeitschrift, XVIII, 326; Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus, 152.

[13]) Vgl. Gram., II, § 618.

[14]) По крайней мѣрѣ, Бенфей не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакого различія между первымъ и третьимъ лицемъ (см. Vollständige Grammatik der Sanskritsprache, стр. 41 и 377). Ригведа не даетъ здѣсь матеріала, такъ какъ въ ней ни разу не встрѣчается 1-е л. ед. ч. перфекта (дѣйств. зал.) отъ глаголовъ на -â; ср. Дельбрюка Das altindische Verbum, стр. 26.

[15]) Zeitschrift, XXI, 88—89. Дельбрюкъ, подобно Шлейхеру, видитъ въ âu глухо звучавшее â («eine dumpfere Aussprache des langen â»).

существуютъ и такія рѣдкія формы, какъ bibhayâ (въ „pada“ bibhaya) [16]), гдѣ долгота гласной можетъ быть объясняема вліяніемъ носовой, но * bibhayâu мы все таки не находимъ, такъ какъ основа не оканчивалась здѣсь на *-â*. Я думаю далѣе, что нѣтъ никакой необходимости предполагать для конечнаго *a* въ cakara, tatapa и т. д. происхожденіе изъ *â*, ибо носовая согласная могла исчезать, не оставляя послѣ себя слѣда; по крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе.

Очевидно, что форма * dadâm, предполагаемая Куномъ и Шмидтомъ, можетъ опираться не только на санскритскія образованія, но также и на греческія, гдѣ въ сохраненіи конечной альфы легко усмотрѣть вліяніе носовой; οἶδα: * vaidam=πόδα: * padam. Эти же факты говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ противъ объясненія, предложеннаго Шлейхеромъ для 1-го л. ед. ч. перф. (*-a* изъ *-ma*) [17]), и потому понятно, что теорія Шлейхера не встрѣтила поддержки со стороны другихъ лингвистовъ; опроверженіе ея можно видѣть, напр., въ книгѣ Курціуса: Das Verbum der griechischen Sprache, стр. 35 и слѣд. Самъ Курціусъ не останавливается, однако, на формѣ * dadhâm, предположенной Куномъ, но идетъ дальше и объясняетъ, напр., γέγονα изъ * γεγοναμι, сскр. ǵaǵâna изъ * ǵaǵânami [18]), т. е. онъ думаетъ, что окончаніе -mi сохранялось здѣсь еще въ періодъ раздѣленія индоевропейскаго языка. Я не могу, однако, согласиться съ этимъ, такъ какъ не вижу никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ достовѣрностью указать на индоевроп. * gaganami, въ значеніи 1-го л. ед. ч. перф.; эта форма можетъ быть построена лишь теоретически, такъ какъ окончаніе -mi не сохранилось здѣсь ни въ одномъ изъ индоевропейскихъ языковъ. Курціусъ ссылается на эол. ϝοίδημι, но неужели можно смотрѣть на это образованіе какъ на архаистическій перфектъ, утраченный всѣми другими языками? Самая единичность примѣра говоритъ противъ такого объясненія, и я не вижу причины, которая мѣшала бы признать ϝοίδημι за настоящее время, образованное такъ же, какъ ὅρημι, χάλημι и т. д.; слѣдовательно, ϝοίδημι тождественно по формѣ (но не по значенію) съ сскр. vedayâmi.

Не соглашаясь съ Курціусомъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу счи-

---

[16]) RV. 8, 45, 35.

[17]) Compend., стр. 663.

[18]) Подобный выводъ представлялся возможнымъ и Боппу; см. Vgl. Gram., II, § 611.

тать достовѣрнымъ и то объясненіе, которое дано Куномъ и Шмидтомъ. Если въ періодъ раздѣленія индоевропейск. языка существовала форма перфекта * dadhâm, то почему же конечное *m* нигдѣ не удержалось, между тѣмъ какъ въ другихъ временахъ это *m* сохраняется? Можно было бы допустить неправильность для того или другаго изъ индоевроп. языковъ, но откуда это совпаденіе индо-эранскихъ языковъ съ греческимъ и латинскимъ [19])? Я думаю поэтому, что въ періодъ раздѣленія индоевропейскаго языка окончаніемъ 1-го л. ед. ч. перф. было не *m*, но *n*, которое по вліянію, оказываемому на предшествующіе звуки, стоитъ близко къ *m*. Очевидно, что одновременное исчезновеніе конечнаго *n* въ языкахъ индо-эранскихъ, греческомъ и латинскомъ далеко не такъ удивительно, какъ должно было бы казаться подобное же исчезновеніе *m*, и причина этого та, что у насъ нѣтъ пока примѣровъ, на основаніи которыхъ мы могли бы судить, какъ должны были поступать языки съ конечнымъ *n* въ флексіяхъ, такъ какъ сравнительная грамматика до сихъ поръ нигдѣ не предполагала индоевропейск. *n* въ концѣ флексій. Противъ моего объясненія сскр. dadhâu, cakara и т. д. изъ * dadhân, * kakaran и т. д. говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что въ окончаніи 1-го л. ед. ч. является всегда согласная *m*, а не *n*, такъ какъ самое окончаніе стоитъ въ связи съ мѣстоименнымъ корнемъ ma. Но во-первыхъ, въ мѣстоименіи 1-го лица мы встрѣчаемъ рядомъ съ ma также и na (произошло ли это *n* изъ *m*, или нѣтъ, для насъ въ данномъ случаѣ все равно), а во-вторыхъ, это же *n* легко открыть въ глагольномъ окончаніи 1-го л. ед. ч. не въ одномъ только перфектѣ.

Въ классическомъ санскритѣ 1-е л. ед. ч. настоящ. времени всегда оканчивается на -mi, но въ Ведахъ извѣстна и другая форма, на -*â* (въ текстѣ „pada" -*a*, по смѣшенію со 2-мъ л. повелит. наклон.), гдѣ -*a* принадлежитъ основѣ. Эта форма употребляется, правда, только въ сослагательн. наклоненіи, но подобное ограниченіе, само собою разумѣется, составляетъ черту позднѣйшую (изъ индо-эранской эпохи, какъ мы увидимъ ниже), такъ какъ первоначально сослагательн. наклоненіе не могло разниться въ своихъ окончаніяхъ отъ изъявительнаго. Дельбрюкъ [20]) правильно объясняетъ

---

[19]) Готскій языкъ, по своимъ законамъ окончанія словъ (Auslaut'a), не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого значенія.

[20]) Das altindische Verbum, стр. 23.

это -*â* изъ -ân и приводитъ даже изъ Атhарваведы (5, 8, 7) форму tṛṇahân [21]), въ которой конечное *n* еще сохраняется; я нахожу, однако, эту форму крайне сомнительною [22]) и не могу придавать ей никакого значенія. Въ -ân, -*â* Дельбрюкъ видитъ измѣненіе того -âni (т. е. â-ni), которое является въ 1-мъ лицѣ ед. ч. повелит. наклон., и на основаніи его словъ можно было бы думать, что весь этотъ процессъ произошелъ на почвѣ древнеиндійскаго языка. Сравненіе съ языкомъ Авесты разубѣждаетъ насъ, однако, въ этомъ и заставляетъ признать уже для индо-эранской эпохи существованіе * -ân, (въ основахъ на -a), помимо -âni. Окончаніе -ni, -nî употребляется въ Авестѣ, точно такъ же какъ и въ санскритѣ, съ значеніемъ 1-го л. ед. ч. повелит. накл., но кромѣ того, въ діалектѣ, на которомъ составлены Гатhы (ед. ч. gâthâ), мы встрѣчаемъ также и окончаніе -*â*, совпадающее съ ведійскимъ -*â* въ первомъ лицѣ; то же окончаніе (съ сокращеніемъ въ -*a*) употребляется иногда, какъ кажется, и въ другихъ частяхъ Авесты [23]). Обыкновенно эти формы на -*â* понимаютъ въ значеніи изъявительнаго наклон. и, напр., въ pereçâ видятъ лишь варіантъ pereçâmi, но я думаю, что и здѣсь существовало такое же различіе, какъ и въ языкѣ Ведъ; поэтому, напр., zbayâ я перевожу: „я стану призывать", а не „я призываю" [24]). Подобнымъ же образомъ и въ будущихъ: vakhshyâ, dâoňhâ [25]) и т. д. я вижу сослагательное наклоненіе; относительно dâoňhâ такъ же думаетъ и Шпигель [26]). Понятно, что въ соотвѣтствіе съ vakhshy*â* и т. д. мы могли бы ожидать въ Ведахъ, въ значеніи 1-го л. ед. ч. сослагат. наклон. будущ. врем., такихъ формъ, какъ * karishy*â*; эти формы въ дѣйствительности не сохранились, но лишь потому, что сослагательн. наклоненіе будущ. врем. рано вышло изъ употребленія и извѣстно намъ только

---

21) Ротъ и Витней пишутъ tṛṇahâ*m*.

22) Припомнимъ, что текстъ Атhарваведы редижирозанъ довольно поздно.

23) См. Юсти Handbuch der Zendsprache.

24) Понятно, что смыслъ въ подобныхъ случаяхъ не можетъ рѣшать, имѣемъ ли мы изъявительн. или сослагат. наклон.; но, напр., въ yavaṭ içâi tavâcâ (Y. 28, 4) или въ yavaṭ tavâcâ içâicâ (Y. 49, 14) значеніе сослагательн. наклоненія для формы tavâ (отъ глагола tu «мочь, быть въ силахъ») не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ içâi есть, безспорно, сослагательн. наклоненіе.

25) Образованіе dâoňhâ изъ dâsyâ вполнѣ правильно; о необходимомъ здѣсь выпаденіи іота см. Шпигеля Grammatik der altbaktrischen Sprache, § 79.

26) См. ibid., стр. 392.

изъ одной формы 2-го л. ед. ч., именно изъ karishyás (RV. 4, 30, 23) [27]).

Что касается -ni (-á-ni) въ повелительн. наклоненіи, то я вижу въ этомъ окончаніи спеціальное индо-эранское образованіе, но иначе смотрю я на -á въ Ведахъ и въ Авестѣ. Это -á, по моему мнѣнію, восходитъ къ индоевропейск. -ân, изъ котораго должны объясняться также греческ. -ω, латинск. -ô, др. ирландск. -u, ст. слав. -ѫ, лит. -uo [28]) (въ медіумѣ, передъ -s), -u, готск. -a, двн. -u. Принято думать, что всѣ эти окончанія произошли изъ индоевропейск. -ami или -âmi, но откуда же явилось это совпаденіе другъ съ другомъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, поступающихъ совершенно неправильно съ конечнымъ -mi? Сходство между языками можетъ быть, конечно, случайнымъ, тамъ, гдѣ оно объясняется изъ спеціальныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ каждомъ изъ нихъ; но къ данному случаю это объясненіе не примѣнимо, такъ какъ спеціальные законы ни одного изъ этихъ языковъ не оправдываютъ того, что случилось съ конечнымъ -mi. Очевидно, что окончаніе -mi не могло отпасть вдругъ, и, слѣдовательно, должна была существовать промежуточная форма, оканчивавшаяся на -m. Естественно думать, что для чутья говорившихъ это -m совпадало съ тѣмъ -m, которое является въ окончаніи 1-го л. ед. ч. прошедшихъ временъ, но почему же съ послѣднимъ -m языки (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые) поступали иначе, чѣмъ съ первымъ? Курціусъ, объясняя греч. φέρω изъ * bharami, * bharam, замѣчаетъ при этомъ слѣдующее: „Warum aus * φέρομ nicht * φέρον ward, wie aus ἔ-φερομ ἔ-φερον, bleibt freilich noch dunkel“ [29]). Мы могли бы, пожалуй, отнестись къ этому „почему“ довольно равнодушно, еслибъ оно не напрашивалось при анализѣ той же формы и въ другихъ языкахъ; а это обстоятельство должно наводить насъ на мысль, что наша первая посылка ошибочна, т. е. что мы не имѣемъ основанія объяснять φέρω, fero и т. д. изъ * bharami или * bharâmi.

---

[27]) Эту же форму Максъ Мюллеръ (Rig-Veda-Sanhita translat. and explain, стр. 189) предлагаетъ видѣть въ стихѣ RV. 1, 165, 9, гдѣ текстъ «pada» имѣетъ karishyâ (не karishyaḥ).

[28]) Этотъ звукъ выражается обыкновенно черезъ u, имѣющее сверху ° (какъ въ чешскомъ), но за недостаткомъ шрифта я долженъ употреблять вмѣсто того uo. Въ литовскихъ книгахъ uo часто встрѣчается, хотя надо отдать преимущество правописанію Шлейхера, Куршата и др., такъ какъ этотъ звукъ произносится въ разныхъ нарѣчіяхъ различно; въ нѣкоторыхъ онъ, дѣйствительно, есть дифтонгъ uo.

[29]) Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 44.

Такимъ образомъ я думаю, что для каждаго безпристрастнаго читателя очевидна несостоятельность того мнѣнія которое выводитъ индо-эранск. -â, греч. -ω, лат. -ô, др. ирландск. -*u*, ст. сл. -*ѫ*, лит. -*uo*, -*u*, готск. -*a*, двн. -*u* изъ индоевропейск. -*ami* или -*âmi*. Ниже я разсмотрю вопросъ о томъ, произошло ли предполагаемое мною индоевроп. -*ân* изъ -*âmi*, или нѣтъ, а теперь указываю лишь на необходимость признать существованіе этого -*ân*, какъ варіанта при -*ami* или -*âmi*, въ настоящ. и будущ. глаголовъ перваго спряженія. [30]) Я вывожу для индоевропейск. языка форму * bharân, а не * bharan, такъ какъ долгота гласной указывается сравненіемъ языковъ; правда, мы могли бы объяснять происхожденіе долготы вліяніемъ носовой согласной, но въ такомъ случаѣ сходство между собою отдѣльныхъ языковъ было бы странно, такъ какъ конечная носовая не должна была непремѣнно удлиннять предшествующую гласную. Каждый согласится, что гораздо вѣрнѣе будетъ объяснять греч. -ω, лат. -ô изъ -*ân* (не изъ -*an*), при чемъ можетъ оставаться не рѣшеннымъ, произошли ли эти ω, ô изъ носовыхъ гласныхъ, или нѣтъ. [31]) Наконецъ, предполагаемое мною -*ân* подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что краткое -*an* мы должны признать въ перфектѣ, а окончаніе 1-го л. ед. ч. перфекта не могло имѣть то же количество гласной, какъ и соотвѣтствующее окончаніе настоящаго или будущаго времени, ибо иначе непонятно было бы, почему языки поступаютъ съ окончаніемъ перфекта не такъ, какъ съ окончаніемъ настоящаго или будущаго. Труднѣе опредѣлить количество *a* передъ -*mi*; указываетъ ли индоэранское bharâmi на индоевроп. * bharâmi, или же мы должны предполагать для индоевропейск. языка * bharami? Шлейхеръ принималъ въ качествѣ индоевропейской формы * bharami, [32]) точно такъ же какъ и Боппъ отдавалъ предпочтеніе * bharâmi передъ

---

30) Для краткости я удерживаю эту старую терминологію.

31) Извѣстно, что формы faciom, videom и т. д., встрѣчающіяся въ рукописяхъ Плавта, считаются Ричлемъ, Флекейзеномъ, Корсеномъ за простыя описки (см. Корсена Aussprache, 2-е изд., I, стр. 267), и потому нѣтъ необходимости примирять ихъ съ тѣмъ объясненіемъ, которое я даю для facio, video и т. д. Самое бóльшее, что могли бы доказать формы faciom, videom (еслибъ онѣ не были описками), это то, что конечное *o* было здѣсь въ извѣстную эпоху носовою гласною, которая выражалась то черезъ *o*, то черезъ *om*; въ послѣднемъ случаѣ писали *m*, и не *n*, по аналогіи съ sum, dicam и т. д.

32) Compend., стр. 763.

* bharami, хотя признавалъ возможною и эту послѣднюю форму [33]). Дѣйствительно, долгота гласной въ bharâmi могла бы быть явленіемъ спеціально индо-эранскимъ, подобно долготѣ *a* въ bharâmasi (bharâmas), bharâvasi (bharâvas); необходимости, однако, нѣтъ въ такого рода заключеніи, такъ какъ индо-эранск. bharámasi, bharâvasi могли быть образованы по аналогіи съ формою bharámi, вынесенною изъ индоевропейской прародины. Итальянскій ученый Асколи рѣшительно высказывается въ пользу индоевроп. * bharami и объясняетъ греческ. ω, лат. ô черезъ переходъ ami въ avi, av, au, [34]) но это объясненіе возбудило у Курціуса вполнѣ основательныя сомнѣнія, хотя онъ также предпочитаетъ для индоевропейск. языка форму * bharami; греч. ω въ φέρω произошло, по его мнѣнію, изъ носовой гласной, съ которою можно сравнить ст. слав. ѫ въ берѫ. [35]) Тотъ, однако, кто вмѣстѣ съ мною выводитъ греч. φέρω, ст. сл. берѫ и т. д. изъ индоевроп. * bharán, долженъ признать, что эти формы ничего не могутъ рѣшать относительно количества *a* передъ *mi*. Такимъ образомъ, пока не будетъ доказано противное, я остаюсь при томъ мнѣніи, что индоевропейск. языкъ въ періодъ, предшествовавшій раздѣленію, имѣлъ * bharâmi (=индо-эранск. bharámi), а не * bharami; долгота гласной находитъ соотвѣтствіе въ предположенной мною параллельной формѣ * bharán.

Шереръ въ своей книгѣ: Zur Geschichte der deutschen Sprache (стр. 173; 228) [36]) высказалъ такое предположеніе, что глаголы съ основою настоящ. врем. на *-a* оканчивались въ индоевроп. языкѣ въ 1-мъ л. ед. ч. на *-â*, между тѣмъ какъ *-mi* принадлежало лишь глаголамъ втораго спряженія. Очевидно, однако, что это предположеніе совершенно невѣроятно; противъ него говоритъ индо-эранск. bharâmi (по Шереру, *-mi* приставлено здѣсь впослѣдствіи), гомеровск. ἐθέλωμι (въ сослагат. наклон.) и т. д., а равно и то, что присутствіе носовой послѣ *-â* доказывается ст. слав. *-ѫ*, литовск. *-ио, и* (и конечно также др. ирландск. *-u*). Съ этими возраженi-

[33]) Vgl. Gram., II, § 434.

[34]) Di un gruppo di desinenze indo-europee (1868.). Я знакомъ съ этою статьею главнымъ образомъ по рецензіи, помѣщенной въ Revue de linguistique, II, стр. 340 и слѣд.

[35]) Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 43—44.

[36]) См. подробный разборъ этой книги, сдѣланный Куномъ въ Zeitschrift, XVIII, 321—411.

ями мы не можемъ встрѣтиться при томъ объясненіи, которое даю я для индо-эранск. -*â*, греч. -ω, лат. -ô и т. д.

Я думаю, что въ индоевроп. языкѣ глаголы перваго спряженія имѣли въ 1-мъ л. ед. ч. настоящ. и будущ. врем. (а слѣдовательно и въ сослагательн. наклон. не только этихъ временъ, но также и прошедшихъ) двѣ формы, одну на -*âmi*, другую на -*ân*. Нѣкоторые отнесутся, можетъ быть, недовѣрчиво къ возможности существованія такихъ варіантовъ въ индоевроп. языкѣ, но по моему мнѣнію, ошибка Шлейхера при возсозданіи этого языка состояла главнымъ образомъ въ томъ, что онъ часто искалъ единства тамъ, гдѣ его не было. Говоря объ индоевроп. языкѣ, мы разумѣемъ обыкновенно тотъ періодъ его жизни, который непосредственно предшествовалъ распаденію этого языка, а въ эту эпоху индоевроп. языкъ не былъ, конечно, какимъ-то примитивнымъ языкомъ, [37] но долженъ былъ имѣть за собою богатую исторію, ибо иначе онъ не выработалъ бы формы въ томъ совершенствѣ, какое мы находимъ въ немъ. Слѣдовательно, въ эту эпоху даже то, что восходитъ къ первоначальному единству, могло уже распасться на варіанты (примѣры представляетъ жизнь каждаго языка), но въ данномъ случаѣ, какъ я постараюсь показать далѣе, мы имѣемъ такіе варіанты, которые, по всей вѣроятности, никогда не были тождественны, и исконное различіе которыхъ стоитъ въ связи съ образованіемъ „я" въ индоевроп. языкѣ.

Принимая индоевроп. формы * bharân=* bharâmi, я, на основаніи сходства, представляемаго большинствомъ языковъ нашей семьи, заключаю, что въ періодъ раздѣленія индоевроп. языка формы вида * bharân преобладали надъ формами вида * bharâmi. Допустивши это, мы легко поймемъ, почему европейскіе языки или ихъ группы (нѣтъ надобности въ гипотезѣ общеевропейскаго языка) независимо другъ отъ друга утратили формы вида * bharâmi: это явленіе было слѣдствіемъ закона аналогіи, оказываемой большинствомъ на меньшинство, при чемъ могла вліять и сравнительно бòльшая краткость формы * bharân. Наконецъ, та же аналогія стала распространяться мало по малу и на глаголы втораго спряженія, и потому, напр., греч. δείκνυμι обратилось въ δεικνύω, литовск. dėmi въ dedu; понятно, что подобный переходъ не можетъ быть объясняемъ стремленіемъ къ сокращенію звуковой формы.—Но, спро-

[37]) Въ этомъ отношеніи можетъ быть сбивчиво названіе «Ursprache», «праязыкъ».

ситъ читатель, почему же языки индійскіе и эранскіе пошли инымъ путемъ? Если формы вида * bharân преобладали въ индоевропейск. языкѣ надъ формами вида * bharâmi, въ такомъ случаѣ должна быть непонятною утрата первыхъ въ языкахъ индійскихъ и эранскихъ. Разгадка этого заключается, по моему мнѣнію, въ томъ обстоятельствѣ, что еще въ индо-эранскую эпоху, какъ я указывалъ выше, окончаніе -*ân* въ 1-мъ л. ед. ч. стало принадлежностью только сослагательнаго наклоненія; другими словами, индо-эранскій языкъ воспользовался существованіемъ варіантовъ * bharân=bharâmi для цѣлей грамматическихъ, и одну изъ этихъ формъ, именно * bharân онъ сталъ употреблять въ значеніи сослагательнаго наклоненія (такъ какъ иначе 1-е л. ед. ч. сослагательн. наклон. настоящ. и будущ. не отличалось по звуковому виду отъ 1-го л. ед. ч. изъявит. наклон.). Подъ вліяніемъ этой же формы образовалось, можетъ быть, и * bharâni, изъ * bharâmi, въ 1-мъ л. ед. ч. повелительн. наклоненія. Такимъ образомъ окончаніе -*ân* (=-â въ Ведахъ и -â въ Авестѣ) въ 1-мъ л. ед. ч. съ теченіемъ времени нераздѣльно слилось съ значеніемъ сослагательн. наклоненія и потому должно было исчезнуть, какъ скоро сослагательн. наклоненіе вышло изъ употребленія. Нѣчто подобное существовало, можетъ быть, и въ греческ. языкѣ, если судить по гомеровск. ἐθέλωμι, но только здѣсь наоборотъ, окончаніе -μι совпало съ сослагательн. наклон. (поэтому и въ аористахъ: ἀγάγωμι, τύχωμι и т. д.), а -ω съ изъявительн.; во всякомъ случаѣ, однако, греческій языкъ никогда не различалъ такъ строго обоихъ окончаній, какъ индо-эранскій, и все дѣло ограничилось здѣсь, повидимому, лишь попытками, которыя могли затянуть только на время конечную гибель формъ вида * bharâmi. Но въ латинскомъ языкѣ оба эти окончанія существеннымъ образомъ разнятся, и -ô (изъ -*ân*) стало принадлежностью изъявительн. наклоненія, между тѣмъ какъ -*am* (изъ-â-*mi*) употребляется въ сослагательномъ. Подобнымъ же образомъ и древнеирландскій языкъ различаетъ между изъявительн. biur, изъ * biru (гдѣ -*u* изъ -*ân*), и сослагательн. -ber (=лат. feram).

Однимъ изъ доказательствъ того, что φέρω, берѫ и т. д. не могутъ быть объясняемы изъ * bharâmi (или * bharami) простымъ стремленіемъ къ сокращенію формы, служатъ производные глаголы съ такъ называемымъ суф. -aja. Въ этихъ глаголахъ сокращеніе было бы особенно понятно, такъ какъ они отличаются наибольшею полнотою звуковой формы, а между тѣмъ именно въ нихъ-то мы встрѣчаемъ окончаніе -*mi* въ евро-

пейскихъ языкахъ, напр. въ эол. ὄρημι, χάλημι, ст. слав. имамь, древневерхненѣм. sakêm=sagên, salbôm и т. д.; сюда же принадлежитъ, вѣроятно, и лат. inquam.[38]) Совершенно естественно то, что съ теченіемъ времени и эти глаголы подчиняются аналогіи большинства, но самое существованіе формъ χάλημι, имамь, sakêm, одновременно съ φέρω, берѫ, biru, требуетъ объясненія. Шлейхеръ видѣлъ въ этомъ *-mi* не первоначальное окончаніе, но позднѣйшій переносъ изъ втораго спряженія.[39]) Я не нахожу, однако, возможнымъ согласиться съ этимъ объясненіемъ, такъ какъ не видны причины, которыя могли бы вызвать явленіе, противорѣчащее общему стремленію языковъ къ сокращенію звуковой формы; притомъ же, и здѣсь нельзя упускать изъ виду совпаденіе отдѣльныхъ индоевроп. языковъ другъ съ другомъ. Курціусъ вполнѣ основательно, по моему мнѣнію, считаетъ эол. формы χάλημι, ὄρημι остаткомъ глубокой древности,[40]) и напрасно только не указываетъ онъ при этомъ хотя бы ни древневерхненѣм. языкъ, гдѣ соотвѣтствующіе глаголы имѣютъ въ 1-мъ л. ед. ч. *-m* или *-n*, изъ первонач. *-mi*.[41]) Курціусъ не объясняетъ, однако, почему самыя полныя формы особенно неохотно поддавались стремленію къ сокращенію, точно такъ же какъ и Боппъ даетъ очень неудовлетворительное объясненіе сохраненію *-m*= *-n* въ двн. sakêm=sagên, pëtôm=bëtôn и т. д.[42]) Для насъ этотъ вопросъ долженъ быть поставленъ въ нѣсколько иномъ видѣ, такъ какъ въ греч. -ω, ст. слав. -ѫ, двн. *-u* я не вижу сокращенія изъ -â*mi* (или -*ami*); мы должны, слѣдовательно, попытаться объяснить, почему форма * bharajâmi могла сохраниться въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ * bharâmi была вытѣснена формою * bharân.

Двоякое окончаніе 1-го л. ед. ч. настоящ. вр. принадлежало въ индоевроп. языкѣ, какъ я говорилъ, только глаголомъ перваго спряженія (поэтому и въ будущ., и въ сослагательн. наклон. прошедшихъ временъ то же двоякое окончаніе 1-го л. ед. ч.), между тѣмъ какъ глаголы втораго спряженія имѣли въ 1-мъ л. ед. ч. настоящ. вр. всегда -mi. Ясно, что сохраненіе формы * bharajâmi въ евро-

---

38) Тотъ же корень, что въ ст. слав. ѩчати, ѩкливъ? Въ inquis, inquit и т. д. является другая основа (на первонач. *a*).

39) Compend., стр. 665 и 667.

40) Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 39.

41) Гласная *i* должна была здѣсь отпасть по закону окончанія словъ.

42) Vgl. Gram. II, § 436, 3.

пейскихъ языкахъ легко объяснилось бы, еслибъ оказалось, что глаголы вида * bharajâmi принадлежали въ индоевроп. языкѣ ко второму спряженію, и, слѣдовательно, форма * bharajân никогда не существовала тамъ. Впослѣдствіи эти глаголы, какъ и другіе, подчинились аналогіи перваго спряженія, которая могла здѣсь дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что формы * bharajasi, * bharajati и т. д. легко напоминали * svidjasi, * svidjati и т. д., а эти послѣднія всегда принадлежали къ первому спряженію (основа настоящ. съ суф. -ja).—Извѣстно, что * bharajati должно дѣлиться на bhara-ja-ti, т. е. первое *a* въ такъ называем. суф. -aja- составляетъ окончаніе основы, къ которой приставлено -ja. Что касается происхожденія этого -ja, то я согласенъ съ тѣми лингвистами, которые видятъ въ немъ глаголъ ja=já „идти“ [43]), но я не могу согласиться, когда это -ja отождествляютъ съ тѣмъ -ja, которое служитъ для образованія основы настоящ. времени. За этимъ послѣднимъ -ja должно быть признано мѣстоименное происхожденіе, ибо нѣтъ причины отдѣлять его отъ остальныхъ суффиксовъ, образующихъ основу настоящ. времени, т. е. отъ -*a*, -na, -nu. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ничто не заставляетъ насъ возводить эти два -ja къ одному и тому же источнику, а напротивъ, допуская совершенно различное ихъ происхожденіе, мы тѣмъ легче поймемъ ту разницу, какая существуетъ въ употребленіи двухъ этихъ образованій. Принципъ, по которому составлена форма * bhara-jati тотъ же, что и въ будущ. * da-sjati; какъ здѣсь корень-основа da соединяется съ настоящ. временемъ отъ глагола as (въ основѣ as-ja—, s-ja—), такъ и въ * bharajati основа bhara— соединена съ настоящ. времен. отъ глагола ja. Но глаголъ ja (=jâ), само собою разумѣется, принадлежитъ ко второму спряженію; слѣдовательно, и производные глаголы вида * bharajati должны быть относимы по своему образованію точно такъ же ко второму, а не къ первому спряженію. Все это такъ, но тѣмъ не менѣе форма * bharajân должна была употребляться въ индоевроп. языкѣ, ибо иначе непонятно было бы, почему мы встрѣчаемъ въ Авестѣ vâurayâ, apaya [44]), въ соотвѣтствіе съ формами европейскихъ языковъ. Слѣдовательно, составъ глаголовъ вида * bharajati былъ забытъ еще до раздѣленія индоевроп. языка, или, другими словами, эти глаголы (по звуковому своему виду) подчинялись здѣсь

---

[43]) См. объ этомъ вопросѣ у Курціуса, Das Verbum, стр. 291 и слѣд.
[44]) См. Юсти Handbuch der Zendsprache, стр. 399.

аналогіи перваго спряженія. Такимъ образомъ анализъ производныхъ глаголовъ вида * bharajati нисколько не объясняетъ еще, почему европейскіе языки, утратившіе форму * bharâmi, сохраняютъ, однако, * bharajâmi. Объясненіе этого явленія, я надѣюсь, можетъ быть найдено въ связи съ разборомъ славянскихъ производныхъ глаголовъ.

Боппъ, говоря объ окончаніи 1-го л. ед. ч. настоящ. врем., указываетъ, между прочимъ, на то, что носовая *m* изъ -mi сохраняется до сихъ поръ въ словинскомъ языкѣ, напр. въ pletem, gorim, dêlam [45]). Кунъ въ своей рецензіи книги Шерера разсматриваетъ и другія славянскія нарѣчія, сохраняющія это -*m*, точно такъ же какъ и Курціусъ припоминаетъ сербск. плетем въ доказательство того, что въ европейскихъ языкахъ не совсѣмъ исчезло еще -*m* въ окончаніи 1-го л. ед. ч. настоящ. врем. глаголовъ съ основою на первоначальн. *a* [46]). Есть, однако, существенная разница между -*m* въ pletem и -*m* въ dêlam, что не было понято ни этими учеными, ни Миклошичемъ [47]); всѣ они заблуждаются также и касательно отношенія ст. слав. ѫ въ плетѫ къ -*m* въ pletem. Если плетѫ и pletem восходятъ къ одной и той же формѣ, какъ думаютъ Боппъ, Миклошичъ и другіе, то спрашивается, какъ же звучала эта форма. Она должна была, понятно, сохранять конечное *i*, такъ какъ еще въ общеславянск. языкѣ вошелъ въ силу законъ, по которому каждое слово могло оканчиваться лишь на гласную (простую или носовую); этотъ же законъ, какъ извѣстно, удерживался не только въ общемъ южнославянск. языкѣ, но и въ старославянскомъ. Но съ другой стороны, сравненіе славянскихъ нарѣчій дѣлаетъ несомнѣннымъ существованіе общеславянск. * pletѫ, такъ какъ лишь изъ общеславянск. ѫ объясняется окончаніе этой формы во всѣхъ славянскихъ языкахъ (пожалуй, за исключеніемъ словацкаго) [48]), въ томъ числѣ и въ сербско-словинскомъ, гдѣ рядомъ съ -em мы находимъ также сербско-хорватск. -*u* (преимущественно въ хорватскомъ), словинск. -o (преимущественно въ старыхъ памятникахъ). Далѣе, принимая во вниманіе литовскій языкъ (-uo-, -*u*), мы не затруднимся признать окончаніе -on или -ôn и для литовско-славянскаго языка. Такимъ образомъ очевидно, что формы плетѫ и pletem не

45) Vgl. Gram. II, § 436, 2.

46) Zeitschrift XVIII, 327—328; Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 43.

47) См. его Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Dritter Band.

48) Но и здѣсь является *u* въ reku.

могутъ быть возводимы къ одному общему источнику, и нѣтъ надобности указывать на несоотвѣтствіе между *e* въ -em и *o* или ô въ *ѫ*. Но позволительно ли думать, что pletem предполагаетъ общеславянск. форму * pletemi, какъ варіантъ при * pletѫ? Я принимаю подобные варіанты для индоевроп. языка, и признаніе общеславянск. * pletemi заставило бы меня только исправить предположенное мною выше индоевроп. * bharâmi въ * bharami; при всемъ томъ, я не могу допустить существованія общеславянск. * pletemi. Извѣстно, что окончаніе -em въ 1-мъ л. ед. ч. настоящ. врем. глаголовъ перваго спряженія встрѣчается въ нарѣчіяхъ словинскомъ, сербскомъ (вмѣстѣ съ хорватскимъ, гдѣ, однако, часто употребляется -*u*), словацкомъ и въ діалектахъ обоихъ лужицкихъ нарѣчій [49]) и частію польскаго. На основаніи такого распредѣленія фактовъ можно было бы предположить общеславянск. -emi, еслибъ какія нибудь другія соображенія заставляли насъ думать, что въ общеславянск. языкѣ формы вида * pletemi во всякомъ случаѣ существовали; но подобныхъ побудительныхъ причинъ я не знаю и считаю нужнымъ поэтому объяснять pletem иначе. По моему мнѣнію, pletem есть форма новая, вызванная аналогіею глаголовъ на -*m* (=ст. сл. -мь), и при томъ тогда, когда конечная гласная въ dam и др. уже отпала, такъ что въ переходѣ pletu (словинск. pleto) въ pletem не было особеннаго распространенія звуковой формы. Само собою разумѣется, нельзя остановиться на этомъ въ объясненіи pletem, но должно показать, что именно заставляло измѣнять pletu въ pletem, а въ виду согласія, представляемаго въ этомъ отношеніи различными славянскими нарѣчіями, необходимо найти для всѣхъ ихъ одну и ту же причину, изъ тождества которой вытекало бы и тождество слѣдствія. Такую причину я вижу въ стремленіи отличать 1-е л. ед. ч. настоящ. врем. отъ 3-го л. множ. ч. (въ польск. pijem и т. д. отъ 3-го л. ед. ч.), которое совпало здѣсь съ 1-мъ л., какъ скоро утрачено было конечное -t (=ст. слав. -ть), подобно тому какъ оно было утрачено и въ 3-мъ л. ед. ч. Слѣдовательно, 3-е л. мн. ч. pletu (словинск. dêlajo) потеряло конечное -t прежде, чѣмъ явилась форма 1-го л. ед. ч. pletem, вмѣсто pletu (словинск. pleto). Относительно словацкаго языка, который сохранилъ въ 1-мъ л. -u только въ reku, можно было бы замѣтить, что здѣсь 3-е л. мн. ч. достаточно уже отли-

---

[49]) Въ нижнелужицкомъ нарѣчіи гласная *e* въ -em обратилась въ jo, *o*.

чалось отъ 1-го ед. ч. количествомъ гласной, такъ какъ въ 3-мъ л. мн. ч. -u есть гласная долгая (ú); это возраженіе потеряетъ, однако, свою силу, какъ скоро мы припомнимъ, что во множествѣ случаевъ оба лица все таки должны были совпасть (напр. tiahnu), вслѣдствіе извѣстнаго закона, дѣйствующаго въ словацкомъ языкѣ по отношенію къ долготѣ гласныхъ. Формы 1-го л. ед. ч. и 3-го множ. стоятъ на столько далеко одна отъ другой по своему значенію, что ихъ звуковое тождество могло бы не препятствовать одновременному существованію pletu, 1-го л. ед. ч., и pletu, 3-го л. множ. ч. Въ такомъ бы положеніи дѣло, вѣроятно, и оставалось (какъ оно дѣйствительно можетъ оставаться въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ), еслибъ не оказали вліянія тѣ глаголы, въ которыхъ 1-е л. ед. ч. издавна оканчивалось на -m (=ст. сл. -мь), и гдѣ, слѣдовательно, не могло произойти звуковое совпаденіе этого лица съ 3-мъ множ. ч. Понятно, что языки воспользовались аналогіею такихъ глаголовъ и, принявши -m за признакъ 1-го лица, измѣнили pletu въ pletem. То обстоятельство, что эта форма звучитъ pletem, а не pletum (pletom), показываетъ, что основа plete-, являющаяся въ другихъ лицахъ, ясно представлялась говорившимъ, и обращеніе pletu въ pletem казалось тѣмъ, чѣмъ оно и было въ дѣйствительности, т. е. замѣною одного окончанія другимъ, тождественнымъ по значенію и болѣе выразительнымъ со стороны звуковой.

Не одни только глаголы, приставляющіе въ настоящ. времени флективныя окончанія прямо къ корню (ст. сл. есмь, вѣмь и т. д.), послужили тѣми образцами, по которымъ создана была форма pletem; но такое же вліяніе оказали и тѣ многочисленные производные глаголы, примѣромъ которыхъ можетъ служить словинск. dêlam. Относительно этихъ послѣднихъ глаголовъ нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что окончаніе -mi въ 1-мъ л. ед. ч. настоящ. врем. существовало въ нихъ еще въ общеславянскомъ языкѣ, такъ какъ всѣ славянскія нарѣчія представляютъ формы, соотвѣтствующія словинск. dêlam, т. е. съ согласною m въ окончаніи 1-го л. ед. ч. Только въ нарѣчіяхъ старославянскомъ и великорусскомъ настоящ. время вида * дѣламь, * дѣламъ почти вытѣснено другимъ, параллельнымъ образованіемъ, хотя и здѣсь мы находимъ ст. сл. имаамь, имамь [50]), русск. областн. знамъ (=знаю). Та-

[50]) Но въ новоболгарскомъ этотъ классъ глаголовъ вполнѣ развитъ, откуда слѣ-

кимъ образомъ очевидна необходимость признать здѣсь окончаніе -mi вынесеннымъ изъ общеславянскаго языка (ибо иначе непонятно было бы сходство, представляемое всѣми славянскими нарѣчіями именно въ этомъ классѣ глаголовъ), а въ этомъ общеславянск. -mi мы увидимъ, конечно, старое индоевропейск. окончаніе, особенно если примемъ во вниманіе эол. ὄρημι, κάλημι, двн. salbôm, sakêm и т. д. Да и какъ же иначе могли бы мы объяснить его? Если -mi перенесено сюда изъ такихъ глаголовъ, какъ *esmi, * dâmi (ст. сл. есмь, дамь), то почему же переносъ ограничился лишь одними производными глаголами, да и какія причины вообще могли вызвать его въ общеславянскомъ языкѣ? Ясно, что здѣсь не было того повода, который впослѣдствіи способствовалъ переходу, напр., словинск. pleto въ pletem.

Въ старославянскомъ языкѣ формы вида * дѣламь, за исключеніемъ только имаамь, были вытѣснены параллельнымъ образованіемъ дѣлаѭ, подобно тому какъ и въ великорусскомъ форма дѣлаю господствуетъ. Изъ сравненія съ другими славянскими нарѣчіями (напр. съ древнечешскимъ) не трудно заключить, однако, что подобныя формы существовали уже въ общеславянск. языкѣ, т. е. мы можемъ признать общеславянск. * dêlâjѫ, 3-е л. ед. ч. *dêlâjeti. Обыкновенно, думаютъ, что, напр., и чешск. dělá, польск. dziala, южнославянск. dêla и т. д. восходятъ также къ общеслав. * dêlâjeti, при чемъ не отдаютъ себѣ яснаго отчета касательно отношенія -am въ 1-мъ л. ед. ч. къ общеслав. -âjѫ. Но еслибъ мы даже оставили безъ вниманія послѣдній пунктъ, то всетаки не могли бы согласиться съ такимъ объясненіемъ. Гласная *a* въ чешск. dělá, польск. dziala, южнослав. dêla произошла, конечно, черезъ стяженіе, какъ это доказывается не только ст. сл. имаамь, но также и чешскимъ á въ dělám, delá и т. д., сравнительно, напр.. съ 3-мъ лицемъ множ. ч. dělají, гдѣ стяженія нѣтъ; подобнымъ же образомъ и въ польскомъ языкѣ dzialam, dziala и т. д. имѣютъ *a* „наклоненное“ (á), т. е. склоняющееся къ *o*, между тѣмъ какъ, напр., въ 3-мъ л. множ. ч. *a* не наклонено. По мнѣнію Миклошича [51]), чешск. -á- стянуто изъ -aje-, но такое объясненіе противорѣчитъ закону стяженія гласныхъ въ

дуетъ, между прочимъ, ошибочность того мнѣнія, которое не дѣлаетъ никакого различія между нарѣчіями старославянскимъ и древнеболгарскимъ.

[51]) Vgl. Gram, der slavischen Sprachen, III, стр. 429.

чешскомъ языкѣ: изъ dělaje- здѣсь должно было бы образоваться dělé- (ср., напр., dobrého изъ dobrajeho), такъ какъ при стяженіи двухъ различныхъ гласныхъ въ чешск. языкѣ вторая поглощаетъ первую (и становится долгою) [52]). Но точно такъ же въ польскомъ dziala-, словинск. dêla- нельзя видѣть стяженія *a* изъ aje, такъ какъ мы и здѣсь ожидали бы въ такомъ случаѣ *e*. Слѣдовательно, мы должны возводить это стянутое *a* къ общеславянск. âjâ (въ періодъ раздѣленія общеславянск. языка каждое *a* было долгимъ), и на это же сочетаніе указываетъ ст. сл. *aa* (откуда *a*) въ имаамь, имаать. Правда, ст. сл. *aa* въ имаать могло бы быть объяснено изъ *ae* на основаніи спеціальнаго закона старославянскаго языка, но во-первыхъ, едва ли можно отдѣлять ст. сл. имаать, имать отъ соотвѣтствующихъ формъ другихъ славянскихъ нарѣчій, а во-вторыхъ, мы не имѣемъ права предполагать общеславянск. -ąjemi (въ 1-мъ л. ед. ч.), къ которому пришлось бы въ такомъ случаѣ возводить ст. сл. -аамь въ имаамь. Сообразно съ этимъ можно думать, что и въ формахъ гнѣвааши, бываатъ и т. под. (изъ Супр. рукоп.) сочетаніе *aa* произошло изъ âjâ, а не изъ âje; иной вопросъ, конечно, употреблялись ли эти формы въ старославянскомъ нарѣчіи, или же онѣ внесены изъ другихъ нарѣчій. Относительно русск. знашь, быватъ и т. под. трудно рѣщить, куда должно относить эти формы, но въ данномъ случаѣ то или другое рѣшеніе не можетъ имѣть для насъ большаго значенія, такъ какъ мы становимся теперь на почву общеславянск. языка.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что въ общеславянск. языкѣ формы * gâdâjѫ, * gâdâjeti существовали рядомъ съ * gâdâjâmi, * gâdâjâti. Что касается долгаго *a* передъ іотомъ въ концѣ gâdâ -, то мнѣ кажется, нельзя сказать ничего вѣрнаго относительно происхожденія этой долготы, такъ какъ здѣсь представляются возможными различныя рѣшенія. Въ литовскомъ языкѣ формамъ * gâdâjѫ, * znâjѫ (изъ * zinâjѫ, но *i* выпало еще до раздѣленія общеславянск. языка) [53]) соотвѣтствуютъ žinau, jëszkau и т. под., но здѣсь вопросъ въ томъ, было ли *a* до выпаденія іота долгимъ, или краткимъ; въ

---

[52]) Понятно, что такіе случаи, какъ víti (=váti), не составляютъ исключенія: á въ váti произошло изъ eja, а í въ víti изъ eje, съ извѣстнымъ обращеніемъ ie (= ст. слав. ѣ) въ í.

[53]) Миклошичъ помѣщаетъ этотъ глаголъ не на мѣстѣ, относя его къ классу «бити»; но ср. чешск. znám, польск. znam и т. д. Точно такъ же и другіе лингвисты (напр. Фикъ) ошибочно видятъ здѣсь корень gnâ, а не gan.

žinau и т. под. іотъ выпалъ еще въ литовско-латышскомъ языкѣ (ср. латыш. zinu), и потому во всякомъ случаѣ мы не могли бы ожидать здѣсь литовск. *o* (= â), хотя бы *a* было первоначально долгимъ. Съ другой стороны, надо замѣтить, что литовскій языкъ отличаетъ такіе глаголы, какъ žinau, jëszkau и т. д., отъ глаголовъ: raudoju (отъ rauda „рыданіе, вопль"), pasakoju (отъ pasaka „сказка"), lakioju и т. д., между тѣмъ какъ въ славянскихъ языкахъ оба класса смѣшиваются. Новый вопросъ: на сторонѣ котораго языка въ этомъ случаѣ бо̀льшая древность? Въ санскритѣ глаголы не-отъименные удерживаютъ передъ -*ya*-краткое *a* основы (vedayati), но глаголы отъименнаго происхожденія допускаютъ варіанты и съ долгимъ â, какъ напр.: yoktrayati (отъ yoktra) и açvâyati (отъ açva). Въ пользу же индоевроп. варіантовъ * bharâjati и * bharajati могло бы говорить то обстоятельство, что, напр., въ латинск. языкѣ мы находимъ mone- рядомъ съ doma-, въ греческомъ * φορε-jε- рядомъ съ δαμα-jε и т. д.; при такомъ предположеніи *e* объяснялось бы изъ краткаго *a*, между тѣмъ какъ напр. лат. domâ- должно было бы восходить къ первонач. „damâja- (или * damâjâ-).

Обратимся теперь къ долгому *a* послѣ іота въ * gâdâjâti. Здѣсь, мнѣ кажется, не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно того, какъ произошла эта долгота, если мы припомнимъ сказанное выше объ jâ въ производныхъ глаголахъ. Мы видѣли, что это ja есть собственно глаголъ ja („идти") и потому даже a priori мы могли бы предложить, что рядомъ съ этимъ ja въ производныхъ глаголахъ употреблялся и исконный его варіантъ jâ, съ долгою гласною. Языки индо-эранскіе не представляютъ такихъ образованій, какъ * bharayâti или * bhârayâti, и я вижу въ этомъ утрату, на которую оказало, можетъ быть, вліяніе опять-таки сослагательное наклоненіе (bhârayâti есть сослагат. наклоненіе при изъявительн. bhârayati). Латинскій языкъ и готскій не могутъ говорить ни за, ни противъ въ этомъ вопросѣ, такъ какъ намъ неизвѣстенъ процессъ, результатомъ котораго является, напр., лат. domâs или готск. salbôs; но въ греческомъ мы находимъ полное соотвѣтствіе такимъ формамъ, какова, напр., общеслав. * gâdâjâti. Уже Курціусъ находитъ нужнымъ объяснять эол. φίλημι, δοκίμωμι и т. д. изъ * φιλεjημι, * δοκιμοjημι (затѣмъ * φιληημι, * δοκιμωημι, при вліяніи іота на долготу предшествующей гласной), между тѣмъ какъ, напр., φέρω онъ возводитъ къ

* bharami, съ краткою гласною передъ -mi; долгота гласной въ -jêmi, т. е. первонач. -jâ-mi, объясняется, по его мнѣнію, изъ того, что ja есть здѣсь глаголъ [54]). Курціусъ не распространяетъ, однако, это já на другія лица, кромѣ 1-го л. ед. ч. (почему, я не знаю), но Мангольдъ идетъ дальше и предполагаетъ, напр. * ὁραjημι, * ὁραjησι, * ὁραjητι, при двойствен. * ὁραjετον, множеств. * ὁραjεμεν и т. д. [55]). Мангольдъ указываетъ при этомъ на аналогію τίθημι, которая въ греческомъ языкѣ, дѣйствительно, могла получить значеніе, но не въ индоевропейскомъ, такъ какъ здѣсь глаголъ já (варіантъ при ja) сохранялъ всюду долгую гласную (ср. санскритъ). Наконецъ, и въ греческомъ мы находимъ образованія, свидѣтельствующія о долгомъ -ja- не только въ трехъ лицахъ ед. числа, но и въ другихъ формахъ; сюда я отношу, напр., δαμόωσι, ἀντιόωσι, στιχόωντο, ὁρόῳτε, ὁρόωντες, ἡβώωσα и т. д. Извѣстно, что въ настоящее время различныя образованія, представляемыя греческими verba contracta, получили вполнѣ удовлетворительное объясненіе, и то, что въ старыхъ грамматикахъ носило нелѣпое названіе: „растяженіе", давно уже понято наукою какъ не-стяженіе. Загадочными оставались только такія формы, какъ δαμόωσι, ὁρόῳτε и т. д., между тѣмъ какъ для ὁράᾳς Мангольдъ далъ уже правильное объясненіе (изъ ὁραjησι); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, что въ δαμόωσι, ὁρόῳτε и т. д. нельзя видѣть перестановку ωο въ οω [56]), которую готовъ былъ допустить здѣсь Курціусъ. Я думаю, что эти формы, оставленныя Мангольдомъ не разъясненными [57]), получаютъ надлежащее освѣщеніе въ связи съ общесл. * gádájáti, * gádájáte и т. д. и восходятъ къ индоевроп. образованіямъ вида * bharajáti.

Такимъ образомъ, допуская индоевроп. варіанты * bharajati =

---

[54]) Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik, III, стр. 392—393; Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 345—355.

[55]) Studien zur griechisch. und lateinisch. Grammatik, VI, стр. 179 и слѣд.

[56]) Ibid. стр. 170 и слѣд.

[57]) Едва ли могутъ показаться убѣдительными слѣдующія слова Мангольда (стр. 178): Ita igitur formas ὁρόωντα, ὁρόῳτε al. ortas esse existimo, ut eo tempore, quo in sermone vulgari jam nullae aliae formae nisi contractae usurparentur, rhapsodi recentiores, cum jam non bene intellegerent, quae esset ratio formarum a majoribus acceptarum, sed eas distractas, esse e formis, quibus ipsi uterentur, contractis putarent, pro ὁρόοντα, ὁρόοιτε levi mutatione ὁρόωντα, ὁρόῳτε cantare coepissent.

* bharajâti, мы поймемъ, почему европейскіе языки утратившіе * bharâmi, могли удержать, однако, * bharajâmi. Эта послѣдняя форма употреблялась въ соотвѣтствіе съ * bharajâsi, * bharajâti и т. д. (2-е спряженіе), между тѣмъ какъ формы * bharajasi * bharajati вызывали въ первомъ л. ед. ч. * bharajân, подобно * bharân при * bharasi. Слѣдовательно, и для общенѣмецкаго языка мы должны предположить производные глаголы съ -jâ-, такъ какъ иначе непонятно было бы сохраненіе *-m* (*-n*) въ двн. sakêm, salbôm и т. д. Подобный же выводъ можно сдѣлать и по отношенію къ лат. inquam.

Въ славянскихъ языкахъ изъ первоначальн. -aja- объясняютъ не только *a*, но также ê (ст. сл. *ѣ*) и *î*. На основаніи чешск. umím, польск. umiem, словинск. umêm и т. д. мы можемъ допустить и въ глаголахъ на -ê- общеславянск. -mi въ окончаніи 1-го л. ед. ч. настоящ. врем.; я долженъ, однако, воздержаться отъ болѣе подробнаго анализа, такъ какъ для меня не ясно происхожденіе здѣсь общеславянск. ê = литовск. ė. Что касается глаголовъ на -*î*-, то въ нихъ общеславянск. -mi можетъ быть выведено, собственно говоря, лишь на основаніи чешскаго языка (chválím); понятно, что тѣ славянскія нарѣчія, въ которыхъ существуютъ формы pletem и т. под., не имѣютъ въ этомъ случаѣ сами по себѣ никакого значенія. Какъ бы то ни было, со стороны теоретической я ничего не имѣю противъ общеславянск. -mi въ этихъ глаголахъ, хотя и долженъ отказаться вывести общеславянскую форму, соотвѣтствующую чешск. chválím. Относительно же образованія славянскихъ глагольныхъ основъ на -*î*- я позволю себѣ замѣтить слѣдующее. Съ общеславянск. глаголами * nosîtî, * vozîtî и т. д. должны быть сближаемы тѣ литовскіе глаголы на * yti (напр. vartyti, laužyti и т. д.), которые образуютъ настоящ. время отъ другой основы (vartau, laužau, подобно, напр., žinau). Можно думать, что это *î* производныхъ глаголовъ образовалось еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, хотя впослѣдствіи литовскіе и славянскіе языки пошли различными путями при употребленіи этихъ основъ. По мнѣнію Шлейхера ст. слав. глаголы носити и т. д., литовск. vartyti и т. д. произошли независимо другъ отъ друга, хотя и ст. слав. носити и литовск. vartyti онъ возводитъ къ первоначальнымъ образованіямъ на -aja-; ст. слав. *и* въ носити Шлейхеръ объясняетъ изъ ъjъ, а литовск. *y* въ vartyti изъ iji [58]). Нельзя, однако, согласиться съ этимъ

58) Compend., стр. 362 и 363.

объясненіемъ, такъ какъ оно не можетъ быть доказано ни по отношенію къ славянскимъ языкамъ (неправильное образованіе ера), ни по отношенію къ литовскимъ (изъ первоначальн. varta— въ vartaja— нельзя ожидать въ литовск. языкѣ varti—). Тѣмъ менѣе основаній объяснять здѣсь слав. *î*, литовск. *y* изъ первоначальн. aja, если мы допустимъ, что *î* существовало еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Я думаю, что эти глаголы должны быть объясняемы въ связи съ латинскими глаголами на -*î*-, какъ напр. sopîre (съ ними смѣшиваются отъименные глаголы, какъ напр. finîre). По мнѣнію Шлейхера, *î* и здѣсь произошло изъ iji (=первонач. -aja-) [59]), но сомнительность такого объясненія очевидна, особенно если мы примемъ во вниманіе глаголы monêre, sedêre и т. д. (ê изъ eje=aja). Корсенъ думаетъ, что лат. ê, *î* въ производныхъ глаголахъ образовались изъ ei, а это ei онъ возводитъ къ первоначальному aja черезъ посредство aie, aî, eî; на мой взглядъ все это требовало бы доказательствъ, а аналогія, на которую ссылается Корсенъ, не можетъ быть убѣдительна по многимъ причинамъ [60]).

Литовско-славянск. *î*, съ одной стороны, и лат. *î*, съ другой, найдутъ, по моему мнѣнію, удовлетворительное объясненіе, какъ скоро мы признаемъ въ нихъ первонач. j*â*. Въ индоевроп. языкѣ глаголъ ja могъ приставляться не только къ основѣ на -*a* (* bhara-jati), но также и къ корню-основѣ, доказательствомъ чего служатъ готскіе глаголы satjan, tamjan и т. д.; сюда же принадлежатъ, можетъ быть, и нѣкоторые греческіе глаголы на -ιζω, какъ напр. ἐμποδίζω. Но рядомъ съ ja въ индоевроп. языкѣ существовалъ, какъ мы знаемъ, глаголъ j*â*; слѣдовательно, по аналогіи съ * bharajati = * bharaj*â*ti мы можемъ предположить и для * bharjati варіантъ * bharj*â*ti, и эту-то глагольную основу на -j*â* я вижу въ литовск. varty—, ст. слав. носи—, лат. sop*î*—. Переходъ первоначальн. -jâ, послѣ согласной (не въ концѣ слова), въ литовско-славянск. -*î* подтверждается словомъ * ç*î*va-s [61]), которое можно вывести изъ сравненія литовск. szyvas съ русск. сивъ, словинск. siv, польск. sivy и т. д.; этому * ç*î*va— соотвѣтствуетъ въ санскритѣ çyâva, т. е. первоначальн. * *к*iâva, * *к*jâva. Какъ въ сивъ, такъ и въ носити согласная *с* оста-

[59]) Ibid. стр. 359.

[60]) Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinisch. Sprache, второе изданіе, II, стр. 731.

[61]) Буква ç выражаетъ здѣсь тотъ звукъ, изъ котораго образовались славянск. s и литовск. sz, соотвѣтствующія первоначальн. *к* (*к* небн.).

лась неизмѣненною въ *ш*, вслѣдствіе того что іотъ уже не существовалъ здѣсь въ общеславянск. языкѣ. Но еще важнѣе аналогія, представляемая повелительн. наклоненіемъ славянскихъ глаголовъ втораго спряженія. Извѣстно, что славянск. повелительн. наклоненіе есть по образованію желательное, а въ составъ желательнаго наклоненія (во второмъ спряженіи) входитъ то же jâ, которое мы открыли и въ производныхъ глаголахъ. Понятно, что dadî— въ ст. слав. дадимъ, дадите произошло изъ dadjâ— (въ индоевроп. * dadjáma, * dadjáta) еще въ ту эпоху, когда зубныя согласныя не должны были измѣняться подъ смягчающимъ вліяніемъ іота; слѣдовательно, общеслав. dadî— (ст. слав. дади-мъ): индоевроп. dadjâ— =общеслав. nosî— (ст. слав. носи-ти): индоевроп. naкjâ—. Но что касается -jâ въ конечныхъ слогахъ, то оно не стягивалось въ -î даже въ общеславянск. языкѣ (не только въ литовско-славянск.); какъ это можно видѣть, напр., изъ ст. слав.ареждь (=индоевроп. * dadjás); ср. также берѫшти изъ первонач. * bharantjâ.

III.

До сихъ поръ мы нигдѣ не встрѣтились съ необходимостью объяснять ст. сл. -ѫ въ окончаніи 1-го л. ед. ч. путемъ фонетическаго измѣненія изъ первоначальн -ámi или -ami. Напротивъ, самая возможность перехода конечнаго -ámi (или -ami) въ ст. слав. -ѫ=общеслав. -ѫ, литовск. -uo, -u требовала бы доказательствъ. Тотъ, кто принимаетъ такой переходъ, руководствуется, конечно аналогіею, указанною Шлейхеромъ по поводу творительнаго падежа ед. ч. [62]). Шлейхеръ объясняетъ рѫкоѭ (ср. также костиѭ) изъ * ranka-jâ-mi [63]) и предполагаетъ, что существительныя, принадлежащія къ классу „влъкъ", должны были собственно имѣть въ творительн. пад. ед. ч. * влъкѫ, гдѣ -ѫ изъ -ami, между тѣмъ какъ существующая форма влъкомь (влъкъмь) образована по аналогіи основъ на первонач. -u: сынъмь, обыкновенно сыномь. Подобнымъ же образомъ литовскій творительн. пад. vilku объясняется Шлейхеромъ изъ * vilkam, * vilkami, а также и двн.

[62]) Compend., стр. 581; Indogermanishe Chrestomathie, стр. 364—365.

[63]) Шлейхеръ видитъ здѣсь соединеніе двухъ окончаній творительн. пад.: -â и -bhi (ст. слав. -мь).

wolfu изъ * wolf*â*mi (здѣсь Шлейхеръ принимаетъ удлинненіе гласной). Для аналогіи указывается при этомъ на окончаніе 1-го л. ед. ч.: ст. слав. -ѫ, литовск. -u, двн. -u. Понятно, что мы должны были бы поставить весь этотъ вопросъ иначе, такъ какъ мы ищемъ доказательствъ именно для того, что Шлейхеръ считаетъ фактомъ несомнѣннымъ, и на что онъ ссылается какъ на вѣрную аналогію. Измѣняя постановку вопроса, мы могли бы придти къ слѣдующему выводу: если объясненіе, данное Шлейхеромъ для формъ творительнаго падежа вѣрно, то очевидно, ст. слав. везѫ, литовск. veżu, двн. wigu не имѣютъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ объ индоевроп. * vaghân, какъ формѣ 1-го л. ед. ч. настоящ. врем. Но доказать вѣрность Шлейхеровскаго объясненія творительныхъ падежей: рѫкоѭ, vilku, wulfu я считаю дѣломъ невозможнымъ.

Останавливаясь на языкахъ славянскомъ и литовскомъ, мы прежде всего должны были бы предположить, что слав. -ѫ въ рѫкоѭ, костиѭ и литовск. -u въ vilku, изъ -*â*mi, -ami, явились независимо другъ отъ друга; слѣдовательно, сходство образованія здѣсь было бы случайнымъ, между тѣмъ какъ везѫ, veżu восходятъ, конечно, къ общей формѣ съ окончаніемъ -on или -ôn (хотя бы это -on, -ôn произошло изъ -ami, -*â*mi). Правда, мы поступили бы иначе, еслибъ была намъ передана форма * влъкѫ; ея нѣтъ, однако, и мы находимъ вмѣсто того форму влъкомь, которая правильно объясняется изъ первонач. * varkabhi: Шлейхеръ напрасно усматриваетъ здѣсь вліяніе основъ на первонач. -u, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности основы на -a и на -u лишь смѣшивались въ этомъ падежѣ (какъ и въ другихъ), вслѣдствіе чего рядомъ съ -омь является также и -ъмь. Признавая случайнымъ сходство между литовск. -u въ vilku и ст. слав. -ѫ въ рыбоѭ, мы этимъ самымъ дѣлаемъ еще болѣе сомнительнымъ то объясненіе, которое дается для этихъ формъ Шлейхеромъ: каждый согласится съ тѣмъ, что отпаденіе конечнаго -i въ -mi было неправильно, а случайное сходство двухъ языковъ въ самой неправильности всегда кажется страннымъ и вызываетъ сомнѣнія въ вѣрности прилагаемаго объясненія. Но еслибъ мы даже согласились съ Шлейхеромъ касательно ст. слав. влъкомь и признали для литовско-славянскаго языка прототипы формъ vilku, рыбоѭ, съ окончаніемъ -on, -ôn изъ первонач. -ami, -âmi, то и эта гипотеза мало помогла бы: почему -mi теряло конечную гласную лишь въ основахъ на -a, -â и въ нѣкоторыхъ на -i, между тѣмъ какъ въ другихъ осно-

вахъ это -mi сохраняется (литовск. sunumi, akimi, ст. слав. сыномь = сынъмь, пѫтемь = пѫтьмь)? Чтобы объяснить себѣ неправильное отпаденіе -i въ -mi, надо допустить существованіе какой-то неизвѣстной намъ причины, вызвавшей такое явленіе; но если была такая причина, то она должна была сказаться всюду въ -mi, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ основамъ, къ которымъ присоединялось это окончаніе. Такимъ образомъ я не нахожу возможнымъ согласиться съ Шлейхеромъ въ объясненіи творительн. пад.: vilku, рыбоѭ, костиѭ.

Обращаясь затѣмъ къ древневерхненѣмецк. языку, мы и здѣсь встрѣчаемся съ неправильностью: * wulfami или * wulfâmi (послѣднюю форму предполагаетъ Шлейхеръ, но откуда здѣсь долгота въ *a*?) должно было, конечно, утратить конечное -i, какъ гласную краткую, но мы все таки не ожидали бы встрѣтить wulfu. Слѣдовательно, и для древневерхнѣмецк. языка трудно принять Шлейхеровское объясненіе.

А между тѣмъ очевидно, что фонетическая аналогія должна существовать между образованіемъ 1-го л. ед. ч. настоящ. врем. и тѣми формами творительн. пад., о которыхъ говоритъ Шлейхеръ. Касательно литовск. -u въ vilku онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что это -u произошло изъ -uo (какъ sukù изъ * sukuo, поэтому въ медіумѣ sukuos), которое сохраняется въ склоненіи мѣстоименномъ, какъ напр. въ tuomi, гдѣ къ формѣ tuo приставлено другое окончаніе творительн. пад., -mi. Но аналогія можетъ быть распространена еще дальше, и готск. vulfa относилось бы въ такомъ случаѣ къ двн. wulfu, литовск. vilku, ст. слав. костиѭ точно такъ же, какъ готск. viga относится къ двн. wigu, литовск. vežu (въ медіумѣ vežuo-s), ст. слав. везѫ. Боппъ, Шлейхеръ и друг. считаютъ, правда, готск. vulfa вовсе не родственнымъ по падежному окончанію съ двн. wulfu, но я не вижу достаточныхъ основаній для такого мнѣнія, тѣмъ болѣе что, напр., всѣ согласны относительно тождества двн. imu („ему“) и т. под. съ готск. imma. Въ готск. -a въ vulfa и т. д. совпали, какъ я думаю, окончанія двухъ падежей: дательнаго (изъ -âi) и творительнаго (изъ -ân), между тѣмъ какъ въ древневерхненѣмецк. оба окончанія могутъ различаться, а именно -a употребляется въ дательн. пад., -u въ творительн. Это различіе не проводится, однако, строго, и дательн. падежи на -u мы находимъ не только въ мѣстоименіяхъ (слѣдовательно и въ прилагательн. неопредѣленныхъ:

blindemu), но и въ нѣкоторыхъ именахъ, по крайней мѣрѣ — въ отдѣльныхъ діалектахъ; наконецъ, господствующее окончаніе дательн. пад. ед. ч. въ древневерхненѣмецк. именахъ на первонач. -a (мужск. и средн. р.) есть -e, а это *e* можетъ объясняться не только изъ -a, но также и изъ -u. Въ готскомъ языкѣ, какъ я сказалъ, оба окончанія совпали, но преобладаніе при этомъ имѣлъ дательн. падежъ, что доказывается, между прочимъ, склоненіемъ мѣстоименій, гдѣ дательный и творительный падежи разнились по самой основѣ (ср. др. бактрійск. дательн. пад. tahmâi[64]), изъ первоначальн. * tasma-ai, и творительн. tâ, изъ первонач. * tân); готск. thamma есть поэтому настоящій дательн. падежъ, между тѣмъ какъ въ творительномъ мы бы ожидали * tha (подобно viga изъ * vigân). Но творительн. падежъ рано вышелъ изъ употребленія и сохранился лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, какъ-то: thê (тѣмъ), hvê (собств. чѣмъ), svê (какъ), sva (такъ). Съ этими образованіями правильно сравниваютъ двн. *h*wiu, diu и т. д., и готск. ê надо объяснять здѣсь поэтому изъ ia, какъ указывалъ Гриммъ[65]), или ja, ибо иначе нельзя было бы понять соотвѣтствія между готск. ê и древневерхненѣм. iu=др. саксонск. iu. Слѣдовательно, творит. падежи hvê=hwiu, thê=thiu (diu) образованы отъ основъ hvia, thia, между тѣмъ какъ готск. sva (двн. sô, англосакс. svâ) мы можемъ выводить прямо отъ основы sva. Очевидно, что sva: * svân=viga: * vigân, а потому и здѣсь нѣтъ причины видѣть отпаденіе -mi.

Для индоевроп. языка я принимаю два окончанія творительн. пад. ед. ч.: bhi и -ân (по Шлейхеру: -bhi и -â), а такъ какъ -bhi въ языкахъ нѣмецкихъ и литовско-славянскихъ обратилось въ -mi, то отсюда явствуетъ аналогія, существующая здѣсь между формами творительн. пад. ед. ч. и глагольнымъ окончаніемъ 1-го л. ед. ч. настоящ. врем. Мы знаемъ, что ни въ древнеиндійск., ни

---

[64]) Эта форма не встрѣчается въ текстахъ, но можетъ быть выведена на основаніи yahmâi.

[65]) Geschichte der deutschen Sprache, второе изданіе, II, стр. 644—645. (Иначе Боппъ и Шлейхеръ.) Гриммъ, однако, напрасно видитъ подобное же происхожденіе въ каждомъ готск. ê (ibid. стр. 585); за исключеніемъ thê и т. д. мы можемъ съ увѣренностью отнести сюда лишь hêr «сюда, здѣсь»=двн. hiar (едва ли это ia первоначальное; вѣроятно, изъ ea), отъ основы hia, а также, можетъ быть, skêvjan «ходить» (кор. skju). Слѣдовательно, переходъ ia, ja въ готск. ê наблюдается лишь внутри корней.

въ древнебактр. языкѣ конечное n не могло сохраняться, и потому ведійск. açvâ, сскр. manasâ, др. бактр. a'çpâ, açpa, manaṅhâ, -a, могутъ быть объясняемы изъ первоначальн. *akvân, *manasân; сскр. açvena (въ Ведахъ также açvenâ) представляетъ новое образованіе, съ такимъ же n, какъ, напр., въ родит. vâriṇas; Къ индоевроп. -ân восходятъ, какъ мы видѣли, и литовск. tuo (въ tuo-mi), vilku, двн. hwiu, wulfu, готск. hvê, sva и частію vulfa. Что касается основъ женск. рода на -â, то въ языкахъ древнеиндійск. и дрнвнебактрійск. онѣ образуютъ творительн. пад. ед. ч. или подобно основамъ мужеск. и средн. рода (ведійск. dhârâ, др. бактр. daênâ, daêna), или же съ іотомъ передъ -â, т. е. первонач. -ân (сскр. dharayâ, др. бактр. daênaya). Эти же формы на -j-ân мы находимъ въ славянскихъ языкахъ, какъ напр. въ ст. слав. рыбоѭ, а въ соотвѣтствіе съ ведійск. dhârâ мы ожидали бы здѣсь * рыбѫ. Извѣстно, что напр. въ Супр. рукоп. такія формы дѣйствительно встрѣчаются (нуждѫ), хотя въ ст. сл. нарѣчіи онѣ, по всей вѣроятности, не существовали, но вопросомъ можетъ быть, не произошло ли * рыбѫ, словинск. ribo (въ Фрейзингенск. статьяхъ: vuerun, to и т. д.) черезъ стяженіе -оѭ. Тотъ же вопросъ можно повторить и по отношенію къ западнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, и только словацк. rybou несомнѣнно указываетъ на стяженіе изъ ryboju (= ст. слав. рыбоѭ) [66]). Какъ бы то ни было, литовско-славянскій языкъ имѣлъ формы творительн. пад., соотвѣтствующія ведійск. dhârâ, т. е. первонач. *dharân, и притомъ -ân не переходило здѣсь въ -ôn (или въ носовую гласную), какъ это видно изъ литовск. языка. Конечная гласная въ творительн. merga является теперь краткою (какъ и въ именит.), но извѣстно, что первоначальная долгота сохраняется въ мѣстоименіяхъ (sziá, szié=szià, sziè), а также въ прилагательн. опредѣленныхъ, гдѣ прибавочное мѣстоим. jis предохраняетъ окон-

---

[66]) Что касается сербск. рибом, а также діалектич. словинск. ribom, ribum, то само собою разумѣется, мы имѣемъ въ этихъ формахъ суф. -mi. Я не вхожу здѣсь въ разсмотрѣніе того, вызвано ли это образованіе только аналогіею другихъ основъ (во избѣжаніе совпаденія творит. пад. сербск. рибу, словинск. ribo съ винительн. рибу, ribo), или же это есть возведеніе въ принципъ того, что допускалось и въ болѣе древнемъ періодѣ жизни славянскихъ языковъ; ср. русск. областн. силомъ и т. под. Въ старыхъ литовскихъ книгахъ можно также встрѣтить спорадическіе примѣры подобнаго образованія: duonomi, отъ duona (См. Отчеты г. Микуцкаго).

чанія прилагательн. отъ сокращенія; поэтому мы встрѣчаемъ здѣсь творит. пад. ед. ч. женск. р. geráјa, geráјe. Но и въ именахъ существительныхъ женск. р. на *-a*, -јa, *-ė* (изъ јa) конечная гласная въ творительн. пад. еще недавно была долгою, какъ свидѣтельствуютъ о томъ старопечатныя литовскія книги, въ которыхъ я нахожу иногда *-ė* въ творительн. пад. вмѣсто теперешняго *-e* [67]). Что же касается основъ, подобныхъ merga (т. е. на *-a*, а не на -јa), то здѣѣь количество конечной гласной въ творит. пад. ед. ч. могло бы быть опредѣлено по книгамъ только въ томъ случаѣ, еслибъ â обратилось въ *o;* но въ сѣвернолитовскихъ нарѣчіяхъ, вліяніе которыхъ такъ замѣтно на старопечатныхъ книгахъ, â можетъ оставаться неизмѣненнымъ въ *o*, и потому нельзя отличить здѣсь краткаго *a* отъ долгаго. Замѣчательно, однако, то, что твор. пад. merga и т. под. не рѣдко имѣютъ въ старопечатныхъ книгахъ конечное а съ точкою вверху, которое я передаю черезъ *a* [68]); это начертаніе, встрѣчающееся еще въ первой литовск. книгѣ (катихизисъ 1547 г.), выражаетъ звукъ средній между а и о (подобный польск. „наклоненному" а), и при томъ обыкновенно долгій: p*a*n*a*=pono; p*a*=po; *a*nt, id*a*nt (гдѣ переходъ а въ *a* обусловливается группою n + согласн.) и т. д. Отсюда не слѣдуетъ еще, что въ южнолитовскихъ нарѣчіяхъ творит. пад. merga звучалъ прежде mergo; напротивъ того, изъ geráјe мы видимъ, что â не переходило здѣсь въ *o*. Но это-то обстоятельство и свидѣтельствуетъ, по моему мнѣнію, о вліяніи исчезнувшаго *n*. Просматривая всѣ падежи опредѣлен. прилагат. gero-ji (женск. родъ), мы видимъ, что долгое *a* остается неизмѣненнымъ въ *o* въ творительн. ед. ч. и въ винительн. ед. и множ. ч. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, какъ извѣстно, послѣ â стояло n, которое и до сихъ поръ сохраняется въ нѣкоторыхъ жемайтскихъ говорахъ (geran-jen, gerans-es), а также въ людвиновскомъ (южнолитовск.) винит. пад. множ. ч. gerais-es, изъ gerans-es, подобно tais, jais (винит.), изъ tans, jans [69]); слѣдовательно, мы должны заключать, что и въ тво-

---

[67]) Напр., въ литовск. катихизисѣ 1701 года (изданъ въ Кенигсбергѣ) я нахожу su laupsė ir dekavonė (стр. 39).

[68]) Ср. Клейна Grammatica lituanica (Regiomonti. 1653), стр. 3: Puncto «a» notari potest in iis vocibus, ubi sonum habet obscurum et q. cum «o» mixtum, ut: *A*domas, *A*nusas, *a*men, *a*; ibid. стр. 45: Ablat. instrument. in hac (secunda) declinatione fit a nominativo, saltim «a» ultimae syllabae punctando et translato accentu ex penultima in ultimam, ut: a «duona» est ablat. «duon*a*».

[69]) См. Литовскія Пѣсни, изданныя В. Миллеромъ и мною, стр. 11.

рительномъ падежѣ gerâje сохраненіе a стоитъ въ связи съ носовою *n*, которая потомъ исчезла. Въ жемайтскихъ книгахъ я, дѣйствительно, встрѣчаю такія формы творительн. пад., какъ paprastan-je (su druska paprastanje въ Виленскомъ календарѣ Ивинскаго на 1848 годъ), и хотя существованіе ихъ въ современныхъ говорахъ представляется мнѣ еще не доказаннымъ, тѣмъ не менѣе со стороны теоретической я ничего нн имѣю противъ творит. geranje и могу видѣть нъ этихъ формахъ подтвержденіе моихъ выводовъ касательно индоевроп. творительн падежа

Въ древневерхненѣм. языкѣ творительн. пад. ед. ч. отъ именъ жинск. рода на -*a* мы находимъ, напр., въ êwâ (mit ercnâ êwâ „certa lege"), lêra (zwifalda lêra „duplici doctrina") [70]), гдѣ -â, -a (конечная носовая правильно отпала) точно такъ же осталось неизмѣненнымъ, какъ и въ литовск. языкѣ.

Что касается основъ на -*i* и на -*u*, то въ нихъ индоевроп. языкъ имѣлъ въ творит. пад. ед. ч. (кромѣ -bhi) какъ -ân, такъ и *n*; изъ первыхъ формъ объясняются cскр. avyâ, hanvâ, др. бактр. bâzvo=bâzva, ст. слав. костиѭ, а изъ вторыхъ ведійск. matî, др. бактр. gairi, paçu и т. д. Отношеніе между matî, (первонач. * matîn) и matyâ (первонач. * mati-ân) такое же, какъ. напр., въ родит. пад. ед. ч. между cскр. hano-s и hanv-âs.

IV.

Возвращаясь къ прошедш. совершен. времени, я укажу теперь вкратцѣ на тѣ причины, которыя не позволяютъ мнѣ согласиться ни съ однимъ изъ объясненій, предложенныхъ для 1-го лица ед. ч.: cскр. veda, cakara, др. бактр. vaêda, vavaca, греческ. οἶδα, γέγονα, латинск. dedî, tutudî, готск. vait, vag. Гипотеза Шлейхера, объяснявшаго конечное *a* изъ -ma, имѣетъ противъ себя отсутствіе примѣровъ, которые оправдывали бы здѣсь выпаденіе *m* еще въ индоевроп. языкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно понять при этомъ объясненіи ни греч. -*α*, ни лат. -*î*, ни cскр. -âu въ dadâu. Что же касается мнѣнія, по которому индоевроп. языкъ въ періодъ раздѣленія имѣлъ въ окончаніи 1-го л. ед. ч. прошедш. совершен. врем. -a-mi, то противъ этого говоритъ неправильность

---

[70]) Compend., стр. 579.

измѣненія -ami во всѣхъ индоевроп. языкахъ, сохранившихъ перфектъ; почему нигдѣ не удержалось не только -mi, но даже -*m*? Я указывалъ также на невозможность допустить индоевроп. * dadâm, * kakaram, такъ какъ оставалось бы непонятнымъ, почему -am въ перфектѣ должно было измѣняться иначе, чѣмъ -am въ прошедш. несовершен. или въ аористѣ, по крайней мѣрѣ—въ языкахъ санскритскомъ, др. бактрійскомъ и частію латинскомъ; со стороны греческаго языка можно было бы сослаться, конечно, но такія формы, какъ ἦα, ἔλυσα. По мнѣнію Бенфея [71]), сскр. -âu въ dadâu произошло изъ â-va, гдѣ -va есть укороченное bhûva (вмѣсто babhûva), т. е. перфектъ отъ bhû (флективное окончаніе отпало); въ связи съ этимъ -va онъ разсматриваетъ не только лат. -vi, но даже греческ. перфекты τέτυφα, δέδωκα и т. д. Невѣроятность такого объясненія очевидна, и нѣтъ, конечно, необходимости подвергать его болѣе внимательному разбору; при томъ же, Бенфей не разъясняетъ, почему различные индоевроп. языки независимо другъ отъ друга утратили флективное окончаніе. Наконецъ, возможно было бы еще одно мнѣніе касательно 1-го л. ед. ч. въ прошедш. совершен.: не отпало ли здѣсь первоначальное окончаніе еще до раздѣленія индоевроп. языка? Но и это мнѣніе крайне несостоятельно, такъ какъ, во-первыхъ, мы не имѣемъ никакого основанія предполагать для индоевроп. языка возможность отпаденія флективныхъ окончаній, а во-вторыхъ, такое мнѣніе оставляло бы безъ надлежащаго объясненія сскр. -âu (dadâu), лат. -*î*, греч. -*α*. Понятно далѣе, что мы не можемъ принимать для перфекта окончаніе -â-n, которое я нахожу въ настоящ. времени: краткость гласной засвидѣтельствована не только санскритомъ, но и готскимъ языкомъ. Итакъ, намъ остается предположить что этимъ окончаніемъ было въ перфектѣ -a-n. Трудно сказать что нибудь опредѣленное касательно отношенія *a* въ -an къ *â* въ -ân, но по всей вѣроятности, долгота и краткость тематической гласной одинаково восходятъ къ періоду основъ. Изъ этого -an объясняются сскр. и др. бактр. -*a*, греч. -*α*, лат. -ei (не дифтонгъ, но звукъ близкій къ литовск. ė), -*î*; готскій языкъ слѣдовалъ общему закону окончанія словъ и долженъ былъ поэтому отбросить сочетаніе -an. Что касается сскр -âu въ dadâu, то и здѣсь -âu произошло изъ -ân (долгота гласной принадлежала

---

[71]) Kurze Sanskrit-Grammatik, стр. 146.
[71]) Ср. Боппа Vgl. Gram. II, § 610.

глагольной основѣ): носовая согласная или поглощалась предшествующею гласною, или же развивала изъ себя гласный призвукъ *u* (черезъ посредство носовой гласной) [72]). Развитіе этого призвука какъ здѣсь, такъ и въ другихъ индоевроп. языкахъ, не было необходимымъ, и отсюда объясняется возможность существованія параллельныхъ формъ на -*â* и на -âu, изъ которыхъ послѣдняя въ данномъ случаѣ господствуетъ въ классическомъ санскритѣ [73]).

Принимая индоевроп. окончаніемъ 1-го л. ед. ч. въ перфектѣ -an, мы можемъ въ связи съ этимъ -an объяснять и ту долготу конечнаго *a*, которая является спорадически въ гимнахъ Ведъ (въ текстѣ „saṁhitâ"). Извѣстно, что конечная гласная бываетъ нерѣдко долгою въ текстѣ „saṁhitâ" тамъ, гдѣ текстъ „pada" и позднѣйшій языкъ указываютъ на краткость; при томъ, нѣкоторыя окончанія имѣютъ въ текстѣ „saṁhitâ" долготу лишь спорадически, какъ напр. -*a* въ 1-мъ л. ед. ч. прошедш. совершен. врем. обыкновенно сохраняетъ и здѣсь краткость. Наука не занималась еще разъясненіемъ всѣхъ этихъ долготъ по отношенію къ краткостямъ, да и трудно было предпринять подобное изслѣдованіе, пока не собраны всѣ случаи, относящіеся сюда изъ „saṁhitâ" Ведъ [74]). Само собою разумѣется, что европейскіе ведисты, имѣющіе передъ собою опытъ классическихъ филологовъ, никогда не дойдутъ до объясненія такихъ долготъ „metri causa". Но тотъ же опытъ позволяетъ предполагать, что и въ гимнахъ Ведъ, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ знаемъ, могла дѣйствовать иногда при употребленіи долгихъ гласныхъ ложная аналогія: извѣстно, что по времени происхожденія эти гимны относятся къ разнымъ эпохамъ и прошли затѣмъ черезъ руки различныхъ редакторовъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ намъ незачѣмъ прибѣгать къ подобному объясненію, такъ какъ долгота въ bibhayâ =bibhaya легко объясняется иначе. Ошибочно было бы думать, что долгота конечной гласной, являющаяся въ „saṁhitâ", всегда предшествовала краткости, наблюдаемой въ „pada" и въ позднѣй-

---

[72]) Ср. Іог. Шмидта Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus, стр. 147 и слѣд.

[73]) Въ творительн. пад. -ân не обращалось въ сскр. -âu, можетъ быть потому, что носовая согласная исчезла здѣсь еще въ индо-эранск. эпоху.

[74]) Бенфей обѣщаетъ представить въ скоромъ времени изслѣдованіе «Ueber die Quantitätverschiedenheiten in den Saṁhitâ- und Pada-Texten der Veden»; см. Einleitung in die Grammatik der vedischen Sprache, Erste Abhandlung (Göttingen. 1874), стр. 12. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній трактатъ былъ получень мною лишь во время печатанія этихъ листовъ.

шемъ языкѣ; противъ этого говоритъ то, что долгота упорно сохраняется въ санскритѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сравнительная грамматика заставляетъ насъ признать гласную непремѣнно долгую въ индоевроп. языкѣ. По моему мнѣнію, колебаніе между краткостью и долготою конечной гласной въ Ведахъ должно объясняться частію тѣмъ, что подобное колебаніе существовало еще въ индоевроп. языкѣ (напр., въ нарѣчіи evâ=eva „такъ"), частію же вліяніемъ исчезнувшей носовой согласной. Но я не думаю, чтобы между -an и -*a* должно было всегда предполагать промежуточный звукъ -â: конечное *n* могло или отпадать безъ слѣда, или же передавать свой вокальный элементъ предшествующей гласной. Такимъ образомъ форма bibhayan обращалась или въ bibhaya, или въ bibhayâ; понятно, что съ теченіемъ времени обѣ эти формы вступили въ борьбу, и одна изъ нихъ была на столько вытѣснена другою, что могла сохраняться лишь въ качествѣ архаизма.

Совершенно аналогичнымъ съ окончаніемъ 1-го л. ед. ч. прошедш. совершен. времени представляется въ санскритѣ окончаніе именит. винит. пад. ед. ч. именъ средняго рода на -an, какъ напр. nâman. Въ позднѣйшемъ языкѣ, въ текстѣ „pada" Ведъ и обыкновенно въ „sa*m*hitâ" именит. винит. падъ отъ nâman мы находимъ въ формѣ nâma (какъ bibhaya изъ * bibhayan); но рядомъ съ nâma въ текстѣ „sa*m*hitâ" встрѣчается иногда и nâmâ, гдѣ долгота объясняется точно такъ же, какъ въ bibhayâ. Здѣсь опять таки nâmâ не есть форма болѣе древняя, чѣмъ nâma, но обѣ онѣ одинаково восходятъ къ nâman.—Какъ въ санскритѣ, такъ и въ др. бактрійск. языкѣ именит. винит. пад. ед. ч. именъ средн. р. на -an аналогиченъ по окончанію съ 1-мъ л. ед. ч. перфекта. Что касается греческаго языка, то здѣсь взаимное отношеніе представляется не столь яснымъ, вслѣдствіе того, что основы на -an средн. р. утрачены въ косвенныхъ падежахъ [75]). Во всякомъ случаѣ, однако, позволительно видѣть основу ὀνομαν- (ср. ὀνομαίνω) въ именит. винит. ὄνομα, между тѣмъ какъ ὀνοματ- должно признать образованіемъ спеціально греческимъ, изъ * ὀνομαντ-. Въ латинск. языкѣ основы средн. р. на -an, какъ извѣстно, удерживаютъ n въ именит. винит. пад. ед. ч., и слѣдовательно, языкъ поступалъ здѣсь иначе,

[75]) Шлейхеръ въ Компендіумѣ приводитъ въ парадигмахъ склоненій греческ. τάλαν въ соотвѣтствіи съ сскр. nâma, лат. nomen и т. д., но, по всей вѣроятности, мы имѣемъ въ ταλαν-, μελαν- и т. д. позднѣйшія образованія, которыя не должны быть сопоставляемы поэтому съ исконными индоевроп. основами.

чѣмъ въ 1-мъ л. ед. ч. перфекта. Но слѣдуетъ ли заключать на основаніи этого, что объясненіе, предложенное мною для послѣдней формы, ошибочно? Я думаю, что такое заключеніе не требуется, и различная судьба -an въ fecei, fecî и въ nomen показываетъ только, что конечное -an, -en въ латинск. языкѣ не должно было непремѣнно обращаться въ -ê, -î, но могло также и сохраняться. Понятно, однако, что нужны были особыя причины, которыя препятствовали конечному -an, -en въ nomen, semen и т. д. измѣняться въ -ê, -î; эти причины состояли, конечно, въ томъ, что основы nomen-, semen- слишкомъ живо представлялись чутью говорившихъ и препятствовали утратѣ конечнаго -n въ именит. винит. пад. nomen, semen. Подобная же борьба двухъ стремленій, внѣшняго, физіологическаго, и внутренняго, опредѣлявшагося вліяніемъ аналогіи, могла происходить и въ языкахъ индо-эранскихъ при образованіи именит. винит. пад. nâma и т. д.; различный исходъ этой борьбы въ этихъ языкахъ, съ одной стороны, и въ латинскомъ, съ другой, зависѣлъ отъ того, на сколько сильна была физіологическая потребность обращать конечное -an, -en въ -â, -a; -ê, -î. Подобно латинскому языку и готскій иначе поступаетъ съ именами средн. рода на -an (въ именит. винит. пад.), чѣмъ съ окончаніемъ перфекта -an; въ то время какъ vait образовалось изъ первоначальн. * vaidan согласно съ общими законами готскаго языка, именит. винит. пад. * nâman обратился здѣсь въ namô, вмѣсто ожидаемаго nam. Ясно, что борьба тѣхъ двухъ стремленій, о которыхъ я говорилъ выше, должна была происходить и здѣсь, и слѣды ея остались въ гласной -ô, которая образовалась изъ -an, -ân вслѣдствіе того, что языкъ неохотно разставался съ конечнымъ n.

Въ заключеніе этого очерка, посвященнаго первому лицу ед. ч. перфекта, я долженъ указать еще на одну ст. слав. форму, именно на вѣдѣ. Извѣстно, что эта форма стоитъ особнякомъ въ системѣ ст. слав. спряженія и этимъ самымъ заставляетъ видѣть въ ней остатокъ какого-то образованія, утраченнаго славянскими языками. Никто не рѣшился бы, конечно, объяснять вѣдѣ изъ * вѣдѣмь, но значеніе, принадлежащее формѣ вѣдѣ, побуждало все таки искать въ ней настоящ. время, но только не дѣйствительн. залога, а медіума. Въ этомъ смыслѣ объясняли вѣдѣ Миклошичъ и Боппъ[77]),

[77]) Миклошича Vergl. Grammatik der slavischen Sprachen, III, 165; Боппа Vergl. Grammatik, II, § 512, Anm. 2.

хотя противъ такого объясненія можно выставить сильныя возраженія. Во-первыхъ, что замѣтилъ и самъ Боппъ, гласная ѣ въ вѣд- не должна была существовать въ медіумѣ (ср. сскр. vide); во-вторыхъ, образованіе индо-эранск. -e (=ai) изъ -me (=-mai, греч. μαι) вовсе не оправдываетъ подобнаго же явленія и въ ст. слав. языкѣ; въ-третьихъ, страннымъ кажется то, что медіумъ удержался здѣсь лишь въ одномъ словѣ, хотя не видны причины, которыя могли бы способствовать сохраненію его именно въ формѣ вѣдѣ. Правда, Боппъ находитъ медіальныя окончанія и въ дастъ, могошѧтъ, но это мнѣніе, казавшееся сомнительнымъ и Миклошичу, едва ли можетъ встрѣтить въ настоящее время поддержку [78]). Если же мы станемъ объяснять вѣдѣ въ качествѣ перфекта, въ такомъ случаѣ будутъ понятны намъ и форма этого слова и единичность примѣра. Конечное ѣ въ вѣдѣ восходитъ къ -en, т. е. первонач. -an, и аналогія имѧ, сѣмѧ не должна быть обязательною, подобно тому какъ и въ латинск. и въ готск. языкахъ nomen, namô уклоняются отъ fecî, vait. Извѣстно, что en обращается въ ст. слав. (и въ общеслав.) языкѣ какъ въ ѧ, такъ и въ ѣ [79]) (не дифтонгъ), и конечное ѣ (=ė) въ вѣдѣ произошло, быть можетъ, еще въ литовско-славянскую эпоху; литовскіе языки не сохранили образованій, соотвѣтствующихъ ст. слав. вѣдѣ, и потому вопросъ о времени происхожденія здѣсь звука ѣ изъ en не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Что же касается единичности примѣра, то она станетъ вполнѣ понятною, когда мы припомнимъ, что перфектъ * vaidan еще въ индоевроп. языкѣ получилъ значеніе настоящ. времени и даже по самому образованію основы уклонился отъ другихъ перфектовъ (утратилъ удвоеніе). Слѣдовательно, форма, происшедшая изъ этого * vaidan, могла удержаться и въ томъ языкѣ, который забылъ уже перфектъ какъ время. Само собою разумѣется, что нѣкогда рядомъ съ вѣдѣ должны были существовать и другія лица, которыя, однако, впослѣдствіи исчезли, подъ давленіемъ формъ настоящ. времени, тождественныхъ съ ними по значенію; намъ переданъ, слѣдовательно, лишь послѣдній эпизодъ той борьбы, какая должна была происходить въ этомъ глаголѣ между формами перфекта и настоящ. времени.

---

[78]) См. по поводу формъ дасть (дастъ) и т. под. главнымъ образомъ статью Лескина въ Beiträge, VI, стр.184 и слѣд.

[79]) Объ образованіи ѣ изъ en см. Шмидта Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus, стр. 85 и слѣд.

V.

Обращаюсь теперь къ сскр. -âu=вед. -â, -âu въ 3-мъ л. ед. ч. прошедш. совершен. врем. Это окончаніе является въ тѣхъ же глаголахъ, въ которыхъ мы находимъ его въ 1-мъ л., т. е. въ глаголахъ, имѣющихъ корень-основу на -â. Я не могу объяснять здѣсь происхожденіе -âu путемъ фонетическимъ уже потому, что нельзя допустить для индоевроп. языка полнаго тождества между первымъ и третьимъ лицемъ въ перфектѣ. Гипотеза Шлейхера касательно происхожденія -a въ 3-мъ л. * vaida (сскр. veda, греч. οἶδε, готск. vait) изъ -ta на столько же несостоятельна, какъ и его мнѣніе объ -a изъ -ma въ 1-мъ л.; нѣтъ примѣровъ, которые позволяли бы предполагать подобное выпаденіе согласной въ индоевроп. языкѣ. Съ другой стороны, на основаніи латинск. dedeit, dedīt нельзя еще заключать, что этимъ окончаніемъ было -t (изъ ta или ti), такъ какъ утрата конечнаго t въ индоэранск. языкахъ представлялась бы явленіемъ аномальнымъ. При томъ же, долгота гласной передъ -t въ латинск. dedeit, dedīt не объясняется изъ родственныхъ языковъ, и я готовъ думать поэтому, что въ латинск. dedit, fecit и т. д. мы имѣемъ аористъ, который слился съ перфектомъ и вытѣснилъ 3-е л. ед. ч., принадлежавшее этому послѣднему. На основаніи сскр. veda (др. бактр. dada), греч. οἶδε, готск. vait можно предположить индоевроп. форму 3-го л. * vaida; но спрашивается, отпало ли здѣсь окончаніе -ta, -ti, или же оно никогда не существовало. Кромѣ того, что мнѣ кажется невозможнымъ допускать отпаденіе флективныхъ окончаній въ эпоху совмѣстной жизни индоевроп. языковъ, непонятно было бы и то, почему окончаніе 3-го л. отпало лишь въ перфектѣ и удержалось въ другихъ временахъ; причины, вызывавшія это явленіе, во всякомъ случаѣ не могли быть фонетическія, такъ какъ согласную t мы не рѣдко встрѣчаемъ въ окончаніи индоевроп. словъ. Гораздо естественнѣе думать, что въ 3-мъ л. перф. * vaida никогда не существовало окончаніе -ta, -ti. Извѣстно, что перфектъ былъ образованъ никакъ не позже, чѣмъ настоящ. время (временное различіе внесено позднѣе), и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что въ эпоху происхожденія 3-го л. * vaida, * kakara (=kakâra) языкъ не пользовался еще мѣстоимен. корн. ta, ti для обозначенія въ глаголѣ третьяго ли-

ца. Другими словами, въ эту эпоху языкъ отличалъ особыми мѣстоименными корнями лишь два первыхъ лица, между тѣмъ, какъ въ третьемъ онъ употреблялъ основу на -*a*. Простой корень (хотя бы съ удвоеніемъ и съ усиленіемъ гласной) былъ недостаточенъ для созданія какой бы то ни было формы, но въ основѣ на -*a a* есть мѣстоименный корень, а индоевроп. формы создавались именно при помощи соединенія глагольныхъ корней съ мѣстоименными. Итакъ, надо думать, что основы * babhara, * kakara и т. д. спеціализировались въ значеніи глагольной формы 3-го л. тогда, когда мышленіе создало формальныя отношенія, и когда каждая основа должна была стать формою. Подобнымъ же образомъ основы на -*a*, безъ удвоенія, послужили къ образованію глагольной формы 2-го лица ед. ч., съ значеніемъ повелительнаго наклоненія. Прежде думали, что cскр. bhara, греч. φέρε и т. д. утратили то окончаніе, которое является, напр., въ cскр. çrudhi, греч. κλῦθι, но такое предположеніе ничѣмъ не можетъ быть доказано, и относительно повелит. * bhara мы должны придти къ тому же заключенію, какъ и относительно 3-го л. перф. babhara; здѣсь я могу сослаться на Дельбрюка, который также отказывается видѣть въ cскр. повелит. bhara отпаденіе -dhi или другаго какого-нибудь окончанія [80]). Примѣняя добытое нами въ cскр. 3-му л. ед. ч. перф. dadâu paprâu и т. д., мы должны будемъ объяснять здѣсь âu вліяніемъ ложной аналогіи, оказанной первымъ лицемъ dadâu, paprâu, такъ какъ âu въ 3-мъ л. не могло произойти путемъ фонетическимъ. Легко, конечно, злоупотреблять „ложною аналогіей" при объясненіи нѣкоторыхъ фактовъ, представляемыхъ языкомъ, но въ данномъ случаѣ такое объясненіе, мнѣ кажется, не можетъ возбуждать большихъ сомнѣній. Въ 90 примѣрахъ на 100 (отношеніе приблизительное) 3-е л. ед. ч. cскр. перф. должно было совпадать съ первымъ по окончанію; что же удивительнаго, если въ остальныхъ 10 случаяхъ, гдѣ существовала разница, 3-е л. приняло по аналогіи то же окончаніе, какое получало (путемъ фонетическимъ) 1-е л., и такимъ образомъ dadâu = dadâ, изъ *dadân, оказало вліяніе на обращеніе dadâ въ 3-мъ л. также въ dadâu. Конечная гласная въ 3-мъ л. veda, tatâna и т. д. является иногда въ Ведахъ (въ текстѣ „saṁhitâ") долгою; въ этой долготѣ я вижу исконный варіантъ краткости, такъ какъ нѣкогда конечная

---

80) Das altindische Verbum, стр. 33.

гласная каждаго слова (основы) могла быть и долгою и краткою. Подобнымъ же образомъ во 2-мъ л. ед. ч. повелит. наклон. конечное *a* часто бываетъ долгимъ въ текстѣ „saṁhitâ“ Ведъ, вслѣдствіе чего эти формы трудно отличать отъ 1-го л. ед. ч. сослагат. накл. (на - â).

VI.

Индоевроп. окончаніе -*n*, выведенное мною для перваго лица ед. ч. въ настоящ. времени (глаголовъ перваго спряженія) и въ перфектѣ, побуждаетъ меня коснуться труднаго вопроса о происхожденіи мѣстоименныхъ корней вообще и „я“ въ особенности. Ученіе Боппа о присутствіи мѣстоименныхъ корней въ глагольныхъ окончаніяхъ составляетъ для меня безспорную истину, на ряду съ другими основными выводами, добытыми тѣмъ же Боппомъ въ области сравнительной грамматики; всѣ возраженія, какія представлялись до сихъ поръ противъ теоріи агглутинаціи, дали, по моему мнѣнію, только бо̀льшую прочность этой теоріи и ни мало не поколебали ея. Такимъ образомъ я считаю совершенно вѣрнымъ, напр., то, что форма asmi состоитъ изъ глагольнаго корня as въ соединеніи съ мѣстоименнымъ корнемъ, обозначающимъ первое лице; но можно ли утверждать (какъ это дѣлается обыкновенно), что mi произошло изъ ma? Обращеніе *a* въ *i* (черезъ посредство *e*) не составляетъ, конечно, ничего необыкновеннаго, но языкознаніе не стоитъ уже теперь на той ступени, когда довольствовались рѣшеніемъ вопроса, можетъ ли вообще переходить звукъ иксъ въ звукъ игрекъ. Мы должны опредѣлить, наблюдается ли такой переходъ въ извѣстномъ языкѣ, и если наблюдается, то при какихъ именно условіяхъ, а для этого надо указать на аналогичные примѣры. Понятно, что по отношенію къ индоевроп. языку всѣ подобные примѣры должны быть болѣе или менѣе сомнительны сами по себѣ, и слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе должна быть причина, побуждающая насъ видѣть въ гласной *i* въ mi звукъ не первоначальный, но образованный изъ *a*. Въ склоненіи перваго личнаго мѣстоименія мы, дѣйствительно, находимъ корень ma, который легко открыть и въ нѣкоторыхъ глагольныхъ окончаніяхъ (напр. въ -ma-si), но въ значеніи ma намъ извѣстны также na и *a*, для которыхъ опять-таки мы не въ силахъ доказать происхожденіе изъ ma. Я не утверждаю положительно, что индоевроп. ma *никакъ не*

могло перейти въ mi или въ na, *a*, но я отрицаю необходимость признавать эти mi, na, *a* образовавшимися *непремѣнно* изъ *ta*. Обыкновенно думають, что личное мѣстоименіе должно восходить къ одному опредѣленному корню, и это апріористическое мнѣніе заставляло даже объяснять индоевроп. ju изъ tu (во 2-мъ лицѣ), не смотря на то, что фонетика не въ состояніи оправдать подобный переходъ звуковъ какими бы то ни было аналогіями. Шлейхеръ, столь строго относившійся всегда къ звуковымъ измѣненіямъ, былъ вынужденъ прибѣгнуть при объясненіи личныхъ мѣстоименій къ слѣдующему аргументу: „Uebersiht man die in den verschidenen sprachen so stark ab weichenden stamformen der personalpronomina, so ergibt sich klar, dass hier nicht an lautgesezliche veränderung, sondern nur an mer ader minder wilkürliche verdrehung gedacht werden kann. Es schéint, als ob das deutliche hervortreten der stämme für die I und II person in den sprachen vermiden sei“ и т. д. [81]). Но болѣе или менѣе умышленное измѣненіе звуковъ представляетъ собою такой факторъ, который можетъ быть крайне опасенъ для науки, такъ какъ умышленное измѣненіе звуковъ [82]) послужило бы quasi-объясненіемъ для многаго, что неясно въ фонетикѣ.

Извѣстно дѣленіе корней на корни глагольные и мѣстоименные, или качественные и указательные [83]). Разница между тѣми и другими должна быть исконною, и всякія попытки привести оба эти класса къ первоначальному тождеству были бы до крайности фантастичны. Нѣкоторые (немногіе, впрочемъ) лингвисты вѣрятъ въ такое тождество, хотя никто изъ этихъ вѣрящихъ не понимаетъ его, конечно. Трудно, безъ сомнѣнія, объяснить себѣ появленіе въ языкѣ двухъ классовъ корней, но легче ли понять родство „того“ или „этого“ съ какимъ-нибудь глагольнымъ корнемъ? Во многихъ языкахъ существуютъ описательныя выраженія для обозначенія „я“ или „ты“, но эти *описательныя* выраженія предполагаютъ существованіе личныхъ мѣстоименій; своего рода эвфемизмъ побуждаетъ лишь избѣгать словъ „я“ и „ты“ и замѣнять ихъ другими. Допустимъ, что подобное описательное выраженіе съ тече-

---

[81]) Compend., стр. 657.

[82]) См. объ умышленномъ измѣненіи звуковой формы у Макса Мюллера, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, II Serie, стр. 28 и слѣд. (Первое изданіе.) Но на сколько позволительно обобщать подобнаго рода частныя явленія?

[83]) Существуютъ также и другія названія для этихъ двухъ классовъ; см. Курціуса Zur Chronologie der indogermanisch. Sprachforschung (первое изданіе), стр. 20.

ніемъ времени теряетъ свой первоначальный смыслъ и абстрагируется до степени личнаго мѣстоименія, т. е. становится адэкватомъ „я“ или „ты“; но въ данномъ случаѣ понятія „я“ и „ты“, существовали уже прежде, и этотъ процессъ, слѣдовательно, не имѣетъ ничего общаго съ *образованіемъ* понятій „я“ или „ты“ при помощи какихъ-нибудь глагольныхъ корней. Шлейхеръ, чувствовавшій вообще большое нерасположеніе къ этимологіямъ, позволяетъ себѣ, однако, высказаться очень рѣшительно относительно тождества *ma* „я“ съ глагольнымъ корнемъ *ma* „мѣрять, думать“; „dise wurzel bedeutet auch „mensch“ (vgl. altind. ma-nu-, got. ma-n-), der als „denkender“ bezeichnet wird, und was solte „ich“ ursprünglich anders sein als „mensch“?“ [84]). Большую способность къ отвлеченію должны мы признать за тѣмъ первобытнымъ народомъ, который выработалъ себѣ понятіе „я“ изъ понятія „человѣкъ“; но не это одно останавливаетъ насъ въ словахъ Шлейхера. Корень *ma*, *man* не имѣлъ значенія „человѣкъ“; это значеніе явилось лишь позже, въ той или другой основѣ (т. е. въ соединеніи глагольнаго корня съ мѣстоименнымъ), и при томъ тогда, когда было забыто первоначальное значеніе этихъ словъ (положимъ: „думающій“). Понятно, что и *ma* „я“ могло бы образоваться изъ *ma* „думать, думающій“ лишь при полномъ забвеніи этого послѣдняго значенія, а между тѣмъ въ дѣйствительности мы этого не видимъ, и кор. *ma*, *man* на ряду съ *ma* „я“ продолжаетъ сохранять свое прежнее значеніе. Тотъ, кто вѣритъ въ тождество корней мѣстоименныхъ съ глагольными, не имѣетъ никакой надобности доказывать это тождество: если извѣстный мѣстоимен. корень произошелъ черезъ отвлеченіе корня глагольнаго, то понятно, нѣтъ никакой возможности опредѣлить его первоначальное, конкретное значеніе, такъ какъ иначе невозможно было бы отвлеченіе. По поводу приведенныхъ мною выше словъ Шлейхера считаю нужнымъ замѣтить, что, объясняя *ma* „я“ изъ *ma* „человѣкъ“, Шлейхеръ этимъ самымъ допускаетъ возможность существованія въ индоевроп. языкѣ различныхъ словъ для выраженія „я“, такъ какъ не одинъ только кор. *ma*, *man* послужилъ къ образованію значенія „человѣкъ“. Если слово „думающій, человѣкъ“ могло дойти до значенія „я“, то то же *могло* случиться и съ словомъ „земной, человѣкъ“ [85]); а какъ скоро путемъ отвле-

[84]) Compend., стр. 642.

[85]) Ср. лат. homo, лит. żmuo, готск. guma (основа guman-).

ченія образовалось понятіе „я“, на столько же безразлично стало то или другое звуковое его выраженіе, какъ для насъ теперь не имѣетъ никакого значенія отсутствіе звуковой связи между *я* и *мой*.

Принимая дѣленіе корней на два неродственныхъ между собою класса, мы не можемъ, конечно, отдѣлять личныя мѣстоименія отъ прочихъ и должны, слѣдовательно, возводить „я“ къ корнямъ мѣстоименнымъ. Въ эпоху происхожденія корней самосознаніе оставалось еще неизвѣстнымъ человѣку: до появленія „я“ существовали уже корни, употреблявшіеся въ указательн. значеніи, какъ это видно изъ тождества звуковой формы индоевроп. *ma* въ значеніи перваго личнаго мѣстоименія и *ma* указательнаго. Само собою разумѣется, никто не найдетъ возможнымъ объяснять ma указательн. изъ *ma* „я“, но такъ же трудно видѣть въ этихъ двухъ *ma* два различныхъ корня: *ma* „я“ составляетъ противоположность съ *ma*, какъ указаніемъ на внѣшній предметъ (лице), и нельзя думать, конечно, чтобы два противоположныхъ представленія могли выразиться съ самаго начала въ однихъ и тѣхъ же звукахъ. Итакъ, *ma* въ значеніи 1-го лица должно было произойти изъ *ma* указательнаго; но если корни съ указательнымъ значеніемъ существовали еще до появленія самосознанія, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ эти ma, ta, sa и т. д. не могли разниться первоначально по своему значенію („такой-то тотъ“ или „такой-то этотъ“), такъ какъ у человѣка не было еще той мѣрки, по которой онъ могъ бы создать себѣ пространственныя отношенія. Слѣдовательно, съ мѣстоименными корнями при ихъ появленіи не могло соединяться опредѣленное значеніе, между тѣмъ какъ каждый глагольный корень былъ звуковымъ выраженіемъ извѣстнаго представленія, соединявшагося только съ нимъ однимъ. Отсюда видно, какъ существенно отличіе корней мѣстоименныхъ отъ корней глагольныхъ. Трудно, конечно, допустить мысль объ одновременномъ появленіи этихъ обоихъ элементовъ рѣчи (напр. *ma* съ какимъ-нибудь конкретн. значеніемъ и *ma* указательн.), и эта трудность должна еще болѣе увеличиться, когда мы примемъ во вниманіе, что одни изъ этихъ корней имѣли неопредѣленное (указательное) значеніе, другіе же соотвѣтствовали вполнѣ опредѣленнымъ впечатлѣніямъ. Но еще невозможнѣе предполагать два совершенно отдѣльныхъ періода образованія звуковъ языка, ибо въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему созданіе новыхъ корней не повторялось дальше:

каждому новому моменту въ развитіи человѣческой мысли должны были бы соотвѣтствовать и новыя звуковыя выраженія (новые корни), чего мы, однако, не видимъ. Я думаю, что мѣстоименные корни, *какъ составная часть рѣчи*, дѣйствительно, моложе корней глагольныхъ, но звуки, въ которыхъ они выразились, на столько же древни, на сколько древни звуковыя выраженія корней глагольныхъ. Вопросъ о взаимномъ отношеніи тѣхъ и другихъ корней рѣшается мною при помощи слѣдующей гипотезы. Для каждаго ясно, что звуковымъ матеріаломъ, изъ котораго произошелъ языкъ, послужили тѣ естественные, непроизвольные звуки, которые выходили изъ человѣческой гортани въ силу рефлекса одного ряда нервовъ (чувствующихъ) на другой (нервы двигательные). Существованіе такихъ непроизвольныхъ звуковъ не есть еще языкъ, и тайна происхожденія послѣдняго состоитъ въ закрѣпленіи извѣстнаго впечатлѣнія въ опредѣленномъ звуковомъ выраженіи, которое способно было вызвать въ слушателѣ то же представленіе, съ какимъ соединялось оно для лица говорившаго. Появленіе языка вноситъ ограниченіе въ употребленіе этихъ естественныхъ звуковъ, а опытъ и развитіе мысли должны были еще болѣе съузить ту сферу, въ которой возможно ихъ существованіе, но исчезнуть совсѣмъ эти звуки не могли, такъ какъ всегда остаются причины, вызывающія ихъ появленіе: эти причины состоятъ въ неприготовленности человѣка къ воспріятію того или другаго чувственнаго возбужденія, по крайней мѣрѣ въ той степени силы, въ какой это возбужденіе получается имъ въ данный моментъ. Ясно, что чѣмъ недостаточнѣе знакомство человѣка съ окружающимъ міромъ, тѣмъ болѣе поводовъ къ появленію этихъ естественныхъ звуковъ, и мы должны думать поэтому, что нѣкогда естественные звуки занимали весьма видное мѣсто по отношенію къ звукамъ языка. Съ теченіемъ времени не только ограничивалась сфера, въ которой возможно было появленіе естественныхъ звуковъ, но и число ихъ становилось, можетъ быть, меньше: случайное повтореніе одного и того же звука нѣсколько разъ при извѣстномъ ощущеніи могло имѣть слѣдствіемъ то, что и при новомъ повтореніи того же ощущенія вырывался тотъ же звукъ, въ силу привычки, усвоенной при рефлексѣ голосовыми мышцами. Для происхожденія естественныхъ голосовыхъ звуковъ совершенно безразлично то, какое именно чувственное возбужденіе вызываетъ (путемъ рефлекса) ихъ, но при появленіи языка эти звуки могли обращаться въ глагольные корни

лишь въ томъ случаѣ, если чувственное возбужденіе проникало въ сознаніе какъ впечатлѣніе. Каждое движеніе (въ обширномъ смыслѣ этого слова) есть по природѣ своей отраженное, хотя его prius, чувственное возбужденіе, можетъ оставаться неяснымъ и не проходить черезъ сознаніе; понятно, что тѣ естественные звуки, которые (вмѣстѣ съ тѣлодвиженіями и т. д.) являлись результатомъ подобнаго чувственнаго возбужденія, оставались внѣ сферы глагольныхъ корней, но изъ нихъ, я думаю, должно объясняться происхожденіе корней мѣстоименныхъ. Предположимъ, что человѣкъ, уже ознакомившійся (черезъ посредство глагольныхъ корней) съ окружавшимъ его міромъ, рано или поздно обратилъ вниманіе на непроизвольные жесты и понялъ ихъ въ смыслѣ указанія, т. е. выдѣленія извѣстнаго предмета (явленія) изъ ряда другихъ. Такимъ образомъ смутное представленіе объ указаніи (конечно, индивидуальномъ) составлялось на основаніи того впечатлѣнія, которое производилъ жестъ, и въ жестѣ же это представленіе находило соотвѣтствующее выраженіе. Но непроизвольные жесты могли сопровождаться непроизвольными голосовыми звуками, которые, при отсутствіи задерживающей силы, продолжали являться и тогда, когда эти жесты обратились въ произвольные. Первоначально, какъ я сказалъ, указаніе выражалось только въ жестахъ, и сопровождавшіе ихъ естественные звуки могли не обращать на себя вниманія; но привычка, пріобрѣтенная человѣкомъ на корняхъ глагольныхъ: думать въ звукахъ, съ теченіемъ времени возбудила это вниманіе и заставила соединять представленіе о томъ или другомъ индивидуальномъ указаніи не только съ жестомъ, но и съ сопровождавшими его естественными звуками. Такимъ образомъ могли явиться звуковые жесты, т. е. мѣстоименные корни. Понятно, что мѣстоименные корни употреблялись не иначе, какъ въ соединеніи съ жестами, ибо лишь жестъ возбуждалъ опредѣленное впечатлѣніе, которое распространялось и на сопровождавшіе этотъ жестъ звуки. Въ качествѣ естественныхъ звуковъ мѣстоименные корни были разнообразны, и это разнообразіе осталось за ними и тогда, когда они сдѣлались составною частью языка, что вполнѣ понятно, такъ какъ человѣкъ не могъ въ это время образовать одного общаго представленія объ указаніи (которому бы соотвѣтствовало одно звуковое выраженіе), но составлялъ себѣ лишь частныя представленія объ индивидуальныхъ указаніяхъ. Вскорѣ за обогащеніемъ языка мѣстоименными корнями послѣдовало образованіе

сложныхъ корней (основъ), напр. ama, ana и т. д., назначеніемъ которыхъ было, вѣроятно, выраженіе болѣе сильнаго указанія, въ соотвѣтствіе съ силою или повтореніемъ жеста. Очевидно, впрочемъ, что начала подобнаго сложенія могутъ крыться еще въ томъ періодѣ, когда мѣстоименные корни были естественными звуками.

Важною эпохою для всей послѣдующей исторіи мѣстоименій было появленіе „я“, вмѣстѣ съ которымъ устанавливалась точка отправленія при указаніи на предметы внѣшняго міра. Еслибъ сознаніе „я“ существовало до появленія языка, въ такомъ случаѣ естественно было бы ожидать, что оно выразится въ одномъ словѣ (корнѣ), но невозможно думать, чтобы, создаваясь при пособіи уже готоваго языка, представленіе объ „я“ нашло себѣ сразу соотвѣтствующее звуковое выраженіе. До познанія „я“ человѣкъ доходилъ медленно, и внѣшними средствами, при пособіи кототорыхъ совершалась эта работа, были жесты въ соединеніи съ мѣстоименными корнями, а изъ этихъ послѣднихъ ни одинъ не имѣлъ преимущества передъ другими, ибо только употребленіе могло дать такое преимущество. Еслибъ индоевроп. языки сохранили до насъ лишь одно ma въ значеніи мѣстоимен. корня перваго лица, то и тогда мы не могли бы быть увѣрены въ томъ, что представленіе объ „я“ соединялось съ однимъ этимъ корнемъ, такъ какъ возможно было бы предполагать утрату другихъ корней, имѣвшихъ одно значеніе съ ma. Я думаю поэтому, что нѣтъ достаточныхъ основаній объяснять na изъ ma: оба корня могли независимо другъ отъ друга послужить къ образованію представленія объ „я“. Понятно, однако, что каждый мѣстоименный корень, получившій значеніе „я“, не могъ въ тоже время употребляться по отношенію къ внѣшнимъ предметамъ, ибо иначе не существовало бы самое „я“. Отсюда объясняется, почему мы не встрѣчаемъ корней ma и na въ значеніи указательныхъ мѣстоименій [86]), и отсюда же слѣдуетъ, что всѣ тѣ сложныя основы, въ которыхъ мы находимъ указательн. ma и na, должны были произойти въ ихъ прототипахъ раньше того времени, къ которому относится появленіе самосознанія. Сюда принадлежатъ не только основы мѣстоименныя: ama, ana и т. д. (не изъ am-a, an-a [87])?), но и тѣ, которыя

---

86) Мѣстоименіе na въ языкѣ Пали произошло, вѣроятно, изъ ena.

87) Существовали ли простые мѣстоимен. корни такого вида, какъ am, т. е. изъ гласн.+согласн.?

составлены изъ глагольныхъ корней въ соединеніи съ указательн. ma и na.

Посмотримъ теперь, есть ли необходимость объяснять -mi въ asmi изъ ma. Понятно, что безъ крайней необходимости такое объясненіе не должно быть принимаемо, ибо, во-первыхъ, переходъ a въ i (черезъ посредство e) обусловливается обыкновенно вліяніемъ послѣдующихъ звуковъ (чего здѣсь не было), а во-вторыхъ, въ особенности безъ этого вліянія, онъ свидѣтельствуетъ о значительномъ паденіи вокализма, которое едва ли можетъ быть допущено нами для индоевроп. языка. Изъ сказаннаго мною выше касательно ma и na слѣдуетъ, что первоначально въ значеніи „я" могли употребляться не одни только ma и na, но и другіе корни; корень mi можетъ быть прослѣженъ нами такъ же далеко, какъ и ma, ибо мы находимъ его въ основахъ мѣстоименныхъ и именныхъ. Если суф. mi восходитъ къ первонач. mi, то почему же -mi въ asmi должно объясняться изъ ma? Корни mi и mu представляютъ собою исконные варіанты корня ma, а извѣстенъ тотъ фактъ, что мѣстоименные корни при каждой изъ согласныхъ могутъ имѣть любую изъ трехъ гласныхъ: a, i, u [88]) (отсюда и мѣстоименная тріада: *a*, *i*, *u*). Даже въ позднѣйшей жизни индоевроп. языка не дѣлалось различія въ значеніи при употребленіи той или другой гласной, и понятно, что это различіе не могло также существовать и въ болѣе древнемъ періодѣ, когда вообще не соединялось никакого опредѣленнаго значенія ни съ однимъ изъ мѣстоименныхъ корней. Въ пользу происхожденія mi въ asmi изъ ma могло бы говорить только одно обстоятельство, именно то, что въ склоне- перваго личнаго мѣстоименія основа mi не выводится для индоевроп. языка. Это обстоятельство, однако, слишкомъ ничтожно, чтобы ослабить силу возраженій, какія могутъ быть сдѣланы противъ перехода ma въ mi, и легко можетъ быть понято нами, когда мы припомнимъ, что личныя мѣстоименія извѣстны намъ лишь начиная съ эпохи, непосредственно предшествовавшей раздѣленію индоевроп. языка, между тѣмъ какъ происхожденіе осно-

[88]) Мы не имѣемъ, конечно, никакого права объяснять i или u изъ a, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ казаться сомнительнымъ, чтобы варіанты ma, mi, mu; ta, ti, tu существовали еще тогда, когда эти сочетанія были естественными звуками. Я не думаю, чтобы естествен. звуки имѣли такую опредѣленность, и скорѣе готовъ предположить, что ma, mi, mu образовались изъ m' (m съ глухимъ гласнымъ призвукомъ), ta, ti, tu изъ t' и т. д.

вы (впослѣдствіи формы) asmi относится къ гораздо болѣе древнему времени; не было бы ничего удивительнаго поэтому, еслибъ основа mi была утрачена съ теченіемъ времени, подъ давленіемъ тождественной по значенію ma. Но вопросъ еще въ томъ, дѣйствительно ли мѣстоименная основа mi не существовала въ періодъ раздѣленія индоевроп. языка; нѣкоторые индоевропейскіе языки указываютъ, по моему мнѣнію, на эту основу, точно такъ же какъ во 2-мъ лицѣ на ti и въ 3-мъ на si.

Итакъ, мы имѣемъ полное право считать mi исконнымъ варіантомъ ma, и присутствіе ma въ -masi (въ 1-мъ л. множ. ч.) никоимъ образомъ не обязываетъ насъ предполагать, что и -mi въ 1-мъ л. ед. ч. произошло также изъ ma. Даже медіальное окончаніе -mai, еслибъ мы его объясняли изъ -mami, свидѣтельствовало бы лишь о томъ, что въ эпоху, когда образовалось это сложеніе, -mi въ основахъ asmi и т. под. не получило еще окончательнаго преобладанія надъ -ma. Но происхожденіе -mai, -sai, -tai изъ -mami, -sasi, -tati кажется мнѣ невозможнымъ, и каждый согласится со мною, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что объясненіе -mai изъ -mami и т. д. требуетъ въ себя очень большой вѣры.

VII.

Вопросъ объ образованіи медіальныхъ окончаній имѣетъ свою особую литературу [89]), и въ мои намѣренія не можетъ входить подробное разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь, гдѣ мнѣ приходится касаться его лишь мимоходомъ. Позволю себѣ, однако, высказать сущность моего взгляда на происхожденіе медіальныхъ окончаній.

Въ медіальн. -mai, -sai, -tai, несомнѣнно, кроются мѣстоименные корни, употреблявшіеся въ значеніи первыхъ двухъ лицъ и въ общемъ указательномъ, но ни это убѣжденіе, ни тѣмъ болѣе фонетическій анализъ не могутъ навести насъ на мысль о происхожденіи -mai, -sai, -tai изъ -mami, -sasi, -tati. Мы знаемъ, что въ значеніи мѣстоимен. корня перваго лица употреблялось не одно только ma и потому не имѣемъ причины искать во что бы то ни стало присутствія это ma въ mai. Разсматривая медіальн. окончаніе -mai [90]) исключительно съ фонетической стороны, мы должны при-

---

[89]) См. главнымъ образомъ статьи Мистели и Куна въ Zeitschrift, т. XV.

[90]) Сказанное мною далѣе объ окончаніи -mai распространяется, mutatis mutandis, и на -sai, -tai.

знать, что оно могло произойти двоякимъ путемъ: или черезъ механическое соединеніе ma + *i*, или же черезъ усиленіе основной гласной *i*, находящейся въ mi. Противъ перваго объясненія говоритъ уже то, что дифтонги индоевроп. языка въ большинствѣ случаевъ, какъ показываетъ анализъ, происходили путемъ не механическимъ; во-вторыхъ, *i*, которое мы бы получили въ ma+*i*, не могло бы объясниться для насъ въ своемъ значеніи по отношенію къ образованію медіальныхъ окончаній. Слѣдовательно, намъ остается предположить, что ai въ -mai есть усиленіе основной гласной *i*. Само собою разумѣется, что возможность такого простаго объясненія медіальн. окончаній не могла ускользнуть отъ вниманія лингвистовъ: Поттъ и Курціусъ давно объясняли медіальн. ai черезъ усиленіе гласной *i*. Любопытно, однако, то, что Курціусъ впослѣдствіи отказался отъ этого объясненія и принялъ господствующее въ наукѣ мнѣніе, по которому -mai произошло изъ -mami [91]). Причины, побудившія Курціуса взять назадъ свое прежнее объясненіе, формулированы имъ такъ: „Es ist unwahrscheinlich, dass zur Zeit, da sich die Medialendungen bildeten, die activen Endungen schon von altem ma, tva u. s. w. zu mi, si u. s. w. herabgesunken waren, zumal da uns in der Form -tha und in der 3 S. tu des Imperativs Formen mit andern Vocalen erhalten sind. Und dass sich aus dem geschwächten mi wieder durch Steigerung mai entwickelte, widerspricht dem normalen Laufe der Lautgeschichte. Ueberdies sind einige Secundärformen, namentlich die 1 S. μην und die sanskritische 2 S. thâs auf diesem Wege gar nicht zu begreifen“ [92]). Первое возраженіе не имѣетъ для насъ силы, такъ какъ мы видѣли, что нѣтъ никакой необходимости объяснять mi изъ ma; что же касается втораго возраженія, то я займусь имъ ниже, а теперь замѣчу лишь вообще, что нельзя считать доказаннымъ, будто такъ называемыя вторичныя глагольныя окончанія произошли непосредственно изъ такъ называемыхъ первичныхъ.

Признавая, что ai въ -mai есть усиленіе гласной i, мы далеко не разрѣшаемъ еще этимъ вопроса о происхожденіи медіальн. -mai, такъ какъ надо понять ту связь, которая существуетъ между фоне-

---

[91]) Кунъ (Zeitschrift, XV, 401 и слѣд.) выводитъ -mâmi (что не составляетъ разницы при общей постановкѣ вопроса), но ср. замѣчанія Курціуса (Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 82).

[92]) Das Verbum и т. д., стр. 80—81.

тическимъ образованіемъ -mai и тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ это окончаніе. И Поттъ и Курціусъ видѣли въ образованіи медіальн. ai изъ *i* символическое значеніе, но теорія символизма, при бо̀льшихъ успѣхахъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, способна возбуждать къ себѣ все меньше и меньше довѣрія; это обстоятельство осталось, можетъ быть, не безъ вліянія на перемѣну взгляда Курціуса въ вопросѣ о происхожденіи медіальн. ai. Если мы обратимся къ нашему чутью въ языкѣ, то оно можетъ, напр., найти соотвѣтствіе между полнотою формы „нашивать" и тѣмъ значеніемъ, какое съ нею соединяется по отношенію къ „нести", „носить"; но отсюда нельзя еще ничего вывести для теоріи символизма, такъ какъ въ нашемъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло не съ образованіемъ формы, но съ формою уже сложившеюся. Я охотно готовъ признать, что и въ медіальн. дифтонгахъ, какъ скоро они произошли, чутье говорившихъ находило связь съ интензивностью значенія, но прежде должны были все таки существовать эти дифтонги. Очевидно, что, объясняя медіальн. ai усиленіемъ основнаго *i*, мы этимъ самымъ приводимъ вопросъ объ образованіи медіальныхъ окончаній въ зависимость отъ того, какъ должно объясняться вообще усиленіе гласныхъ.

Давно уже сознавалась потребность найти фонетическое основаніе для дифтонговъ индоевропейск. языка ai и au [93]) (не тѣхъ, которые произошли черезъ механическое соединеніе *a*+*i* или+*u*), но пока приступали къ этому вопросу съ апріористическими теоріями, результаты не могли получиться удовлетворительные. Правильнымъ образомъ этотъ вопросъ былъ поставленъ лишь тогда, когда Кунъ и Шереръ показали, что въ нашихъ заключеніяхъ о происхожденіи дифтонговъ индоевроп. языка мы должны основываться на тѣхъ новыхъ языкахъ, въ которыхъ дифлонги (не механическіе) образуются въ историческое время, какъ въ нововерхненѣмецк. и въ англійскомъ [94]) (присоединимъ сюда и новочешскій языкъ). На основаніи этихъ данныхъ Кунъ и Шереръ пришли къ тому заключенію, что индоевроп. ai, au образовались изъ *î*, *û*, а долготу въ *î*, *û* они объясняли вліяніемъ ударенія (съ чѣмъ, какъ мы увидимъ далѣе, можно не соглашаться). Іог. Шмидтъ въ своей книгѣ:

---

[93]) Шлейхеръ построилъ для индоевроп. языка двѣ степени усиленія, но въ настоящее время едва ли кто нибудь изъ лингвистовъ слѣдуетъ этой теоріи Шлейхера.

[94]) Zeitschrift, XII, 143; Zur Geschichte der deutschen Sprache, стр. 19; 26 (Шмидта Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus, стр. 140).

Zur Geschichte des indogermanishen Vocalimus примѣняетъ образованіе дифтонговъ изъ долгихъ гласныхъ къ объясненію цѣлаго ряда явленій, стоящихъ въ связи съ вліяніемъ носовой на удлинненіе i. Признавая большія достоинства за книгою Шмидта, я долженъ, однако, замѣтить, что наиболѣе расхожусь съ нимъ именно въ той главѣ, которая толкуетъ о „Vocalsteigerung aus Nasalierung entstanden". Въ другомъ мѣстѣ, я надѣюсь, мнѣ представится случай говорить о теоріи Шмидта, а здѣсь, въ поясненіе сказаннаго далѣе, ограничусь лишь слѣдующимъ: всѣ явленія, разсматриваемыя Шмидтомъ въ названной выше главѣ, распадаются, по моему мнѣнію, на двѣ категоріи: или форма съ дифтонгомъ есть параллельная при формѣ съ носовою согласной (напр. греч. λείπω, лит. lëku, (сскр. recâmi въ Dhâtup.) и, съ другой стороны, сскр. riṇakti, прусск. polinka, лат. linquit), или же дифтонги ai, ei, oi, + согласн. произошли непосредственно изъ an, en, on, + согласн., черезъ вокализированіе носовой, т. е. черезъ развитіе изъ нея гласнаго призвука i (напр. готск. braids, литовск. plëku, teivas=tenvas, laiszis, т. е. liaiszis=leiszis, изъ lenszis и т. д.)[95]).

Упомянувъ о мнѣніи Куна и Шерера, Шмидтъ замѣчаетъ (стр. 140): „Beide gelerten haben nur darauf hin gewisen, dass in jüngeren sprachperioden (neuhochdeutsch, englisch) *î*, *û* zu ei (ai), au werden, und somit nur die möglichkeit dar getan, dass im urindogermanischen ein gleiches geschehen sei, aber das tatsächliche vorhandensein von *î*, *û* an stelle eines späteren ai, au nicht auf gezeigt, was ich hier mit einigen beispilen versuchen will". Примѣры, сообщаемые имъ далѣе изъ языковъ санскритскаго, древнебактрійскаго, греческаго и нѣмецкаго, должны показать или долготу тамъ, гдѣ, согласно съ общимъ правиломъ, надо было бы ожидать дифтонга (который дѣйствительно является въ нѣкоторыхъ языкахъ), или же спорадическое измѣненіе долгой гласной въ дифтонгъ въ томъ или другомъ изъ этихъ языковъ. Но Шмидтъ, какъ мнѣ кажется, заблуждается относительно природы дифтонговъ, происходящихъ изъ долгихъ гласныхъ. Когда мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ языкѣ переходъ одного звука въ другой, мы должны опредѣлить себѣ, ка-

---

[95]) Сюда же, между прочимъ, принадлежатъ лит. (людвиновск.) tais, jais, geraises, изъ tans, jans, geranses (см. выше), а также лесб. παῖσα, μοῖσα и т. под. Іог. Шмидтъ ошибочно, по моему мнѣнію, выводитъ здѣсь іоту изъ сигмы (Vocalismus, стр. 112).

кія общія причины руководятъ этимъ переходомъ, т. е. совершается ли онъ вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ звуковъ или слоговъ, или вслѣдствіе смѣшенія одного звука съ другимъ, очень близкимъ къ нему (напр. смѣшеніе r и l), или, наконецъ, вслѣдствіе физіологической потребности (извѣстнаго языка въ опредѣленномъ періодѣ его жизни). Въ первыхъ двухъ случаяхъ, и особенно во второмъ, измѣненіе одного звука въ другой можетъ оставаться явленіемъ болѣе или менѣе спорадическимъ (но можетъ обращаться и въ законъ); въ третьемъ же случаѣ оно необходимо проходитъ черезъ весь строй языка. Очевидно, что обращеніе *î*, *û* въ ai, au есть слѣдствіе физіологической потребности, т. е. неудобства, ощущавшагося при произнесеніи *î* и *û*; о вліяніи сосѣднихъ звуковъ или слоговъ здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи, но это также и не смѣшеніе двухъ родственныхъ звуковъ, ибо *î* и û существеннымъ образомъ разнятся отъ ai и au. При поверхностномъ взглядѣ переходъ *î*, *û* въ ai, au можетъ казаться явленіемъ противорѣчащимъ общему стремленію языка, выражающемуся въ паденіи звуковой формы, но болѣе внимательный взглядъ не замедлитъ обнаружить истинную причину этого явленія.

Извѣстно, что исторія звуковъ представляетъ намъ рядомъ съ ассимиляціей совершенно противоположное стремленіе къ диссимиляціи. Только тотъ, кому чуждо наблюденіе надъ языкомъ, способенъ былъ бы усмотрѣть въ этомъ соединеніи двухъ противоположныхъ стремленій нѣчто невѣроятное. Въ дѣйствительности же оба стремленія одинаково имѣютъ физіологическое основаніе и объясняются удобствомъ произношенія: ассимиляція избѣгаетъ различія, диссимиляція—полнаго тождества. Въ обращеніи *î*, *û* въ ai, au я вижу диссимиляцію; здѣсь не было вліянія сосѣднихъ звуковъ, но диссимиляція все таки могла имѣть мѣсто, вслѣдствіе того, что *î*, û распадаются на ii, uu. Это стремленіе къ диссимиляціи не коснулось звука â, но нѣтъ никакой необходимости думать, что переходъ *î*, *û* въ ai, au долженъ былъ сопровождаться соотвѣтствующимъ измѣненіемъ и звука â. Какъ скоро, однако, въ извѣстномъ языкѣ (или въ діалектѣ) появляется образованіе ai (ei) или au (ou) изъ *î*, *û*, оно непремѣнно проходитъ черезъ весь строй языка, и я не могу поэтому согласиться съ Шмидтомъ, который допускаетъ спорадическое образованіе дифтонговъ изъ долгихъ гласныхъ. Иной вопросъ, конечно, можемъ ли мы надѣяться найти въ индоевропейскихъ языкахъ остатки тѣхъ *î*, *û*, которыя образовывали

изъ себя дифтонги ai, au еще до раздѣленія индоевроп. языка. Невозможнаго въ этомъ, конечно, нѣтъ, такъ какъ дифтонги ai, au вовсе не вели за собою немедленнаго исчезновенія тѣхъ *î, û*, изъ которыхъ они происходили; *î* и ai, *û* и au могли существовать въ языкѣ въ теченіе извѣстнаго времени въ качествѣ варіантовъ, но то же самое физіологическое стремленіе, которое обращало долгія гласныя въ дифтонги, должно было, наконецъ, дать этимъ послѣднимъ рѣшительное господство. Въ настоящее время я не беру на себя разбора всѣхъ тѣхъ примѣровъ, которые приводитъ Шмидтъ съ цѣлью доказать присутствіе въ индоевроп. языкахъ остатковъ „eines fossilen Vorguna“, но долженъ замѣтить, что вообще я склоненъ видѣть параллельныя образованія тамъ, гдѣ Шмидтъ принимаетъ тождество. Такъ, напр., др. бактр. çtaora, греч. ταῦρος, слав. *туръ*, литовск. tauras, готск. stiur я отдѣляю отъ сскр. sth*û*ra „плотный, крѣпкій“, двн. st*û*ri „magnus“, [96]): по моему мнѣнію, мы имѣемъ здѣсь два индоевроп. слова (съ различными значеніями), а не одно. Точно такъ же и сскр. g*û*hati я не отождествляю съ др. бактр. gaozaiti, греч. κεύθει, но вижу въ нихъ два различныя образованія: долгота *û* въ сскр. g*û*ha- произошла подъ вліяніемъ бывшаго нѣкогда n, т. е. gûha- предполагаетъ болѣе древнюю основу * gundha- * gunha-, (ср. gu*ṇṭ*h= guh). Иначе была бы непонятна аномалія, представляемая этимъ глаголомъ, такъ какъ аналогія другихъ глаголовъ требовала здѣсь дифтонга. Но есть случаи, въ которыхъ мы обязаны признать для индоевроп. языка, въ періодъ раздѣленія, долгія гласныя *î* и *û*, и гдѣ нѣтъ даже никакихъ основаній предполагать существованіе ai, au, какъ варіантовъ при *î* и *û*. Такъ, напр., сскр. dh*û*ma, греч. θυμός, лат. fumus, литов. d*û*mai (множ. ч.), ст. слав. дымъ указываютъ, конечно, на индоевроп. * dhûma-, и двн. toum не можетъ имѣть значенія въ виду согласія, представляемаго прочими языками; toum или восходитъ къ другой индоевроп. формѣ, или объясняется изъ какого нибудь спеціальнаго закона (неизвѣстнаго мнѣ), дѣйствовавшаго въ двн. языкѣ. Сравни далѣе: сскр. s*û*nu, литовск. s*û*nus, ст. слав. сынъ; сскр. v*î*ra, литовск. vyras; сскр. *ǵî*va, лит. gyvas, ст. слав. живъ, лат. vivus и т. д. Спрашивается: почему же эти

---

[96]) Въ двн. stiuri = stûri дифтонгъ iu не долженъ быть сравниваемъ съ iu въ готск. stiur, такъ какъ stiuri произошло изъ stûri, вслѣдствіе перегласовки (Umlaut'a) û подъ вліяніемъ послѣдующаго i.

ī, ū не обратились въ ai, au? Я не могу видѣть здѣсь уклоненія отъ общаго правила, такъ какъ то физіологическое стремленіе, въ силу котораго являлись дифтонги изъ ī, ū, не допускало, по моему мнѣнію, подобныхъ уклоненій; слѣдовательно, должна была существовать разница между ī въ * gīva и ī въ * dīva, откуда * daiva (сскр. deva и т. д.). Чтобы опредѣлить эту разницу, я долженъ прибѣгнуть къ гипотезѣ, которая, можетъ быть, не покажется неправдоподобною: я думаю, что въ индоевроп. языкѣ (въ извѣстномъ періодѣ его жизни) долгія гласныя ī и ū обращались въ дифтонги только тогда, когда съ ними соединялось удареніе. Очевидно, что удареніе, соединяясь съ долготою, особенно благопріятствовало появленію диссиммиляціи въ ī, ū, такъ какъ, падая лишь на одну часть долгой гласной, оно тѣмъ яснѣе выставляетъ ī и ū въ качествѣ ii, uu. Число индоевроп. основъ съ дифтонгами ai и au значительно больше числа основъ съ долгими гласными ī и ū, и это показываетъ, что удареніе охотно соединялось съ долготою, хотя необходимой связи между ними не было, и мы не должны объяснять происхожденіе долгихъ гласныхъ въ индоевроп. языкѣ вліяніемъ ударенія. Нѣтъ причины думать, что долгія гласныя моложе краткихъ [97]): долгота и краткость одинаково восходятъ, по моему мнѣнію, къ той эпохѣ, когда количество гласной не было опредѣленнымъ, т. е. когда въ одномъ и томъ же корнѣ гласная могла быть и долгою и краткою. Съ теченіемъ времени, когда артикуляція пріобрѣла большую опредѣленность, краткія гласныя легко могли получить преобладаніе надъ долгими, въ силу стремленія языка къ сокращенію звуковой формы; мы можемъ думать, что тамъ, гдѣ долгота осталась, языкъ соединялъ съ нею извѣстный оттѣнокъ въ значеніи. Колебаніе между краткостью и долготою всего долѣе существовало въ конечныхъ гласныхъ (т. е. въ концѣ словъ), и потому-то въ корняхъ, оканчивающихся на гласную, мы находимъ эту гласную какъ краткою, такъ и долгою. Даже въ позднѣйшемъ періодѣ жизни индоевроп. языка могла еще сохраняться та же неопредѣленность гласнаго окончанія, какъ это показываютъ, напр., частицы (предлоги и т. д.), оканчивающіяся на гласную. Можетъ быть, и здѣсь употребленіе вносило нѣкоторое различіе между долгою и краткою гласною, хотя во всякомъ

97) Понятно, что я исключаю отсюда всѣ тѣ случаи, гдѣ долгота развивается подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ.

случаѣ это различіе не могло быть существенно, между тѣмъ какъ напр., при употребленіи основъ * akva- (сскр. açva и т. д.) и akvâ- языкъ соединялъ съ разницею количества гласной различіе въ родѣ. Не „родъ“ создалъ долготу гласной въ * akvâ-, но прежде уже существовавшая долгота послужила средствомъ для звуковаго отличія женск. рода отъ мужеск. Подобнымъ же образомъ мы различаемъ по значенію „обязывать“ отъ „обвязывать“, хотя никто но думаетъ, конечно, что стремленіе выразить это различіе создало форму „обязывать“ изъ „обвязывать“.

Примѣняя добытое нами къ медіальн. окончаніямъ, мы должны признать, что индоевроп. -mai, -sai, -tai образовались изъ -mî, -sî, -tî, съ удареніемъ на î [98]). Корни mî, sî, tî, были варіантами корней mi, si, ti, подобно va въ * akvâ- рядомъ съ va въ akva-. Далѣе, какъ при употребленіи * akva и * akvâ- языкъ различалъ „родъ“ при помощи количества гласной, такъ и варіанты -mi и -mî (= mai) получили различныя значенія: съ болѣе сильнымъ окончаніемъ языкъ сталъ соединять и бо̀льшую интензивность смысла, и такимъ-то образомъ создалась грамматическая категорія медіума.

До сихъ поръ я говорилъ лишь о такъ называемыхъ первичныхъ медіальныхъ окончаніяхъ. По отношенію къ вторичнымъ вопросъ усложняется тѣмъ, что трудно вывести индоевроп. формы для нѣкоторыхъ лицъ, но, напр., несомнѣнно, что 2-е и 3-е л. ед. чис. имѣли въ періодъ раздѣленія индоевроп. языка, между прочимъ, слѣдующія вторичныя окончанія: 2-е л. въ дѣйствит. залогѣ -s, въ медіумѣ -sa; 3-е л. въ дѣйствит. залогѣ -t, въ медіумѣ -ta. Эти окончанія принято объяснять такимъ образомъ, что -s и -t выводятъ изъ первоначальн. -si и -ti (какъ и -m въ 1-мъ лицѣ изъ -mi), а для -sa и -ta предполагаютъ происхожденіе изъ sasi, sas; -tati, -tat. Противъ объясненія -s, -t (и -m) изъ -si, -ti (и -mi) нельзя выставить, конечно, серьезныхъ возраженій, такъ какъ отпаденіе конечной гласной (не прикрытой удареніемъ) извѣстно и помимо того изъ индоевроп. языка; ср., напр., -s въ окончаніи именит. пад. ед. ч. изъ -sa, -t въ именит. винит. пад. средн. рода мѣстоименій изъ *ta, и т. д. Но не такъ легко согласиться съ объясненіемъ -sa, -ta изъ -sasi, -sas; -tati, -tat: конечная

[98]) Отсюда нельзя еще заключать, что и въ окончаніяхъ mi, si, ti удареніе стояло на i.

гласная і могла отпасть здѣсь по той же причинѣ, какъ и въ -s, -t, изъ -si, -ti, но почему мы находимъ -sa и -ta, а не -sas и -tat? Возможно то, что въ индоевропейск. языкѣ, въ періодъ его раздѣленія, не каждая согласная допускалась въ концѣ слова, но именно для -s, -t (и -m) мы имѣемъ доказательства въ пользу ихъ существованія въ концѣ словъ; совершенно непонятно было бы поэтому отпаденіе -s и -t въ -sa и -ta. Защитники той теоріи, по которой окончанія -sa и -ta произошли изъ -sas и -tat ссылаются иногда на греч. -μην и сскр. -thâs (во 2-мъ лицѣ ед. ч.), въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, удержалась согласная (отпало только i). Шлейхеръ, однако, былъ правъ въ томъ отношеніи, что не рѣшался высказать рѣшительное мнѣніе касательно сскр. -thâs, греч. -μην и во всякомъ случаѣ не ставилъ эти окончанія основаніемъ для цѣлой теоріи. Дѣйствительно, эта теорія, на слабую сторону которой я уже указалъ, не можетъ искать себѣ существенной поддержки въ сскр. -thâs, греч. -μην. Если -μην произошло изъ индоевроп. -mami, -mam, то, во-первыхъ, спрашивается, почему же индо-эранск. -a [99]) (изъ -ma, какъ -e изъ -me =mai) утратило конечное m, а во-вторыхъ, долгота гласной въ греческ. -μην также должна потребовать объясненія. Я думаю, что греч. -μην можетъ быть поставлено рядомъ съ -την (=сскр. -tâm), какъ на это указывали, между прочимъ, Шлейхеръ и Бенфей [100]), и въ конечномъ ν въ -μην не слѣдуетъ видѣть поэтому остатка перваго личнаго мѣстоим. ma. Что же касается сскр. -thâs, то я долженъ признаться, что вовсе не понимаю происхожденія этого окончанія, которое стоитъ особнякомъ въ ряду другихъ и не находитъ соотвѣтствія даже въ др. бактрійск. языкѣ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи др. бактрійск. и греческ. языковъ мы въ правѣ вывести индоевроп. -sa для 2-го л. ед. ч. въ медіумѣ; сскр. -thâs можетъ восходить къ какому нибудь параллельному образованію, подобно тому какъ рядомъ съ -sa существовало въ индоевроп. языкѣ и -sva. Понятно, что первою частью въ -thâs является та же основа tha- (изъ sta), которую мы находимъ и въ дѣйствительномъ залогѣ, но принципъ, по которому образовано -thâs,

---

[99]) Является только въ желательн. наклоненіи. Обыкновенное такъ называем. вторичное окончаніе 1-го л. ед. ч. въ индо-эранск. медіумѣ есть -i, которое объясняютъ изъ -a, что однако, можетъ казаться сомнительнымъ.

[100]) Шлейхера Compend., стр. 689; Бенфея Ueber einige Pluralbildungen des indogermanisch. Verbum, стр. 38.

для меня не ясенъ. Курціусъ, придающій столь важное значеніе сскр. -thâs (какъ и греч. -μην), не разъяснилъ, однако, происхожденія здѣсь долготы, которая не могла бы появиться, еслибъ -thâs образовалось изъ первоначальн. -tvasi, -tvas.

По моему мнѣнію, такъ называемыя вторичныя медіальныя окончанія произошли, по крайней мѣрѣ—отчасти, вслѣдствіе причинъ фонетическихъ, подобно первичнымъ окончаніямъ. Активныя формы * abharas, * abharat я вывожу изъ * abharasa, * abharata, гдѣ мѣстоименные корни sa и ta имѣютъ то же значеніе, что si и ti въ * bharasi, * bharati; языкъ воспользовался существованіемъ мѣстоименныхъ варіантовъ, чтобы отличить этимъ одни глагольныя образованія отъ другихъ. Но какъ -si, -ti могли имѣть гласную долгую (откуда -sai, -tai), такъ и -sa, -ta существовали рядомъ съ -sâ, -tâ; съ болѣе сильными окончаніями соединялась и здѣсь интензивность значенія, и медіальн. -sa, -ta я объясняю именно изъ этихъ -sâ, -tâ. Одновременно съ тѣмъ, какъ активныя -sa, -ta теряли конечную гласную, медіальныя -sâ, -tâ обращались въ -sa, -ta, хотя въ эпоху раздѣленія индоевроп. языка долгота здѣсь не исчезла еще совсѣмъ, ибо въ Ведахъ конечная гласная этихъ окончаній является иногда долгою (въ текстѣ „saṁhitâ"). Подобнымъ же образомъ объясняется отношеніе между -anta и -ant въ 3-мъ л. множ. ч., равно какъ рядомъ съ активнымъ -m (изъ -ma) въ 1-мъ л. ед. ч. мы находимъ медіальн. -ma (-mâ) въ индо-эранск. -a (-â) и въ первой части греческ. -μην. Далѣе, для 1-го л. множ. ч. мы можемъ предположить медіальн. -madhâ, -madha при активн. -madha, -madh (-ma, гдѣ dh отпало, можетъ быть, еще въ индоевроп. языкѣ); греческ. -μεθα или восходитъ къ -madhâ, или же стоитъ въ связи съ эол. -μεθεν и съ тѣмъ -μεθον, которое приводится въ грамматикахъ какъ окончаніе двойствен. числа [101]). Греческ. -σθε указываетъ на индоевроп. -sdhva (=-sdhvâ; ведійск. -dhva засвидѣтельствовано слишкомъ недостаточно), между тѣмъ какъ въ соотвѣтствующемъ активномъ окончаніи является, повидимому, другая основа, и сскр. -ta, греч. -τε (перенесенное и въ настоящ. время) могутъ объясняться изъ -tadha, -tadh, подобно -ma изъ -madha, -madh. Такого рода несоотвѣтствіе не заключаетъ въ себѣ, конечно, ничего удивительнаго,

[101]) Относительно сомнѣній, которыя возбуждало -μεθον, см. у Курціуса, Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 97—98.

ибо въ распоряженіи языка было нѣсколько образованій, получившихъ одно и то же значеніе. Припомнимъ, что и въ такъ называем. первичныхъ окончаніяхъ замѣчается такое же несоотвѣтствіе основъ между активн. -masi, -tasi и медіальн. -madhai, -sdhvai. На это обстоятельство долженъ обратить вниманіе тотъ, кто нашелъ бы сомнительнымъ признанное мною выше окончаніе -n въ 1-мъ л. ед. ч. на томъ лишь основаніи, что это n не является въ соотвѣтствующемъ окончаніи медіума; но вѣдь, напр., и рядомъ съ активн. -dhi (во 2-мъ л. ед. ч. повелит. наклон.) мы не находимъ медіальнаго -dhai, хотя и не можемъ утверждать, чтобы это послѣднее окончаніе никогда не существовавало въ индоевроп. языкѣ.

Изъ сказаннаго мною слѣдуетъ, между прочимъ, то, что термины „первичный", „вторичный", примѣняемые къ глагольнымъ окончаніямъ, не вѣрны: такъ называемыя вторичныя глагольныя окончанія, разсмотрѣнныя выше, не произошли изъ первичныхъ, но представляютъ собою исконныя параллельныя образованія. Ради практическаго удобства мы можемъ называть одни глагольныя окончанія первыми, другія вторыми, но въ такомъ случаѣ придется присоединить къ нимъ еще третьи окончанія, именно тѣ, въ концѣ которыхъ мы находимъ согласн. *m* (греч. ν), какъ напр., въ сскр. -tâm, -tham, -dhvam, греч. -την, -τον, -μην, -μεθεν и т. д. Относительно происхожденія этого *m* я не могу ничего сказать и долженъ лишь повторить слова Курціуса: „Ich fürchte, wir müssen hier dies *m* vorläufig als ein x stehen lassen, dessen Erklärung der Zukunft überlassen bleiben muss" [102]).

VIII.

Въ первой главѣ я указывалъ на то, что колебаніе между конечными â и âu замѣчается въ древнеиндійск. языкѣ, кромѣ перфекта (въ 1-мъ и въ 3-мъ л. ед. ч.) и мѣстн. пад. ед. ч. основъ на -*i*, также и въ именит. винит. пад. двойств. ч., напр. açvinâ (въ Ведахъ)=açvinâu (въ Ведахъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ). Боппъ предполагалъ, что сскр. -âu произошло изъ -âs черезъ вокализированіе s, а въ -âs онъ видѣлъ усиленіе того -as, которое составляетъ окончаніе именит. пад. множ. ч. Въ ведійск. -â Боппъ при-

---

102) Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 73.

знавалъ укороченное -âu, и съ этимъ -â, др. бактр. -*a* (но также -â) онъ приводилъ какимъ-то образомъ въ связь греческ. -ε [103]); наконецъ, и литовск. -uo, -u должно было по его мнѣнію объясняться также изъ -â. Очевидно, что противъ каждаго изъ этихъ соображеній могутъ быть выставлены сильныя возраженія, и я не вижу возможности согласиться съ тѣмъ или другимъ пунктомъ. Но и объясненіе, данное Шлейхеромъ, на столько же неудовлетворительно. Шлейхеръ говоритъ: „Die endung war ursprünglich wol -sâs, denung des pluralen -sas, darauss -âs, wie im plural -as auss -sas; für die indogermanische ursprache sind also wol formen wie * vâk-âs, * sunuv-âs u. s. f. vorauss zu setzen“ [104]). Слѣдовательно, первое s въ -sâs предполагается здѣсь только по аналогіи съ тѣмъ -sas, которое можетъ являться въ именит. пад. множ. ч., и Шлейхеръ, какъ мы видимъ, самъ признаетъ, что въ періодъ раздѣленія индоевроп. языка это s уже не существовало. Но и конечное s въ -sâs также не можетъ быть доказано, ибо та древнебактрійск. форма (ameretâtâoç-ca, ameretâoç-ca), на которую ссылается Шлейхеръ, легко объясняется иначе [105]). Что касается сскр. -âu, то Шлейхеръ видитъ въ этомъ дифтонгѣ „помутившееся“ â, противъ чего, однако, выставлены мною выше возраженія. Происхожденіе греч. -ε онъ не объясняетъ, такъ какъ нельзя назвать объясненіемъ слѣдующія слова: „Dieser casus (nominat. accusat. dual.) hat überall ε zur endung als rest von -âs, -â“. Въ литовск. -uo, -u въ tuo-du, vilku Шлейхеръ видитъ окончаніе, принадлежавшее первоначально основамъ на -u (sunu) и перенесенное впослѣдствіи въ основы на -*a*; но отъ -avâs до -uo, -u большой переходъ, и я желалъ бы встрѣтить примѣры,

---

103) Vgl. Gram, I, § 209: «Von der Veda-Endung â und dem im Zend dafür stehenden kurzen *a* gelangt man leicht zum griechischen dualen ε, da dieser Vocal am Ende sehr gern das alte *a* vertritt».

104) Compend., стр. 537.

105) См. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, XXV, 231, гдѣ Ротъ объясняетъ ameretâoç-ca въ значеніи именит. пад. ед. ч., т. е. изъ ameretâts, съ правильнымъ переходомъ ts въ ç и съ измѣненіемъ â âo (котор. этимологически соотвѣтствуетъ первонач. â). То же объясненіе распространяется, конечно, и на ameretâtâoç-ca, haurvâoç-ca, haurvatâoç-ca. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, контекстъ не позволяетъ принимать эти формы за именит. пад. (напр. Y. 34, 11), и тамъ я вижу родит. пад. двойств. ч., который и безъ того засвидѣтельствованъ въ этихъ именно формахъ; въ древнебактр. языкѣ родительн. пад. (собств. родительн. раздѣлительн.) употребляется иногда очень свободно и можетъ замѣнять винительн. (для множ. ч. см. примѣры въ грамматикѣ Шпигеля, стр. 289).

которые позволили бы предполагать для литовск. языка отпаденіе долгаго -âs.

По моему мнѣнію, неудовлетворительность выводовъ Боппа и Шлейхера по этому вопросу проистекала изъ того, что они не различали въ именит. винит. пад. двойств. ч. двухъ окончаній. Извѣстно, что сравнительная грамматика выводитъ для двойственнаго числа три падежныхъ окончанія, существовавшія въ индоевропейск. языкѣ въ періодъ его раздѣленія: одно принадлежитъ именит. винит. звательн. пад. (женск. и средн. родъ въ основахъ на *-a*, -â могутъ отличаться по окончанію отъ основъ мужеск. р. на *-a*), другое — дательн. и творительн. и третье — родительн. и мѣстн. Однако, даже на основаніи Компендіума Шлейхера можно предположить, что число падежныхъ окончаній двойств. ч. доходило въ индоевроп. языкѣ (въ періодъ его раздѣленія) до четырехъ. Шлейхеръ отказывается вывести индоевроп. форму родит. мѣстн. пад. въ этомъ числѣ, и дѣйствительно, изъ сравненія санскритскаго, древнебактрійск. и старославянск. языковъ получаются два окончанія, а не одно. Первоначально каждое изъ этихъ окончаній выражало, конечно, лишь одинъ изъ двухъ падежей, но мы не обязаны думать, что такъ было и въ эпоху раздѣленія индоевроп. языка. Напротивъ, тотъ фактъ, что въ санскритск., старославянск. и кельтск. языкахъ мы находимъ здѣсь лишь одно окончаніе, объясняется именно при томъ предположеніи, что уже въ индоевроп. языкѣ оба окончанія употреблялись безразлично для двухъ падежей, подобно тому какъ безразлично они употребляются и въ древнебактрійск. языкѣ. Въ этомъ предположеніи нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что возможность смѣшенія падежн. окончаній въ индоевроп. языкѣ засвидѣтельствована творит. пад. ед. ч. Сравнительная грамматика открываетъ, какъ извѣстно, два окончанія для этого падежа въ ед. ч. (по Шлейхеру, -bhi и -â; по моему выводу, -bhi и -ân), хотя ни въ одномъ изъ языковъ, гдѣ они сохранились оба, не существуетъ между ними различія въ употребленіи. Шлейхеръ былъ правъ, однако, дѣлая слѣдующее заключеніе: „Da der instrumentalis auch zwei verschidene functionen hat, indem er sowol das verbundensein, als das mittel und werkzeug bezeichnet, so ligt es nahe zu vermuten, dass jeder diser functionen ursprünglich eines der beiden suffixe entsprochen habe, von denen jedoch im vor ligenden zustande der sprache ein jedes beide

zeigt“ [106]). Такое же смѣшеніе падежн. окончаній вижу я и въ именит. вин. пад. двойств. ч.

Близкое родство двойств. ч. съ множеств., принимаемое Боппомъ и Шлейхеромъ, не подлежитъ, мнѣ кажется, никакому сомнѣнію, и двойств. ч. представляется образовавшимся изъ множ. ч. Именит. пад. двойств. ч. отличался въ индоевроп. языкѣ отъ именит. множ. ч. тѣмъ, что не имѣлъ въ окончаніи согласной s, и потому при именит. множ. ч. * varkâs (т. е. varka-as), * vâk-as именит. двойств. ч. звучалъ * varkâ, * vâka. Отсюда, какъ мы видимъ, легко объясняются греч. λύχω, ὄπε, ст. слав. раба. Шлейхеръ безъ достаточныхъ основаній предполагаетъ, что первоначальн. окончаніемъ именит. пад. множ. ч. было -sas, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что первое s исчезло еще въ индоевроп. языкѣ во всѣхъ основахъ, за исключеніемъ основъ на -a, -â. Дѣйствительно, въ Ведахъ мы находимъ рядомъ съ именит. пад. множ. ч. devâs также и devâsas, въ Авестѣ açpâ (açpa) и açpâoňho, въ клинообразныхъ надписяхъ martiyâ и bagâha; но уже то обстоятельство, что обѣ формы употреблялись одновременно какъ въ индо-эранск. языкѣ, такъ и позже, дѣлаетъ сомнительнымъ предположеніе, по которому açvâs произошло изъ açvâsas. При томъ же, другіе индоевроп. языки не представляютъ окончанія -âsas, между тѣмъ какъ индо-эранскому açvâs соотвѣтствуютъ готск. vulfos, оскск. Nuvlanus, умбр. Ikuvinus; подобнымъ же образомъ и въ женск. родѣ индо-эранск. açvâsas не находитъ соотвѣтствія въ другихъ индоевроп. языкахъ, между тѣмъ какъ форма açvâs тождественна, напр., съ литовск. rankos, готск. gibos. Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе предполагать для индоевропейск. языка именит. мн. ч. * akvâs, (какъ это принимаетъ и Боппъ), изъ akva+as, подобно * vâkas, изъ vâk-as; форма же на -âsas представляетъ или параллельное индоевропейск. образованіе (но * akvâs во всякомъ случаѣ произошло не изъ * akvâsas), или, что мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, спеціальное индо-эранское. Слѣдовательно, выведенная мною форма именит. пад. двойств. ч. вполнѣ согласуется съ формою именит. множ. ч. Ведійскій именит. винит. пад. двойств. ч. devâ (какъ и др. бактр. açpâ, açpa) могъ бы восходить къ индоевроп. * daivâ (ср. греч. λύχω, ст. слав. раба), но форма marutâ не нашла бы здѣсь объясненія, такъ какъ въ основахъ на согласную именит.

---

106) Compend., стр. 577.

пад. двойств. ч. долженъ былъ оканчиваться въ индоевроп. языкѣ на -a (греч. -ε), подобно именит. множ. ч. на -as. Рядомъ съ devâ, marutâ въ Ведахъ встрѣчаются формы devâu, marutâu, которыя въ позднѣйшемъ санскритѣ господствуютъ исключительно, а мы уже знаемъ, какъ должно объяснять древнеиндійск. -*â* = -âu въ концѣ формъ; въ devâ=devâu, marutâ=marutâu мы имѣемъ, слѣдовательно, первоначальный винит. пад. двойств. ч.: * daivân, * marutân. Къ подобному же заключенію приводитъ насъ и литовск. vilku, гдѣ -u изъ -uo, сохраняющагося въ tuo-du „эти оба" и т. д. (ср. suku, гдѣ -u изъ -ùo въ sukuo-s). Очевидно, что и греч. λύκω могло образоваться не только изъ первонач. * varkâ, но также и изъ * varkân (ср. φέρω). Полученное нами окончаніе винит. двойств. ч. -ân произошло, вѣроятно, изъ -ans, являющагося въ винит. множ. ч., подобно именит. двойств. ч. -a изъ именит. множ. ч. -as. Правда, Шлейхеръ считаетъ индоевроп. окончаніемъ винит. множ. ч. не -ans, но -ams, однако онъ не могъ бы доказать этого, такъ какъ -ams выведено имъ лишь на основаніи винит. ед. ч. на -am. Мы можемъ оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ, произошло ли это -ans изъ ams, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ надо признать, что окончаніе -ans существовало въ винит. множ. ч. задолго до раздѣленія индоевроп. языка, ибо изъ него объясняется -ân въ винит. (впослѣдствіи винит. и именит.) двойств. ч. Что касается удлинненія гласной въ -ân, то полную аналогію представляетъ дательн. творительн. пад. двойств. ч. на -bhjâm по отношенію къ дательн. множ. ч. на -bhjams (прусск. -mans). Причины, вызвавшія долготу гласной въ этихъ двухъ окончаніяхъ, были, можетъ быть, фонетическія (вліяніе группы „носовая согласн.+s").

Въ основахъ на -i и на -u именит. пад. двойств. ч. могъ образовываться троякимъ образомъ: [107]) 1) * pati-a, * paku-a, и это образованіе осталось въ греч. πόλιε, νέκυε, 2) * pataj-a, * pakav-a, въ греч. πόλεjε, γλυκέϝε, и 3) * pat*î*, * pakû, откуда формы всѣхъ другихъ индоевроп. языковъ, сохранившихъ двойств. ч., при чемъ должно замѣтить, что первонач. * pat*î*n, * pakûn (винит. пад. двойств. ч.), теряя конечное n, сливались съ * pat*î*, * pakû. Троякій именит. пад. двойств. ч. въ основахъ на -i и на -u стоитъ въ

---

[107]) Само собою разумѣется, не каждое слово должно было употребляться во всѣхъ трехъ образованіяхъ

связи съ образованіемъ въ тѣхъ же основахъ именит. множ. ч., для котораго въ индоевроп. языкѣ могутъ быть предположены слѣдующія формы: * pati-as, * paku-as; * pataj-as, * pakav-as; * patîs, * pakûs. Сравнительная грамматика не признавала до симъ поръ такихъ индоевроп. формъ, какъ * patîs, * pakûs, но на мой взглядъ онѣ (въ особенности отъ основъ на -i) достаточно засвидѣтельствованы языками литовскимъ (akys, sunûs), старославянск. (кости), готскимъ (mahteis)[108]), а равно Ведами и Авестою. Сюда же, вѣроятно, принадлежатъ и лат. ovîs, ovês (oveis, гдѣ ei выражаетъ звукъ средній между î и ê); fructûs. Подобное же разнообразіе имѣлъ въ индоевроп. яз. и родит. пад. ед. ч. отъ основъ на -i и на -u: * pataj-as, * pati-as, * patai-s; * pakav-as, * paku-as, * pakau-s, Ср. также сказанное выше о творительн. пад. ед. ч., а равно и тѣ формы аблатива (ед. ч.), какія можно вывести изъ древнебактр. и латинск. языковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ падежное окончаніе могло не имѣть гласной a или â, и конечная согласная приставлялась при этомъ непосредственно къ основамъ на -i, -u, но только эти i, u были долгими; изъ долгихъ же i, u, какъ скоро на нихъ падало удареніе, образовались и дифтонги ai, au (* pataj-as, * patai-s; * pakav-as, * pakau-s). Въ основахъ patî-, pakû и т. под. слѣдуетъ признать исконные варіанты основъ pati-, paku- и т. под.

IX.

Возвращаясь къ формѣ мѣстн. пад. nâbhâ=nâbhâu и т. под., которая дала поводъ къ изложеннымъ выше соображеніямъ, мы, я думаю, имѣемъ право предположить и здѣсь происхожденіе -â=-âu изъ -ân. Въ пользу этого говорятъ, во-первыхъ, остальные случаи, представляющіе колебаніе между â и âu въ концѣ формъ, а во-вторыхъ, древнебактрійск. мѣстн. пад. ед. ч. отъ основъ на -i: gara, uta-yûtâ, yûto и т. под. можетъ быть примиренъ съ древнеиндійск. nâbhâ=nâbhâu, agnâ=agnâu и т. под. лишь при томъ предположеніи, что древнеинд. â=âu, древнебактр. â (a), o восходятъ къ первоначальн. ân (не -an, такъ какъ мы не имѣемъ права выводить скр. âu изъ an). Очевидно, что совершенно произвольно было бы допустить

[108]) Въ настоящее время не подлежитъ уже сомнѣнію, что готск. ei выражаетъ долгое i; см., между прочимъ, Шмидта Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus, стр. 48, примѣч.

вмѣстѣ съ Шпигелемъ [109]) образованіе древнебактр. gara изъ * garayi; но эти же древнебактр. формы свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и противъ того мнѣнія, по которому сскр. nâbhâu, agnâu и т. д. вызваны аналогіею основъ на -u. [110]) Итакъ, мы не можемъ признавать для индоевроп. языка одно только окончаніе -i въ мѣстн пад. ед. ч. (въ склоненіи именъ), но должны рядомъ съ этимъ -i предположить другое окончаніе, съ согласною n. Первоначально оба окончанія разнились, конечно, по своему значенію, но еще до раздѣленія индоевроп. языка эта разница исчезла здѣсь, точно такъ же какъ, напр., въ творительн. соціативн. окончанія -ân и -bhi употреблялись безразлично со стороны значенія еще въ эпоху совмѣстной жизни индоевроп. языковъ. Понятно, что не однѣ только основы на -i имѣли въ мѣстн. пад. ед. ч. окончаніе съ согласною n, но то же окончаніе могло присоединяться и къ другимъ основамъ. Въ Авестѣ мы встрѣчаемъ формы мѣстн. пад. отъ основъ на -u: bareshna, pereto и т. под., вполнѣ соотвѣтствующія формамъ gara, yâto и т. под.; въ Ведахъ сюда принадлежатъ, можетъ быть, нѣкоторыя формы на -â отъ основъ на -a, -â, хотя, какъ я говорилъ въ Комментаріи, я не вижу возможности отличать эти формы отъ творительн. (соціативн.) падежа; наконецъ, мы увидимъ далѣе, что и литовск. языкъ представляетъ соотвѣтствующія образованія.

По поводу присутствія носовой согласной n въ мѣстн. пад. ед. ч. можно припомнить какъ in въ томъ же падежѣ мѣстоименій, такъ и окончаніе мѣстн. пад. множ. ч. (въ склоненіи именъ и мѣстоименій). Въ Beiträge (VIII, 116) я указывалъ на то, что индоевроп. окончаніемъ мѣстн. пад. множ. ч. должно было быть или -svam, или svan; носовой согласной n я отдаю теперь предпочтеніе передъ m, въ виду того, что такимъ образомъ легче понять отпаденіе носовой въ сскр. -su, др. бактр. -hva, -shva, -hu, -shu, др. персидск. -uvâ. Точно такъ же и относительно др. бактр. -y-â (-y-a), др. персидск. -y-â, -â въ мѣстн. пад. ед. ч. нельзя утверждать, что эти -â, -yâ соотвѣтствуютъ загадочнымъ сскр. âm, -y-âm

---

[109]) Grammatik der altbaktrisch. Sprache, стр. 132.

[110]) Въ дополненіе къ сказанному выше замѣчу, что Бенфей (см., напр., Kurze Sanskrit-Grammatik, стр. 296) объясняетъ вліяніе этой аналогіи родствомъ въ санскритѣ y и v; но примѣры, указываемые изъ пракрита, не имѣютъ обязательнаго значенія по отношенію къ санскриту.

(въ гласныхъ основахъ женск. р.), ибо конечная согласная m по общему правилу должна была бы удержаться въ др. бактрійск. и др. персидск. языкахъ.—Въ литовск. языкѣ мѣстн. пад. ед. ч. отъ всѣхъ именныхъ основъ, за исключеніемъ основъ на -a мужеск. р., образуется при помощи -ja, -je, для котораго Боппъ и Шлейхеръ [111]) находятъ возможнымъ предполагать родство съ сскр. yâm, но, прибавляетъ Шлейхеръ, лит. (-ja), -je можетъ имѣть также и другое происхожденіе. Дѣйствительно, если судить по другимъ случаямъ, слѣды конечнаго -m (въ видѣ n или въ видѣ носовой гласной) въ -ja, -je должны были бы сохраниться въ нѣкоторыхъ говорахъ, но этихъ слѣдовъ я не нахожу здѣсь и потому долженъ предположить, что литовск. -ja -je восходитъ или къ первоначальн. -ja, -jâ (количество гласной не можетъ быть опредѣлено), или же къ -jan, если носовая n отпала здѣсь еще въ литовско-славянск. языкѣ (когда существовало различіе между конечными m и n). Въ первомъ случаѣ съ литовск. akyje, aszvoje (женск. р.) можно было бы сравнить сскр. дательн. пад. açvâya (мужеск. р.).

Что касается именныхъ основъ мужеск. р. на -a, то онѣ образуютъ теперь въ литовск. яз. мѣстн. пад. ед. ч. на -e (pone). Обыкновенно объясняютъ это -e изъ -ai, но нѣтъ никакой возможности согласиться съ такимъ объясненіемъ: литовск. e никогда не соотвѣтствуетъ первонач. ai, точно такъ же какъ, напр., ст. слав. e мы не могли бы возводить къ индоевроп. ai. Только въ нарѣчіи namë „дома“ мы находимъ дифтонгъ ë, который могъ бы быть объясняемъ изъ ai, но нельзя думать, что -e въ pone произошло изъ -ë, такъ какъ переходъ ë въ e невозможенъ. Въ литовскихъ книгахъ я нахожу иногда въ окончаніи мѣстн. пад. pone, dëve и т. д. гласную ė (dëvė), и это же ė является передъ -je (-ja) въ формахъ dëvėje, ponėje и т. под. Можно, конечно, объяснять ponė изъ ponėje, но вопросъ въ томъ, какъ образовалось ė въ -ėje. По аналогіи съ aszvoje, akyje, sunuje мы ожидали бы * ponoje или * ponaje (ср. латышск. діалектич. vakara-ja), откуда слѣдуетъ, что форма ponėje образована иначе, чѣмъ aszvoje, akyje, sunuje. Я думаю, что въ ponėje къ мѣстн. пад. ponė прибавлено другое окончаніе, -je (по аналогіи остальныхъ основъ), подобно тому какъ въ tuomi или въ діалектич. vilkumi форма творит. пад. tuo, vilku соединена съ новымъ окончаніемъ того же

---

111) Vgl. Gram., I, § 202; Compend., стр. 569.

пад.: -mi. Слѣдовательно, господствующая форма мѣстн. пад. pone произошла изъ ponė (извѣстно, что конечное ė охотно сокращается въ е), а ė могло быть образовано здѣсь изъ а подъ вліяніемъ носовой n еще въ ту эпоху, когда дѣлалось различіе между конечными m и n, т. е. въ литовско-славянск. языкѣ. Припомнимъ, что и въ вѣдѣ конечное ѣ есть ė, изъ первонач. an. Въ ст. слав. языкѣ въ соотвѣтствіе съ литовск. -ė, -е въ окончаніи мѣстн. пад. мы ожидали бы -ѣ, но то ѣ, которое намъ извѣстно въ этихъ формахъ, есть не ė, но дифтонгъ (литовско-славянск. ai), такъ какъ гортанныя к, г, х передъ ѣ=ė должны были измѣняться въ ч, ж, ш, а не въ ц, з, с. Слѣдовательно, ст. слав. ѣ въ бозѣ и т. под. должно быть сравниваемо съ прусск. -ai (напр. wirdai) латышск. -á (изъ -ái, которое сохраняется въ діалектахъ), а не съ литовск. -ė, -е.

Итакъ, конечное n въ мѣстн. пад. ед. ч., выведенное мною изъ nábhâ=nábhâu, др. бактр. gara, bareshna, можетъ находить подтвержденіе и въ литовск. яз. Но трудность, разрѣшить которую удовлетворительнымъ образомъ я не въ состояніи, все таки остается: какимъ путемъ формы nábhâ=nábhâu, bareshna произошли отъ основъ nábhi, bareshnu-? Боппъ, объяснявшій agnâu изъ * agnâs, видѣлъ здѣсь выпаденіе тематической гласной и ссылался на sakhyâu, patyâu (отъ sakhi-, pati-). Эти послѣднія формы, однако, могутъ быть поняты нами совершенно въ иномъ свѣтѣ: извѣстно, что основы sakhi-, pati- въ нѣкоторыхъ падежахъ иначе поступаютъ съ тематическ. гласною, чѣмъ остальныя основы на -i; можно думать поэтому, что и мѣстн. пад. agnâu образованъ не изъ * agnyâu (какъ sakhyâu), но другимъ путемъ. Изъ сравненія дательн. пад. agnay-e и т. под. съ sakhy-e, paty-e или родительн. аблат. agne-s (т. е. agnai-s) и т. под. съ sakhy-us, paty-us легко придти къ тому заключенію, что и въ мѣстн. agnâu, nâbhâu и т. под. падежное окончаніе приставлено къ основѣ agnai-, nábhai-, а не къ agni-, nábhi-. Такимъ образомъ для формъ * agnân, * nâbhân (откуда agnâ=agnâu, nâbhâ=nabhâu) я предполагаю происхожденіе изъ * agnay-an, * nâbhay-an. Окончаніемъ мѣстн. пад. я принимаю здѣсь -an, а не ân, такъ какъ, во-первыхъ, мы встрѣтили уже выше -ân въ творительн. соціативн., а во-вторыхъ, литовск. -ė (-е) указываетъ также на -an, а не на -ân. Слѣдовательно, въ sakhyâu, patyâu (какъ будто изъ * sakhyân, * patyân) образованіе дифтонга âu вызвано аналогіею дру-

гихъ основъ на -i. Изъ сравненія сскр. agnâu и т. д. съ др. бактр. gara и т. д. можно заключать, что стяженіе -ayan въ -ân послѣдовало еще въ индо-эранск. языкѣ, хотя рядомъ съ стянутыми формами здѣсь употреблялись также и полныя формы, сохраняющіяся въ др. персидск. harauvataiyâ, bâkhtraiyâ. Подобнымъ же образомъ въ др. бактр. baréshna, pereto и т. д. -ân (откуда -a, -o) произошло, повидимому, (въ ту же эпоху?) изъ -avan, и эти нестянутыя образованія мы находимъ въ др. персидск. dahyauvâ, ufrâtauvâ. Стяженіе -aya- и -ava- въ -â- представляется здѣсь явленіемъ аномальнымъ, вслѣдствіе чего мое объясненіе формъ nâbhâu, agnâu, др. бактр. gara, bareshna должно возбуждать вполнѣ основательныя сомнѣнія. Я не вижу, однако, другаго выхода и буду надѣяться, что фонетика подтвердитъ со временемъ предполагаемое мною стяженіе. Въ сскр. винословныхъ образованіяхъ ǵâpaya-, smâpaya- и т. д., отъ глаголовъ ǵi, smi и друг., не имѣемъ ли мы то же явленіе, и не произошло ли smâpaya- изъ * smayapaya-? Любопытно припомнить также винит. пад. ед. ч. gâm = др. бактр. gaṃm (въ Авестѣ рядомъ съ gâum и gaom), гдѣ индо-эранск. â должно было образоваться изъ ava; форма gavam сохраняется въ языкѣ Пали. [112]) Точно такъ же и винит. множ. ч. сскр. gâs указываетъ на стяженіе изъ формы gavas, которую мы находимъ въ Пали. Здѣсь, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ существованіи стяженія, но какія именно причины вызывали это явленіе?

[112]) См. Минаева Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пâли, стр. 29.

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно читать.
3	2 св.	yacâmahe	yaǵâmahe
5	10 „	бюло	было
7	10 „	онѣ	они
21	1 сн.	uktvâ	uktvâ;
22	12 „	vârtika	vârttika
35	6 „	barhish	barhishi
43	12 „	tegaḥ	teǵaḥ
50	11 „	говоритъ)	говоритъ
55	2 „	Spraclhiche	Sprachliche
64	1 „	tavânagaso	tavânâgaso
66	1 св.	mắnushânâm	mắnushâṇâm
„	14 сн.	dṛṇhatu	dṛṅhatu
70	4 и 5 св.	sứryasya	sử́ryasya
„	1 сн.	должно прибавить: Вмѣсто „sarvâ“ въ RV. и въ Ath.V. читается viçvâ.	
72	21 св.	caгati	carati
74	16 сн.	yahi	yâhi
107	1 св.	ayuḥ	âyuḥ
110	5 сн.	ǵanan	ǵânan
111	6 св.	padaǵńa	padaǵńâ
129	8 „	рада	pada
148	10 и 11 „	purîhha	purîsha
„	3 сн.	вмѣсто напечатаннаго должно читать: Срав. въ Nâig.-Dâivata: âindryo (въ рукоп. âindro) vâ mahânâmnyaḥ purîshayavâ lin̄goktâ vâ.	
160	13 св.	непріязненія	непріязненная
167	20 „	и имѣлъ	я имѣлъ
168	2 „	ashṭanidhanam	ashṭânidhanam
169	14 „	padastobhâs	padastobhâç

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно читать.
169	3 сн.	pavanâni	pâvanâni
170	7 „	но	не
172	9 „	ǵyotiḥ	-ǵyotiḥ
174	4 св.	a-mŕtâḥ	a-mṛtâḥ
„	8 „	parameshṭhina	parameshṭhinaḥ
175	13 „	nunudâḥ	nunudânaḥ
176	2 „	ashṭanidhanam	ashṭânidhanam
„	18 „	kshatra-pata	kshatra-pate
„	13 сн.	nâḥ	naḥ
177	7 св.	haṅ	i haṅ
178	16 „	teǵâḥ	teǵaḥ
„	3 сн.	mahâdivâkirtyam	mahâdivâkîrtyam
179	2 св.	ayushe	âyushe
„	20 „	apmâ	apâm
180	14 „	pûrvîṇâmpuru	pûrvîṇâmpurû

Вмѣсто ḥ нѣсколько разъ встрѣчается h.

ВЪ ПРИЛОЖЕНИИ.

5	17 св.	объявненія	объясненія
10	7 сн.	karishyaḥ	karishyâḥ
11	12 „	* bharami	* bharâmi
15	6 „	ѭчати, ѭкливъ	ѩчати, ѩкливъ
32	7 и 8 св.	нн нъ	не въ
33	8 „	но	на
„	9 „	ἥα	ῆα
41	13 „	ader	oder